

Путевые записки русского пастыря о священном Востоке

А.В. АНИСИМОВ

Предлагаемая вниманию читателя книга священника Александра Анисимова объединяет описание двух его путешествий на Святую Землю. Данные паломнические записки получили в конце XIX века невероятную известность, несмотря на то, что подобной литературы в то время было издано немало. Они издавались не только отдельными книгами, но и печатались в периодических изданиях. Книга адресована широкому кругу читателей.

От автора

Передавая право на второе издание моих «Путевых Записок о Священном Востоке» уважаемой книжной фирме И. Л. Тузова, я считаю нeliшним сказать несколько предварительных слов читателям оных Записок.

Два раза я имел счастье посещать Палестину как простой паломник и как пастырь, для личной душевной пользы и – для других, а в последнее время быть там и на службе при нашей русской духовной Миссии. После первого благотворного путешествия, я не думал составлять описания его, в виду имеющихся сочинений прежних пилигримов. Но когда, по прибытии на родину, я явился как подначальный к своему приснопамятному архипастырю – Савве, то он, после долгой отеческой беседы со мною обо всем виденном и слышанном мною по пути во Св. Землю и в самой Палестине, до того заинтересовался моими рассказами, что предложил изложить описание моего путешествия на бумаге, и, если оно окажется достойным, передать его для печати, особою книжкой. На мое же возражение, что мои «Путевые Записки» будут излишни, при множестве имеющихся у нас описаний подобного рода, – заметил, что «путешественник путешественнику рознь, – каждый из них смотрит в данную минуту по-своему на окружающие его предметы. Вы, как священник, могли иметь свой особый взгляд на все окружающее, взгляд совершенно отличный от взгляния и кругозора мирянина-паломника: видеть, исследовать, передумать, пережить и перечувствовать то, что последнему ни на ум, ни на сердце не всходило, и к чему он не мог по своему положению иметь и доступа». Как наилучшее подтверждение истинности этого мнения Владыки, мне пришли в тоже время на память и следующие слова одного швейцарского туриста – Бове. Известно, – говорит он, – насколько наши впечатления зависят от обстоятельств, от ветра, от воздуха, от непогоды, от тысячи мелочей, в особенности от расположения нашего духа, в данную минуту. Путешественники, которые проливали слезы при виде Иерусалима и с замиранием сердца высаживались в

Пирее, не должны обвинять в бессердечии тех, которые оставались холодными при виде сих мест. Я знаю, продолжает он, что один и тот же человек может получить сильное впечатление от предметов, на которые в другую, особую минуту смотрел бы равнодушно. – Подвинутый таким образом к делу первое всего поощрительными словами незабвенного иерарха и поддержаный в том же только что упомянутым писателем, я с охотой принялся за составление описания первого моего путешествия в Палестину, которое и было одобрено, отпечатано особой книжкой под названием «Выписки из дневника и пр.» и разошлось в тысячах экземпляров.

Так как в первое короткое мое пребывание в Палестине по случаю холеры – я успел посетить только Иерусалим и ближайшие к нему Св. Места, то я задался мыслью, при первой же возможности, предпринять вторичное путешествие в Обетованную Землю с тем, чтобы во что бы то ни стало обойти, по возможности, все исторические Свящ. Места. Вскоре, по возвращении на родину, в немощной плоти моей сказался нравственный зародыш особого, дотоле мне неведомого (да и многим) душевного недуга – тоски, необыкновенной грусти по покинутой Святой Земле и особенно по свящ. Иерусалиму. Несколько лет такого страдания стали, наконец, мне не под силу, – и вот я, для излечения этой непонятной томительной болезни, решился, скорее, чем предполагал предпринять второе путешествие туда, где Небесный Врач, в видимом образе Сына Человеческого, явно и осозательно врачевал всех недуговавших и душевно и телесно.

Второе путешествие дало мне, между прочим, материал для описания тех Св. Мест Палестины, которые не были посещены и исследованы мною в первый раз. Таким образом составилась другая книжка второго моего путешествия во Святую Землю под названием: «Путевые Записки русского пастыря о Священном Востоке», которая есть не что иное, как продолжение прежде начатого труда – в первой книжке, или – дальнейшего описания Палестины.

Но так как эти описания изданы были в разное время и в отдельных книжках, то тут сам собой сказывался недостаток:

читавший первую книжку знакомился только с одною частию Палестины – Иудею, а прочитавший вторую – с двумя другими частями – Самарию и Галилею, не имея понятия о первой,— и таким образом и первый и второй – не вполне удовлетворялись чтением «Записок» в таком виде, справедливо замечая, что первая книжка есть туловище без ног, а вторая – без головы, хотя и та и другая – и в отдельности – заслуживают лестный отзыв, ибо читаются с большим наслаждением.

И вот я счел долгом при новом издании моих Описаний (Записок) для удобства желающих сразу познакомиться с Палестиной и для вящей пользы читателей – исправить замеченное: соединить две отдельные книжки – в одну; издать их под одним общим названием – «Путевые Записки русского пастыря о Свящ. Востоке» и разделить на две части; первое путешествие составит первую часть книги, а второе – вторую часть.

Кроме сего, благодаря добрым услугам уважаемого Издателя, книжка украшена множеством прекрасных видов Свящ. Востока, а для ознакомления читающей публики с паломником и составителем «Записок» снабжена двумя его портретами в двух разновидных палестинских снимках.

Часть I

Скажи ми Господи путь, в он же пойду, яко к Тебе взял душу мою (Пс. 142:9).

Всегда я завидовал тем паломникам, которые, побывав в разных местах земного шара, означененных действиями благодетельной десницы Божией, рассказывали потом в кругу своих родных и знакомых – что они видели сами или слышали от других об известной, замечательной в каком-либо отношении, святыне и о нравственном влиянии оной на сердце человеческое. Но особенно я с живым интересом и глубоким настроением духа внимал рассказам о местах, освященных стонами Богочеловека Иисуса. О, как в те минуты мне желалось лично перенестись, во мгновение ока, в те места и самому с услаждением созерцать их своими нечистыми очами, проследовать своими, косными на добро, ногами и прильнуть к ним своими грешными устами! Искра такого святого желания глубоко заронилась в мою душу и – все тела и тела: так как я за служебными обязанностями не мог рассчитывать на беспрепятственный выезд, бросив на произвол и все и вся. Таким образом прошло пять лет. Наконец, страшный пожар 1872 года, испепеливший лучшую часть нашего города и, только при чудной помощи Божьей не коснувшись нашего жилища, усилил во мне святое желание посетить св. места Палестины и возблагодарить Господа Спасителя за Его видимое, великое благодеяние к нам грешным, на самом месте Его рождения, смерти и воскресения; а новый страшный пожар 1875 г. июня 10-го дня, опять сильно угрожавшей нашим постройкам, а равным образом и моя долговременная болезнь, ослабившая мой организм до плачевного состояния физических сил и безнадежности на земную помощь, окончательно доверили во мне желание, как можно скорее, осуществить данный обет. И вот, я на другой же день начал приготовляться в путь, заблаговременно испросив следуемое по закону разрешение на отъезд за границу. Но приступим к делу. Начнем свои записки.

Среда, 11-е июня. Отправляясь в дальний и опасный путь, я предварительно принес покаяние во грехах всей моей жизни, от юности и до настоящего дня содеянных, потом литургисал, совершив прежде молебное пение Покрову Божией Матери и напутственное – «хотящим отыти в путь». Совместная усердная молитва предстоящих, их задушевные благопожелания, напутствование в дорогу Св. Таинствами исповеди и Св. Причастия – все это так благотворно подействовало на меня, до того умилило мою душу и воспламенило мое сердце, что я, до сих незабвенных сладких минут нерешительный, унылый, больной, как бы преобразился; и искра св. желания вмиг превратилась в неугасимое пламя нетерпения лететь и лететь к заветным и дорогим сердцу христианина местам. А потому, по окончании литургии, я обратился к предстоящим в церкви прихожанам с следующими словами:

«По изволению Божию, по благословенно нашего Архипастыря, и по данному, в душе, обету, я отправляюсь в далекий, не известный для меня и опасный путь. Если и недальне, кратковременное путешествие на суше и в своей родной земле часто не обходится без приключенья и нередко оканчивается печальными последствиями, то что сказать о странствованье далеком и продолжительном, по чужим странам, под непривычным для нас, знойным небом, и при том, за малым исключением, по суровым и необозримым пучинам, на утлом корабле? Чего только не может случиться, чего только не перенесет плавающий! И голод, и холод, и жару, и тесноту, и всякую болезнь».

«Сегодня на море царствует тишина, небо чисто и – на душе весело и покойно; завтра – вмиг подули ветры, дрогнуло море своими могучими волнами, забили они в ребра корабля, точно тараны, и – на душе – мрачно, и прискорбна она до слез. Ныне путешествует странник по плодоносным долинам, а через несколько времени проходит бесплодными горами, видит одни скалы, землю сухую, производящую только тернии и волчцы, где – что село, то свои нравы, свои обычай, свои приемы, свой особый говор, свой подозрительный на путника взгляд. Сию минуту небо ясно, воздухи чисты; через полчаса оно мрачно,

гром гремит над головой, молния ударит у ноги, путешественники чуть не затоплены дождевыми потоками, чуть не побиты страшными градом; словом, они подвержены приключениям всякого рода. Не зная поэтому, что и мне предстоит в моем трудном путешествии – добро или зло, живот или смерть, благополучное ли к вам возвращение или же печальная и вечная разлука с вами – я, во-первых, прошу прощения у вас, – может статься, я кого-либо оскорбил словом или делом или ввел в соблазн недостойным поступком; во-вторых, – прошу ваших чистых молитв обо мне, ибо ваша общая мольба будет сильнее моей пред Богом. А я, со своей стороны, даю обет – аще Господь благоуправит мой путь, – помолиться за всех вас там, где Господь в образе человека, видимого всеми, родился, где Он Сам молился за нас, учил нас святой жизни, где крестился, страдал, умер и воскрес, дабы избавить нас от вечной смерти, и где вознесся на небо плотию, да и нас спосадит с Собою в царстве вечной славы Своей».

«Сладчайший Иисусе, Боже мой! Твой есть день и Твоя есть нощь; от Тебя происходит все; Ты распоряжаешься нашими действиями: отвращу Тебе от нас лицо Твое, все возмутятся. Но с Тобою, Спасителю мой, и на тесной стези печаль и слезы превращаются в радость. Укрепи же душу мою Твою благодатию: да с радостию, потеку и добре совершу путь мой к местам, освященным Твоими божественными стопами. Верю и надеюсь, что там, у гроба Твоего, и один час, мною проведенный, доставит мне бодрые утешения, нежели сколько все невзгоды путевые вместе могут причинить мне страданий! Там, там у подножия Твоего Креста, я еще более уверюсь, что Оный есть самый надежный спутник в сем многомятежном мире на пути к вечным обителям Твоей славы, участия в которой желаю и вам, братия моя возлюбленная».

Четверг, 12-е июня. Приехавши в Харьков, я должен был, по предписанию начальства, явиться в консисторию для дачи подписки в том, что я буду вести себя за границей, как подобает моему священному сану, в противном же случае подвергаю себя великой ответственности, и потом получить от начальника губернии свидетельство на беспрепятственный выезд за

границу, по которому и, взамен которого, получить в пограничном городе от градоначальника заграничный паспорт. Нельзя не пожелать в будущем, чтобы, во избежание лишней траты времени и денег, подписька отбиралась на месте жительства паломника, а равно и самое свидетельство на выезд отсыпалось, для выдачи, подлежащему ближайшему начальству, а не требовалась бы, за сотни верст, личность паломника из-за одной формальности. Здесь же, в Харькове, знакомые и незнакомые с сожалением, покивая главами своими, задавали мне вопрос – зачем я еду в Палестину в такое время года и, при том – без спутника, когда никто не решается из жителей севера там показаться. «Там, где теперь страшная жара, духота неимоверная, вы спечетесь, как хлеб в печке или блин на сковороде; охота же вам заведомо обрекать себя на самосожжение». Признаюсь, покоробили было меня такие речи, и я, чтобы не слышать их более и не смущаться ими, поторопился выездом в Одессу.

Суббота, 14-е июня¹. В этот день, простившись со святынями харьковскими, в 3 часа по полудни я отправился в Одессу, уплатив за место в 3 классе 10 р. 38 к. за 960 верст. И дешево, и нескучно! Обыкновенно в этом отделении бывает теснота, и, как преобладающей в нем элемент – простой класс, то неразлучно с ним и невежество; но мне на этот раз посчастливилось: пассажиры в вагоне все были люди из образованного круга, много дам, несколько мужчин; между сими последними один дворянин К., который был мне приятным собеседником до самой Одессы, так как он изъездил Россию вдоль и поперёк несколько раз. Повествуя о житье-бытье духовенства Херсонской губернии, он находил материальный быт его жалким и грязным неописуемо, жизнь же духовенства нашей епархии изображал в таких картинах образах, что, не обинуясь, приравнивал ее к блаженной жизни наших праотцов в раю, когда они, невинные, ни в чем не терпели нужды и не знали – что есть горе. На что я ему заметил, что это сто первая ложь из книжки – «не любо не слушай, а лгать не мешай».

В 7 1/2 часов вечера мы подъехали к вокзалу г. Полтавы, который отстоит от него версты на полторы. Самый вокзал –

плохенький; публики мало; нет той людности, оживленности, роскоши и аристократизма, которые вы привыкли видеть на харьковском вокзале. Самый город невдали от р. Ворсклы, на довольно живописной возвышенности, усеянной с избытком зеленоющими деревьями. Не бросается он в глаза путнику, как наш Харьков или Одесса; ибо наряду с высокими каменными домами, чуть не в центре города, торчат и соломенные домики, между которыми виднеются бедные и весьма невидные храмы Божьи, не исключая и кафедрального собора. От Полтавы до Кременчуга грунт земли большею частью песчаный, но неутомляющий взора, так как очень часто попадаются низменности, покрытые водою, озерами, болотами и источниками, испещренные роскошною растительностью, веющею благотворною, для уставшего от дневной жары путника, прохладою. Так как предместья Кременчуга и самый город мы проезжали ночью, то я, к сожалению, не видел ни его самого, ни Днепра, ни полутораверстного чрез него железного моста.

Воскресенье, 15-е июня. Утром, на рассвете мы проезжали около Елизаветграда. Город довольно обширный, виднелось около восьми церквей, в числе коих особенно замечательна по красивой архитектуре, при подъезде к вокзалу, — кладбищенская. Юнкерское училище — тоже большое и прекрасное здание. Здесь железнодорожный путь делится надвое, одна линия идет на Одессу, а другая — на Николаев; а потом, через несколько станций, опять деленье поездов на одесский, киевский и кишиневский. В продолженье пути от Елизаветграда до Одессы много раз склонялась линия дороги то в Подольскую, то в Херсонскую губ., и это оттого, что дорога проведена, заметно, большими зигзагами. Поезд наш опоздал в Одессу на 2 часа по случаю пожара, произшедшего в товарном вагоне киевского поезда; чрез что мы прибыли в Одессу, вместо 9-ти часов вечера, в 11-ть часов ночи. А жаль, хотелось посмотреть на Одессу издали, и доставить удовольствие чувству зрения после столь утомительного пути по необозримым и однообразным степям.

Понедельник, 16-е июня. Что сказать об Одессе? Город очень чистый, богатый и прекрасивый: нельзя не восхищаться им. Деревянных домов и соломенных крыш, по обычаю наших городов, не существует. Правильно распланированные улицы вымощены гранитом и усажены в два ряда, по обе стороны, колоновидными акациями; что придает городу еще более красоты и изящества и вместе защищает пешеходов от палящих солнечных лучей; во многих местах бьют ключом фонтаны и освежают уставших людей и животных; тротуары до того широки, что могут идти по ним в ряд до 20-ти душ; отлично устроенные водопроводы доставляют для питья отличную воду из Днестра и вместе напаяют уличную и бульварную растительность. В городе очень много сынов Израиля. Везде, почти на каждом шагу, и в номерах, и в лавках, и во дворах, и на улицах вы встретите еврея. В 8 часов утра я посетил ближайшие церкви – греческую во имя Св. Троицы и Покровскую. В греческой совершил утреню молодой священник – грек, в камилавке особого устройства, верхушка которой устроена наподобие раскрытого зонтика; а читал и пел на клиросе настоятель оной – архимандрит, с бывшими в церкви мирянами. Церковь богатая, со множеством огромных хрустальных люстр; напрестольные облаченья из чистого серебра с литыми золочеными изображеньями страданий Спасителя по боковым сторонам престола. По правую сторону иконостаса стоит замечательной работы и ценности балдахин, под коим покоится и хранится древняя дорогая плащаница; по левую – в придел Трех Святителей – виднеется четырехугольная мраморная тумба, вышиною на аршин от полу, огражденная золоченою решеткою, под которой покоились священные останки патриарха Константинопольского Григория, повешенного турками в день Пасхи и отданного потом евреям на поругание, которые, в довершение своего неистовства над ним, привязав ему большой камень на шею, бросили в море; но тело его всплыло и было привезено греками в Одессу, где и положено под спудом в сказанной церкви, под означенюю тумбою. Потом, в конце шестидесятых годов, по просьбе Ольги Константиновны, нынешней эллинской королевы, с согласия

русского правительства, оно перевезено в Грецию, в г. Афины. Теперь же, на память о покоившемся здесь патриархе-мученике, на бывшем месте его временного упокоения, под стеклянным колпаком хранится его саккос, омофор, панагия, наперсный крест, похожий на наш священнический, и архиерейская митра, черная, без креста сверху. Вокруг внутренних стен церкви – по бокам, устроены седалища для немощных и кафедра, чуть не под сводами храма, для чтения евангелия и сказывания проповедей.

Вечером я ездил нарочито посмотреть на море, чтобы испытать, какое влияние произведет на меня его безбрежность и свирепость волн, и, признаюсь, – действие потрясающее и ужасающее. Как я завидовал в это время тем путникам, которые, побывав в Палестине, благополучно уже приставали к родному берегу! А я!.. что со мной будет? Удостоюсь ли опять видеть свой край родной? Так, подумал я, и истинный христианин – странник этого мира, «зря житейское море, воздвигаемое напастей бурею», завидует преселившимся в родное горнее отчество и само горит желанием скорее прийти к оному!

Вторник, 17-е июня. В этот памятный для меня день по отплытию от родных берегов к Цареграду, я, желая помолиться Богу, зашел в первый, случившийся на пути, храм. Каково же было мое удивление, когда оный, по наружному виду казавшейся православным, на самом деле оказался латинским! В нем старик-ксендз, на одном из боковых престолов, втихомолку совершил мессу, а сидящие на скамьях, кажется, не обращали никакого внимания на совершившееся священнодействие: одни – вперивши свои взоры в новенькие скамьи, а другие в изящные переплеты своих молитвенников. По бокам храма, близ стен, расположены около 10 исповедален; над дверьми некоторых из них красовались надписи – «для итальянцев, для французов, для поляков», другие же титулованы по именам восседающих в них о.о. исповедников – патер Гиацинт, патер Станислав и пр. Храм, впрочем, величественный, и я, не обращая внимания на папских слуг, преклонил колена, помолился невидимому главе всех

исповеданий христианских, Господу Иисусу: да благоуправит Он Милосердый мой путь к местам, освященными Его божественными стопами!

Здесь нелишним считаем заметить, что свидетельство, выданное на проезд за границу от местного губернатора, обменивается на заграничный паспорт, для чего необходимо подать прошение на имя градоначальника пограничного города, с приложением прежнего документа и квитанции из местного казначейства об уплате денег за имеющий быть выданным новый документ; что лучше всего, для избежания задержки, делать за несколько дней раньше отхода парохода. Получивши заграничный паспорт, следует предъявить его сейчас в турецком консульстве и, для скорейшего визирования, положить в самый документ златолюбивому турку 1 р. 50 к. денег; потом, за два часа до отплытия парохода, запастись классными билетом в агентстве. Пассажиры, желающие занять место в 1-м классе, уплачивают от Одессы до Яффы 93 р. сереб., во 2-м – 67 руб. и в 3-м – 15 руб. сереб., – в один конец². Хотя в последнем классе и дешево, но ехать в нем не советую и своему врагу: так тяжелы невзгоды, претерпеваемые в нем от солнца, от дождя, и от людей, и от насекомых. Заручившись билетом, уместнее всего сейчас же занять по нему место, чтобы впоследствии, при многолюдстве, не пришлось бедствовать, валяясь, вместо коек, по скамейкам и по полу, хотя бы то и во 2 классе.

Едва я успел выхлопотать заграничный паспорт и пароходный билет, сейчас же и отправился к пристани, где и поместился на пароходе, который оказался русским, с именем «АЛЕКСАНДР II». В этом я узрел явное знамение бодрствующего надо мною промысла Божия, вручившего меня покровительству тезоименитого мне святого; так как одного русского пароходного общества плавает в водах Черного и других смежных морей до 90 экземпляров разных наименований. В 4 часа пополудни мы, осенив себя крестным знамением, отправились в открытое море. Сначала море несколько часов волновалось, что послужило источником для картины весьма грустной: душ до 150 разом, точно по команде, преусердно рвали до желчи чуть не до полуночи, а потом

судорожно стоали, – то ахая, то охая, относясь с злобною апатиею ко всему окружающему, даже к родным малюткам, добивавшимся привычной материнской ласки.

Среда, 18-е июня. Море тихо до неподвижности, и пароход наш, как орел, идет богатырским ходом, невольно возбуждая этим и в седоках чувства веселья и довольства своим положением; только дельфины то и дело что выпрыгивают на водную поверхность и, своим неимоверно быстрым бегом – в паре с пароходом, как бы силятся конкурировать с ним в бегу; а смелыми и вместе смешными эволюциями – позабавить и расшевелить некоторых угрюмых и несловоохотливых путников.

Четверг, 19-е июня. С рассветом стали виднеться предместья Царь-Града, и мы въехали в Константинопольский пролив, при начале которого, по бокам, сторожат на значительной высоте два маяка. Вдоль берегов по обеим сторонам за рощами виднелись дома самой причудливой архитектуры, в том числе и нашего посольства, и дворцы султана, которых насчитал я в разных местностях города, простирающегося в длину на 37 верст, числом не менее 20-ти, устроенных в чисто европейском вкусе, на самых очаровательных местах по холмистым берегам пролива. Глубина самого пролива довольно значительна, – более 20-ти сажен, а Черного моря до 500 сажен, как утверждал капитан корабля. Проехав около 12-ти верст городом, мы стали на якорь против русского пароходного агентства, в числе прочих неисчислимых судов и пароходов: – это было в 7 часов утра при погоде самой тихой и благоприятной. Едва мы стали на место, как со всех сторон бросились к нам наперерыв лодочники – турки, и, как кошки, хватаясь крючьями за борт запертого парохода, вскакивали в оный, насиливо хватая из рук наши саквояжи и, каждый, зазывая на свой каяк; а по спуске трапа такая масса этих людей нахлынула на пароход, что их оказалось более, нежели пароходной публики, и давка сделалась невыносимою. Мы, т. е. я и двое моих сопутников, предположили прямо с парохода отправиться осмотреть столицу Турции и, по возможности, что-нибудь имеющее интерес в каком-либо отношении, а главное христианская

святыни. Нанявши лодочника до берега за три лева (20 коп. наших), мы сначала осмотрели Азиатский базар: чего только на нем не было! И плоды тропических стран – абрикосы, персики, гранаты, – и произведения нашей умеренной полосы – кукуруза, картофель, редиска и пр. Улицы в базаре, – а базаром можно назвать весь К-ль³, – узки – до 5 шагов ширины, кривы, безобразны и, при своей тесноте, так запружены народами разных наций, что нет возможности идти прямо, а нужно пробираться боком; а смешанный, оглушительный крик и язвительный визг продающих и их нечистоплотность одуряют вас до тошноты; не менее поражает и оскорбляет непривычный глаз европейца отвратительная нечистота улиц, на которые без зазренья совести бросаются из окон всякие остатки от завтрака и обеда, выносится из домов и льется всякая зловонная жидкость и валяется без запрету всевозможная падаль, так что весь К-ль, в этом отношении, можно сравнить с огромною помойною ямою. А что всего оригинальнее, так это то, что наряду с богатым магазином лионских кружев и бархата торчит или оборванная лавчонка торговца старыми поношенными сапогами и башмаками, или же конура мясника, пропитанная насекомыми промозглым запахом от разлагающихся баранов, на которых уселись целые мириады насекомых, от которых, в свою очередь, нет отбоя снующему взад и вперед люду. А потому путешествующему ради удовольствия советуем лучше всего, наняв каик часов на 6, покататься вдоль пролива и остановиться своим вниманием на этих нагроможденных один на другой 3-х и 4-х этажных деревянных домах, самой причудливой архитектуры; на этой сплошной зелени садов, парков, аллей, сквозь который сверкают беломраморным стены киосков, павильонов, мечетей с окружающими их стройными минаретами; на эти величаво-красивые, вечно зеленеющиеся гигантские кипарисы, смотрящиеся в тихую гладь пролива, и многое другое... а потом, взяв билет, ехать себе с Богом, куда нужно. По крайней мере, сохранит он тогда в памяти одни дивные картины, созданный природою и искусством, а не образ поваленного гроба, который вне уду кажется изящным, а внутрь уду полон смрадных костей и всякой нечистоты.

Возбудив к себе почему-то, хождением по улицам, нескромное любопытство в турецких сердцах, мы наняли одноконную карету, по 1 рублю в час, и отправились в европейскую часть Константинополя по дрянному мосту, за проезд чрез который взяли с нас 30 к. с. Проводник наш, смирнский грек, завез нас в вычурно-архитектурную магометанскую часовню, где покоятся смертные останки царствовавших султанов. Получив от нас за вход, с каждого лица по 60 к. и за туфли по 20 к., нас ввели в великолепный зал, предварительно наложив на наши сапоги турецкие туфли. Здесь нашим взорам представились великолепные гробницы, покрытые богатыми, шитыми золотом, покровами и огражденные золочеными решетками, возле которых, в подсвечниках, стояли огромные восковые свечи, пудов по 30; посреди часовни висела замечательной величины хрустальная люстра, а по бокам, на раздвижных табуретах, необыкновенно искусно отделанных изящными узорами перламутра, покоились на бархатных подушках древние книги корана, тисненные огромными золотыми буквами, и стояла чалма султана Абдул-Азиса, ценимая во сто тысяч турецких лир. В отдельной боковой комнате, простой, без всякого убранства, покоится прах прочих принцев; а во дворе часовни – знаменитых министров – султанских любимцев.

Далее нам предложили посетить то место, где, но преданью, покоится прах, благоговейно чтимого греками, Императора Византийского Константина Палеолога XI. Идучи сюда, мы предполагали видеть на могиле государя пышный мавзолей. Но каково же было наше удивление, когда повели нас по местам, засыпанным всякого рода сором, и на самом отвратительнейшем месте один турок иронически указал место погребения героя. При этом проводники объяснили, что прежде над прахом Палеолога красовался приличный памятник, устроенный усердием христиан, и постоянно горела неугасимая лампада; но правоверные мусульмане, – боясь, чтобы греки подобными внешними знаками не обессмертили дорогого имени своего героя-государя -купив дорогою ценою место его вечного покоя, надгробный памятник разобрали до основания, и в

поругание сваливают и выливают сюда всякую нечистоту. Один из сопровождавших нас мусульман, заключив почему-то, что мы сомневаемся в истинности этого рассказа, с дикою радостью, засучив рукава, в миг бросился разгребать руками, наваленный более аршина, сор и, достигши своей дели, показал нами основание бывшего на этом месте памятника. Турки, работавшие в мастерских, завидев нас на этом месте, побросав работы, начали опрометью сбегаться к нам, так что в две-три минуты составился около нас кружок душ во сто, с восклицаниями: «А, Москов, Москов!» Это нас несколько встревожило и напугало, тем более, что вся эта буйная толпа с неистовым хохотом повалила за нами, так как проводник наш повел нас к видневшемуся невдали надгробному обелиску, при обзоре которого он рассказал нам следующее: «Турки для того, чтобы вовсе отвлечь внимание христиан от места погребения Константина, устроили над могилою мавра, убившего этого государя, памятник, во всем похожий на разрушенный ими прежде над гробом государя; в нише памятника повесили фонарь с лампадою, чтобы приходящие поклониться праху Константина христиане воздавали таким образом, к ихнему удовольствию, хотя ошибочно и наружно, почет не тому, кому они на самом деле хотели воздать оный, а заклятому врагу христиан, мусульманину-мавру».

Поклонившись праху христианского императора, мы поехали в 1-м часу дня в дворцовую контору, чтобы выхлопотать фирман султана на осмотр мечети – «Ая Софи», бывшей некогда православным храмом св. Софии – Премудрости Божией и достали, заплатив за оный по 10-ти рублей серебром с персоны. При впуске в мечеть муллы требовали, чтобы мы поснимали сапоги и шли бы босыми ногами. Это сильно оскорбило меня: я ни за что не соглашался снимать сапоги и, требуя назад деньги, хотел воротиться назад, хотя мои сопутники стояли уже босыми и готовились идти вперед. Видя мою решимость, и не желая лишиться 10-ти рублевого бакшиша, турки предложили мне надеть на сапоги ихние туфли, и мы отправились. При входе в мечеть, мы так были поражены внутренностью, что долго, долго стояли в

изумлении и оцепенении, и едва удержались от слез, видя поруганье от агарян над таким величественным и священным зданием, созданным неусыпными трудами и умением Императора Юстиниана, в котором столько веков возносилась бескровная жертва преподобными руками толикого сонма богоносных мужей. Трудно даже представить себе что-либо подобное виденному нами. Нам и на мысль не всходило, чтобы возможно было, при такой громадности зданья, так смело, так величественно, так гармонически, так поразительно для чувств создать внутренность храма. Недаром русские послы – язычники, уполномоченные князем Владимиром для исследования достоинства различных вероисповеданий, побывавши в этом святилище, говорили: «Поистине там Сам Бог обитает и веселится с людьми, стоя в нем, мы думали, что стоим не на земле, а на небе». Да, и теперь этот храм, превращенный в мечеть, лишенный церковного внутреннего благолепья и обезображеный мусульманами по-своему, невольно возбуждает в душе молитвенный порыв и умиление, а бренное тело клонит к благоговейному поклонению. Внутренний распорядок частей храма тот же, что был и во времена христианского богослуженья; только главный вход в оный с запада заделан наглухо (а входят теперь боковыми южными и северными дверьми). Затем притвор, из которого в самый храм ведут 7 огромнейших открытых врат. Как посмотришь на эту огромную длинную паперть (которая в те времена и должна была быть таковою), так сейчас и живописуется в твоем воображении эта масса разноплеменных людей – оглашенных, кающихся и пр., стоящих здесь то с поднятыми вверх взорами и руками, то поникших долу и коленопреклоненных, то бьющих в перси своя и плачущих. В самой мечети многое напоминает христианский храм; так, то отделенье, которое у нас называется алтарем, и у агарян имеет такое же важное значение, и отличается от прочих возвышенностью (солеею), сохранившуюся от прошлых времен; где прежде было горнее место, там теперь стоит какая-то мусульманская золоченая святыня, устройством своим похожая на наши киоты, с турецкими надписями и изречениями корана, а по бокам оной

громадной величины – в 2 1/2 сажени – восковые свечи, так что мы приняли их сначала за колонны; по правую сторону бывшего алтаря, на том месте, где была кафедра христианских проповедников, теперь высится изящный балдахин, под сенью которого мулла совершают некоторые общественные молитвы и наставляет правоверных; на левой стороне, на значительной высоте – царское место, огражденное со всех сторон частой золоченой решеткой – выше роста человеческого, так что находящихся там трудно различить. Самый храм в три яруса; в первых двух – помещается народ, сюда и мы всходили, а в третий – верхний никто не допускается из непосвященных в мусульманскую тайны. Освещается он более нежели 200 люстр различной величины и формы, в которые вставлены разноцветные стаканы. Воображаем, какое обаяние может произвести храм при таком фантастическом освещении. Пол весь мраморный, покрытый дорогими циновками, и содержится в необыкновенной чистоте и опрятности.

Несмотря на все старания мусульман изгладить в этом священном здании следы христианства, усилия их пока остаются тщетными, к изумлению верных и неверных и к прославлению Бога, творящего чудное. Так, в куполе над алтарем явно видны черты лика Спасителя, благословляющего народ, хотя весь купол зазолочен и расписан турками по-своему; равным образом и в других местах видно старание турок выскооблить изображение св. креста; но все-таки на внутренних стенах здания во множестве весьма рельефно выдаются таковые, а над средними входными дверьми из притвора во храм живо и всецело сохранилось изваянное из меди, раскрытое Евангелие с греческим текстом, а над ним парит Дух Святый. Кроме того, что особенно замечательно, – северные железные двери значительной величины и тяжести, коими насильственным образом вломились турки в храм, после осады и взятая Константинополя, чтобы избить запершихся и молившихся в храме христиан, с тех пор и до сего дня, так и остались открытыми. И каких средств ни придумывали мусульмане к закрытою оных, все их усилия оставались и остаются напрасными, к великому их стыду и огорчению; – что и

понудило их сделать впереди новые малые. В неподвижности прежних врат мы сами лично убедились, пробуя пошевелить их, но ничего не сделали.

Далее, на правой стороне храма, невдали от бывшего алтаря, за колоннами на мраморной стене, показывали нам ясные следы растопыренной человеческой руки, и объяснили это так: когда турки, как выше было сказано, ворвались в храм и, в фанатическом исступлении, рубили находившихся в нем на куски, то один христианин – грек, пораженный смертельно саблей, желая оставить по себе память мужественной защиты храма и своих собратьев, ударили окровавленною кистью руки по стене, а саблей по близстоящей мраморной колонне, и знаки от первой – в виде черного, как уголь, пятна с пятью пальцами, а от последней – в виде шрама около двух четвертей длины – остались с тех пор неизгладимыми, несмотря на постоянное желанье и заботливость турок об уничтожении их. В храме, несмотря на громадную величину его (в нем может поместиться до 30 тысяч народа) и значительную высоту (аршин до ста), акустика поразительная: в каком бы угле его ни было что сказано самым умеренным голосом – слышится везде; мозаика во многих местах поопала уже, и нам мулла за деньги предложил несколько кусочков оной, что мы приняли с несказанною радостью. Около южных дверей во внутренности храма находится колодец для мусульманских омовений, устье которого, по преданию, заграждено крышкой, взятой от студенца Иаковля, возле которого Спаситель беседовал с самарянкой о живой воде. При посещении нашем мечети, были в ней и молившиеся мусульмане, из коих некоторые, вероятно, уставшие от усиленной фанатической молитвы, обыкновенно сопровождаемой постоянной жестикулировкой, – приседаньем на корточки, поклонами, целованием земли и восклонением без пособия рук, – разложивши здесь же тюфяки и подушки, безмятежно наслаждались глубокими сном.

Чтобы кратче, нагляднее и вернее охарактеризовать достоинство архитектуры, богатство материала и изящность внутренней отделки этого храма, достаточно привести на память слова сultана, покойного Абдул-Азиса, сказанные им

при разговоре с одною особою и переданным нам: «Если бы, — сказал он, — всю эту мечеть снизу до верху наполнить золотом, и тогда бы я не мог иметь такого грандиозного здания, как эта мечеть». Выходя из св. места, ныне попираемого безбожными агарянами, мы невольно припомнили слова Живущего в нерукотворенных храмах: «Жалость Дому Твоего снести Мя», — и с грустью в сердце оставили этот знаменитый памятник времени христианства и владычества эллинов.

Отсюда часа в два дня мы отправились в часовню Успенья Божьей Матери. Монахи греки, ничего особенного не могшие нам объяснить, сказали, указывая на углубление в стене. «Вот здесь явилась большая икона Успенья Божьей Матери, а здесь — (в это время глазам нашим представилось круглое, в диаметре не более аршина, отверстие в диком широком камне, до краев наполненное прекрасною холодною водою) — обретена меньшая икона того же названья, — на самом источнике». Обе иконы грубой работы, на деревянных досках без всякой отделки, повешены на стенах часовни и так ограждены железными прутьями, вероятно во избежанье разграбленья, что нельзя к ним прильнуть устами. Бедность часовни поразительная; да и сама она есть не что иное, как сырой подвал, устроенный узким коридором, в котором вряд может стать не более 3-х душ, и весьма напоминает собою древние христианские катакомбы. Испив от чудесной воды, омочив оною чело и перси и возжегши пред иконами чуть не сальные свечи, за которые монах-грек взял с нас баснословную цену, мы со скорбью вышли из оной.

Далее, мы отправились к месту явленья Божьей Матери св. Андрею и Епифанью под сводами Влахернского храма. Здесь грубость, невнимательность и рассеянность приставленных монахов оскорбляют св. чувство. Они нас ввели в небольшую и бедную церковь, по наружному виду похожую на обыкновенный дом, в которой указали нам бассейн чудной ключевой воды, целящей от разных недугов всех черплющих, кропящихся и пьющих от нее с верою; — каковое утешенье и мы возжелали получить, излияв св. воды на главу и перси своя. Так как у греков день Покрова Божьей Матери не празднуется вовсе, то у них нет и икон этого священного события; а нам от души

желалось на самом месте оного поклониться лику Богоматери: греки-монахи, по нашей просьбе разыскивая оный, небрежно указав на одну икону, сказали: «А вот, не эта ли? Русска баб принес, а нам грек таких нет нужно». К нашему утешению, действительно эта икона оказалась искомою, – суздальской работы, и мы со умилением преклонились пред ней. Протоиерей Дюков в своем описании (стр. 14) говорит, что ему на хорах этой низенькой церкви греки указывали место, где стояла Богоматерь и осеняла народ своим омофором. Но подобное могли сказать только греки-невежды, и верить им не следовало; тем более, что из предания всем нам ведомо, что Божия Матерь не стояла во время явления своего во храме на чем-либо твердом, напр., хотя бы и на площадке хор, – а она явилась на воздусех, под высокими сводами давно несуществующего обширного Влахернского храма. Теперешний миниатюрный, в вышину комнаты, составляет только двадцатую долю прежнего, как уверяли нас греки, а остальное место занято садом, постройками и завалено во многих местах мусором. Против северных алтарных дверей, возле стенки, под стеклянным колпаком, нам небрежно показывали частицу мощей св. великомученика Пантелеимона, нижнюю челюсть св. преподобномученицы Евдокии, одно из ребер мученицы Татианы и головной череп в серебряном венце патриарха Григория. Поклонившись и сим святыням, мы вышли из храма с грустью в сердце о запустении столь священного исторического места. Грусть сию еще более усугубил в нас молодой монах грек, который, провожая нас из церкви, закурил папироску на самых дверях оной. Отсюда проездом к пароходу, мы для своего продовольствия купили вишнен, абрикосов и груш. Последние, судя по климату и местности, очень дороги, – именно 35 к. сереб. за око (3 фунта). Возвратившись на пароход в 4 часа вечера, мы долго любовались Цареградом и его отражением в водах пролива при лучах заходящего солнца; ночью же, при тихой погоде с бесчисленными зажженными огнями разных цветов, он казался чем-то волшебным.

Пятница, 20-е июня⁴. В этот день мы приглашены были с парохода на Афонское подворье «Русик», недалеко от

пристани, где русские монахи очень любезно нас приняли. Здесь мы виделись и познакомились с о. архимандритом Афонского Пантелеимоновского монастыря Макарием; личность очень умная, благообразная и в высшей степени симпатичная. В миру его фамилия была Сушков, известный московский богач; на его-то счет и куплено означенное подворье. За его-то избранье в игумены и возникла известная распра между русскими и греческими насельниками св. Афонской горы, кончившаяся после долгих неурядиц в пользу его, при содействии нашего посла при Оттоманской Порте, дружелюбно к нему расположенного за его отличные качества души.

В 2 часа пополудни, по его же распоряжению, была собрана в церковь братия подворья, куда и мы приглашены. По приходе нашем, из алтаря седмичным иеромонахом торжественно изнесены были в богатом серебряном ковчеге частицы мощей св. Пантелеимона, и мы, при стройном пенье всеми монахами величанья великомуученику, с умилениею прикладывались к оным, прося безмездного целителя уврачевать и наши немощи телесные и душевые. По удовлетворении жажды душевой, нас пригласили утолить и телесную алчбу довольно обильным, вкусным, хотя вместе и простым, обедом, состоявшим из икры, красных бураков с андрикотами и редиски, потом из супа, артишоков, жаркого из рыбы кефаль, довольно вкусной, и плодов персиков.

В 7 часов зазвонили к вечерне, — пошли и мы к ней в числе прочих. Чтение монахов четкое, пение гармоничное; только жара невыносимая, так что мы принуждены были стоять на террасе храма, с высоты которой во всей красе, как на ладони, виднелся пред нами весь Стамбул. По окончанье богослуженья, за слабостью иеромонаха, меня пригласила братья прочитать акафист Успенью Божьей Матери, что я и исполнил с особым усердьем.

Суббота, 21-е июня. Утро очаровательное. Афонские монахи приехали провожать нас. Ко времени выхода парохода набралось множество пассажиров разных наций; суета, крик и гам страшные. После двухдневной утомительной и донельзя надоевшей нам выгрузки и нагрузки разного рода товаров, мы,

наконец, в 4 часа вечера двинулись из Константинопольского пролива в Мраморное море, простирающееся в длину на 100 миль. При выезде из первого, глазам нашим представился затонувший английский пароход, но, к счастью других едущих, одним кончиком трубы дававший знать о месте своего нахождения. Рассказывали при этом, что капитан другого английского парохода, шедшего из Цареграда, обрадовавшись несказанно своему земляку, захотел поближе подвернуть к нему, чтобы перекинуться одним – другим красным словцом, и, по неосторожности, так неловко сделал рейс, что ударил носом своего пегаса в пароход своего друга и, разрезавши его чуть не пополам, сразу посадил на дно. Этот случай навеял на нас грустные и тяжелые думы: когда бы и с нами, в продолженье нашего далекого плаванья, не случилось чего-либо подобного. Обратившись вспять, лицом к месту Влахернской церкви, я мысленно произнес: «Радуйся, радосте наша, покрый нас от всякого зла честным твоим омофором!»

Неделя, 22-е июня. С восходом солнца, в 5 часов, мы подъехали к Дарданелам – небольшое местечко с грозными старинными укреплениями по обеим сторонам Дарданельского пролива, в котором живут и войска; есть здесь и русское консульство. Без остановки, почти на ходу корабля было выгружено тут несколько тюков кавказской хлопчатой бумаги. Так как трап с корабля не был спущен, а дарданельцам хотелось поторговать во что бы то ни стало, то многие из них, вооружившись смелостью и крючьями, были так ловки, что по ним вспрыгивали к нам через борт, как белки, и предлагали к нашим услугам разные закуски и товары, в числе которых наше вниманье приковали к себе особого устройства узорчато-золоченые кувшины местного производства, весьма дешевые – по 25 к. за штуку, – за которые у нас, на Руси, торговцы взяли бы, а потребители с удовольствием заплатили бы по 3 руб. сер. Пассажиры брали их нарасхват.

Первый час дня. Мы плывем темно-синими водами Архипелага. На пути нашим глазам представляется множество разного вида и величины островов, из коих особенно выдающееся Тенедос и Метелена, с полуразрушенными

древними укреплениями и бойницами, замечательные по громадному вывозу из них маслин, деревянного масла, гранат и пр. К Метелене мы пристали в два часа, здесь выгружались некоторые товары и садились новые путники; отсюда же явились к нам во множество и продавцы местных произведений, жители, большею частью греки, — народ стройный, красивый, равно как и самый городок, расположенный у подошвы холмов на берегу моря, прелестен, — особенно его дачи, окруженные масличными садами. Здесь живет и русский консул. С этого места климат становится заметно жарким, а вода, чем ближе к Смирне, принимает цвет более и более натуральный.

Эти строки я пишу в 2 1/2 часа дня, при страшной духоте на площадке палубы 1-го класса, когда визави нас, бесцеремонно развалившись на шелковых подушках, лежит турецкий генерал, окруженный многочисленным штатом своих 17-ти беломраморных жен; пользуясь дремотою своего стоокого аргуса, они, то и дело, что высовывают из-под покрывал свои мертвейские физиономии, как бы этим желая показать пред прочими нациями, что и они иногда имеют свою свободную волю и те же людские склонности и слабости. День хоть и воскресный, но на пароходе не видишь никаких признаков исключительности этого священного в ряду прочих дня.

Мы приближаемся к Смирне. Небо постоянно ясно. Пред нашими глазами, — то длинная нить холмов, совершенно голых, то цепь гор, как будто и невысоких и на недалеком от нас расстоянии, а капитан уверяет, что к ним не менее 150 верст. Почва, не производящая деревьев, а одни жалкие кустарники, и то изредка; а трава, если где и виднеется, то она похожа на нашу тонконожку. Хотя в лощинах заметны следы скошенного хлеба, но земля не та рыхлая и мелкая, что у нас, а большею частью — известняк и кремнозем.

Вот завиднелась и Смирна; но к ней еще три часа пути. Поскучаем и потерпим и еще, еще вар дня и тяготу плавания. Вот гора трех сестер; вот и гора двух братьев; а вот и предместья Смирны так и плавают в роскошных садах! А вот и она сама, чуть не европейская красавица! Бьет 9-ть часов

вечера, и мы стали на якорь. Город при свете огней поражает и пленяет чувство зрения; воздух в нем здоровый, но климат очень жаркий. Это оттого, что он сам в котловине, с трех сторон окружен горами и освежается только западными ветрами. В каюте убийственная духота, насилино заставляющая не вовремя бдеть и, против желания, безрассудно роптать на знойную планету.

Понедельник, 23-е июня. Восход солнца застал нас бдящими, по-прежнему, на площадке парохода. Для прогнания скуки и, отчасти, из любопытства мы отправились на шлюпке в город. Протоиерей Дюков в своем описании (стр. 81) утверждает, что у турок с моря на берег не иначе можно выйти и особенно войти в город, как чрез крепость и гауптвахту, где непременно спрашивают «дишкири», т. е. паспорты. Это замечание не совсем верно и подлежит поправке. Так, в Константинополе мы с пристани пришли к подворью «Русик» без всякого спроса и предъявления кому бы то ни было нашего «дишкири»; не видали также никакой неизбежной крепости и гауптвахты: без лицезрения таковых же препядствий мы сошли на берег и даже вошли в город Смирну; и, кстати заметить, не удостоились проходить чрез помянутые мытарства с «дишкири» и в других турецких городах, напр. Бейруте, Яффе и др. Все зависит оттого, в какое время, в какой части города, в каком уголке пристани, кто, и с кем высаживается на берег с каика; а также от присутствия при себе или отсутствия багажа. Но у нас речь о Смирне. Город хотя и азиатский, но все в нем напоминает нашу родную Европу: и эти богатые и изящно устроенные магазины с произведениями рук парижан: и эти готические пассажи с лионским бархатом и кружевами; и эти роскошные кофе-рестораны, битком набитые италианцами, немцами, французами; и их разноязычное болтанье, заглушаемое melodическими звуками оркестра всесветных богемцев. Как выдающаяся местная особенность – это обязательность для всех говора на французском языке, вследствие сложившихся в пользу его обстоятельств. Он поэтому и преподается во всех местных школах (как мне передавали), почти как главный предмет. Еще и то, что вообще

смирнские дамы и мужчины отличаются развязностью, ловкостью и щегольством костюмов последней европейской моды. Городские улицы, хотя тесны, но чисты, исключая еврейского квартала; дома почти все каменные и, в большинстве, правильной архитектуры; на рынках избыток во всем, словом, город – хоть куда; – только отнюдь не для неряшлиных турков; – и ему можно отдать во всяком случае предпочтение пред зловонным Стамбулом. Как последняя смирнская новость – это устройство железной дороги близ морского берега, прилегающего к городу, к Эдесской железнодорожной станции. Из церковных зданий, по массивности, высоте и зодчеству, выдается, особенно, греческий православный собор, устроенный на русские деньги и в русском стиле, и одна из католических церквей. Дешевизна шелковых материй, обуви, смирны и пр. заставила многих путников усугубить свой багаж; и мы, по совету бывалых, запаслись соломенными белыми шляпами с такого же цвета тюрбанами и зонтиками, необходимыми орудьями для самозащиты от палящих лучей палестинского июньского солнца, возвратились на пароходы.

В 4 часа пополудни мы отъехали от берегов Смирны при благоприятной погоде. Но через час времени усилился ветер, который, впрочем, до времени для нас был благодетелен, так как умерял дневной жары. Ночью я сильно заболел воспалением желудка, вероятно оттого, что после употребления перчиков напился свежей воды; но скипидар, всегда находящийся при мне, несколько успокаивает мучительные желудочные спазмы. Большое и тяжкое для меня испытание в дороге! Поневоле и с грустью я задаю себе вопросы: «Доеду ли я до места чаяния души моей, Иерусалима?» А ведь еще нужно ехать 7 дней! Вода в Архипелаге до острова Хиоса, которого однако ж за ночным временем хорошо не рассмотрели, – темно-синяя.

12 часов ночи, а я еще и не смыкал глаз. Причиною этому не одна моя болезнь и томительная неизвестность исхода оной, но и непрошенные жестокие и кровожадные каютные хозяева, которых неприятно называть по имени.

Вторник, 24-е июня. День очень знойный. Боль желудочная уменьшилась, но ослабление сил чрезвычайное. Идем все вдоль различных безжизненных и безлюдных островов, из коих на одном, в прибрежном ущелье, под природными сводами, указывали нам место подвигов одного дивного отшельника, подвизающегося здесь уже несколько лет. Над этим местом растет роскошное дерево, посаженное его же руками, жизненность которого, по всей вероятности, поддерживается его денно-ночными молитвенными слезами, так как на всем острове не видно никакой растительности. Питается он подаянием от мелких судов, пристающих по временами к берегам его, по данному им знаку.

Скалы островов необыкновенно распалены солнечными лучами, так что от них пышет, как от огненной печи, и поверхность их застлана дымом или выгою, точно после пожара. Около 9 часов вечера мы прибыли к острову Родосу. Город, расположенный на берегу его, довольно красив; между зданиями везде виднеются деревья и зелень. Семь турецких мечетей и один православный храм; но особенно много круглых, наподобие улья, каменных мельниц, — мы насчитали их до 25. На развалинах колосса родосского устроен отличный маяк; самый город со стороны моря довольно укреплен. Остров изобилует ослами, которые отсюда вывозятся в разные местности в великом множестве. На месте они продаются по 2 руб. сереб., а в Иерусалиме восходят до 60 р. сереб. за экземпляры.

Среда, 25-е июня. Мы вступили в Средиземное море, по одну сторону которого, именно — по левую, вдоль тянутся необитаемые острова. День очень знойный. Арбузы, дыни, персики, абрикосы и виноград уже поспели, и нам подавали их за столом, — что доставило многим велие утешение.

Все время море было покойно, но с полночи подул сильный западный ветер; пароход начало сильно качать, и я, проснувшись, не мог уже более сомкнуть глаз. Рев моря наводит ужас, а грохот волн, то разбивающихся о корабль, то перебрасываемых силою ветра выше пароходной трубы, — причем он и стонет, и визжит, словно человек, — заставляет

ежеминутно опасаться за свою жизнь: я три раза немного не слетел с койки, и спасен от калечества только постельными перегородками; ходить же по каюте нет никакой возможности. Многих, в том числе и турецкого доктора, начало тошнить и сильно рвать, вследствие чего последний служил предметом насмешек и острот до самой Яффы. У меня же только в желудке что-то мозолило. Таким образом качало пароход до 12 часов следующего дня. .

Четверг, 26-е июня. Все пассажиры от качки и последствий оной в унынии; на пароходе царит мертвая тишина, как будто на нем нет ни одного живого существа. Страшные тучи нависли над скалистыми возвышенностями; сверкает молния; слышится гром, и виднеется вдали, спустившийся полосой, обильный дождь; далее тянется анфилада конусообразных гор. Одна из них на третью часть закрыты облаками, поверхность коих отбелена играющими лучами полуденного солнца, которые постоянно, преломляясь в них, рисуют привлекательную картину, неуловимую никакою фотографией; а другая – покрыта вечными снегами, к которым так и полетел бы схватить хотя маленький комок снега для освежения физических сил, ослабленных зноюю атмосферою.

В 12 часов дня мы пристали к острову Мерсине, довольно живописному, оттененному прекрасною растительностью, которой мы давно уже не встречали. Это вероятным образом повлияло на наши чувства, утомленные однообразием пароходной жизни и скучным плаванием по зыбкой стихии. Мерсина – небольшой хуторок, состоящий не более как из 30 домов; но обитателям их живется весьма недурно; ибо жирные луговые пажити и длинные гряды посевенных бахчей и других южных растений дают им обильную дань. Кстати заметить, что плавание от острова Хиоса и почти до Мерсины – самое опасное, и редко обходится без приключений. Ночь была тихая и покойная, и мыостояли на якоре до 8-ми часов утра.

Пятница, 27-е июня. Утро превеликолепное; вода не шелохнет; воздух чист и прозрачен, и дышится легко. Но настроение духа самое грустное, хотя, благодаря пароходному доктору, мне сделалось лучше. Около 5-ти часов вечера мы

стали на якорь в одной версте от Александреты, которая не что иное, как небольшой посёлок, состоящий из десятка домов, обладатели коих -арабы все принадлежат к фанатическим последователям Магомета, и живут разбоем. В 12-ти верстах, как говорил капитан парохода (хотя нам показалось не более 2-х верст), виднеются два каменных столбика, которыми обозначено место, где кит, по повелению Божию, выбросил пр. Иону. Никогда не видя вблизи облаков, странно мне было смотреть, как они выходили из ущелий близлежащих гор и группировались в наших глазах, то расстиляясь, то сжимаясь, то разбиваясь на несколько слоев, из коих некоторые были так непроницаемы, как и самые скалы, и поверх оных скользили солнечные лучи. С Александреты прибавилось множество пассажиров в 1-м классе; они целую ночь не давали мне покоя. С якоря снялись в 8 часов вечера.

Суббота, 28-е июня. Наш пароход, завидев издали идущий русский же пароход из Египта, бросил якорь, чтобы узнать от капитана оного, что делается в Сирии, и нет ли каких особых новостей морских и распоряжений турецкого правительства ввиду развивающейся там холеры. Подошедший пароход звался Владимиром; капитан его объявил, что Блистательная Порта на днях издала приказ об учреждении двенадцатидневных карантинов в Смирне и других местах, где в таковых будет настоять необходимость, и запретила впредь до сентября месяца перевоз русских поклонников из Одессы в Палестину. Это неожиданное и донельзя прискорбное известие, как варом нас обдало: вмиг напал на всех столбняк; воцарилась гробовая тишина, закончившаяся сдерживаемым рыданием в некоторых уголках пятидесятисаженного экипажа.

«О, горе нам, грешникам! От Бога наказуемы за помышления на злая по вся дни, лишаемся Его милостей», – подумали мы. «Не посрами Всемогущей и влагай нашего душевного чаяния в будущем!!»

Воскресенье, 29-е июня. В 6 часов утра в день, посвященный памяти св. первоверховных Апостолов Петра и Павла, мы прибыли в Лотокию. Город расположен между прекрасными фиговыми и масличными садами, с одною

православною церковью и многими полуразрушенными древними замками, между коими указывали нам на тот, в котором заключена была и томилась царица Тамара. Здесь нагружено было множество баранов, отличающихся от наших огромным ростом и одномастною рыжеватою шерстью. И дались же знать эти бараны третьеклассными пассажирами! Так как первые были расквартированы между последними и их багажом, то очевидно, что ни одному из них нельзя было все время и думать о покое и неприкосновенности своего «калабалика»⁵. Турки нарочито, в насмешку, то и дело что пугали этих бессмысленных животных, которые всею массою напирали на сидящих и лежащих на полу палубы. Только одна любовь к Спасителю и святое желание видеть и поклониться местам, освященными Его Божественными стопами, могла заставить терпеливо нести этот своего рода страннический крест. Через четыре часа мы снялись с якоря и благополучно продолжали путь до Триполи; причем испытывали жар и духоту нестерпимые. Когда мы стали на якорь, часовая стрелка показывала четыре часа пополудни. Город небольшой, чисто восточный; здесь живут арабы, в числе которых есть много православных.

Понедельник, 30-е июня. В 6 часов утра мы подъехали к городу Бейруту, довольно обширному, со многими красивыми европейскими постройками, особенно в новой части оного, где трудами кочевавших тут французских солдат разведены роскошные сады, и устроено по-за городом покойное шоссе по пути в Дамаск, – на протяжение 12 верст, – с прекрасными боковыми аллеями тутовых и других деревьев, которые с особою охотою и удовольствием посещаются всеми городскими жителями, как лучшие места прогулки и отдыха после дневного зноя. Вид города от моря весьма живописен и напоминает собою наши европейские города – и постройками, и преобладающими в нем элементом французов, итальянцев, англичан и пр., которых торговые фирмы, и учебные, и благотворительные заведенья пользуются похвальною известностью во всей Сирии. С парохода нам показывали место, обозначенное довольно высокою часовнею, где великим.

Георгий поразил змея. Всматриваясь в часовню и осеняя себя крестными знаменьем, я мысленно просил Святаго, чтобы он поразил и бесов, искушающих мя.

Снявшись с якоря, вечером уже, мы после солнечного заката подъехали к древнему, знаменитому в свое время по механическим искусствам, библейскому Сидону. Теперь он называется Салда – небольшой приморский городок, с мелкою и опасною гаванью; отчего корабли далеко останавливаются от берега, и редко даже заходят туда. Множество садов, как в самом городе, так особенно в окрестностях его, с роскошными плодоносными деревьями – масличными, персиковыми, апельсинными, миндальными, абрикосовыми, гранатными и бананными, – придают городу очень привлекательный живописный вид, среди песчаной пустыни; а базар его оживлен довольно хорошей торговлей, так как Сидон состоит в постоянном сношенье с Дамаском. Сидоном оканчивается и начинается Святая Земля. В пределах Тирских и Сидонских проходил некогда Господь, внявший воплю и глубокой вере женщины-язычницы, неотступно взывавшей: «Сыне Давидов, помилуй меня! дочь моя беснуется». Помня это, и мы взывали ко Господу: «Пение всеумиленное принося Ти, недостойный, вопию Ти, яко Хананея: Иисусе, помилуй мя! не дщерь бо, но плоть имам, страстью лют бесящуюся и яростью палимую, и исцеленье дажь ми, вопиющу Ти: Аллилуйя». '.

Вторник, 1-е июля. В ожиданье скорее узреть Яффу – эту последнюю грань скучного плаванья по морским пучинам для поклонников Палестины и первую для них твердыню Обетованной Земли (на которую поэтому притрепетно и вместе весело ступает нога христианского путника), – я встал довольно рано. Целую ночь носились дождевые тучи, и теперь, когда уже 5 часов утра, довольно свежо и серенько. Наконец, к 8-ми часам завиднелась с площадки корабля и Яффа, стоящая на возвышенности, почему ее видно издали. Лишь только яффские лодочники завидели подходящий к пристани пароход, как опрометью бросились к нему, наперерыв один другому, с целью пораньше и побольше захватить и багажа, и пассажиров; но остановлены были на полдороге русским консулом Марабути,

прибывшим на наш пароход для освидетельствования здоровья пассажиров, – для чего заставляли их пройтись скорым шагом по палубе. Признаться, это слишком напугало меня. Я в это время так был слаб физически и психически, что мог только сидеть, и то с трудом, а ходить – не иначе, как черепашьим шагом, и то пошатываясь, – что угрожало мне госпиталем в Яффе, среди ненавистных иноверцев и, пожалуй, лишением навсегда душевного утешения направить мои стопы и взвести очи мои на священные горы, отнюду же прииде помощь моя. Но к счастью моему, до меня, как первоклассного пассажира, не дошла очередь выделять помянутую гимнастику.

За сим, по данному знаку, вмиг налетела масса зверонравных лодочников, оцепила кругом пароход, на котором затем произошло такое смятение, такая свалка, такой гам, крик и вой, что трудно и описать: наше судно в эти минуты представляло крепость – точно Севастополь,-пассажиры – осаждаемых, а лодочники-турки – осаждающих. Последние, бесцеремонно, не спросясь, силою вырывали саквояжи и скрывались с ними, а хозяев их взваливали к себе на плеча другие, и, продержав одно мгновение между небом и водою, передавали поочередно следующим, пока простодушные поклонники, измятые и чуть не искалеченные, не долетали таким образом до места назначения. Вот каким подвигом веры, надежды и любви достигают Святой Земли! Впрочем, к чести водяных духов, нужно сказать, что никто не жаловался на пропажу вещей.

Через четыре часа, когда не стало осаждающих, и осаждаемые все, исключая нас троих, были перевезены на берег, мы упросили капитана послать за шлюпкою, на которой мы, сердечно распрошавшись с добрым пароходным начальством, и прибыли к Яффе. Едва успели мы ступить на горячую почву оной, как оцепили нас кругом таможенные и требовали на улице, под палящими лучами полуденного солнца, выкладки всех вещей; но, благодаря русскому консулу, мы избавились от этого китайского мытарства, быв приглашены в его контору для отдыха и переговоров насчет найма животных

для дальнейшего следования к цели нашего странствования – по земле Израиля.

Яффа расположена уступами, на довольно возвышенной горе; – это небольшой, но издали красивенький городок, окруженный садами с разными плодовыми деревьями тропических стран, благодаря своему особому географическому положению; в особенности же славится он на всю Сирию и Палестину своими крупными и вкусными апельсинами, которыми мы и запаслись в изобилии.

Смотря на Яффу, или древнюю Иоппию, мы невольно вспоминали все связанные с именем ее и древние библейские сказания о пророке Ионе, отплывшем из Яффы в Фарсис, с намерением убежать от лица Вечного, о плотах лесов, доставлявшихся отсюда в Иерусалим для храма Соломонова, и новозаветный – о воскрешении ап. Петром Тавифы и видении им таинственной плащаницы. Чувствуя и за собою грех евангельского фарисея, я мысленно взывал: «Ей, Господи Царю! даруй ми зretи моя прегрешения и не осуждати брата моего вовеки».

За кофе – обычным угощением востока, консул предложил нам выбирать для предстоящего пути одно из трех; нанять или карету, или верховых лошадей, или же ослов. Не ездивши никогда верхом, при слабом состоянии здоровья, я согласился на первый способ езды. Уплативши 40 франков за три места, мы втроем остались в канцелярии консульства для того, чтобы дождаться как ослабления дневного зноя, так и самого экипажа. Каково же было мое удивление и вместе скорбь, когда нам предложили идти к экипажу пешком за город, чуть не три версты, и притом улицами, буквально запруженными народом. В изнеможении от зловонной духоты, ходьбы и тесноты, несколько раз падал я на землю. Но и роптать за это нельзя было ни на кого, кроме на самих себя, так как оказалось, что езда по городу в экипажах невозможна по чрезвычайной узкости улиц, – чего мы раньше не предвидели. Но сия вся, только начало болезнь! Нанимая карету, мы соединяли с этим названием понятие о ней европейское. Какова же была болезнь нашего сердца и разочарование, когда карета оказалась нашею

простою некрытою телегою, устроенною, впрочем, на железных осях, без рессор, с двумя болтающимися между ребер скамейками. Разместившись кое-как, мы хотели поскорее продолжать путь; но не тут-то было: нахлынула толпа нищих, окружила нас и до тех пор не давала нам возможности двинуться, пока каждый из них не ощутил в своих руках желанного бакшиша. В восторге, при восклицаниях: «Русь хорош, Русь хорош!» нищие разошлись по кофейням.

Дорога от Яффы до Иерусалима считается небезопасною, но едущим в каретах не дают конвоя; – почему так, – не знаем. За яффские скорби мы достаточно были вознаграждены ездою и веселым убежищем между сплошными садами самых роскошных благоухающих деревьев апельсинных, лимонных, миндальных и пр. и душистых кустарников розановых, жасминовых, постоянно искусственно орошаемых водою из нескольких восьмигранных и квадратных каменных водоемов, архитектурно устроенных мусульманами в разных местах, с выбитыми на них золотыми арабесками и изреченьями из корана. Прохладное дуновение благовонного ветерка из тенистой чащи цветущих деревьев довершало нашу радость, после утомительного зноя, и навевало сладостные думы о сбывающемся воочию чаяния лицезрения св. земли.

Выехав из Яффы в 4 часа пополудни, мы спустились в прекрасную равнину с рыжевато-красною почвою; то там, то сям видны были следы скошенного хлеба и паслись стада туземных домашних животных; вдали виднелась цепь Иудейских гор, а вблизи рисовался, при заходящем солнце, прелестный ландшафт деревни Рамлы, оттеняемый среди безлесной пустыни гигантскими финиковыми деревьями и остроконечными верхами молитвенных зданий разных исповеданий. Дорога ровная; и хотя наш экипаж по местам сильно потряхивал наше бренное тело, но мы ехали в веселом настроении духа, которое постоянно поддерживал в нас ряд тянувшихся своеобразных караванов с произведениями востока; а побрякиванье выочных верблюдов и ослов колокольчиками и разными погремушками, при ночном мраке и тишине, будило наши слабевшие нервы.

В половине десятого часа ночи мы подъехали к Рамле. Так как многие считают ее за родину Иосифа Аримафейского, погребавшего Господа, то мы, припомнив евангельское сказание о сем прехвальном его подвиге, исполненном великого самоотвержения, в избытке благодарных религиозных чувств воспели в честь его священный гимн «Приидите ублажим Иосифа приснопамятного, в ноши к Пилату пришедшего и Живота всех испросившего»... По тесноте улиц, экипаж наш остановился вне деревни, и потом на отдых, волей-неволей, мы должны были около версты пройти к русскому подворью, на довольно высокой и весьма просторной терраске которого нас встретила, к великой нашей радости и удивленно, наша родная москвичка – жена смотрителя, заведующего подворьем; она приняла нас чисто по-русски: хлебосольству и ласкам не было и конца, даже нашелся русский самовар и чай, за которым она объяснила нам, что настоящее помещение нанимает русское правительство у араба за 170 р. сереб. в год для поклонников, и показала нам самые комнаты, чистые, светлые, с готовыми спальными принадлежностями. Мне сильно хотелось спать; но муэдзин, с соседнего минарета созывавшей правоверных на вечерний намаз чуть не целый час самым убийственным пронзительным голосом, до того расстроил мои слабые нервы, что я не мог сомкнуть глаз; а между тем явился мукер с приглашением ехать дальше, и мы в 11 часов ночи, изможденные, поплелись дальше.

На 30-й версте до того пронзило нас ночным холодом, что и теплое платье, которым я по совету и настояниям добрых людей запасся в дорогу, мне не помогло согреться, и я получил лихорадку на лихорадку. Яффский консул предварял нас о холода; но ни я, ни спутники мои не могли себе представить, чтобы в Палестине в июле месяце мог быть такой холод. Между тем мы подъехали к освещенному огнями какому-то зданию. Здесь мукер объявили, что он будет кормить лошадей и что лучше всего это время пересидеть в экипаже, так как жид, содержатель освещенной, как оказалось, корчмы, за один только вход берет с каждого путника по франку. Но горе – не свой брат, и я, вскарабкавшись кое-как на превысокую террасу с

грязной комнатой, удостоился видеть этого пустынного грабителя. Горячее кофе возбудило в моем организме теплоту и придало мне бодрости. Через час мы снова были в дороге. Но, Боже мой, что эта за дорога! То вы подымаетесь на целые сотни футов вверх, то сразу опускаетесь на столько же футов вниз, то вас толкает в ухаб на целый аршин глубиною, то при крутом повороте⁶ качнет вас в сторону так, что нужно особое напряжение всех ваших мускулов, чтобы не выпасть из экипажа. Мы чуть не проклинали тех минут, в которые соблазнились невиданными азиатским экипажем; сидеть в нем не было никакой возможности, и товарищи мои более шли пешком, а я, больной и слабый, поневоле должен был терпеть страшную пытку от такой езды. Чем ближе к Св. Граду, тем ощутительное становилось неудобство нашей каретной езды, так что я терял уже надежду увидеть онъи и принужден был в 10-ти верстах от него дать, хотя временный, покой смертельно уставшим членам, в жидовском шалаше.

Среда, 2-е июля. Было 6 часов утра; а зной, особенно в ущельях гор, невыносимый. Да скоро ль мы доедем до Иерусалима? нетерпеливо спрашиваем своего возницу. А вот, еще несколько холмов и еще, и еще несколько пропастей перейдем, а там перевалим чрез самую высокую гору, за ней будет садик, а там... он – Святой... Потерпите еще немножко; там уже сколько захотите, столько и будете покоиться и отдыхать...

Да, подумал я, обозревая, на сколько возможно, пройденное и предлежащее пространство, путь к земному Иерусалиму не легкий, усеянный дикими горами и бесплодными холмами, стропотный, острый; – нужно большое самообладание, чтобы, шествуя по нему, не выронить ропотливого слова; – зато, по мере приближения к нему, сердце бьется сильнее и сильнее, тоска уступает место радости, усталость – бодрости, и творится во всем организме как бы некое, сверхъестественное преображение к лучшему... Не истинное ли это подобие и прообраз пути и шествия по нему в горный, небесный Иерусалим – вечное царство? Не такие ли волны страстей бушуют и преливаются в жизненном корабле

каждого путника к небу и не дают ему покоя во всю его жизнь? Не подобные ли холмы огорчений и горы разного рода несчастий затрудняют его шествие? И не случается ли и здесь так, что, чем ближе к горнему Граду, тем бодрее путник изнемогает под гнетом их и вчастую падает? Но божественная благодать поднимает его, ободряет, утишает и ведет далее к церкви первородных, на небесах написанных, где ожидает его вечный покой.

Пока я таким образом мыслил в себе, показалась высокая гора, на которую подъем был весьма труден и опасен; затем роскошный садик, живописные дани палестинских архиереев и наконец Град Царя Великого со своими зубчатыми стенами и куполами. Моментально, сняв шляпы, в немом восторге от наплыва святых чувств, мы осенили себя крестным знамением и, не сводя с него глаз, взывали: «Слава Тебе, Господи, слава Тебе!»

Около восьми часов утра наша колесница быстро вкатилась в растворенные ворота огромного двора русской миссии, и глаза наши первое всего очарованы были изящным пятиглавым собором Живоначальной Троицы, а потом громадными и красивыми корпусами для помещенья русских поклонников. Около парадных дверей ближайшего корпуса мы остановились, но долго не имели возможности обратиться к кому-либо для указания нам помещения.

Данная мне квартира оказалась довольно уютной кельей, со всеми удобствами лучших русских гостиниц, – снабженная прекрасною железною кроватью с чистыми постельными принадлежностями, комодом, шкафом, умывальницею, несколькими стульями, столом и даже вешалкою для платья, с трехаршинным окном, обрамленным тканями востока; в углу виднелась икона так называемой Иерусалимской Божьей Матери. Трогательные чувства наполнили мою, изнывшую от мирских треволнений, душу, когда я, донельзя расслабленный телом, оставшись один, предался сладкому отдохновению: и дальность расстояния от родных мест, и трудность и опасность пройденного пути, и тягостное сомненье в благополучном возврате в отчество, – все, все забыто в окружающей меня

тиши; одна лишь мысль, что я наконец у цели моего странствования – в Иерусалиме – всецело занимала мою душу и сердце. В радостном молитвенном порыве, со слезами благодаренья, повергся я пред св. лицом Богоматери. Это было в 12 часов дня. Но ослабевшие мои силы не дали мне возможности подняться с одра временного покоя до 4-х часов вечера: в это время вошли ко мне в номер мои два сопутника и пригласили помыться с ними в турецкой бане. До бани я не охотник, но, наслышавшись и начитавшись вдоволь о восточных банях, как о чем-то чудесном, обаятельном, которого нигде нельзя видеть и испытать, как только там, поплелся с моими товарищами в сопровождение вооруженного консульского каваса⁷. Не успели мы войти в мусульманское водное чистилище, как сразу последовало полное разочарование в чудесности оного. Вонь, нечистота и мрак царят там, как истые хозяева; своды закопчены, как в винном подвале; свет проникает сквозь небольшие отверстия в потолках; а полы хотя и мраморные, но по местам или вогнуты от времени, или повыбиты наподобие харьковских мостовых; – и моющиеся должны сидеть и лежать на этих холодных плитах; никакой мебели, никаких полок, никаких приборов для взимания воды и усиления пара не существует; только кое-где в стенках торчат краны, испускающие, по желанью моющихся, то холодную, то горячую воду в поставленные тут небольшие каменные водоемы, из которых по временам и плескали на себя горстями воду чаявшее от ней очищения. Банщики же вооружены были мылом, губкою и мисками и предлагали свои услуги только за особый бакшиш. Не желая загрязниться в хваленом восточном чистилище, я совершенно отказался от всяких омовений, а мои сопутники позволили себе натереть азиатскими снадобьями. И за невольное созерцание этого и других мерзостей, творившихся здесь бесцеремонно, в виду моем, я приплатился четырьмя франками.

Четверг, 3-е июля. Вставши в 7 часов утра, я с прочими договорил грека-повара, живущего при миссии, доставлять мне обед, состоящий из трех блюд, за каждый по 9-ти левов или 54 к. серебром. Азиатские кушанья для нас оказались весьма

невкусными; все они состоят большею частью из вареной зелени: баклажанов, помидоров, кабачков, картофеля — приправленных бараньим салом и перцем и с кусками жесткого бараньего мяса. Рыбы, грибов, сушеных вишен, яблок, груш, соленых огурцов там не увидишь: домашних птиц — кур, гусей, уток — тоже нет; только у консула, как редкость, расхаживали три курицы и четверо гусей. Оттого в кушаньях томительное однообразие. Говядина же есть удел только богачей; а равным образом и коровье масло, — так как сберегать их нет никакой возможности по неимению ледников и даже погребов. Зато луком, перцем и маслинами хоть «греблю» гати.

Пользуясь пока свободным временем, я пожелал узнать о рыночных ценах на кой- какие жизненные потребности, и оказалось, что в Иерусалиме цены на оные довольно высоки. Так, напр., фунт картофеля стоит 4 к., фунт печеного хлеба 10 к., фунт арбуза 1 1/2 к., фунт дров 2 к., око баранины 35 к., око говядины 1 р.; некоторые же жизненные потребности дешевле нашего, напр., фунт колотого сахара стоит 12 к., средняя коробка сардинок 15 к., око (3 ф.) кипрского вина 18 к., самые лучшие штиблеты 6 р., фунт восковых свечей 20 к. По возвращении с рыночного вояжа, я отправился с визитом к начальнику миссии, который принял меня с истинно русским радушием и пригласил пить с собой чай. Просидев у него около часа и успев за это время переговорить о многом из дел России, я возвратился в свою квартиру. В 3 часа пополудни, к немалому моему удивлению, являлся ко мне в келью сам о. архимандрит в смиренной одежде простого инока, предлагает идти с ним ко Гробу Господню и посетить другие священно-исторические места, освященные жизнью, учением и делами Богочеловека. Поблагодарив от души за такую неожиданную для нашего недостоинства и вместе неоцененную его услугу, мы втроем, имея во главе такого ученого, опытного и авторитетного путеводителя, отправились к вечерне во храм Воскресенья; но нашли оный запертым мусульманами.

В ожидании открытия врат оного, мы зашли в патриаршую кафедральную церковь, помещающуюся в особом, ничем не отличающемся от обыкновенного дома, зданья, — по левую

сторону от входа в помянутый Воскресенский храм; там в это время совершалась вечерня. Церковь очень мала, темна, низка и поразительно бедна: нет в ней ничего воскресающего дух. Царские врата вышиною не более полутора аршина, так что служащий в алтаре виден почти до поясницы; на них я заметил во время служенья висящий епитрахиль, что и возбудило мое любопытство. Оказалось, что служащий иеромонах только тогда надевал его, когда выходил пред царские врата для возглашения ектенъи, по окончании которой, перед отходом в алтарь, тотчас снимал его и оставлял на вратах. Не успели мы еще, как говорится, хорошенько и осмотреться, как подбегает к нам мальчик в красной феске, сует насильно в руки по восковой свечке и ведет за собой в особое мрачное отделение; при возжжении данных нам свеч оказалось, что мы стоим пред лицом местной глубокочтимой иконы Иерусалимской Божьей Матери, которая, по сказанию некоторых Святогробцев, будто бы есть та самая, пред которой молилась при входе в Воскресенский храм Мария Египетская и, пред ней же, дала обед целомудренной жизни. Со словами: «Владычице! Не отврати рабы Твоя тщи: Тя бо едину надежду имамы», мы приложились к читому образу благословенной между женами, а мальчики настаивали о возможно большем бакшише (подарке).

Так как посланный от Святогробского настоятеля возвестил, что врата Воскресенского храма уже отперты, и началась вечерня, то мы и поспешили в оный. При входе, действительно, как и прежде нам передавали, устроены нары, на которых сидели два турка и пили кофе... При входе нашем они поспешно встали и, приложив правую руку к сердцу, в знак почтения, приветствовали словами: «Здравствуй, Русь!» Отступя шагов 12 от порога и прямо его, о. архимандрит пал ниц на пол церковный, а потом приник устами к лежащей на нем мраморной трехаршинной обрамленной плите, над которой горело около десятка больших изящных разноцветных лампад, а по сторонам стояли, в подсвечниках, громадной величины восковые свечи, в таком же количестве, принадлежащие трем исповеданиям: православному, католическому и армянскому –

по три каждого. Мы последовали примеру нашего путеводителя, т. е. приложились к оной. Эта плита есть тот священный камень, на котором бездыханное тело Жизнодавца, по снятии со креста Иосифом и Никодимом (ими же) было приготовляемо к погребению натиранием благовонными мастями; но ничуть не женами-мироносицами, как говорит о. Дюков на странице 117-й, которые только при этом присутствовали и смотрели потом, где Его полагаху: иначе им не было бы необходимости идти после этого ко Гробу Господню зело заутра, нося ароматы, да, пришедшее, помажутъ Иисуса. И потому-то, что жены только носили миро для помазанья, но не умели этого сделать – названы мироносицами, а не миропомазательницами. Помянутый камень назван камнем помазанья, или, как выразился о. архимандрит, – разгвождения Христа, так как на нем же руки и ноги Его были освобождены от вбитых гвоздей. Вправо отсюда восход по ступеням на Голгофу, против которой в 15-ти шагах обозначено особым кругом на полу, накрытым железною сеткою с висящею в середине оной неугасимой лампадою, принадлежащею армянами, то место, с которого Богоматерь, рыдающи, взирала на своего Божественного Сына, приготовляемого к погребению, и восклицала: «Увы мне, Чадо мое! Увы мне, Свете мой и Утроба моя возлюбленная!» Еще тринадцать шагов отсюда вправо – к юго-западу, и мы очутились за громадными колоннами из цельного мрамора, поддерживающими великолепный купол Воскресенского храма, под которым кувуклия, устроенная из мрамора же, в виде маленькой церквицы, вмещает в себе гроб Невместимого. Отступя от колонн пять шагов, мы стали прямо у входа в часовню Живоносного Гроба Господня. С замираньем сердца, с поникшей долу скорбной головой, долго, долго стоял я на площадке оной, пока другие прикладывались к месту погребенья и воскресенья Господа, в тяжелом раздумье. «Како вниду недостойный в погребальные чертоги моего Творца и Бога! Или како прикоснуся, нечисты устне имый, Его Божественному тридневному ложу, в нем же и из него же всем свет спасения воссия!» Пред входом в придел Ангела, я поспешно иззул сапоги, хотя это и необязательно, и,

приложившись здесь к части от камня, отваленного Ангелом в момент воскресенья Спасителя от Его погребальной пещеры, опустясь на колени в самой дверке, ведущей к Живоносному Гробу, и в созерцании оного отсюда, при свете горящих лампад, со словами священной песни: «Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный, и одежды не имам да вниду в он», прополз на коленях (удобнее этого положенья нельзя придумать по маломерности входного отверстия) к самому Гробу Господню и, припав к низу оного – на мраморный пол, со смешанными чувствами страха, благодарности, радости, умиления и надежды прильнул к Божественному покоищу Богочеловека, закончив начатый молитвенный гимн: «Просвети одеянье души моей, Светодавче, и спаси мя!» О, как мне хотелось было оросить горючими слезами покаянья это место всемерного спасения и поклоненья всех языков! Но, от физического ли бессилья, или от сильного наплыва и давленья волновавших меня разнородных чувств, или же по моему недостоинству, Бог и Спаситель мой не дал мне на первый раз блаженных слез умиления и сокрушенья. Будучи чуждым, вообще, зависти, на этот раз я испытал на себе всю силу этой страсти, видя, каким обильным потоком в течение целого часа струились на Гроб Господень слезы сокрушенья о грехах юности из глаз Ч., молодого именитого моего сопутника; я считал его в эти минуты счастливее всех счастливцев мира сего и молил Господа Бога, чтобы Он – всеблагий не лиshal и меня, хотя в будущие разы моего посещенья Его погребального ковчега, этого небесного дара – плача о грехах, и тем утешил мою душу, истерзанную и физическими, и нравственными бедами.

Рассматривая внимательно верхнюю мраморную доску, скрывающую под собою природное тридневное ложе⁸ Искупителя, я заметил, что она с трех сторон пропилена, на расстоянии полтора вершка от краев, и посередине преломлена, и кажется как бы составленной из двух плит. На запрос мой об этом, мне рассказали следующее: «Для мусульман не тайна, что христианский храм Воскресения, посещаемый издревле столькими тысячами богомольцев, вмещает в себе не малые вклады и деньгами, и вещами; не тайна также и то, что

множество даров шлется сюда из разных христианских стран; что всегда служило и теперь служит для них предметом зависти и желания прибрать эти сокровища гяуров к своим рукам. И вот в один день, нежданно-негаданно, пользуясь междуусобием, нагрянули полчища туркоманов в храм Гроба Искупителя, и, что попало, начали грабить. Многим мусульманам нечего было взять, и вот они, вошедши в кувуклию, заметили мраморную большую цельную доску, которая им, почему-то, особенно понравилась; но сколько ни употребляли усилий, не могли сорвать ее с места, чтобы унести для своей мечети; тогда они начали выпиливать, но, пропиливши с трех сторон, — чересчур устали и в сонном тяжелом томлении ушли с тем, чтобы на следующее утро явиться для продолжения работы. Греки же, пользуясь этими случаем и, не желая, чтобы эта священная доска, после вековых услуги Гробу Господню, досталась в попрание неверным, согласились лучше перебить ее пополам; что и исполнили. Турки, пришедшие на следующий день для окончания недоконченной работы, нашедши ее в таком виде, в исступлении перебили много христиан, а доску оставили в покое».

Кроме этого я заметил, что левый передний угол этой же самой священной доски, подобием и величиною в обыкновенный деревянный классный треугольник, как бы был когда-то отбит и потом прикреплен к своему прежнему месту мастикою. Догадка моя подтвердилась на самом деле. Нам рассказали: «Когда был наместником патриаршим в Иерусалиме, блаженной памяти, митрополит Мисаил (человек благочестивый и строгий подвижник, всегда живший при Гробе Господнем и бывший духовником почти всех русских богомольцев, как з纳вший ихний язык), ему пред наступлением времени совершения литургии, в которой и он должен был участвовать, донесено было, что неизвестно кем в ночное время отбита часть от доски, покрывающей ложе Искупителя; но виновники и похищенное не отысканы. Святитель Божий в обычное время литургии обратился к предстоящим со словом назидания, претил похитившему гневом Божиим и умолял принести обратно отбитый кусок, угрожая в противном случае

предать такового церковной анафеме. К следующей заутрени отбитая частица усмотрена лежащею на гробной доске, — причем виновник-малоросс, раскаиваясь в своем поступке, объяснил, что они это сделали с благими намерением — снабдить свою приходскую церковь наиважнейшею иерусалимскою святынею на память всеми настоящим и будущим односельчанам; отбили же припасенным в кармане молотком, во время чтения монашеского правила, удариивши со всего размаху молотом только один раз, и не считали подобный поступок грехом, так как он совершен с благою целью. Отбитая часть сейчас же и была прикреплена к своему месту мастикою, в каком виде и теперь остается». Как при входе, так и при выходе из погребальной пещеры Богочеловека, мы были усердно окроплены драгоценными ароматами из серебряного кувшина стоявшим здесь дежурными монахом.

Далее о. архимандрит повел нас налево от кувуклии мимо того места, где Господь по воскресении явился Марии Магдалине; оно обозначено кругом на полу, и над ними горит неугасимая лампадка, против которой устроен католический алтарь, и за сим вошли в храм, принадлежащий латинянам. Здесь на алтарном столе, в металлической круглой тумбе, хранится часть позорного каменного столпа или колонны, вышиною в три четверти аршина, к которой привязаны были пречистые руки Святейшего святых в претории Пилата. Она наглоухо закрыта от взора любопытных, по недочету во многих из них честности, и только открывается для лобызания один раз в году, на всю страстную седмицу; в прочее же время года лобызают ее посредством лежащей здесь с золотым наконечником трости, одним концом которой, чрез небольшое отверстие, сначала касаются самой колонны, а потом целуют его: — что и мы сделали по примеру нашего вожатого. Внутренность этого небольшого храма украшена священными изображениями самой лучшей итальянской школы и почти вся загромождена скамьями, на которых сидело около 12 человек католических монахов, с выбритыми до щепетильности макушками, в длинных с капюшонами бурнусах из верблюжьего сукна, препоясанных толстыми, в несколько рядов, простыми

веревками, на завязанных концах которых, при бедре, висело металлическое рельефное распятие Спасителя, – ноги голышом – ни во что не обуты, на голове никаких покрывал, волосы по краям головы толстые, подстриженные в скобку; – в таком виде я видел их ходящими по улицам и по-за Иерусалимом. Нетрудно догадаться, что это францискане. У входа во храм, в особой комнате, называемой уборною, потому что в ней облачаются для служения, нам показали богатейшую ризницу католических бискупов и ксендзов, а в особенном дорогом хранилище – огромный меч и четырехвершковые шпоры Готфрида Бульонского. Зачем воздается ему такая почесть католиками, и кто есть Готфрид Бульонский?

Для незнающих и не имеющих возможности навести надлежащие справки не лишним считаем сделать краткую заметку. Когда Св. Земля в 1083 году вместе с Иерусалимом и Гробом Господним, подпала под иго свирепых туркоманов, которые страшно угнетали христиан и ругались над ихними святынями, тогда некто пустынник Петр, видевший лично эти бедствия и поношения, воспламененный ревностью по Бозе и состраданием к церкви Иерусалимской, обошел всю Италию и Францию, проповедуя христианам восстание против неверных; вследствие чего составились многочисленные воинства, под названием крестоносцев, на освобождение Св. Земли от язычников. Одна из подобных армий явилась, предводимая Готфридом, 10 июня 1099 года пред стенами Иерусалима. Иерусалим, после сорокадневной осады, был взят крестоносцами приступом. Готфрид, со вступлением во святой град, направился пеший к Гробу Господню, в сопровождении только трех воинов; войско, узнав об этом подвиге своего вождя, тотчас прекратило кровопролитие и в награду за его мужество и освобождение Гроба Господня от руки неверных поднесло ему золотую корону; но он отказался принять ее, сказав, что никогда не решится возложить на себя царской короны там, где Спаситель мира был увенчан терновым венцом: хотя принял титул барона и защитника Гроба Господня. Через год после этого, он окончил жизнь свою в Иерусалиме и погребен у подошвы скалы Голгофы. Нетрудно после этого

догадаться, почему даже и вещи, ему принадлежащие, так высоко ценятся там, где он так энергически подвигался и ратовал за честь имени Христова.

Но продолжим прерванный рассказ о дальнейшем нашем хождении по храму. Поблагодарив папских слуг за их, хотя и вынужденное, внимание к нам – схизматикам, мы проследовали за почтенным нашим путеводителем мимо придела, посвященного Пресвятой Богородице (местное предание говорит, что здесь находилась пещера, в которую заключен был Спаситель, пока злобные воины готовили орудия Его казни, и здесь будто бы Богоматерь проливала слезы о предстоящем распятии Ея сына); поклонились каменным узам, в которые, как полагают, были забиты ноги Иисуса; – это есть не что иное как большой камень известкового свойства, в длину и ширину не менее аршина, в котором выдолблены вертикально круглые дыры, на расстоянии двух вершков одна от другой, в который свободно могут войти ноги, почти до колен; видна и поперечная дыра, в которую, по всей вероятности, вдвигалась задвижка, чтобы наказываемый не мог высвободить ног. Эти каменные узы вделаны около стены в пол и ограждены железной решеткой (от рвения поклонников, откалывающих иногда от них частицы), за которой теплится неугасимая лампада. Чтобы облобызать хотя край оных, нужно прилечь на землю. Я имел счастье получить несколько крупинок от сего орудия казни. За сим молились в греческом приделе во имя Лонгина сотника, который, видя страшные знамения, сопровождавшие кончину Спасителя, с верою в Него, как в Бога, воскликнул: «Воистину сын Божий бе сей», – и после сам из-за Него мученически окончил свою жизнь; далее со смирением преклонили главы перед армянским приделом разделения риз и спустились по широкой каменной длинной лестнице в глубокий ров, изрытый при отыскании Креста Господня. То место, где оный обретен, обозначено черным крестом из асфальта, вделанным в мраморную половую плиту, к которому прикладываются, прилегши на землю. Здесь довольно сырь и свежо, и от глубины места, и от близости подземного водоема. Восходя обратно по лестнице, мимо приделов благоразумного разбойника и св. Елены, мы молили

Распятого за нас помянуть и нас во царстве Своем и не лишить небесных своих благ.

Здесь считаем нeliшним передать читателям легенду, которая нам была сообщена нашими дорогими вожатыми, когда мы остановились на средней площадке лестницы для отдыха – о происхождении восточного бакшиша. Когда св. Елена сидела над окном, выделанным в скале, которое и теперь есть, и смотрела отсюда на работавших при открывании креста, и потом, когда оный был обретен, царица на радостях велела поскорее поднести его к себе; работавшие, пронесши немногого, остановились, требуя от ней бакшиша, и не двигались с места до тех пор, пока не получили желаемого с избытком. С этих пор бакшиши в Палестине и других местах Востока начали играть такую роль, что без него ничего не поделаешь. Не только за самую пустую услугу, но и за слово требуют с вас подарка. Если, говорят местные турки, арабы, евреи и греки, царицу заставили дать бакшиш, а тебя – и подавно; ты не знаешь разве, что этот обычай у нас, как закон, и всякий иноземец обязан подчиняться ему; а не то камешков у нас много, – забросаем. И мы сами испытывали на себе всю силу и тягость этой варварской взятки почти на каждом шагу.

Но возвратимся к прерванной речи. За лестницей, в приделе поругания (где греческий престол обоснован на части от колонны, взятой из двора Пилата, к которой, по преданию, привязан был Спаситель, когда неистовая чернь, по повелению этого малодушного правителя, повлекла Его во внутрь двора, бичевала Святейшего и ругалась над Ним)⁹, я осенял себя неоднократно крестным знамением и со словами: «Иисусе от всех оскорбленный, Радосте моя, возвесели мя», – дерзнул за своими сопутниками, грешными стопами взойти по 18-ти мраморными ступенями на скалу Голгофы. Невозмутимая тишина, глубокий мрак, бьющий среди него в глаза блеск от множества разноцветных лампад, игра света от драгоценных камней, коими украшены некоторые св. лики; великая святость самого места, на котором совершено наше спасение – все это невыразимо действует на чувства, душу объемлет невольный трепет, тело клонит к падению ниц, – на молитву; но бедный

язык немеет, мысли... от сильного волнения цепенеют. Но вот мало-помалу, по мере приближенья к месту водруженья Креста Христова, приходишь в себя, отрезвляешься, бросаешься к подножью оного и, крепко лобызая, с умиленьем восклицаешь: «Иже в шестый день же и час на кресте пригвождей в рай дерзновенный Адамов грех: и согрешенный наших рукописанье раздери, Христе Боже, и спаси нас!» Высеченное углубленье в скале, в которое водружен был Крест Христов, четырехугольное, вширь около полутора квадратной четверти, в длину или глубину около аршина. Такие углубленья заготовляемы были впредь и не уничтожались, так как они, во-первых, были выдолблены в скале, а во-вторых, в них настояла постоянная необходимость по множеству казнившихся здесь преступников. Принесенный крест, по пригвожденье на нем наказуемого, ставился прямо в углубленье, и если шатался, то подножье его обивали клиньями; потом, по уничтоженье трупа птицами или зверями, или посредством естественного разложения, кресты вынимались и бросались со скалы. Вот почему и Крест Христов найден возле Голгофы. Сзади углубленья стоит небольшая драгоценная икона страждущего Спасителя – усердное приношенье Императорского Российского Дома, – стоящая несколько десятков тысяч: слова свящ. писанья, изложенные на иконе довольно большими буквами, составлены из одних бриллиантов; над самым углубленьем стоит довольно высокий каменный престол, утвержденный на толстых мраморных колоннах, открытый со всех сторон, чтобы удобнее наклоняться под него для лобызанья св. места, но во время совершенья Богослуженья накрываемый пеленами, как и у нас. Служащие, для большего удобства, становятся при совершенье литургии на подставляемую спереди оного деревянную площадку. За престолом водружен крест, в вышину подлинного Креста Христова, – около шести аршин, с весьма живописным распятием на нем Господа, а по бокам – резные изображенья во весь рост Богоматери и Иоанна Богослова, венцы которых, украшенные тысячами драгоценных камней, при свете огней обаевают зренье: за крестом и предстоящими, на расстоянии аршина – глухая стена, на которой, на досках,

изображены все виды страданий И. Христа, начиная от моления о Чаше до Его погребения, в богатых серебряных окладах. За сим, осмотревши со свечами (иначе нельзя) в руках трещину в природной скале, которая образовалась в минуты смерти Богочеловека, мы перешли в придел папистов, находящийся смежно, по правую сторону, где взоры наши прикованы были поясною статуей скорбящей Божьей Матери об умирающем Сыне: это чудо искусства; – лик точно живой; так и ожидаешь, что вот, вот он заговорит: «Увы мне, Чадо мое!» Слезы нависли на ресницах и готовы капать на землю; чувство страшной сердечной туги о Сыне возлюбленном так натурально отпечатлено во всей фигуре, что, смотря на нее, и сам невольно располагаешься к сетованию и слезам. Драгоценное покрывало на голове, мониста, запонки, браслеты и прочие женские украшения – дар латинских королей, горят бриллиантами, алмазами, изумрудами, яхонтами, аметистами и ценятся в несколько миллионов рублей. За сим поклоняясь, здесь же, месту, на котором положен был Крест для пригвождения к нему Спасителя, мы направились к северной двери и спустились по лестнице, ведущей в Воскресенский храм, прямо в алтарь онного. Здесь мы застали святогробского настоятеля, который показал часть Животворящего Древа, вделанную в большой Крест и руку (начиная от плеча и кончая кистью) св. и равноапостольной Марии Магдалины, хранящуюся в драгоценном ковчеге. По воздании подобающей чести сим святыням, мы осмотрели св. алтарь, иконостас и всю внутренность храма. Заметив, за срединою оного, торчащий в полу голубой столбик, на котором прилеплены были горящие свечи, я спросил о. архимандрита: какое он имеет назначение? Мне объяснили, что многие невежды называют эту урну пупом земли и думают на основания слов Писания – посреди земли соделал еси спасение, Боже, – что то место, где она поставлена, как раз и есть центр или средина земли; тогда как она поставлена для означения предела, далее которого священная процессия – с Евангелием на малом входе и с Св. Дарами на великом – не должна следовать и, обойдя оный, должна возвращаться в алтарь. Отсюда же нам показали кельи

монахов католических и армянских: первые помещаются вправо от часовни Гроба Господня, над самым храмом, на втором этаже, а вторые – влево, на противоположной стороне, где помещается армянский храм. Оборотившись за сим опять к иконостасу, мы увидали, что каждая икона в верхних ярусах имеет сквозные прорези по-над лицами с трех сторон; – это нас очень удивило. Оказалось, что каждый ярус икон имеет за собою с алтаря хоры, на которых располагается народ в страстную седмицу, когда бывают десятки тысяч богомольцев, и оттуда, сквозь иконные скважины, смотрят на совершающиеся священномействия во храме и около часовни Гроба Господня.

Наконец, вышедши из Воскресенского храма, мы были приглашены Святогробским игуменом в приемный зал, который находится под Голгофой и угощены кофе, вареньем и ракою, и потом, распростиавшись, удалились из храма. Не было никаких официальных омовений ног и рук, никаких урочных трапез и торжественных заседаний множества архиереев, при которых бы записывались имена и вносились деньги на нужды храма от поклонников, и за это выдавались бы разрешительные грамоты.

Когда мы вышли наружную площадь перед храмом и осматривали внешний вид оного, о. архим. указал на заложенные большие врата, в которые силилась войти на праздник Воздвиженья Креста Господня преп. Мария Египетская, но невидимая сила ее отталкивала; над ними же стояла и икона Богоматери, пред которой Мария молилась и дала обет целомудренной жизни; – здесь теперь помещается убогая часовня коптов, в которой поместится не более трех человек: на небольшом столике помещается икона, где и совершается обедня; дверь, ведущая в часовню, хуже деревенской калитки. Потом, смотря на колокольню, мы долго не могли объяснить себе, почему она до сих пор остается безверхою – при одном этаже, представляя из себя безобразную фигуру перебитого пополам графина или усеченного конуса. Порчу оной многие туристы объясняют бывшим когда-то землетрясением, но о. архим. выяснил это согласно с местными преданьями так: некто Саладин, увенчанный короною калифов, пользуясь смутным положением

дел христиан, решился привести в действие давно обдуманное им намеренье освободить Восток от владычества христиан. С многочисленною армией он подступил к Иерусалиму, который, по тесным своим обстоятельствам, должен был сдаться победителю на капитуляцию. Король Иерусалимский со многими вождями достался в плен Саладину. Все церкви Св. Града были обращены в мечети, кроме храма Гроба Господня, только с тем условием, чтобы башня его, или колокольня, была снята до последнего этажа и никогда не смела бы возвышаться и величаться перед мусульманскими минаретами; причем он указал на соседний минарет, который был гораздо ниже ее по высоте. Этот высящийся минарет и при нем мечеть, в которой поименованный победитель преклонял свои колена пред аллахом за дарованную победу, до сих пор существует и почти примыкает к наружной площади Святогробского храма. Колокольня же последнего, будучи тогда же обезображена, и теперь стоит в таком жалком виде, и никто не осмеливается достроить ее, боясь смертной угрозы.

На помянутой сейчас площади, едва мы двинулись с места, чтобы идти далее, окружила нас несметная толпа мусульманских нищих и продавцов разного рода священных предметов и чуть не сбивала нас с ног, хватая за руки, за одежду, за что попало, и много стоило нам труда и усилий высвободиться от них; так как мы были без официального каваса или турецкого проводника.

Ушедши от беспокойной толпы, мы пошли через небольшую арку по так называемому крестному пути. Здесь мы зашли в латинский храм, устроенный на том месте, где Спаситель после насмешек и различных истязаний, учиненных над ним бесчеловечными воинами Пилата, был выведен сим последним на площадку пред народ в терновом венце и багрянице со словами «Смотрите, как Он измучен!» (Се человек.) Этот храм называется храмом Сионских сестер, при котором они и живут, как монастырки, и своим саном много приносят и материальной и моральной пользы местному разноплеменному и разноверному населению. Здания, в которых он помещаются, массивны и архитектурны. В сенях сказанного храма стоит

поражающая зрение статуя, изображающая Божью Матерь, держащую на коленях Своего Божественного Сына – Мертвца, только что снятого со Креста; в любимые черты лица Еgo Она вперила Свои слезящиеся глаза; одна рука Ея покоится на сердце Его, как бы с целью осязательнее дознать, действительно и совершенно ли оно перестало биться для жизни, или в ожидании – не забывает ли оно вновь для блага бедного человечества. С правой стороны, при входе во храме, устроен особый придел, сквозь открытое окно которого мы рассматривали богатую статую Спасителя, падающего под тяжестью креста, в терновом венце и червленой звездчатой порфирие, – работы искусной руки, и пошли далее, подавляемые тяжелыми чувствами скорби. Внутренность самого храма пленяет своим великолепием, в особенности же производит потрясающее душу впечатление – величественная фигура Спасителя с надписью «Ecce homo», стоящая вверху над алтарем, на том, будто бы, месте, где стояли пречистые ноги Его, когда Пилат спрашивал: «Откуда Ты?»

Раньше этого мы хотели осмотреть францисканскую церковь – Бичевания Иисуса; но, сколько ни стучали в запертую калитку двора оной, не получили ни ответа, ни привета, и – ушли. Теперь же, когда подошел к нам самый блюститель этого храма, старичок францисканец, и усердно приглашал не минуту и его, мы воротились и вошли чрез низкую дверь в церковь, над входом в которую бросается в глаза крупная латинская надпись: «Пилат поят Иисуса, и би Его». Внутри церковь низка, невелика и похожа на обычновенный зал, увешанный по сторонами довольно живописными картинами религиозного содержания из последних дней жизни Иисуса. Под открытым небольшим алтарем, на мраморном полу, означено место, облитое кровью Святейшего Страдальца. За сим мы осмотрели весь внутренний двор бичеваний, заушений и заплеваний и сорвали на память несколько цветков, изобильно насаженных усердною рукою везде, где только позволяло место. Отсюда прошли мы к дому Пилата, и когда я хотел взойти в наружную открытую дверь с улицы, чтобы посмотреть на то место, где происходил, по преданию, нечестивый суд над неповинными Праведником, то

один из турецких солдат выскочил и грубо оттолкнул меня, а прочие изнутри свистали с криком: «Вон, гяур!» Однако же я успел завидеть, что здесь помещается турецкая конница. Отец архимандрит повел нас к другому ходу, где, поднявшись по ступенями вверх, мы прошли чрез несколько грязных комнат, в которых помещаются турецкие трубачи, при появлении нашем, в насмешку, проигравшее нам какой-то кошачий концерт, и взошли на высокую террасу, с которой открываются превосходные виды на соседнюю мечеть Омарову, с ее красивою и громадною площадью и прилегающими к ней зданиями, осененную вековыми деревьями, — на храм гроба Господня и почти на весь Св. Град. Отсюда же мы, созерцая пройденный нами страстной путь, в чувстве умиления осенив себя крестным знамением, мысленно восклицали: «Слава страстем Твоим, Господи! Слава долготерпению Твоему, Господи!» При спуске с террасы, стоявшей тут на часах турецкий воин потребовал с нас по пиастру (25 к.) за хождение. Обогнув угол улицы, мы зашли посмотреть то место, которое у Евангелиста Иоанна называется Овчею Купелью. За горами мусора и за разною нечистотою мы едва могли пробраться к ней и вот что узрели: глубокую и широкую четырехугольную яму, огороженную от верху до низу плотным камнем. Вместо иссякших животворных вод, исцелявших всевозможные недуги, красуется в ней навоз, валимый сюда турецкими солдатами из своих конюшен, как бы в насмешку, а всеми мусульманами и жидами всякая дрянь, начиная от помоев до дохлой кошки или собаки, чтобы поскорее изгладить из благодарной памяти истинных почитателей Бога это священное и осязательное место Его милосердия и любви к страждущему человечеству. Индийских фиг, гранатовых и других деревьев, которые так недавно видел растущими на полу этой купальни один из печатных паломников, теперь не существует. С трех сторон она окружена высокими каменными зданиями, обращенными к ней задним фасадом, между которыми, и именно, прилегающими к площади Омаровой мечети, теперь почти развалившимися, указывали нам на отделения, принадлежавшие дому милосердия, в которых слежало множество болящих, чаявших

движения воды, в числе которых, будто бы, здесь же возлежал и евангельский тридцативосьмилетний расслабленный, исцеленный всемогущим – «востани и ходи». Тут же и Красные врата – те самые, которые вели во двор храма Соломонова, а теперь к мечети Омара, и в которых св. ап. Петр исцелил хромого. Завидев через них прекрасную площадь, усаженную деревьями, и разные портики, окружающее красивую мечеть, и не видя ничего подобного в пройденных местах, я, подстрекаемый неудержимым любопытством, оставив своих сопутников, со тщанием пошел через помянутые врата, чтобы лучше полюбоваться тем, что там есть, как вдруг, к моему удивлению, а потом и немалому страху, с разных сторон посыпались на меня камешки; где взялась целая буйная ватага мусульманских мальчишек разного возраста и с бранью, неистовым криком и свистом устремилась с камнями против меня; и если бы не близлежащие руины какого-то здания, в которых я скрылся, то, пожалуй, сделался бы подобным тем слепым и кривым, которые когда-то неподалеку отсюда возлежали, в надежде избавиться от этих физических зол.

Сидя за траншеей в ожидании успокоения мусульманского фанатизма, я мыслили в себе: о, когда-то Господь сокрушил это дикое и свирепое агарянское владычество! И дождется ли христианский мир того блаженного времени, того часа, когда ему возвестят: слава Богу, – теперь мир в Иерусалиме! Теперь каждый поклонник, свободно, без боязни, во всякое время и как угодно может выражать свои молитвенные чувства в священных и дорогих сердцу его местах?! Чувствуя себя необыкновенно расслабленным и болезнию, и долгою ходьбою, взирая с жалостию на занавоженную купель, подумал я: о, если бы она опять, вдруг, наполнилась животворными водами! Не успел бы он еще до dna возмутиться, а я уже и там... первый... и здоровый, и радостный, и благодарный теку по стогнам св. града и удолиям всея Палестины... Но мечтания мои были прерваны поисками за мной моих сопутников. При рассказе о случившемся со мной, о. архим. заметил: «Напрасно вы удалились от нас: вас могли бы там даже убить»; и повел нас к находившимся невдалеке Гефсиманским воротам, иначе

именуемыми вратами Девы Марии или Стефановскими, потому что через них проходят в Гефсиманский сад мимо места погребения св. архидиакона Стефана. Под навесами этих ворот сидели сторожевые солдаты-турки, которые в излишнем упование на могущество и внимание Магомета – грозного карателя гяуров, беззаботно, поставив свои ружья в сторону, с особым усердием занимались игрою в карты – в трилистика, носка и пр., по временами потягивая живительный кальян.

Вышедши из этих ворот, мы направились вдоль городских стен, начиная от северного угла оных и кончая юго-западным. Слева от нас протянулся длинный, неширокий и неглубокий овраг, именуемый в Писании потоком Кедрским, в котором не было и признаков воды. Между ложем оного и городскими стенами тянутся мусульманские кладбища¹⁰, испещренные множеством беломраморных, разного вида, надгробных памятников с рельефными эмблемами рода службы или занятия покоящихся под ними. На могилах и по-между ними постоянно попадались сидящие или блуждающие мусульманки в белых длинных саванах с цветами в руках, превосходными гирляндами которых обвивались также и самые памятники. Белые саваны, из-под которых выглядывали мелоподобные мертвцевкие физиономии, могильная тишина, самое место, изрытое рытвинами, близость Иосафатовой долины, где, по преданию, должен происходить последний суд, – все это наводило на душу какой-то непонятный страх, – так и грезилось, что это блуждают воскресшие мертвцы, и, в томительном ожидании определения своей вечной участи, снуют взад и вперед в раздумье: куда-то придется попасть.

При этом о. архим. заметил: уважаю я этих мусульманок за их благоповедение в праздничные и другие часы свободного времени: посещение кладбищ, молитва за покоящихся там родных, тоскованье о разлуке с ними, чинные разговоры, проходка между могилами или сидение на них, – вот любимое их развлечение и вместе препровождение свободного времени! Не так водится у нас на Руси: в свободные и особенно праздничные часы пьянство по домам и в кабаках, бесчинное расхаживание и пение по улицам срамных песен, пляски, игры,

неистовый смех и пр. и пр. Тут же мы долго смотрели на заложенные в крепостной стене так называемые святые златые врата, в которые, сидя на жребяти осли, имел торжественный вход Спаситель человечества. Доступ к ним с внешней стороны труден, каким бы кто способом к ним не пробирался: ибо теперь пред ними идет гористый вертикальный уступ саженей около пяти.

Окончив хождение по-над юго-восточною наружною стороною Иерусалима, по случаю позднего времени, мы оставили осмотр Сионских святынь до следующего разу, а пошли посмотреть на место плача или молитвы сынов Израиля, которые они совершали под открытым небом. Дело в том, что у евреев сохранилось предание, будто в стене, окружающей св. град, сохранились камни от времен построения ветхозаветного Иерусалимского храма. И действительно, смотря на нижние ряды стены, возле которой евреи молятся, можно думать, что эти громадные, полуторасаженные камни (подобные которым я видел впоследствии в подвалах бывшего храма Соломонова), принадлежат тем временам. Евреи посещают это место не по пятницам только, как говорит один паломник Л., но и во все другие дни и часы. Так мы посетили это место в четверг вечером и застали около 30 душ обоего пола евреев, из коих одни прислонились к заветным камням лбами, другие тыкали в них пальцами, иные выкрикивали усердно псалмы, некоторые пронзительно выли и преуморительно гримасничали, многие же равнодушно высиживались и посматривали на нас. Словом, эта жужжащая группа молившихся напоминала собою то состояние, в котором находятся пчелы, когда они останутся в улье без матки. За сим мы вошли в город чрез так называемые гнойные ворота, где на площади, загроможденной развалинами древних зданий, роскошно растут огромные кактусы, и, прошедши тесный, зловонный и наводящий уныние еврейский квартал, мы воротились домой на «постройки» в 7 часов вечера, когда уже, по тамошнему времени, начинало темнеть, и с удовольствием пили чай, за которым я своим сопутникам рассказал мою биографию, которую и их ввел в тоску и себя в слезы и тяжелое раздумье.

Пятница, 4-е июля. Я встал в 5-ть часов, чтобы не пропустить обедни в нашей миссионерской Троицкой церкви, которая началась в 6-ть часов. В самую церковь ведут трое дверей; внутренность представляет вид длинного, просторного зала, вокруг которого во втором ярусе устроены прекрасные хоры, поддерживаемые цельными мраморными колоннами; пол тоже везде мраморный; к алтарю поднимаются по пяти мраморными ступеньками, на широкой площади которого красуется иконостас отличной резной работы из дубового дерева, без всякой покраски и позолоты; иконы византийской живописи, без металлических риз, в три яруса; перед каждой иконой висят драгоценные лампадки и все во время служения зажигаются; царские врата из бронзы, золоченой чрез огонь, искусствой резной работы¹¹, и, особенно, привлекают к себе глаза всякого пришельца; в алтаре, весьма просторном, устроено тринацать бархатных седалищ для священнослужащих. Утварь и облачения роскошны, – дары русского Императорского Двора и московских фабрикантов. Семь душ певчих – теноры и басы – поют гармонично, напевом, составленным из партитур киевских, афонских и симоновских.

По приезде в Иерусалим, мы предположили первое всего говеть и принять таинства исповеди и св. причастия, почему усердно просили о. архимандрита отслужить для нас субботнюю всенощную и обедню русскую во храме Гроба Господня, так как русские не имеют там права совершать какое бы то ни было богослужение без благословения патриарха. О. архим. настолько был обязателен и добр, что устроил все к нашему душевному утешению; и вот мы, вместе с ним, вечером, в 7 часов, и отправились ко Гробу Господню. Всенощная совершалась на Голгофе, при пении русских миссионерских певчих. Ночная тишина, мрак, мерцания среди него разноцветных огней, громовые раскаты родного мелодического пения под сводами обширнейшего храма, трогательный канон о распятии Господа, необычайность самого места, – все это и ужасало, и сокрушало, и умиляло, и восторгало мою душу до слез.

Но особенно, что меня поразило и вместе пролило утешение в мою душу, убитую невзгодами жизни, так это слова утреннего Евангелия: «Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененные, и Аз упокою вы. Возьмите иго Мое на себе и научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашими. Иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть». (Мф. 11: 28 – 30), которые я принял за ответ, какбы лично ко мне обращенный Самим Спасителем, распростертым здесь за престолом на кресте, привлекающим к Себе и вещающим ответ на мое томительное жизненное положение: «Что ты всуе мятешися? Почто ты, трудясь и потея, ищешь мира душе твоей, покоя и отрады сердцу твоему в том, что способно только еще более возмутить тебя и сокрушить последний останок твоих слабых сил? Возверзи твою печаль на Меня, и ты найдешь мир; Я доставлю тебе жизнь без печали; я буду для тебя Светом, блистающим паче всякого света, Упокоением паче всякого земного упокоения. О, приди же, приди ко Мне труженик и мученик страстей! Не бойся! Я не тиран, а милосердый Отец; посмотри на Меня, на Мои язвы: Я их претерпел, чтобы тебя ввести в Чертог Мой. Не ужасайся: Мой закон не есть бремя тяжелое и бесполезное, а сокровище, дорожнее паче тысячи золота и серебра; ибо он один только может указать и открыть дверь в Мое славное вечное царство». По окончании всеобщной, я, у подножия Креста Христова, под престолом, принес покаяние во всех грехах моей жизни.

Суббота, 5-е июля. Во втором часу ночи началась литургия на св. Гробе, которую совершали настоятель русской миссии – о. архимандрит, иеромонах Вениамин – мой духовник, эконом Уфимского архиерейского дома Филарет и я недостойный. О, до чего радостны, до чего сладки были минуты служения на том месте, где Христос погребен и воскрес, спогребши с собою и наши грехи, и совоскресивши и нас к вечно-блаженной жизни! Не выяснить никаким языком земным, не описать никаким писалом человеческим сих восторженных минут в моей жизни. В особенности же, до глубины души, до разделения мозгов, подействовала на меня священная процесия перенесения св. Даров – с Гроба Господня вокруг кувуклии – на великом входе,

в преднесении множества крестов, хоругвей, светильников, в предшествии певчих и заунывном пении ими, во время самого обхождения, херувимской песни. Так и казалось, будто мы видимо сопровождаем Господа, идущего заклатися и датися в снедь верующим. Я готов был тут же разрешиться от тела, я забыл землю, забыл все, все на ней; эти минуты казались мне уже жизнью на небе, – и как, очнувшись после всего этого, горько было разочаровываться и видеть себя в омуте прежней жизни!

После обычного отпуска мы, забрав все священные принадлежности, отправились для разоблачения и чтения благодарственных молитв в Воскресенский храм; а на Гробе Господнем начали совершать обедню армяне. За сим, к 3 часам, мы приглашены были в приемную настоятеля Святогробского и угощены вареньем, ракою и чаем; после чего на рассвете разошлись по квартирам и, при выходе из храма, видели турецких стражей, варящих на жаровне кофе.

В 10 часов утра делали мне ответный визит о. архимандрит с духовником иеромонахом Вениамином и пригласил к 2 часам к себе на завтрак, (по случаю именин одного из моих сопутников А.), – который был очень обилен и заключен заздравными тостами, после которых присутствовавшим радушный хозяин раздавал на память разные священные предметы; мне же, сверх того, презентовал две монеты времени Александра Македонского.

После этого я делал визит русскому консулу, Василию Федоровичу Кожевникову, который оказался жителем города Харькова и бывшим студентом Харьковского университета; почему обоюдное наше знакомство было самое приятное; расспросам и допросам не было и конца; причем пригласили меня на обед, а потом и на вечерний чай, после которого я оставался у него до 12 часов ночи. В оживленной беседе о восточных делах и местных святынях время шло неприметно и до того приятно, что я совершенно забыл, что нахожусь на чужбине, вне отечества, в страшной дали от родных, друзей и знакомых, – с слишком за четыре тысячи верст.

Назавтра предположено ехать в Крестный монастырь, где, по преданью, находится корень того дерева, из которого сооружен был крест для распятая на нем Господа.

Воскресение, 6-е июля. После краткого сна, я уже готов был в предположенный путь; почему и отправился к о. архимандриту, так как он обещал и меня взять с собою в Крестный монастырь по приглашению ректора находящейся в нем патриаршей греческой семинарии. Со мной в Палестине не было ни скуфы, ни камилавки; а у греков, и вообще на востоке, привыкли видеть всегда священное лицо с покрытою головою; почему о. архим. предложил мне надеть его монашескую камилавку, а наперсный крест, в память минувшей войны, снять и оставить дома, ибо эллины сильно издеваются над теми русскими духовными особами, которые, пробравшись в Палестину, стараются везде выказывать свои кресты и ордена; вот, прибавил он, и я никогда не ношу никаких регалий вне своей церкви; и вы далее сами увидите, что ни один архимандрит, ни один из архиереев здешних не будет иметь на себе во время экзамена никакого знака отличия от других, кроме Патриарха, и только потому, что он будет предварительно в актовой зале совершать молебное пение. Запасвшись зонтиками, мы в 8 часов утра воссели на оседланных животных, – о. архим. на белого арабского коня, а я на коричневого осла; от непривычки и, вообще, от неумения ездить верхом, я, при слабости сил и каменистой тропе, усеянной огромными каменьями, ехал со страхом и трепетом и при всяком смелом движенье и мгновенном повороте животного, при незнанье его характера и турецких дрессировочных терминов, чуть не падал на землю. Чрез час мы были уже у самого монастыря, похожего по наружному виду скорее на крепость, – так высоки и толсты окружающие его стены, из-за которых трудно путешествующему, даже издали, рассмотреть его внешний вид. В узкую калитку мы были впущены вовнутрь, и направились по лестнице прямо в ту церковь, где блюдется корень от Животворящего Древа. Был десятый час утра, и, когда мы вошли в церковь, обедня уже окончилась. Бывшие в церкви, и мужчины и женщины, опрометью бросились, опережая и давя друг друга, в алтарь, как оказалось,

для поклонения и лобызания вышесказанной святыни. В ожиданья выхода этой толпы, мы рассматривали внутренность храма; храм сравнительно небольшой, темный и довольно ветхий; по стенам видны альфресковые религиозные изображения; пол мраморный, испещренный по местам красивою мозаикою, со впадинами от древности. Заметив на нем кое-где темно-красные пятна, мы спросили о них мнения о. архимандрита, который нам объяснил это так: турки, как известно всем и каждому, народ дикий, фанатический и корыстолюбивый; при малейшем неудовольствии, при всяком возмущении подведомых им племен, они изливают свою месть на них грабежом, кровопролитием и убийствами. А так как лучшим убежищем в подобных случаях для христиан служили и служат храмы и монастырские стены, то в них, особенно в прежние времена, очень часто лилась кровь человеческая и совершились грабежи разных церковных сокровищ. И вот, на память векам об изуверстве мусульман над неповинными христианами Промысл бледет кровавые пятна до судного дня. За сим мы вошли в алтарь, престол которого с трех сторон обвит пеленами, а с четвертой, восточной, открыт совершенно; под ним в полу указали нам в серебряном круге отверстие, — место, где, по преданью, росло Животворящее Древо; — но есть ли в нем остатки его корня, мы не могли рассмотреть за темнотою. Почтивши должным образом святыню, мы отправились на верхний этаж над церковью, в приемный зал существующей здесь патриаршей семинарии, в котором нашли до 60 душ любителей просвещения одних монашествующих, сидевших, скучившись кругом зала, на длинных турецких диванах. При появлении нашем с о. архимандритом, все попривстали; я искал глазами Патриарха, но не мог угадать его по наружному виду. О. архим. подошел к одному маститому старцу, стоявшему, в числе прочих, в углу под иконою, сам принял от него благословение и меня подвел к нему с рекомендацией: оказалось, что это был Патриарх Иерусалимский и всея Палестины Иерофей. По получении мною благословения, он с приветственной улыбкой указал мне место для сидения. Оказалось впоследствии, что я сидел между

двумя митрополитами; архиереев же здесь было семь; остальные архимандриты, и все в черных зонтообразных камилавках. Не успели мы присесть, как нам поднесли варенье, мастику¹² и кофе; за сим по докладе, что к экзамену все готово, и по поднесении Патриарху панагии, нас пригласили в экзаменационный зал, через площадку террасы.

Патриарх, облачившись в мантию (которая отличается от наших архиерейских тем, что на спине ее был вышит большой бархатный малиновый воздух с крестами, херувимами и разными украшениями) с жезлом в руке, сам, в сослужении только двух иподиаконов (они же исправляли и должность диаконов и архидиаконов), державших трикирий и дикирий, начал молебное пение и, по возгласе, громким и выразительным голосом сам прочитал 50-й псалом; молебен закончился осенением крестом на четыре стороны, на которое присутствовавшие отвечали пением, с провозглашением полного патриаршего титула.

За сим приглашенные разместились таким образом: ректор семинарии среди зала за кафедрою, как начальник заведения и председатель собрания; на диванах вокруг кафедры, по левую сторону, патриарх с несколькими архиереями, по правую – два митрополита, далее по ту и другую сторону архимандриты и прочие участники торжества; за ними на скамьях воспитанники семинарии всех классов, – все в полуярских и низеньких клобучках с подрезанными в скобку волосами, а взрослые в бородах. По занятии мест, ректор открыл экзамен приличною времени и слушаю речью, по окончании которой прочел конспект пройденному по всем предметам во всех классах; затем сообщил порядок самых испытаний.

Первыми испытуемыми были воспитанники богословского класса, по всем отделам богословских наук. Вызывались они не по списками, как у нас, а по отдельным билетикам с фамилиями учащихся, которые, по предложению ректора, вынимал из урны один из митрополитов и по ним выкрикал фамилию ученика. Во время экзамена обратил на себя наше внимание один преосвященный – старичок своею патриархальною простотою: сбросив, по начатии испытаний, с себя башмаки в присутствии

всех, подвернув под себя ноги и, склоняясь на руку, он все время преспокойно дремал, не обращая никакого внимания на происходившее вокруг него. (Впоследствии я с ним совершил литургию на Гробе Господнем, – он великий подвижник, и хорошо владеет русскими и славянскими языками.)

Экзамен продолжался три часа, в продолжении которых спрошены были только три воспитанника богословского класса, – они же составляли и весь штат его; всех же учащихся в семинарии семьдесят человек. По окончании экзамена, в 12 1/2 часов, когда все попривстали со своих мест, всеми воспитанниками, под руководством учителя пения, были петь в течении получаса в честь Патриарха нарочито сочиненные гимны, на которые он отвечали глубоко знаменательною улыбкою и наклонением головы. По лицам поющих заметно было, что они были в восхищенье от своего пения; предполагая и в нас то же чувство, они то и дело что поглядывали на нас; но кто слыхал настояще, так сказать, самородное греческое пение, тот согласится с нами, что оно, по меньшей мере, дикое и безобразное и может быть уподоблено нашему демественному пению по крючкам. За сим ректор пригласил всех присутствовавших в семинарскую столовую на обед, на который Патриарх явился смиренными иноком, без всяких отличий, а только в сопровождении кавасов с булавами. По прочтении им самим молитвы Господней и благословении трапезы, посетители усажены были за одним столом с Патриархом, а на другом семинаристы. Обед был не изысканный, хотя изобиловал кушаньями из местных продуктов греческой стряпни, которая русскому человеку весьма не по вкусу; главную роль, впрочем, играла жесткая сирийская баранина, которую подносили всем монашествующим, начиная от Патриарха до иподиаконов; – это меня удивило, долго не верил я своим глазам, что это вижу наяву. За разъяснением я обратился к о. ректору, который на замечание мое, что я не привык видеть мясного в устах русских монахов, а здесь вижу ядущих его и архиереев, объяснил: у нас монашествующие делятся на два разряда: на мирских монахов и схимников – настоящих монахов; первые – едят все, как и миряне, а вторые

воздерживаются от мяса. К мирскому монашествующему духовенству причисляются все архиереи, а архимандриты и прочие монашествующее – по желанию. Для различия схимников от мирских монахов установлены наружные знаки: первые носят плоскодонные камилавки, а последние с зонтообразным верхом. Обед заключен был десертом, состоявшим из мелких жестких яблок, похожих на наши кислицы, которые с особым удовольствием кушали все архиереи и даже по паре взяли себе в карманы, как редкость¹³ для хранения; я тоже, подражая им, набрал и себе, чтобы показать в России, каковы палестинские яблоки; но они через неделю загнились. По кратком отдыхе, Патриарх вossел на своего белого арабского коня и, в предшествии шести кавасов с булавами, уехал в Иерусалим в свое подворье; а мы последовали за ними на русские постройки.

В 4 часа вечера предположено было отправиться в Вифлеем, к обители св. Саввы, потом к Мертвому морю и Иордану, для чего мы, при посредстве русского консульства, приговорили верховых лошадей и вьючных мулов с мукерами и четырьмя кавасами, по три рубля в сутки с нашим продовольствием для людей. По двухчасовом отдыхе, запасшись всем нужным, мы уже были в дороге. Не ездили верхом на лошадях с самого детства, я сильно беспокоился за счастливый исход моей дальней и тяжелой поездки по дикими утесами и опасными стремнинами Палестины; а мой сопутник, бывший кавалерист Кавказа К., то и дело что подтрунивал надо мной и над моей ездой. Но, благодарение Господу, я ехал так спокойно, ловко и бодро, что самохвал-кавказец все оставался назади и никак не мог сладить со своею арабскою лошадью, требуя от нее русских кавалерийских приемов, и забывая, что каждая арабская лошадь, по своей природной смышлености, знает свое дело лучше многих наших ветеранов. Дорога к Вифлеему мне очень понравилась. Везде, и около нас, и вдали, виднелись масличные рощи, придававшие холмам и долинам веселый, привлекательный вид. На полпути к Вифлеему, среди пустыни, на небольшой высоте устроен монастырь св. пророка Илии. По одним преданиям, он создан на том месте, где, будто

бы, жил этот ревнитель божественной славы, а по другим, на том, где он, убегая от преследований нечестивой Иезавели, хотевшей его убить, сидел под кустом в изнеможении и просил у Бога себе смерти и при этом уснул; но потом, подкрепленный чудесною пищею, направил путь свой, по повелению ангела, к горе Хориву. Мы для отдыха взошли в самый монастырь и сначала посетили его довольно просторную церковь с новым отличным резанным по кипарису иконостасом, устроенным недавно на счет патриархии; обстановка же храма очень бедна. На северной внутренней белой стене нарисован яркими красками, весьма неискусно, на громаднейшей лошади сидящий, св. Георгий Победоносец огромного роста; что нам показалось почти шалостью, так как подобное малеванье не может пленять и питать религиозных чувств. В самом деле, для чего же здесь представлен взору путника подобный рисунок? Недалеко отсюда, как гласит местное предание, был обезглавлен этот великомученик: вот обитель, для напоминания об этом паломникам, неискусно, но усердно рукою местного художника и воспроизвела его образ. В обители всех монашествующих три души: игумен – простой монах, который нас и принимал, иеромонах и один прислужник, небольшой мальчик, подносящий кофе. Пробывши в монастыре не более 15 минут, мы отправились далее, горя нетерпением до заката солнечного рассмотреть внешний вид священного места воплощения и вочеловечения Сына Божия. По дороге мы утоляли жажду из колодезя Трех Королей или Волхвов, находящегося на том месте, где они, по выходе из Иерусалима к Вифлеему, опять увидели знаменательную звезду, приведшую их к самому месту рождения Богочеловека. Проезжали мимо места погребения Рахили и хотели было посмотреть внутренность ее гробницы; но мусульмане и евреи нас прогнали. Далее нам указывали на курган, в пещере которого, будто бы, скрывался юный Давид от поисков своего злобного тестя; вправо от нас виднелась арабская деревня Беджалы, – где находится русское православное училище, – вся в прекрасных садах, а влево от нее городок, из него же изшел Вождь, упавший Израиля.

Вифлеем, — небольшой поселок, расположенный на оконечностях горного хребта уступами, беспорядочно, как вообще и все восточные азиатские города. При въезде в него на нас дружелюбно посматривали тамошние арабки, в костюмах, так живо нам напомнивших Богоматерь в ее одежде, в которой она обыкновенно у нас изображается на иконах; дети же, наперерыв выскакивая из своих жилищ, приветствовали нас своим «мирхаба» (здравствуй). Почти в средине Вифлеема мы остановились, пред узкою калиткой огромного и высокого здания, и, после нескольких минут ожидания, были впущены во внутренний двор того заветного места, вверху которого «ста звезда, идже бе Отроча». Было 8 часов вечера и уже начало темнеть. Нас повели по крутым лестницам на террасу, где указали прекрасное помещение, и угостили потом чисто по-русски, чаем и обильным ужином, за которым сидел с нами и вице-наместник настоятеля, иеромонах о. Прокопий, весьма любезный, радушный, образованный и симпатичный, говорящей довольно хорошо по-русски, с которым я сидел на террасе храма до полуночи, беседуя о палестинских, и русских текущих делах.

В три часа ночи дан был сигнал о начале обедни, и мы, наскоро одевшись, поспешили к ней. При входе в вертеп Рождества там и сям по лестнице валялись сонные турецкие стражи, как попало. Когда нам показали место рождения Богомладенца и ясли¹⁴, в которых Он положен был, мы, со смешанными чувствами радости и скорби поверглись долу и долго, долго шептали покаянные молитвы, чтобы Родившийся в вертепе и во яслех возлеги спасения нашего ради, дал нам силы должным образом пользоваться плодами Его спасительного воплощения, и вместе благодарили за Его великую милость, удостоившую нас и созерцать, и лобызать эти священные места, что достается в удел очень, очень немногим. В это время уже совершалась проскомидия, на которую я подал четыре просфоры за здравие и упокой родных, знакомых и всех граждан г. Изюма, живых и отшедших, и поставил две свечи, которые горели во все время обедни, в самом кругу, которым обозначено место рождения; эти свечи и просфоры и еще елей

от лампад, здесь горящих, я взял с собою на память и пользование. Нужно заметить, что я сам душевно хотел совершать литургию на месте рождества Спасителя, о чем с вечера и заявил вице-игумену, который потребовал от меня на это письменного разрешения самого Патриарха. Не зная этого порядка, я не запасся нужным документом, и потому, к великому душевному моему прискорбью, только слушал обедню, которую совершал арабский священник, на арабском, греческом и славянском языках. Когда приспело время чтения Евангелия¹⁵, которое в Палестине читается лицом к народу, и читалось порознь на всех упомянутых языках, тогда арабки, бывшие в церкви, стремглав бросились к читающему, и каждая подклоняла свою голову под раскрытое Евангелие, считая за великое счастье, если какая-нибудь из них, подобно кровоточивой женщине, удостаивалась коснуться хотя края онего. Вообще, набожность вифлеемских арабок умильтельна; и, несмотря на то, что была ночная пора и наставал будничный день, вертеп был переполнен молящимися. В самом вертепе может поместиться не более 70-ти душ; природные стены его и потолок для большего благообразия завешаны богатыми тканями; в особенности же одето богатою катапетасмою место возлежания Иисуса в яслях, которое принадлежит католикам, и которую они вновь соорудили после недавней, в свое время опубликованной в газетах, катастрофы, наделавшей столько шума, чуть не политического свойства, за которую православные поплатились тридцатью тысячами турецких лир и отнятием у них митрополита, кафедра которого в Вифлееме и до сих пор никем не замещена, а управляет Вифлеемским монастырем вышеупомянутый о. Прокопий. Все это проделка сердобольных служак непогрешимого Пия IX.

По окончании литургии, мы осматривали обширный соборный храм, алтарь которого приходится как раз над самым вертепом рождества Спасителя, и в котором может поместиться более 10 тысячи человек. В боковом приделе его прикладывались к чудотворному образу св. великомученика Георгия и взяли масла от горящей здесь лампады; заходили потом и в прекрасную католическую церковь св. Екатерины, где

совершал в это время литургию ксендз с выбритой макушкой, рассматривали и другая свящ. места, примыкающие к вертепу, о которых есть сказания у многих паломников. Возвратившись в номер, мы пили чай, который теперь был очень кстати, потому что нам нужно было отправляться далее и как можно скорее, по слухам наступающей жары. Записавши свое имя и родных для поминовения на целый год, я, с грустью в сердце, рас простился с священным местом воплощения Превечного Света в неведении: удостоит ли Он – незаходимый меня побывать здесь в другой раз, чтобы самому восхвалить Его своими недостойными устами в божественной литургии.

Здесь мне пришло на мысль одно замечание автора заметок и воспоминаний, о. Д-ва, который буквально так излагает его: «Замечательно, что русский элемент начинает преобладать между греками и армянами, – говорим это так потому, что многие из них начинают учиться русскому языку». Но где он подметил такое преобладание – в Иерусалиме или Вифлееме или же по всей вообще Палестине, – не указал. Мы же заметили совершенно противное, особенно между служащими греками. (Об армянах не буду говорить, потому что они совершенно не причастны тому делу, в которое они замешаны упомянутым автором; вероятно, это сделано по ошибке: вместо их, должны быть поименованы арабы, – это будет вернее). Замечательно – употребим выражение автора – что русский язык, как и все русское, исключая денег, у греков в сильном пренебрежении; за доказательствами на это не ходить далеко; так, когда я говел на Голгофе и со мною около 20 душ русских богомольцев, и они пожелали исповедоваться, то между греческими иеромонахами не нашлось ни одного духовника для них, и их исповедовал наш русский иеромонах. В другое время одна русская женщина, будучи именинницей, пожелала на день своего Ангела высоловаться и приобщиться Св. Таин и, к великому горю, не могла найти между греками ни одного исповедника, понимающего русский язык; обращалась со слезами ко мне, но я поневоле ей должен был отказать за неимением епитрахили и креста, которых почему-то никак не мог допроситься у ризничих-греков. После я видел ее

склонившися под епитрахилью греческого монаха, который читал ей по-гречески покаянные молитвы, а она излагала свою исповедь по-русски. Далее, на проскомидиях, если подаются поклонниками грамотки, написанные по-русски, то они совершенно отлагаются в сторону, и мне всегда, при служении моем, их в изобилии подсовывали. Молебнов, отправлявшихся на славянском языке, мы нигде в Палестине не слыхали¹⁶; а все на греческом, несмотря на наше усиленное желание. А русскому священнику, если бы и пожелалось в ином месте самому отслужить что-либо, то или книг славянских нет, или же и есть, но много стоит хлопот доискаться и допроситься таковых; да некому и подпевать по-нашему. У греков заметно проглядывает пренебрежение не только к русскому языку, но даже и к самим русакам. Самым наглядным доказательством этого служит то, что ни в одном почти из палестинских монастырей нет монахов из русских, исключая одного человека в монастыре св. Саввы (о котором мы скажем в свое время); а нет потому, что греки, по своим эгоистическим и другим расчетам, или вовсе их не принимают к себе, или же нарочито, умышленно требуют от поступающего огромного взноса, не менее 500 червонцев, – и это самая бедная норма для русских, как и увидим ниже. Между греками торговцами тоже очень, очень мало говорящих по-русски; нам не раз приходилось проходить целые десятки ихних лавок для покупки свечей, четок, крестов и пр. – и только в двух лавках могли без переводчика понять нас, что нами нужно. На русском языке говорят и стараются по возможности изучать оный – это, исключительно, православные арабы, в особенности вифлеемские, занимающиеся изделием свящ. предметов из перламутра и имеющие свои лавки в Иерусалиме.

Понедельник, 7-е июля. В 6 часов утра мы были уже на лошадях, и с трудом спускались с высот Вифлеемских по узкой, чуть не вертикальной меловой тропе, по сторонам которой постоянно попадались роскошные финиковые и рожковые деревья с зелеными плодами. Мы направились к месту явления ангелов, возвестивших простецам-пастухам о явлении на земле Бога во плоти и воспевших в воздухе торжественную песнь – «Слава в вышних Богу», которая с тех пор не перестает

оглашать наш слух и своды христианских храмов. Местность эта, называемая Пастушком, есть не что иное, как довольно большая низменная равнина, удобная для пастбища скота, где и теперь можно видеть и пасущих, и пасущихся, так живо напоминающих совершившееся за 1898 лет назад. Около 30 оливковых деревьев окружают ту пещеру, в которой пастухи бдили стрегуще стражу нощную о стаде своем, и где слава Господня осия их. Пещера на расстоянии версты от места рождения Богомладенца и ничем не отличается по наружному и внутреннему виду от нашего, малороссийского так называемого походного погреба; – без отверстий для света, покрыта землей. В ней бедный, бедный храм, где изредка совершается литургия, близ пещеры нет никаких жилых помещений. Вообще, это место в запустенье и беспорядке; а, как заметно, оно когда-то было огорожено. Теперешняя печальная panorama его навевает грустные думы. Позавидовав блаженному жребию, выпавшему здесь во время оно на долю смиренных пастухов, и сломив на память масличную ветвь с зелеными оливками, мы отправились к пустынной обители св. Саввы.

В 10 часов утра, когда солнце немилосердно жгло и нас, и особенно подъяремных животных, мы уже приближались к монастырю св. Саввы, по довольно трудной дороге, которая шла по отвесистым скалам, по которым, по-настоящему, только и можно свободно разгуливать одним сернам. И если бы не природная сметливость и навык арабской лошади, то нам, пожалуй, подчас пришлось бы плоховато, как мы это и увидим ниже. К самому монастырю можно спуститься не иначе, как вставши с лошади, и то почти ползком, с большою осторожностью, хватаясь по временам за камни, чтобы не упасть и не разбиться. А между тем обителью употреблены всевозможные средства к улучшению этого единственного спуска. По наружному виду, этому поселку никак нельзя дать имени убежища смиренных отшельников: так грозны и неприступны его твердыни! Мы скорее готовы были принять его или за тюремный замок, где содержатся под крепкими забралами и заклепами важные государственные преступники, или же за первоклассную палестинскую крепость. После долгого

ожидания и переговоров у толстой железной калитки, мы впущены были во внутренней двор, с верхней площадки которого усмотрели, что монастырь устроен в страшной котловине, или ущелье, образуемом руслом Кедрского потока. Узнав о нашем прибытии, радушные отшельники проводили нас в приемный прекрасный покой, уставленный кругом турецкими диванами и удачно защищенный от палящих солнечных лучей арабскими циновками. Явился к услугам нашим русский самовар и обильная, хотя и простая, трапеза из произведенья Востока. После потребления трапезы, мы, расслабленные утомительною духотою, поневоле должны были отдыхать и нежиться до 4-х часов вечера.

В 4 часа мы были звоном небольшого колокола приглашены к вечерне в главную церковь, посвященную памяти св. основателя обители. В церкви все благообразно и по чину. По окончании вечернего богослужения, о.игуменом Анфимом изнесен был из ризницы серебряный небольшой ковчег, в котором покоятся свящ. останки св. Ксенофonta и детей его Иоанна и Аркадия. С чувством благоговения приложились мы к их костям. За сим мы посещали ту келью, в которой жил в нищете и денно-нощном труде и скончался в глубокой старости, в сане пресвитера, известный песнописец св. Иоанн Дамаскин, после чудесного исцеления Богоматерью отсеченной его руки. Здесь он усердно занимался сочинением духовных книги и церковных песней, из коих особенно замечательны составленный ими октоих или осьмогласник и пасхальный канон, дышащий таким пламенным вдохновением и небесною поэзией. В этой же келье помещается миниатюрная церковь в честь Рождества Пресвятой Богородицы, устроенная самим Дамаскиным. Келья, из благоговения к ее замечательному ученому подвижнику, никем и ничем не занята. Потом подвели нас к отверстью той громадной пещеры, в которой собраны кости 14-ти тысячи св. отцов, убитых Хозроем, царем персидским, в нескольких обителях, устроенных св. Саввою. Мы сами видели за железною решеткой целые груды костей и головных черепов убитых отшельников. Три головных черепа выставлены наружу для благоговейного лобызания и

поклонения, как чудотворные. К ними прикладывались и мы, грешные. Спускаясь с площадки на площадку по уступам скалы, и вдоль, и вверх, и вниз, мы, наконец, пришли к той катакомбе, в которой жил и подвизался до конца своей жизни Савва освященный. Доступ к ней очень труден. Пещера эта, в отвесной скале на значительной высоте, как видно, природная и разделяется на два отделения; потолок ее почти плоский. До прибытия сюда святого, обитала тут львица, которая приняла нового невиданного сожителя сначала с ворчанием, довольно холодно, а потом так подружилась, что разделила с ним некоторые труды и не отходила от него до своего изыханья. Во втором отделении пещеры, вверху, показывают отверстие и за ним логовище, где львица, безмятежно покоясь под опекою преподобного, была невольною свидетельницею его деннонощных подвигов и молитвенных вздоханий.

Возвращаясь назад мимо прекрасного, хотя и небольшого палисадника с душистыми чудными цветами, защищаемыми от зноя роскошным рожковым деревом, мы были озадачены и внезапно остановлены словами: «Ваше превосходительство», — относившимися к моему сопутнику. Оборотясь, увидели мы русского крестьянина в полумонашеском костюме. Он, стоя на коленях, со слезами умолял высвободить его из этого монастыря. На вопрос — кто он такой, зачем и по какому случаю попал сюда — рассказал, что он крестьянин Курской губернии: пришел сюда по убеждению одного своего односельчанина, который издавна здесь подвизался между иноплеменниками и, скучая одиночеством между ними и незнанием их языка, пригласил его для взаимного соревнования и обмена мыслей, чтобы совокупными силами спасти свои души для лучшего мира; что греки при поступлении в монастырь взяли с него вклад в 600 червонцев; теперь же он остался одиноким¹⁷ среди чуждого народа, ибо земляк его за год пред сим скончался. «Не понимая их языка, — продолжал он, — я точно мертвеец между ними: в богослужении ничего не понимаю, заговорить и отвлечь душу не с кем; и вот с тоски и кручиной со дня на день таю, как воск, и невесть, что со мной будет далее. Какое же тут спасение души? Ропщешь на свою злую долю, да и только. А греки

вклада не отдают, да еще грозят выгнать. Куда же я пойду без копейки?» Да, жаль было смотреть на него, бедняжку. А пособить ничем мы не могли, кроме советом возвернуть свою печаль на Бога, ибо судьбы Его бездна многа. Проходя чрез небольшую площадку двора, нам указали на изящную часовню, устроенную на том месте, где покоились мощи св. Саввы. Их теперь нет здесь. После краткой литии, нас провели по всем почти зданиям монастырским, устроенным весьма прочно, удобно и красиво в несколько этажей, почти во всю высоту стен котловины, в которой помещается монастырь и примыкает оными к северо-западной стороне ее. Особенно нам понравились, по чистоте, удобству и практичности, больничные кельи и кельи для затворников. Когда мы взошли на самую верхнюю, выше всех зданий, террасу, провожавший нас зазвонил в висевший здесь новенький десятипудовый колокол – дар русских богомольцев, – и лицо его просияло необыкновенною радостью. В восторге от звуков колокола, он спрашивал нас: «Есть ли в России такие большие и громкие колокола?» Здесь же, на башне, устроены прекрасные часы, каковых на востоке мы нигде не видали, даже в самых богатых и торговых городах. Пустынники приятно нас удивили этим. К одному из углов этой же террасы примыкает своею вершиною одно старое-престарое пальмовое дерево, вышиною около 25 саженей, схваченное во многих местах железными скобками и прикованное несколько раз железными крючьями к скале для того, чтобы предохранить его, сколько можно более, от бурь, непогод и всесокрушающей руки времени. Дерево это для обители весьма дорого по воспоминаниям, соединенным с ним о св. основателе ее – пр. Савве. Он собственными руками посадил пальмовое дерево, от корня которого и растет настоящее. Невдалеке от подножия этой пальмы виднеется кладязь с чудною водою, испрошенный молитвами того же преподобного у Богоматери, водою которого поливаются разведенные здесь же небольшие плантации разных растений. На противоположной стороне котловины, на вертикальных стенах ее, на значительной недоступной высоте от глубокого дна ее, во множестве виднеются отверстия, наподобие

вертепов и пропастей земных, в которых в прошлые времена подвизались скитающиеся, лишени, озлоблени, св. пустынники, их же недостоин бе весь мир. Вид с террасы на эти пещеры и на близлежащие дикие, обожженные, громадные горы страшно поражающий. Удивительные, право, были люди – эти отшельники! Как они удачно могли выбирать места для богомыслия! Все здесь живо и внушительно говорить о Боге, о молитве, о воздержании, о спасении души. Когда мы таким образом, в страхе и благоговейном размышлении, стояли на террасе, прилетели несколько птичек, похожих на нашу ласточку, сели невдалеке от нас, защебетали, быстро потряхивая крыльышками. Монах, бывший с нами, тотчас ушел и принес на ладонях корму, и птички, усевшись у него на руках, безбоязненно и беззаботно клевали корм. Спустившись назад к северной стороне монастыря, мы увидали в каменных высочайших природных стенах его поприделанные, как птичьи гнезда, – кельи подвижников, кажущиеся как бы висящими в воздухе, так что ежеминутно опасаешься, не оторвется ли какая-либо из них. Здесь-то, между небом и землею, многие из подвижников день и ночь творят молитвы за себя и за грешный мир. Во все время пребывания нашего здесь, – от 10 час. утра до 6 час. вечера – мы усердно были угождаемы вареньем, чаем, кофе и разными продуктами. В особенности замечательно здесь вино, выделываемое самими пустынниками из своих лоз: такого ни за какие деньги нельзя достать во всей Палестине и Сирии и ни в каком другом месте; хорошо также ароматическое, бесподобное, грушевое варенье. На расставанье отшельники оделили нас, на память, палестинскими васильками, веточками и плодами рожкового дерева. А я взял еще и хлебец, которым они питаются.

В 6 часов вечера, выходя из дивной обители мимо часовни св. Саввы, я зашел в часовню и с глубоким чувством прочитал тропарь преподобному основателю обители: «Слез твоих теченьем пустыни бесплодное возделал еси: и яже из глубины вздоханьми, во сто трудов уплодоносил еси, и были еси светильник вселенский, сияя чудесы, Савво отче наш; моли Христа Бога спастися душам нашим!»

Распростиившись с игуменом – дивным подвижником и простым монахом, мы отправились далее к Мертвому морю. Вне обители нас поразила своею оригинальностью стоящая одиноко, в несколько этажей, значительной высоты башня.¹⁸ По справкам оказалось, что башня устроена для приюта приходящих сюда, – иногда по незнанью, а иногда в числе прочих странников-мужчин,— лиц женского пола, так как вход им в обитель, по завещанью св. Саввы, навсегда воспрещен. Вот с высоты башни они и могут, хотя издали, несколько утешать себя созерцаньем этого, поистине дивного, места. Отсюда начинается самый трудный и опасный путь по таким горам, крутизнам и котловинам, по такими тесным ущельям и тропинкам, по которыми безопасно только и могут ходить одни пернатые. Много еще способствовала безопасности пути полная луна, яркий свет которой, освещая высокие скалы и глубокие котловины и оттеняя первые на отлогостях и равнинах вместе с нами, рисовала поразительно-фантастическую пустынную картину; картина восторгала нас и вместе наводила на грустные думы: зачем та страна, с которой, начиная почти от сотворенья мира, соединено столько самых дорогих, самых заветных для верующего сердца, воспоминаний, покрыта едва не сплошною массою камней, изборождена по всем направленьям бесчисленным множеством ужасных стремнин и высот вулканического свойства. Все они одна другой грознее, одна другой безжизненнее и печальнее; здесь витают, и то в ограниченном количестве, одни зловещие птицы и неразборчивые на пищу некоторые животные. Зелени лесов и вообще растительности, водоемов и всего, к чему попривык глаз русского человека, здесь не увидишь на целые десятки верст.

В это время внезапно послышался сзади меня отчаянный крик. В страшном испуге, я усмотрел, что мой сопутник, поручик К., лежит, распластавшись на камне; подбежавшие же на помощь кавасы тянут ему руки и ноги, силясь выправить их от вывиха. К счастью, он успел вовремя высвободить из стремян свои ноги и схватиться за выдавшийся камень; а то свалился бы вместе с лошадью в пропасть, и тогда последствия паденья,

наверно, были бы смертельны. Этот случай породил в нас страх за благополучный исход нашего дальнейшего странствования к Мертвому морю. Но, благодаренье Господу, далее ни с кем ничего подобного не случилось, а только, подъезжая в 12 час. ночи к морю, мы были напуганы бедuinами, которые, в ожидании богомольцев, засели в трущобе при спуске с гор в Иорданскую равнину. Завидя, что нас было не мало, бедуины после суеты удалились. Однако появление их и неведомое исчезновение сильно нас обеспокоило. Прибыв к морю, я захотел, во что бы то ни стало, покупаться в нем, так как воды его, будто бы, особенно целебны для одержимых долговременною лихорадкой, – а я-то и был один из таковых. Но боясь нечаянного нападения разбойников, я долго оставался в нерешимости; но старик-монах успокоил меня, и я решился купаться, хотя вместе с тем, будучи незнаком со свойством воды этого моря, опасался за последствия, тем более, что был потный и сильно изнуренный от семичасового сидения и непрерывной езды на лошади. Оказалось, что вода в море теплая, прозрачная и до того густая, что человек легко может держаться на поверхности ее, не умея хорошо плавать; необходимо только держать себя так, чтобы не опрокинуться головой вниз, не брызгнуть водой в глаза и не набрать ее в рот; потому, что от нее может приключиться опасное воспаление глаз, а от проглоченных двух золотников воды внутрь, будто бы, и смерть. Вода на вкус препротивная, вонючая и на языке жжет, как водка, настоенная на стручковатом перце. Я долго не мог отплеваться от едкости ее, тело же мое мгновенно покрылось нестерпимой зудящей сыпью. Просидев и поплавав в море около 8-ми минут, я вышел, захватив со дна, на память, несколько камешков. Неподвижность воды и безжизненность окружающей природы навевают уныние. Сообщения по морю на судах или кораблях не существует; одни только англичане, как нам рассказывал, из любопытства, раз хотели промерить в разных местах глубину страшного моря, но, пробыв на нем около двух суток, все почти перехворали, потому что газы, выделяющиеся из него, при сильной жаре убийственно действуют на самый здоровый и сильный организм человека.

Поотдохнувши около часу, и подкрепивши кое-чем припасенным в путь свои слабые силы, мы отправились равниною, местами занесеною песком и солонцеватым илом, к священному Иордану, и — то приближались к обрывистым берегами его, частью обрамленным толстым и высоким камышом, хвойными деревьями, певгами, кустарниками и розовыми олеандрами, то отдалялись, уязвляемые иглами высокой травы ковыль-колючки, которая местами росла сплошной стеной выше лошадиного роста. Замечательно, что, находясь у берегов Мертвого моря, мы не чувствовали обычной водной прохлады, а как только потянулись вдоль берегов Иордана, сей час начали ощущать близость воды и живительное веяние хлада тонка. Проехав около десяти, а может быть и более, верст, мы остановились на отлогом берегу Иордана, где обыкновенно купаются паломники. Берег окаймлен прекрасною древесною растительностью. По наставлению людей опытных в духовной жизни, богомольцы — и мужчины, и женщины — запасаются из Иерусалима чистыми и даже новыми бельём, которое пред погружением в священную реку надевают, а потом, по высушке, не употребляют уже, а берегут, паче зеницы ока, до смертного случая. Я тоже не преминул запастись таковым. В благовейном настроении, при мысленном пении Богоявленского тропаря, я погрузился в священные волны библейско-евангельской реки, как бы в купель крещения каждого христианина, прося Возлюбленного Сына, чтобы вода сия и для меня послужила даром освящения, избавлением от грехов и во исцеление души и тела. Течение воды в Иордане необыкновенно быстрое, сбивающее с ног даже на таком месте, где глубина всего в аршин. Старики-монахи, то и дело удерживали меня за руки, не давая идти далее, дабы быстрым течением незаметным образом не снесло меня на глубину, так как примеров потопления каждый год бывает много. Недавно, говорили они мне, келейник Тивериадского митрополита, надеясь на свое искусство, поплыл на глубину и, не могши справиться с бурным течением, утонул. Вода в реке очень холодная, на вкус приятная; кажется мутною, но когда отстоится, прозрачная, как кристалл. Пробыв в реке около 15-ти

минут, набрав воды в бутылку и около трех десятков камешков, на память себе и для раздачи добрым прихожанам, я вышел из святой реки. В это время начало уже светать и было около 4 часов утра.

Вторник, 8-е июля. На рассвете отправились мы к Иерихону – ныне деревне Рихе. На пути видны развалины монастыря св. Герасима, в котором он подвизался в сослужении льва. Впрочем, в монастыре есть церковь, два монаха и игумен – простой монах. Он, одетый в легкий китайчатый халат, подъехал к нам на осле и жаловался драгоману нашему, что прошлую ночь турки ворвались в церковь, забрали, что было можно, а его избили до полусмерти. Теперь он будет жаловаться Иерусалимскому папе и просит вспомоществования монастырю у Патриархии, так как не осталось никаких средств к жизни. Во все время пути от Иордана до Иерихона мы ехали прекрасною равниною, испещренною диким тёрном, – вышиною с нашу рябину. Из породы такого-то терна сделан был венец Спасителю. Ягоды на терне светло-коричневого цвета, величиною в наши калиновые, и называются акридами.

Когда мы подъезжали к Рихе, было около 8 часов утра и жар был чрезмерный. Так как здесь нет официального помещения для отдыха и пристанища поклонникам, а двор шейха здешних бедуинов занавожен, в самой же башне Иродовой, в нижнем этаже помещаются овцы и коровы, а в верхний доступ труден по ветхости входной лестницы: то мы расположились в соседнем тенистом саду, под огромным и густым лимонным деревом, на разложенных здесь усердием сторожа циновках. Сад этот куплен нашею русскою миссией, и уже приготовлен материал для устройства в нем, для приходящих на Иордан православных поклонников, гостиницы. Это будет для них истинным благодеянием, так как Риха расположена на таком пункте, где непременно нужно останавливаться или для отдыха, или для ночлега. Нет сомнения, что по осуществленье этой мысли, каждый паломник, встретив здесь удобный приют, помянет теплым благодарным словом виновников доброго дела. Здесь нам предстояло отдыхать до 6 часов вечера, а потому мы, подкрепивши себя

пищей и питием, после бессонно проведенной целой ночи, предались сладкому сну. Но ненадолго: полуденный жар до того был силен, что мы под деревом, на своей широкой земной постели, метались как в горячке. Истаевая от страшной духоты, я пошел под навес к небольшому бассейну и, со стаканом воды, сел для освежения себя на каменном углу его. Чрез несколько минут сюда же, для кайфа, собралось с поселка около десятка бедуинов и бедуинок, каждый и каждая принесши с собою жаровню, кофейники, кофе и ступку для толчения его. Во время процесса поджариванья кофе, толчения и варения его, а потом и питья, все преусердно курили трубки и занимались сплетнями; а я помачивал голову, шею и грудь водою. Маленькие бедуинчики, бравшие в кувшины воду, подсмеивались надо мною и над моим костюмом и, подбегая, дразнили по-своему. Заметив вынырнувшую со дна бассейна ослиную заднюю ногу с мясом, я с удивлением и омерзением указал на нее сидевшим тут; но они не обратили ни малейшего внимания на мое замечание. Не желая смотреть на такую мерзость и утолять жажду подобною эссенцией, я пошел к находившейся тут же Иродовой башне, чтобы лучше рассмотреть ее. Драгоман – монах рассказал мне, что она Иродовою называется потому, что здесь, будто бы, во времена Спасителя проживал, возобновивши Иерихон, Ирод Великий; здесь же кончил он в страшных муках и свою обремененную преступлениями жизнь. Это сказание вполне согласуется с рассказом Иосифа Флавия, который в своей Истории так говорит об этом: «Когда внутренний огонь медленно сожигал Ирода, и сильному желанию принять что-либо вовнутрь он не мог удовлетворить, по причине нестерпимой боли во внутренностях; когда в ногах и груди накопилась вода и, стоя, он не мог дышать: когда страшные судороги ломили все члены его тела, и воды каллиройские, которым он пользовался, не могли пособить: тогда он отсюда обратно отвезен был в Иерихон. Так как и здесь страдания его возрастили, и вместе с тем он изнемогал от голода, то хотел окончить жизнь свою ножом; но ему помешали в этом, и он умер на 70-м году от дня рождения своего. Тело же его перенесено из Иерихона в замок Иродион, и подданные,

проводя его, радовались и ликовали, говоря, что самый лютый зверь не мог бы причинить им больше зла».

С разрушающейся башни я взял для памяти обломок камня, который теперь и хранится у меня. За сим осмотрел самую Риуху, состоящую из двух десятков самобеднейших куреней, худших всякого нашего свиного «хлева», сложенных кое-как, в беспорядке, из диких камней, – и, сравнивая настоящее, униженное донельзя, состояние ее со славным прошедшим Иерихона, поневоле вспомнил И. Навина, который, взявши его, проклял того, кто восстановит Иерихон. И проклятие его видимо тяготеет над сим местом, ибо, несмотря на многие здесь для жизни удобства, охотников поселяться и прочно строиться – почти нет.

В 6 часов вечера, после того, как шейх угостил нас свежими невкусными винными ягодами, недозрелым виноградом и кофе, мы оставили свою патриархальную и вместе с тем весьма удобную квартиру, сорвав на память иерихонский лимон и смокву. Между рощами маслин и смоковниц, осенявших наш путь, мы приятно были удивлены журчащим обильным потоком воды, изливающимся из того чудного источника, горькие и вредные воды которого, по молитве пророка Елисея, чрез горсть брошенной в них соли, сделались светлыми и приятными. Соскочив с лошадей, мы долго здесь освежались чудной водой и любовались отсюда исполнскою каменною горою с беловатою вершиною, называемою сорокадневною. С верхней точки этой горы дьявол показывал Господу царства мира, а в ущельях ее Спаситель предуготовлял Себя на подвиг искупления нашего. Строитель сооружаемого в ней мужеского монастыря, монах о. Аркадий¹⁹, который, по рекомендации о. архимандрита, с самого Иерусалима был нашим толмачом и вождем к Вифлеему, к обители св. Саввы, к Мертвому морю и Иордану, усердно просил меня заехать и отслужить на сорокадневной горе, в имеющейся там, на месте молитвенных подвигов Спасителя, пещерной церкви, литургию. Но мой безбожный сопутник К., и прежде, и особенно теперь, искушаемый сатаною, ни за что не соглашался удовлетворить св. желанию старца и моему: а отделиться нам, двоим, нельзя

было никаким образом. С поникшей от скорби главой мы продолжали путь свой далее к Иерусалиму. Томимые жаждою и расслабленные ездой, мы около 8 1/2 часов ночи достигли развалин гостиницы благого самарянина. Слезши с коней, мы расположились на несколько минут для отдыха влево от дороги на ровном камне возле большой пещеры; здесь наш кавас нашел в ближней цистерне дождевую воду и утолил нашу томительную жажду. Поотдохнув около получаса, мы продолжали путь и через полтора часа прибыли к прекрасному природному водоему, над которым устроено красивое каменное небольшое зданье. В нем сквозь небольшое, наподобие крана в боковой стене, отверстие, на расстоянье полутора аршин от поверхности земли, с журчаньем ниспадают благодатные струи живительной влаги, освежавшей некогда засохшие от жары и усталости уста и гортань Самого Спасителя и Его учеников. Рассказывают, что в этом источнике водится много самомельчайших, особой породы, пьявиц, которых в темноте, при быстром порыве утолить жажду, легко проглотить; а это может причинить мучительную смерть. И были, будто бы, примеры такой отравы. Это обстоятельство побудило нас пить воду с крайней осторожностью. Я забыл еще упомянуть, что, не доезжая до источника, мы были нечаянно встревожены быстрым из-за пригорка появлением людей, которые пристально в нас всматривались. Оказалось, что это арабы с караваном верблюдов, нагруженных пшеницею, отправляющиеся в заиорданские страны и остановившиеся здесь для ночлега. Подозревая в нас бедуинов – грабителей, они хотели было стрелять в нас, но, благодаря одному арабу, православному христианину и родственнику келейника о. архим-та, который сейчас узнал нас, не сделали залпа. Через два часа после этого, при лунном сиянии мы проезжали Вифанию мимо развалин дома праведного Лазаря; в пещеру же, в которой он был погребен и воскрешен, не зашли по позднему времени. Затем, обогнув Иерусалим от юго-востока к северу, в 11 1/2 часов ночи, утомленные трудным, почти трехсуточным путешествием, мы прибыли на постройки в свои квартиры.

Отправляясь из Иерусалима по различным св. местам Палестины, со слишком слабыми силами, при беспрерывной почти лихорадке, по едва проходимым скалам и при том верхом на лошади, я мнил, что, не сделав и десяти верст, впаду в окончательное расслабление; но божественная благодать, немощное врачующая и оскудеваемое восполняющая, удивила и на мне грешном свои великие и богатые милости: и в пути, и по возвращении в Иерусалим, я чувствовал себя, как нельзя лучше. Покланяюсь пред неисповедимыми судьбами Твоими, сладчайший Искупителю мой! Славлю и благодарю безмерную Твою благость, явленную на мне!

Среда, 9-е июля. В этот день мы было предположили выезжать из Иерусалима, чтобы попасть опять на тот же самый русский пароход, на котором приехали сюда, обратно теперь возвращавшийся из Египта. Но русскому консулу дано знать по телеграфу, что этот пароход, в виду развивающейся в приморских городах холеры, не возьмет ни одного из иерусалимских пассажиров, и даже вовсе не зайдет в яффский порт. Это известие и опечалило, и обрадовало нас. Опечалило, поставив нас в раздумье – не сделаемся ли и мы, в числе прочих, жертвами странного и неумолимого азиатского тирана и к тому никто нас не помянет; обрадовало, – дав нам возможность, до прихода через семь дней следующего парохода, более насладиться и налюбоваться Иерусалимом и его окрестностями и насытить душу молитвою и поклонением пред живоносными святынями их.

Четверг, 10-е июля. В четыре часа пополудни ходил я в патриархию для принятая благословения от патриарха, но не застал дома: он уехал на экзамен в семинарию. Рассматривал в галерее портреты всех бывших палестинских патриархов, нарисованные масляными красками во весь рост. По просьбе нашей, нам показали покой патриарха, отделанные в европейском вкусе, с турецкими вокруг стенок диванами; потом прохаживались мы в патриаршем саду, где услужливый садовник составил для каждого из нас роскошный букет из пленительных для взора, благоухающих цветов Востока. С благодарностью мы приняли букеты и желали довезти их в

Россию в сухом виде, – какое желание наше и исполнилось. Сад при городском доме патриарха небольшой – десяток, другой небольших деревьев; аллеи с решетчатыми деревянными стенками и сводами, которые покрыты частыми побегами и густыми листьями виноградных лоз, так что ходишь в них словно в коридоре; громадные же виноградные кисти, спущившиеся со сводов внутрь их, так и манят к себе глаза и уста, а устроенные здесь цистерны, из коих постоянно разливается вода по каналам всего сада, благодетельно освежают расслабленные дневною жарою члены гуляющих. Здесь же, в саду, устроены комнаты для отдыха и ночлега именитого хозяина. После угощения кофе, вареньем и ракой, я отправился в храм Воскресения для слушанья вечерни, которая началась в 5 часов. По окончании вечерни я остался в храме на всю ночь, так как заутреня и вслед за ней обедня совершаются ночью, и большие врата храма запираются турками с вечера до солнечного восхода.

В этот день и я грешный сподобился служить на самом месте распятая Господа – на Голгофе, вместе с седмичным святогробским иеромонахом. Служа без диакона, екстени, возгласы мы говорили попеременно, – я на славянском, а сослуживший иеромонах на греческом языке. В служении замечены особенности или разности против нашего чинопоследования или устава; так, например, проскомидия совершается только на двух просфорах. Из первой, имеющей крестообразную печать с словами: «Иис. Хр.» и «ні – ка», вынимается Агнец, а из второй, имеющей форму коржа толщиною в полвершка, а величиною – со старую русскую медную гривну, с круглою печатью, на которой оттиснут образ воскресшего Спасителя, вынимается частица в честь Богоматери и девять частиц в честь девяти чинов святых людей, вокруг верхней стороны св. хлеба, а всподи ее вынимаются две большие частицы – одна за живых, главных духовных и светских (по чину и власти) членов церкви, а другая за умерших. А когда поминают по синодикам поименно всех, от кого и за кого принесены дары, то священнодействующий берет две верхние боковые части, оставшиеся от Агничной просфоры,

обращаемый у нас в антидор, и при чтении имен живых и умерших, попеременно, с мякоти – то одной, то другой половинки скоблит крупинки от св. хлеба на дискос. Часы во время совершения проскомидии не читают во храме, а священнослужащий вычитывает их про себя дома, в келье, при последовании ко святому Причащению; а во храме во время совершения проскомидии или ничего не читается и не поется, или же поется обыкновенно молебный канон, по заказу чьему-либо из богомольцев. Евангелие читается всегда лицом к народу, и когда служит диакон, то для этого он всегда восходит на кафедру, которая большею частью устраивается около левой стены средней части храма на довольно большой возвышенности, в виде балдахина с золочеными колоннами, над которыми парит Дух Святый. По окончании Евангелия произносится только одна сугубая ектенья; затем непосредственно развертывается антиминс и поется Херувимская песнь. Если же бывают оглашенные, то читаются и ектены об оглашенных, и по возгласе: «Да и тии с нами славят», – антиминс осеняется крестообразно не губою, а Евангелием. Во время чтения священником Херувимской песни поднятая рука не бывает. Перенесение даров с жертвенника на престол, а равно и самое возглашение поминаемых – совершается во время пения Херувимской песни, при медленном шествии священной процессы от первого к последнему безостановочно. Символ веры и молитва Господня читаются. Во время принятая говеющими Св. Даров прислужник держит зажженную свечу при устах причащающегося. На «Буди имя Господне», – все предстоящие подходят ко кресту, держимому первенствующими священнослужащими, и получают из рук его антидор; и это неизменно выполняется всегда. По потреблении Св. Даров все богослужебные священные принадлежности относятся для хранения под крепкими запорами в ризницу, впредь до следующего богослужения. Хождения по церкви с кошельками и тарелочками, для собирания подаяний в пользу храма, не бывает, а желающие жертвовать опускают «лепты» или в свечной ларчик, стоящий у алтаря, или же отдают их избранному для принятая их особому

лицу, во всякое время, – звона при этом в колокольчики никогда не слышится. Не мешало бы такой порядок ввести и у нас, тем более, что у нас в России большинство старост, особенно так называемых «влиятельных», злоупотребляют своим правом – особенно при малейшем неудовольствии на священника, – ходят с кошельками, кружками и блюдами при усердном и беспрестанном побрякивании колокольчиком и при том во время самых священнейших минут пресуществления св. Даров, – когда все должны стоять со страхом и благоговением, и, с сердцами и мыслями устремленными горе, при глубокой тишине внимать совершающемуся. Неуместное, просящими, бряцанье кимвалами и деньгами, раздвиганье ими толпы народной для очищенья себе прохода, толканье и шум, отсюда происходящих и даже крики... О, до чего все это оскорбляет и угашает дух молитвенный и в приносящем Дары и в послушающих его!..

Кстати еще заметим, что священнический фелонь у греков имеет одинаковую длину и спереди, и сзади, т. е. ниже колен, – что весьма неудобно при богослужении, и вынуждает служащего, особенно при совершении проскомидии, передние полы фелони закидывать на плеча; а для того, чтобы фелонь ровно держался на них и не совался бы при поднятая руки для крестного знамения, благословения народа и пр., у груди его под сподом пришиты два шнурка вместе, концы которых завязываются сзади на пояснице под фелонью. Дьяконский орапь весьма длинен и перевивается чрез левое плечо по под мышками правой, но концы его, впрочем, правильно и ровно ниспадают спереди и сзади. Ношение таким образом орапя весьма удобно и практично, так как при служении он никоим образом не может сдвинуться с плеча и упасть на землю, что часто случается при служении наших дьяконов. Илитон пришивается к антиминсу, а воздух во время чтения символа веры не поднимается вверх и не опускается потом вниз, как принято это в нашей русской Церкви, а буквально трясеться в воздухе, наподобие трепетания листьев на деревьях во время бурного дуновения ветра или трясения членов человеческого тела во время трясовицы; – что более наглядным образом изображает трус, бывший в минуту смерти Богочеловека.

Обедня окончилась за два часа до света. Пред выходом из храма Голгофы я в глубочайших чувствах умиления и благодарности повергся долу и долго, долго лобызал место водружения Крестного Древа, воздавая хвалу Искупителю, сподобившему меня не только зреть и касаться св. мест, «идеже стоясте пречистыя нозе Его», но и приносить бескровную жертву и причащаться Тела и Крови Его на том самом страшном и святейшем месте, где Он, безгрешный, благоволил пролить ее и за меня грешного и неблагодарного. Засим святогробская братия, идя на трапезу, пригласила на оную и меня, как служащего; тут я, как литургисавший, усажен был на первом месте, а вся меньшая братия перед обедом подходила ко мне для принятия благословения. За трапезою предложено было первоначально по маленькому кусочку очищенного арбуза, потом по кружечке кофе с сухариком, а в заключение желающие получали по небольшой рюмке мастики или раки. Во все время сидения за трапезою соблюдалось таинственное гробовое молчание. В 6 час. утра, по нашему времени, когда начало всходить солнце, были отворены турками входные врата Воскресенского храма при необыкновенном грохоте, который они нарочно производят устроенным для этого молотами, чтобы разбудить всех, спящих внутри храма, богомольцев, оповестить их о времени выхода и, вместе, побудить к скорейшему оставлению оного; после чего врата немедленно запираются до вечернего часа. Обlobызавши снова святыни храма, я удалился в свою квартиру на постройки для отдыха, так как провел во бдении целую ночь.

Пятница, 11-е июля. После двухчасового отдыха я посетил почтеннейшего старца, иеромонаха Вениамина – члена русской Иерусалимской миссии и моего духовника. Он принял меня отечески и, за обильным восточным угощением, рассказал свою биографию. Оказалось, что он родом из С.-Петербурга; служил в дворцовой церкви в. к. Елены Павловны; был флотским иеромонахом; подвизался, как служитель Божий, в минувшую Крымскую кампанию, напутствуя раненых в загробную жизнь на бранном поле и в госпиталях; очень хорошо владеет языками – греческим, арабским и турецким; имеет два наперсных креста

кабинетных и два синодальных – один на георгиевской ленте, а другой на цепи, и бронзовый крест в память минувшей войны; но ни одного из них никогда не носит по причинам, указанными мною выше, а хранит их в коробочках только для памяти. При прощанье старец подарил мне свою карточку, небольшую частичку, белую как снег, от того каменного ложа, на коем или в коем покоилось пречистое Тело Жизнодавца, – он имел счастье достать ее при поправке в сороковых годах кувуклии, – и часть камня, от той пещеры, в которой на так называемой «сорокадневной горе» молился и постился Спаситель. Шлю о. Вениамину искренний, братский и сыновний привет за его добродушие!

В 4 часа вечера мы отправились с официальным проводником – русским монахом Леонтием – над городскими стенами на ту священную гору, с именем которой связано так много библейско-евангельских событий, которую Сам Господь избрал в жилище себе и на которой, до самого построения постоянного храма, стояла скиния с ковчегом завета: на гору, где в горнице «велией, постланной» Спаситель человечества, влив воду во умывальницу, начал умывать ноги ученикам и отирать лентием, и где, приеми хлеб, преломи, и даде учеником и рече: «Приимите, ядите, сие есть Тело Мое». И приим чашу, даде им и рече: «Сие есть Кровь Моя нового завета, за многие изливаема». – Где внезапу бысть с небесе шум, яко носиму дыханию бурну, и исполни весь дом, идеже бяху сидяще, и исполнившася вси Духа Свята; на гору, имя которой по этим данным не трудно отгадать, – это чудный Сион – мати церквей. С Сиона открывается прекрасный ландшафт на юго-запад, где расположены дачи почти всех архиереев иерусалимской патриархии, осененные прекрасными оливковыми, миндальными и виноградными садами, – большая часть которых, впрочем, принадлежит лично патриархату. Отсюда же видны развалины дома, в котором проживал Симеон Богоприимец, село Скудельниче и поля, на которых паслись стада Иакова. Проходя чрез православное кладбище, мы на некоторых надгробных плитах читали надписи, гласящие о погребенных под ними русских паломниках и паломницах. На

этом же кладбище погребаются и все палестинские архиереи, умирающие в Иерусалиме. На днях, до нашего пребывания в Иерусалиме, здесь погребен Нектарий, архиепископ Тивериадский, скончавшийся немедленно по окончании выборов в Патриархи всея Палестины, архимандрита г. Смирны, Иерофея; он умер, говорят, от сильного душевного потрясения, при забаллотировке его на выборах на означенный пост, тогда как, чувствуя свое чрезесчур резкое умственное превосходство перед прочими кандидатами и особенно пред избранными, вполне уверен был, что он выйдет из залы заседаний с титулом святейшества. Его отпевали завернутым в архиерейскую мантию, монашеским погребением, а на кладбище сопровождали все семь архиереев палестинских в преднесении крестов и хоругвей; тело лежало на диванчике, – так и несли его на кладбище. По опущении тела в могилу, без всякого гроба, обложив голову усопшего большими камнями и положив на них небольшую плитку, чтобы голова не могла быть раздробленной, завалили место упокоения грудами мусора. Замечательно, что здесь через три года кости погребенных вынимаются из могилы и складываются в общую огромную подземную усыпальницу, находящуюся тут же, а в могилы вынутых покойников кладут новых мертвцев. Кресты на могилах ставить запрещено.

Продолжая путь далее, мы подошли к калитке одного дома – беднейшей мечети, как впоследствии оказалось. За впуск сюда потребовали с нас три лева (20 коп.). Заплатив бакшиш, мы по лестнице, устроенной внутри здания, взошли на второй этаж, где ввели нас в горницу велию, только не постлану и не украшену, а всю почти поисписану и поиспачкану углем и карандашом (вероятно, усердием богомольцев на память о себе); – своды этой комнаты поддерживаются посредине двумя изящными колоннами. Горница устроена, по преданию, на том самом месте, где Спаситель умывал Своим ученикам ноги и установил святейшее таинство Евхаристии, доселе питающее нас духовно. По выходе нашем из горницы, нам в соседстве указали другую – засыпанную мусором, находящуюся на месте той храмины, «идеже бяху седяще» св. Апостолы и, нашедшу на них Духу Святому, начаша глаголати странными глаголы²⁰; а за

ней, через отверстие, показали внизу, т. е. в нижнем этаже, то место со сводами, где Спаситель, по воскресении Своем, дважды являлся ученикам, дверем затворенным, и сказал Фоме: «Принеси перст твой семо и вложи в ребра мои и не буди неверен, но верен». Тут же показывают место, где был дом одного из сынов Зеведеевых, в котором жила и окончила свою жизнь Матерь Божия, по вознесении Ея божественного Сына. Далее, мы пришли к тому месту, где, по преданию, был дом жестокосердного Каиафы. На этом месте стоит теперь небольшая армянская церковь, невдалеке от которой показывают место отречения ап. Петра. Тут растет теперь старая – престарая и довольно толстая виноградная лоза. Перед передним навесом церкви указали нам то место, где мужия, держащие Иисуса, ругахуся ему, и, закрывше Его, бияху Его по лицу, и вопрошаху Его, глаголюще: прорцы, кто есть ударей Тя (Лк. зач. 109; 62, 63 и 64 ст.). Место это обозначено небольшою колонною, как видно, не так давно поставленною, с изваянным на ней изображением Спасителя, привязанного к столбу. Тут же, невдалеке, вделана в пол плита, на которой место стояния Богочеловека перед беззаконным Каиафою запечатлено черными крестом; – плита мраморная и взята, будто бы, из дома этого первосвященника. Внутри церкви, возле алтаря, мы рассматривали небольшую, в 1 1/2 аршина, квадратную комнатку, устроенную на том месте, где была темница, в которую заключен был Искупитель падшего человечества, после допроса Каиафою, в ожидании утра и официального суда. А в самом алтаре, в мраморном необлаченном престоле, нам указали три камня, величиною каждый немного более четверти, вделанные в трех метрах правой боковой стороны оного, – обломки от того камня, который «бе велий зело» и отвален Ангелом от устья погребальной пещеры Жизнодавца в момент Его воскресения. За сим нас привели к тому месту, где был дом тестя Каиафы, первосвященника Анны. На нем стоит теперь небольшая армянская церковь; возле задней, подалтарной наружной стены этой церкви нам указали поросли той масличины, к которой, будто бы, привязан был Спаситель, пока докладывали Анне, что

вот приведен к нему тот, давно искомый богохульник и возмутитель, которого до сих минут никак не могли схватить и убить. Эти отпрыски с трудом можно видеть чрез глухую оградку.

Вошедши потом в город чрез Сионские ворота, мы зашли в богатый армянский монастырь, раскинутый на большом пространстве, и устроенный в честь и память ап. Иакова, первого епископа Иерусалимского, – Брата Божия. Налево от входа во храм нас подвели к небольшому приделу, в котором покоятся глава от мощей св. Апостола; она скрыта от глаз, и только обозначено на полу место ее возлежания, которое мы с благоговением и облобызали. Множество дорогих неугасимых лампад горит над сим священным местом. Против северных алтарных дверей, за решеткой, стоят рядом два архиерейских кресла или кафедры, из коих одна устроена в честь и память св. Иакова, как первого новозаветного Иерусалимского епископа; над ней, почти при самом седалище, горит, усыпанная бриллиантами неугасимая лампада; на этой кафедре никто никогда, не исключая и самого армянского патриарха, не восседает, а садится из благоговения к любимцу Христову с боку оной. Внутренность церкви необыкновенно пленительна: мозаический пол из разноцветных дорогих камней удивительно изящной работы, в особенности, поблизости к алтарю; дверь, ведущая в церковь и в разные отделения ее, из масличного дерева с замечательными фигурными перламутровыми узорами; – на всем печатлеется богатство, роскошь, вкус, изящество и усердие; мы в Палестине не видели ни одного подобного храма, и до того увлеклись обзором его внутренности, приятно поражающей и ослепляющей сразу каждого входящего, что армяне без церемонии выпроводили нас отсюда насильно, с разными злобными причитаниями. По выходе из церкви, мы долго любовались прекрасным садом, принадлежащим армянам, в коем обращают на себя внимание два необычные кедра. Здесь же огромное здание армянской духовной семинарии. Замечательны также постройки, в коих помещается армянская типография церковных и духовно-нравственных книг, – почти все комнаты от низу до верху

завалены такими книгами; хороши и гостиницы для помещения богомольцев, – своих единоверцев.

Суббота, 12-е июля. В 6 часов утра мы пошли в Гефсиманию. На пути к ней смотрели обширную дачу, усаженную масличными и кактусовыми деревьями, по преданию, принадлежавшую, будто бы, св. Никодиму, вместе с Иосифом погребавшему пречистое тело Иисусово. Здесь я сорвал, на память, поспевший плод кактуса. Подвигаясь вниз, над северными городскими стенами мимо Дамасских ворот²¹, мы прошли на скат горы мимо места погребения св. архиак. Стефана и через каменный мостик, перекинутый через русло Кедрона, где Спаситель даровал слепому зрение, спустились, так сказать, на самое дно Иосафатовой долины. Потом, почти вдруг, очутились перед каменным изящным фронтом какого-то подземного зданья, покрытого толстым слоем каменного земляного мусора, с громадными заключенными дверьми, похожего, по наружному виду, на наши земляные подвалы или погреба. Оно-то и есть погребальный вертеп Небесной Царицы. По открытии врат, со словами священной песни «В рождестве девство сохранила еси, во успении мира не оставила еси, Богородице; преставилася еси к Животу, Мати суши Живота, и молитвами Твоими избавляеши от смерти души наша», – мы начали медленно спускаться по массивной и широкой²² мраморной лестнице, мимо погребальных саркофагов, – вправо – Богоотцев Иоакима и Анны, а влево – Иосифа Обручника, – к самой гробнице Богоматери. От конца лестницы повернув вправо, мы увидали под сводами громаднейшей, темной крестообразной залы, освещаемой одним небольшим окном с востока, отдельную небольшую пещерку, с построенной над ней изящной часовней. Сквозь отверстия часовни пробивался ослепительный, чудный свет от множества горящих в ней лампад, – что при гробовой тишине и сумраке производит в душе необъяснимое чувство благоговейного трепета и чаяния чего-то неземного. Это и есть временный тридневный покой обрадованной и во успении своем нас не оставляющей. С чувством умиления приложились мы несколько раз к смертному ложу Матери бессмертного Источника жизни. Я взял две

больших свечи и, обмакнув в елей неугасимых лампад, зажег и поставил их на время на гробе, затем попросил целебного от лампад елея, херувимского ладана и ваты, с тем, чтобы все это сохранить, как дорогую святыню, и привезти (и привез) домой к душевному утешению верующих и на уврачевание недугов. Сами мусульмане притекают в Гефсиманскую пещеру под покровом Мариам (как они ее называют) с теплою молитвой, и через помазание целебоносным елеем получают исцеление от разных недугов. Для них отведено здесь даже особое отделение. За сим, пройдясь по всей подземной зале, мы остановились на стороне, противоположной гробнице Богоматери, пред кладязем, к которому примкнут престол абиссинцев, и, освежив себя прохладными водами колодца, преклонив еще раз колена перед погребальною пещерою Преблагословенной, с молитвою на устах – «О, Пречистая! Молися прилежно Сыну Твоему и Богу нашему спастися нами невредимыми от всех наветов вражиих», – оставили святой Богородицын дом.

По выходе отсюда, повернув от врат влево, мы пришли к так называемому вертепу Спасителя, в котором почивали 8 Апостолов во время смертельной Его скорби и усердной молитвы в Гефсиманском саду, когда Он, при входе в оный, сказал им: «Посидите тут, пока Я пойду, помолюсь там», – а Сам, взявши ап. Петра, Иакова и Иоанна, пошел далее. Здесь теперь небольшой католический храм, весьма бедный; в нишах стен его изображены, между прочим, спящие ученики. Пройдя несколько ступеней отсюда к югу почти по прямому направлению, мы остановились возле глухой высокой каменной ограды, защищающей часть Гефсиманского сада от попрания бессловесными и от дерзких рук злоказненных мусульман и талмудистов. После нескольких ударов в небольшую калитку, нам отпер ее изнутри францисканец-монах и позволил пройтись по всем аллеям садика. Усердно и опытно рукою аллеи усажены самыми редкими и дорогими кустарниками и цветами востока; между кустарниками, как глубокие седовласые старцы перед младенцами, стоят, склонившись, восемь масличных деревьев, бывших, по преданию, или лично или в лице своих

предков, свидетелями молитвенных подвигов Гефсиманского полуночного Молитвенника. Масличин, толщиною и дряхлостью подобных этим восьмерым, нигде в Палестине мы не видали. Под одной из них нам указали место, где Господень ученик, в оньже вниде сатана, рече: «Равви, Равви», – и облобыза Его. С этого места я сорвал, на память, три ветки ливана, а добродушный католик, кроме того, снабдил меня масличными ветками и роскошным букетом цветов с разных гряд своего прелестного, чисто райского, палисадника; за что я, конечно, не остался в долгу, и теперь блюду все это, как зеницу ока. По выходе отсюда, нам невдали указали на иссохшую масличину, огороженную стенками выше роста человеческого, от которой, впрочем, есть свежие отростки. Возле нея, будто бы, явился к Спасителю с небесе ангел, укрепляя Его в подвize. От прикосновения к ней грешных рук, дерзостно ломавших ее ветви, она почернела, наподобие угля, и засохла; – так объяснил нам проводник. Потом он подвел нас к каменной стене, к которой ведет длинный дефилей, и, указывая на начертанный на бледно-розовом камне крест, объяснил, что это тот камень, на котором остались следы от кровавого молитвенного пота Богочеловека. Насколько это достоверно, не беремся судить. Скажем только, что на всех местах, где Искупитель рода человеческого так пламенно за оный молился, где Агнец Божий в такой сердечной туге и кровавом поте готовил Себя и взят на заколение за нас, нельзя идти без волнения сердечного, без... плача горючими слезами, которые струились в изобилье из моих сухих потухших очей по впалым ланитам. На вержение камешка от сего места лежат три больших камня, неодинаковой величины, почти всею массою своею всунувшиеся в землю; на них спавшие три любимые ученика Господа неоднократно были возбуждаемы Им к бдению и молитве; на них доселе видны углубленья или волнистые впадины, как бы на подушках от лежания. Я, на намять об этом месте, взял себе несколько камешков от этих камней.

Окинув еще раз унылым взором эти любимые небесным Подвигоположником места, идже множицею Он собирашеся для молитвы со ученики Своими, и я, со умилением, из глубины

души взвывал к Нему: «Иисусе, с воплем крепким и со слезами в вертоград моляйся, научи и мя молитися!» И оставил приснопамятный вертоград.

В 9 часов мы прошли обратно в Иерусалим через Гефсиманские ворота; по пути вторично заходили смотреть Овчую купель. Но мусульманские дети начали швырять в нас камнями и во все горло взвывать гяурами; почему мы тотчас ушли далее к латинскому храму «Се человек». Полюбовавшись вдоволь внутренностью храма, взошли в приемную Сионских сестер-монахинь, находящуюся тут же, только в другом здании. Сестры занимаются плетением терновых венков, из породы того колючего терна, коим увенчана была глава Спасителя. Я выбрал самый лучший из множества венцов, освященный на гробе Господнем, заплатив за него двенадцать франков и, вложив в жестяную коробку, в таком виде, нимало не смяв, желал довезти (и довез) до места моего служения, для передачи в приходскую церковь на память и наглядное уразумление и убеждение каждого из моих пасомых в том, каких мучений стоило Спасителю нашему в продолжение нескольких часов носить на голове Своей такой венец, для того, чтобы уврачевать наши скорбные главы.

За сим, продолжая путь мимо храма Гроба Господня, ворота коего уже давно были заперты, мы зашли в монастырь св. Иоанна Предтечи, принадлежащий грекам; здесь покоятся часть главы пророка. По просьбе нашей, седмичный иеромонах вынес из алтаря эту дорогую святыню в золотой урне, похожей на св. чашу. Верх урны сделан шаром с частыми микроскопическими отверстиями и погружен до половины в особую глубокую чашку, прикрепленную к высокому подножию. В эту чашку, по желанию молящихся, наливается вода, которая, проникая через скважины шара, соприкасается с св. мощами и, так обр., освящаясь благодатью Божией, присущею оным, подает неоскудные цельбы с верою черплющим и пиющим от воды. Иеромонах объяснил нам через переводчика, что вода эта врачует особенно от лихорадок; почему я с полными упования испил от нее, омочив голову, лицо и грудь, и взял целый флакон воды в свою квартиру. Церковь и монастырь бедны; в нем

только один иеромонах, да несколько послушников — мальчиков. Вышедши из монастыря, мы зашли в фотографический магазин, где купили несколько видов Иерусалима и других мест Палестины; потом, воротившись назад, вышли из города чрез Дамасские ворота, невдалеке от которых, на противоположной стороне, показывали нам пещеру, в которой 70 лет спал пророк Варух, и прибыли «на постройки». За усиливающейся жарою, трудно было продолжать хожденье.

Вечером, в 4 часа, я слушал воскресную всенощную в миссионерской русской церкви, стоя на алтарном крыльце оной, с которого видна почти вся юго-восточная заиерусалимская сторона. Последние стихи воскресного евангелия, читанного на заутрени, — «изведи же их вон до Вифании: и воздвиг руце Свои и благослови их. И бысть егда благословляше их, отступи от них и возношащеся на небо. И тии поклонишася Ему и возвратишаася во Иерусалим с радостию великою», — глубоко ложились в мое сердце, в виду самого места священного событья — Елеонской горы, и часовни, в которой хранится отпечаток божественной стопы Вознесшагося. Воображенье мое так живо рисовало картину Вознесения Господа, как будто я сам был одним из личных свидетелей и самовидцев оного.

В 6 1/2 часов, по окончании всенощной, ходил я прикладываться ко Гробу Господню и к подножью креста Христова: затем, возвратившись в келью, читал правило ко св. причащенью, готовясь служить в миссии во храме св. Троицы, вместе с настоятелем оной, о. архимандритом Антонином.

Воскресенье, 13-е июля. Литургия в миссии началась в 7 часов утра, по нашему времени; ее совершали о. архимандрит Антонин, член миссии иеромонах Вениамин и я. По совершении литургии был утренний чай у хлебосольного настоятеля. За сим вторично отправился я к патриарху с иеродьяконом миссии, о. Виссарионом (уроженцем Старого Оскола, состоящем при миссии; около 12-ти лет уже и отлично говорящим по-эллински), чтобы выпросить у его святейшества фирман для беспрепятственного совершения Богослужения в Вифлееме и во всех местах Палестины, где бы мне ни пожелалось. Когда мы пришли в покой патриарха, он уже обедал, хотя было еще

только 11 часов утра. Судя по тому, что у нас, в России, у важных особ не принято принимать просителей в такое время, я хотел было идти назад; но архидьякон его, он же и секретарь, обласкав меня, уверил, что, как только кончится обеденный стол, патриарх тотчас примет меня. Действительно, не прошло и десяти минут, нас пригласили в приемный зал патриарха; в дверях зала мы и увидели его святейшество стоящим и ожидающим нас. По принятии благословения и по отрекомендовании меня патриарху о. иеродьяконом по-гречески (патриарх Иерофей кроме греческого не говорит ни на одном языке), его святейшество пригласил нас присесть, указав мне место возле себя и долго, долго, молча, смотрел на меня с кроткою улыбкою и нежностью отца. После вопросов о том, с каких мест России я прибыл в Палестину, долго ли в ней пробуду и зачем так скоро уезжаю, патриарх наконец спросил: есть ли у меня жена, дети? Когда я сообщил ему, что уже более 15-ти лет, как я лишился семейства, то он начал прижимать меня многократно к своей старческой груди и целовать в голову. Потом, спросив об имени моем и покойной жены моей, дал обещание молиться за нас пред престолом милосердия Божия. Я, недостойный нарещися последним из иереев Бога Вышнего, так поражен был и растроган до глубины души этою неожиданною, любвеобильнейшею и, поистине, патриархальною ласкою и утешением маститого первосвятителя святой земли; моментально пал пред ним на землю и, обняв его ноги, оросил их слезами благодарности, а потом и его старческие благословляющие руки, прильнув к ним крепко, крепко своими устами. А он, смиреннейший, отвечал на это со своей стороны лобызанием моих ланит и просьбою не забывать его при моих литургийных молитвах. Этот поучительнейший пример редкого смирения так глубоко запал в мою душу, что не изгладится и до последних минут моей жизни.

После этого я доложил блаженнейшему, что в бытность мою в Вифлеемском вертепе, меня не допустил к служению в нем литургии тамошний наместник, хотя я и имел при себе паспорт, несомненно свидетельствующий о моей личности; почему просил Его Святейшество снабдить меня таким документом, при

котором бы я не подвергался более подобного рода, неприятным и не предвидимым мною случайностям. На что Его Святейшество отвечали просьбою не обижаться за подобный поступок Вифлеемского игумена, так как оный не есть личное произволение его, а официальное распоряжение Иерусалимской патриархии, и касается не одного только меня, а всех иностранных православных священнослужащих лиц, в виду того, что бывали неоднократные случаи совершения литургии лицами, вовсе не имеющими правительственной санкции и правоспособности на священнослужение; и велел своему архидьякону сейчас же изготовить для меня патриарший фирман для беспрепятственного богослужения во всех церквях Палестины. За сим сановитый хозяин угощал нас ракою, вареньем и кофе. После угощения и по принятии от блаженного благословения, разошлись мы по квартирами.

В 4 часа вечера я начал хлопотать о найме осленка в Вифлеем для служения там литургии на месте Рождества Спасителя; но по слухаю привода осленка пред солнечным заходом, я побоялся сами ехать в такое позднее время и, к прискорбно моему, остался в квартире.

Понедельник, 14-е июля. В 7 часов утра, ходил я в монастырь св. Иоанна Предтечи для служения молебна великому пророку, более которого не было на земле из всеми рожденными женами. Служивший греческий иеромонах дал мне на дом флакон воды из-под мощей Крестителя Господня, и розовых цветов, имеющих целебную силу от трясовицы. Вышедши отсюда, я пошел по иерусалимским лавкам для покупки иконок, крестиков, четок, свечей и прочих священных предметов, и, кроме того, прошелся по многим улицами Иерусалима, чтобы иметь о нем какое-нибудь наглядное понятие.

Иерусалим есть горный город, не потому только, что занимает возвышенное место, но и потому, что представляет собою заметную, довольно высокую, гору, окруженную с трех сторон глубокими оврагами, возвышающуюся, по сказаньям некоторых, над уровнем Средиземного моря до 2500 футов, а Мертвого – до 4000 футов. Вот секрет, почему в самом

Иерусалиме не замечаешь той убийственной жары и духоты, которая так охватывает вас в других местах Палестины, в особенности низменных, напр., в равнине Иерихонской или около берегов Мертвого моря. По ночам в Иерусалиме бывает даже очень свежо, так что я иногда не мог достаточно согреться в драповом подряснике; и, не забудьте, – это в июле месяце. Физиономия Иерусалима напоминает собою, вообще, все восточные города: улицы очень узки – до пяти шагов в ширину и менее, – так что в иных приходилось проходить по-под навьюченными верблюдами, стоявшими поперек улиц, кривы, извилисты и некоторые из них очень людны, с бесчисленным множеством разного рода лавочек, чем, в особенности, отличаются христианский и мусульманский кварталы. Вообще же, сор, выкидываемый из домов на улицы, и помои, бесцеремонно выливаемые сюда же, и валяющаяся дохлыя животные, служащие приманкой для мух, собак и шакалов; зловонный и вредный воздух от разлагающихся предметов; встречающиеся на каждом почти шагу разрушенные зданья – все это пробуждает в душе путника скорбные чувства и, так сказать, поглощает и сглаживает те святые воспоминанья, которые соединены с дорогим именем Иерусалима, – и на глаза навертываются слезы. Несмотря, впрочем, на полученное впечатление малости и ничтожности Иерусалима, если смотришь на него с какой-либо террасы, то местоположение его представляется очень красивым, и сам он, опоясанный зубчатыми с башнями стенами, с высокими минаретами и куполами, с громадными домами, построенными из хорошего, резаного плитами, дикого камня, – очень живописен. Коренных жителей в Иерусалиме насчитывают до 50-ти тысяч, из коих половина почти евреев; здешние евреи отличаются от наших своеобразностью одежды, томностью взгляда и крайней неприветливостью. Одежда их состоит преимущественно из рясок и из мелких круглых шапочек, отороченных дорогим мехом. Замечательно, что мусульмане строго запрещают евреям показываться на страстном пути Спасителя и у гроба Его. Нарушающих этот запрет, по какому бы то ни было случаю, избивают до смерти, приговаривая: «Вы, презренные твари,

недостойны попирать своими нечистыми ногами те места, где вы мучили и распяли святого и мудрого Ису» (т. е. Иисуса).

Вторник, 15-е июля. Еще с вечера я просил настоятеля Гефсиманского вертепа Успения Божьей Матери дозволить мне совершить на Ея Гробе литургию. Изъявляя свое согласие на это, о. настоятель просил меня, как можно раньше, прибыть на место служения, если можно, – часа в три ночи, иначе армяне не допустят исполниться моему сердечному желанию. Почему, встав в 2 часа ночи, по прочтении правила, я, вследствие измены своего сопутника, поручика К., отправился с «построек» русских в Гефсиманию сам, вдоль городских стен, со страхом и трепетом. Темнота ночи, моя одинокость среди пустыря и иноплеменных, жесткость, неровность и дальность²³ малоизвестного пути, появление по временам из-за скал пастухов, стерегущих стада, – все это часто заставляло меня то озираться по сторонам, то – на несколько минут останавливаться, то -прятаться за камни и в ущелья, то – чересчур ускорять шаги. Добравшись кое-как до спуска с горы, я, за темнотою, сбился с тропинки, ведущей в Гефсиманию, и почувствовал свою ошибку только тогда, когда был далеко в сторон от нее; это заставило меня почти бежать назад, чтобы не опоздать к назенненному времени в священное место, и потому я прибыл сюда совершенно расслабленным от малоспания, усталости, беготни и желудочной боли. Около вертепа царила могильная тишина. Не слышно было ничьего голоса, не видно ни одного живого существа; врата оного были заперты; оставалось лишь со скорбью возвратиться вспять; но мне блеснула мысль взять камень и постучаться в ворота; послышались изнутри чьи-то, приближающееся к дверям, шаги. Отперший оные монах-грек сказал мне, что я уже опоздал; но, видя мое сильное смущение и слезы, продолжал: «Иди, да скорее одевайся; а то армяне тебя прогонят». Верю, Она, Пречистая и Преблагословенная в женах, видя стенание моего сердца, сподобила меня, недостойного, служить на Ея Гробе и приобщиться св. Тайн. До гробовой доски будут памятны мне минуты, проведенные мною в умиленной молитве под Кровом временного Упокоения Приснодевы. От всего сердца благодарю

Тебя, всеблагая, и славлю всечестное Успение Твое! На память я взял себе пророческую просфору и букет прекрасных цветов, стоявших в урне на Гробе Богоматери во время совершения на оном литургии.

Кстати замечу, что едва пропели на клиросе молитву Господню, и я после возгласа обратился к народу, чтобы преподать ему мир, как увидел зверские лица армян, ясно говоривших мне своими взглядами и минами, чтобы я поскорее убирался из вертепа; почему я, при помощи вбежавшего ко мне настоятеля-архимандрита, забрав священные сосуды и другие служебные принадлежности, поспешил удалиться к жертвенному; а армяне ту же минуту начали отправлять с шумом и бряцаньем свою григорианскую обедню.

По выходе из священного подземного храма Богоматери на рассвете, я, пользуясь утренней прохладой, без проводника и толмача отправился прямо на гору Елеонскую. Уже с половины горы представляется вашему взору дивная картина окрестностей Иерусалима и его самого; и я несколько раз останавливался и садился на камнях, чтобы досыта налюбоваться милыми сердцу чертами свящ. града и поглубже запечатлеть в своей памяти его присножеланный образ и, так сказать, каждую складку верхней одежды его. Еще далеко не доходя вершины горы, я долго рассматривал прочно и красиво устроенный латинский монастырь на том месте, где Христос изрек Своим ученикам молитву «Отче наш», которая и написана в церкви этого монастыря на 36-ти языках. Выше этого места, вправо от вершины горы Елеонской, по направлению к Вифании, я пришел к русскому монастырю, устроенному здесь нашею православною Иерусалимскою миссией для лиц мужского пола, но, по недостатку средств и особ, желающих посвятить себя созерцательной жизни, до сих пор еще не открытому.

К великому сожалению моему, я не мог здесь отыскать ни одного человека: единственный, обитающей здесь сторож миссии ушел, занесши с собой и ключи от главного зданья; и меня приветствовал усердным лаем и воем только его бессловесный наместник – цепная собака; на бесчинный клич

собаки явился ко мне один из молотивших по соседству хлеб мусульманин араб, который и объяснил мне все это, приговаривая: «Скажи, да скажи ж хамандру, т. е. архимандриту, что у него не хорош стража». За сим мы прошлись по двору, по прекрасному палисаднику, в котором, на память, я составил роскошный букет из благовонных цветов востока, причем араб подвел меня к запертой решетчатой железной двери, ведущей в подземную галерею, примыкающую к главному зданью, и указал на несколько гробов, иссеченных из камня и стоявших рядом, в которых будто бы собраны кости доблестных мужей и жен, погребенных в разные, давно минувшие, времена, по протяжению горы Елеонской. Проходя мимо окон главного здания, я долго любовался сквозь них внутреннею отделкой оного, а в особенности изящными мозаическими мраморными полами. Вышедши из двора, мы спустились несколько ниже, причем араб, указывая на расчищенную ровную площадку, покрытую мраморными плитами, примерно в 20 квадратных саженей, объяснил, что это место начала разрывать Москву для постройки каких-то зданий, и, вот, на расстоянии трех аршин от поверхности горы напала на остатки какой-то древней, бывшей здесь, церкви; вот это сохранился и мраморный пол от не; а дальнейшие работы приостановлены пока, в видах важности этого археологического места. Взяв на память кусок мрамора от этого здания, мы пошли к той точке горы Елеонской, где Спаситель завенчал дело искупления нашего Своим преславным вознесением на небо. Я был весьма изумлен, когда встретил на самой вершине горы небольшой поселок, состоящей из безобразных, почерневших каменных изб, обитатели коего – арабы-мусульмане. Этого поселка я ни разу не приметил своими глазами от миссии, хотя несколько раз и по целыми часами смотрел оттуда на Елеонскую гору, и она видна со двора миссии, как на ладони. Как раз возле поселка, к северу, во дворе, обнесенном невысокою каменною оградою, стоит небольшая восьмигранная мусульманская часовня, устроенная из мрамора, и завенчанная круглым сводом. Араб, провожавший меня, вызвал из сказанной деревни привратника часовни, который за три лева (20 к.) впустил меня туда.

Посреди часовни указали мне на лежащий на полу небольшой, примерно в три четверти аршина, камень, окаймленный мраморными рамками; на нем-то ясно печатлеется святейшая стопа вознесшегося Искупителя. Прильнув крепко, крепко к св. углублению своими грешными устами и челом, с верою и умилением, я молил жизнодавца Иисуса, чтобы Он Свою благодатью укрепил мои душевые силы ко зрению спасения, да, егда паки придет со славою судити живым и мертвым, не предаст меня вечной смерти и не затворит предо мною славного Своего Царствия.

Стоя на зените этой, поистине чудной и высочайшей из всех опоясывающих Иерусалим, горе, чувствуешь себя как бы окрыленным и отделенным от земли, особенно, если возведешь очи свои окрест себя от востока, юга, запада и моря (Средиземного). Тут пред тобою развертывается чуть не вся ветхо- и новозаветная свящ. история; а зеленеющие всякою растительностью берега священного Иордана так и манят к себе, чтобы освежиться в них. Ежели бы я раньше не был у Иордана и у Мертвого моря, то непременно, по неведенью, спустился бы к ним с горы: так они, при прозрачности палестинской атмосферы, кажутся близкими, находящимися почти у подошвы Елеонской горы; между тем как отстоят отсюда на 60 верст.

Долго я не мог оторвать своих очей от восхитительных видов, чарующих и приковывающих к себе взоры христианина. Вот, если где, то именно здесь, в виду почти всех важнейших святынь Палестины, добро быти; и, аще возможно было бы, сейчас бы устроил сень, чтобы никогда не отлучаться от этого дивного места, а здесь упокоиться до второго пришествия Христа, имеющего явиться на этом же самом месте с силою и славою многою для неумытного суда над нами, окаянными грешниками. Недаром масличная гора была самым любимыми местом молитвы, уединения, отдыха и проповеди Господа нашего Иисуса Христа.

При спуске с горы провожавший меня араб не позволял мне ни отломить оливковой веточки, ни даже взять какой-либо камушек от нее. Чтобы расположить его к себе и вознаградить

за услугу при обозрении Елеона, я, не зная личных свойств аравитян, имел неосторожность вынуть свой портмоне, в котором было мелочи около 20 руб. сереб. Завидев блеск множества монет, мой араб весь затрясся, как осиновый лист, зрачки забегали, как молния, глаза страшно выкатились из своих орбит; он судорожно, как хищный зверь, оглядывался по сторонами, чтобы кто-нибудь не вырвал из рук его жертвы. Заметив это, я моментально сунул ему 10 левов, но он не принял, крича: «пять карбован, пять карбован (т. е. пять р. с.); твой не хороши!» Видя свою беззащитность, а его наступательное, угрожающее движение, я бросил ему те же самые 10 монет и пустился бежать, заявив, что я буду жаловаться на него консулу; это возымело надлежащее действие, и он остановился в дальнейшем меня преследовании. Спустившись с горы, я опять заходил в пещеру, в которой, во время предсмертной молитвы Гефсиманского Подвигоположника, спали восемь апостолов, целовал камни, на коих в это же время почивали наилюбимейшие ученики Христовы – Петр, Иаков и Иоанн, и лобызал то место, где, по сказанью, до кровавого пота молился Спаситель и за меня грешника, и отправился мимо гробниц Авессалома, прор. Захарии и царя Иосафата (которых в подробности и осматривал) к мостику, перекинутому чрез русло потока Кедрского, чрез который, по преданью, Иисус, по совершении Тайной вечери, изshed иде по обычаю в гору Елеонскую и по Нем идоша ученицы Его, и потом обратно веден был стражею из сада Гефсиманского на суд к старейшинам и первосвященникам иудейским, и с него же в насмешку и в поругание был столкнут бесчеловечною спирою в поток Кедрский, на береговой камень. Но отпечатка рук и колен нашего Искупителя на камне я не мог приметить, при самом тщательном исследовании (хотя другие говоря о нем), может быть, потому что я был один, без опытного руководителя.

Продолжая идти вдоль русла потока Кедрского, мимо подножия горы Мориа, по обрывистым склонам горы соблазна, я спустился против деревни Силоам в ущелье, находящееся у подошвы горы Сиона, именуемого в Евангелии купальнею

Силоамскою. – Это было в 7 часов утра, и солнце прожгло меня чуть не насквозь. Здесь я застал несколько купающихся мальчиков и сидящих трех женщин-евреек, которые, почему-то, усердно просили меня, чтобы я и сам не ходил в купальню и прочих склонил бы к тому же, пока они окунутся в Силоаме, так как они давно больны и пришли сюда, чтобы попытать счастья – не получат ли исцеления; но мужчины не допускают их в купальную; и вот они в десятый уже раз должны уйти отсюда со скорбью. «Если ты нам не посодействуешь, – продолжали они, – то мы не знаем, когда суждено будет исполниться нашему неприхотливому желанию». Я им на это отвечал, что я сам нуждаюсь в подобном содействии и сам нахожусь в нерешимости, как мне войти в купальную, боясь здешних фанатиков-мусульман. Но мысль о чудесности оной и бесцеремонность некоторых, опрометью бросившихся в купальную, превозмогли мою нерешимость и страх; долговременная же моя болезнь, не поддававшаяся никаким усилиям разных врачей, и вера так и влекли меня погрузиться в живительные струи; а слова слепорожденного: «Шед же умыхся (в купели Силоамста) и прозрех», – так и раздавались в моих ушах, так и вторили мне: «Омыйся и ты, и будешь здрав!»

Невзирая ни на что, даже на то, что я был сильно вспотевши, вмиг разделся и, спускаясь по скользким каменным ступенькам к источнику, мыслил в себе: «Господи! Мимоходя путем, обрел еси человека, слепа от рождения, плонув долу и брение сотворив, помазал еси очи его, рек ему: иди умыйся в Силоамской купели; он же умывся здрав бысть и вопияше к Тебе: верую Господи, и поклонися Тебе; тем же и аз вопию Тебе: помилуй мя, недугующа и телом и душою!» (Из стихов в неделю слепорожденного).

Потом, вшедши в купальную, моментально погрузился несколько раз в водах и вышел в ту же минуту, из боязни, чтобы кто-нибудь не унес моей одежды, и мне не пришлось бы щеголять в первобытном костюме наших прародителей. А в таком безвыходном положении, среди иноверного дикого населения, без проводника, что бы я делал, – страшно об этом и подумать!

Внутренность купальни, входящей в гору Сион, может быть уподоблена нашим монастырским пещерам, изрываемым, обыкновенно, в крутизнах гор; вода в ней прозрачна, свежа, вкусна и очень холодна, а там, где я погружался, глубина ее была до полутора аршина. Таинственное журчанье водных струй по-под длинными мрачными сводами Сионских водохранилищ так и направляет твои мысли к источнику воды живой – к И. Христу, Который ниспосыпает истинно верующим благодать Святого Духа, изображаемую в священных книгах под видом воды. Замечательно, что все народы, без различья исповеданий, живущие в Палестине и приходящие во Иерусалим, имеют сильную веру в целебные свойства этой воды и омываются в ней, какою бы кто из них ни был одержим болезнью; только не вся кому удается погрузиться в нее, как это увидим ниже.

По выходе из купальни, мне предстоял длинный, крутой и трудный восход на гору Сионскую; от жары и утомления я несколько раз останавливался и садился на камнях и, устремляя взоры свои на чудный Силоам, со скорбью прощался с ним навеки, прося небесного Целителя, чтобы на будущее время, когда я буду дома, вместо Силоама служили мне слезы! Силоам, взывал я словами блаженного Андрея Критского, Силоам да будут ми слёзы мои, Владыко Господи, да умью и аз зеницы сердца и вижду Тя умно, Света превечна! Потом, кое-как доплетвшись до стен иерусалимских, в изнеможенье упал в тени под стенами, – и только через два часа мог продолжать путь к постройкам.

Посетив в течение пяти часов Гефсиманию, Елеонскую гору, прошедши по-над руслом Кедрона до купальни Силоамской и обогнувши, таким образом, весь Иерусалим с предместьями его, – что равняется почти 15 верстам, – я пришел домой очень усталым, благодаря Бога за все, что видел и испытал при моей немощи.

Надзорительница дворянского поместья, встретившись со мною, спрашивала меня, где я проходил целое утро; и когда я сообщил ей, между прочими, что были и у купальни Силоамской, и в ней купался, то она пришла в ужас и назвала

меня необыкновенным героем; так как там быть одному, особенно гяуру, а тем более купаться весьма опасно, потому что арабы-мусульмане берут из Силоама воду для питья, а если кого из христиан застанут купающимся, то застреливают, как кошку; «Вот, – прибавила она, – я живу в Иерусалиме более 12-ти лет, и сколько ни ухитрялась погрузиться в водах Силоамских, никогда не удостаивалась такого счастья; вы счастливец; я вам завидую; вам, видимо, покровительствует Сам Бог». Слава же Богу Спасителю, Благодетелю моему, во веки веков! – воскликнул я. Ежели бы вы раньше мне сказали, какой злой участи подвергаются рискующее освежиться струями Силоамскими, я, может статься, никогда не отважился бы на такой риск.

В 4 часа пополудни мы отправились к малодоступной для христиан, знаменитой в летописях, мечети Омара, устроенной на месте разрушенного храма Соломонова. Еще за четыре дня до этого наш русский консул, Василий Федорович Кожевников, будучи в веселом расположении духа, за чаем у него, между прочим сказал нам: «Хотите ли, гг., я вам доставлю возможность видеть внутренность мечети Омара, что доставалось и достается в удел не многим русским? Мне приятно будет услужить вам». Разумеется, мы, обрадованные донельзя таким неожиданным и лестным для нас предложением, не знали, в каких словах выразить нашу благодарность и дали слово быть во всякое время готовыми к созерцанию этого чуда арабского искусства. Паша Иерусалимский назначил для обозрения 15 июля, пятый час по полудни, о чем накануне этого дня и дано нам знать, чтобы мы к указанному времени были наготове.

К назенненному часу явились за нами три консульских каваса, вооруженные с ноги до головы, и мы втроем, т. е. я, мой строптивый и неизбежный сопутник К. и от миссии чичероне Л., пошли к таинственной мечети. По дороге мы зашли в городское полицейское управление, из которого, по сообщению консула, дали для охраны нас от мусульманского фанатизма еще пять конвойных солдат турецкого гарнизона. Окруженные такою воинственною стражею, мы уподоблялись пленным или

арестантам и, среди обнаженных дамасских клинов или сабель, шли как будто жертвы, обреченный на заклание. Когда мы прошли со страхом через красные ворота, ведущие на площадь Омаровой мечети, в которых меня несколько дней назад чуть не закидали камешками и в коих во время оно Ап. Петр исцелил хромого; то мусульмане, увидевши здесь настяуров, чуть не скрежетали зубами от невозможности излить на нас свою фанатическую месть; а дикие и сверкающие их глаза так иискрились от давящей страшной и неудержимой злобы; почему мы, то и дело, оглядывались по сторонам, опасаясь, не прорвется ли кто из них силою к нам, чтобы нанести удар.

В прежние времена даже самых знатных особ заставляли проходить площадь босыми ногами, но теперь мы шли по ней в обуви русского творчества. Площадь необыкновенно ровна, и показалась мне довольно обширною, вместимостью около 10 десятин, и вся почти устлана плитами. Виднеющиеся в разных местах небольшие рощи кипарисных, лавровых, померанцевых и других зеленеющих деревьев, между которыми мелькали красивые портики, устроенные над журчащими фонтанами, придают чрезвычайно живописный фантастический вид этой местности; воображение и глаз до того увлекаются картинностью ее, а равно и самою наружностью мечети, что, кажется, за целый день вдоволь не насмотрелся бы на них. По мере приближения к ней, поверхность площади возвышается на несколько ступеней, и там, где они есть, над ними устроены изящные кудреватые портики; не вдали от одного из них нам указали на каменный балдахин; так как части некоторых колонн балдахина надделаны, будто бы, остатками от колонн трона Соломонова или Давида, то балдахин и называется у магометан судилищем Давида. На особой, рельефно выдающейся, небольшой платформе высится восьмигранное здание чарующего зодчества; – это и есть мусульманский храм Омаров, с торчащим над ним полумесяцем; при взгляде на этот храм так и надрывается сердце от тоски, так и хочется, чтобы на этот раз моментально выросли крылья, чтобы при помощи их мигом взлететь на оный и сбросить оттуда эмблему торжествующего мусульманства, и водрузить крест Христов –

знамя христианства. Мечеть занимает, по преданию, то место, где начиналось среднее отделение ветхозаветного храма, называвшееся Святое. По впуске нас в нее через северную дверь, муллы настоятельно требовали, чтобы мы шли далее босыми ногами; но я передал чрез переводчика, что, по слабому состоянию своего здоровья, не могу этого сделать, а кавас, обдувши пыль с моих сапогов, доказывал им, что у меня обувь далеко чище и благовиднее, чем у иного голые ноги, почему они и оставили меня в покое. С первого же почти шагу нас поразила внутренность этого храма, внутрь-уду почти круглого: и необычная его обстановка и планировка, и это множество массивных цепных мраморных и порфировых колонн в несколько рядов с золочеными базисами, поддерживающих своды его, и чудная мазанка полов и особенно верхних стен, на которых так искусно выделаны и переплетены между собою древесные ветви и гирлянды цветов и других украшений, что самая опытная рука альфрейщика²⁴, кажется, не начертала бы их живее своею тонкою кистью; и смесь разноцветных лучей света, пробивающихся из верхних окон цветного стекла в царящих внизу полумраке, обаяет зрение и отдает чем-то волшебными, сказочными; словом, художник, составлявший план этого зданья, как видно, все усилия употреблял на то, чтобы совместить здесь все... для возбужденья в самой сильной степени самого слабого воображенья; и действительно: так тебе здесь и чудится, что вот послышится таинственный голос и скажет: « успокойся немногого, путник земли, а затем я поведу тебя в царство духов ». Посреди храма, против самого купола, виднеется узорчатая металлическая золоченая решетка, выше среднего роста человека, окруженная 15-ю порфировыми колоннами, поддерживающими этот купол. Чтобы видеть, что за драгоценность такая блюдется за решеткой, нужно было приблизиться к самой решетке и стать на ножные пальцы. Хотя муллы и старались воспрепятствовать нам в этом, однако мы усмотрели за ней большой каменный холм темно-серого цвета, возвышающийся поверх пола почти до верхних краев сказанной решетки. Нам объяснил мулла, что это великая святыня, так как основатель их религии, Магомет, спустился на этот камень во

время своего (не существовавшего) путешествия в рай. Но на нем мы не видали лежащими ни щита Магомета, ни седла его кобылицы, ни рукописи Корана, ни других священных для поклонников его предметов, которые видели другие паломники (вероятно они спрятаны были, так как в это время внутренность мечети возобновлялась и во многих местах стояли еще леса). Наш же чичероне объяснил, что это тот каменный холм, на который Авраам возложил сына своего Исаака для всесожжения. Кому верить, – не знаем, так как некоторые путешественники передают нам еще, что это тот камень, на котором опочил патриарх Иаков, когда видел во сне небесную лестницу, и перенесен сюда из Вифиля. С этим последним преданием трудно согласиться, так как тот камень, на котором лежал Иаков, был небольшой величины, ибо патриарх, как видно из книги Бытия, взял его и поставил памятником: а камень Омаровой мечети весьма велик, и справедливо заслуживает названия небольшого холма, так как в нем будет весу несколько тысяч пудов, и его, по моему взгляду, без особой подъемной машины не только невозможно перенести или перевезти с места на место, но даже сдвинуть с места.

Когда мы находились у решетки, наш чичероне, забывшись, сморкнулся и плонул на пол мечети. Моментально четыре дюжих мусульманина и мулла схватили его и так сдавили в своих объятиях, что он, бедный, едва не расстался с душой, и хотели было вышвырнуть его за мечеть, но, благодаря только кавасам и обещанному бакшишу, дозволили ему сопровождать нас. Вот урок -нелишний и для нас, христиан – как следует держать себя во святилище Господнем и других кощунов удерживать в должностных границах уважения к нему!

За сим имам повел нас в пещеру, находящуюся тут же, только немного вправо, в которую мы спустились по 8 мраморным ступенькам. Эта пещера не что иное, как небольшая и невысокая комнатка, кажущаяся как бы высеченной в огромном камне, довольно темная и невзрачная. Мусульмане, почему-то, называют ее сходом душ в подземное царство. Тут же показывали некоторые предметы, вделанные в камни, оставшиеся, будто бы, от времен Давида и Соломона,

напр., седалище, называемое троном Давида, – это налево от входа; а направо, показали нами, сделанное в камне, седалище или кресло Гаруна, – а по переводу на наши языки «Аарона, брата Моисеева» – с засаленным и загрязненным над ним в потолке углублением, в объеме чайной полоскательной чашки, которое, будто бы, образовал Аарон своею головою, когда поднимался с седалища, так как вышина комнатки не соответствовала его высокому росту. Наш же чичероне объяснил, что в этой комнатке обитала Пресвятая Дева Мария, которая к тринадцатилетнему возрасту так поднялась ростом, что не могла свободно стоять на молитве, и, от упирания теменем головы в потолок, образовала впадину. Но первое сказание совершенно противоречит св. истории, из которой мы знаем, что Аарон родился в Египте, а потом, по исходе из него, не достигнув Обетованной земли, умер на горе Ори. Следовательно, он не мог жить в этой иерусалимской пещере, иметь в ней постоянное седалище, тем более теменем своей головы сделать описанную впадину. Второе – тоже сомнительно, ибо место, где обитала Дева Мария, когда воспитывалась при храме, указывают там, где было главное отделение ветхозаветного храма – Святое Святых; – что более согласуется и с церковным преданием. Более достоверно то, что так как в этой комнате хранится священная для мусульман одежда дочери Магомета, Фатимы, то здесь вчастую муллы совершают свое богослужение, и над тем местом, где они становятся для молитвы, от усердных конвульсивных движений их во время оной и образовалась в потолке впадина. По выходе из пещеры, мы хотели еще остаться в мечети, чтобы вдоволь насладиться на разные арабески ее; но фанатические муллы, без зазрения совести, выпроводили нас из нее. Когда мы обходили после этого вокруг здания, то нам на северо-восточной стороне оного указали место, где Пресвятая Дева ежедневно, в урочное время, принимала для себя от Ангела пищу; оно осенено каменным, довольно изящным балдахином.

Отсюда мы, сделавши по площади шагов около трехсот, достигли другой мечети, называемой магометанами эль-Акса, что значит отдаленная, потому что она действительно

находится на далеком расстоянии от прочих городских зданий, примыкая к городской крепостной стене. Она местными христианами называется церковью Введения во храм Пресвятой Богородицы и – Святая Святых: так как место, на котором она стоит, по преданию, соответствует, будто бы, тому месту, которое прежде занимало главное отделение ветхозаветного храма, именовавшееся – Святая Святых, куда, как известно, и была введена первосвященником трехлетняя отроковица Мария; почему здесь и устроен был от древних времен храм в честь Ея Введения. Утверждают, что нынешняя мечеть и есть онъи́й древний храм христианский.

Это массивное здание, по наружному виду, более походит на дом, и только купол, заканчивающейся полумесяцем, говорит о назначении его. Внутренность его имеет вид огромного крестообразного зала, ровный деревянный потолок которого поддерживают два ряда цельных мраморных колонн, отчего он кажется как бы разделенным на три отделения; средина зала выше боков; пол мраморный; стены не имеют никаких украшений, так что глазу не на чем особенно остановиться. Налево от входа, почти к средине зала, у одного окна указали нам на начертанный на камне острием крест, которым обозначено место убиения Захарии, погибшего между церковью и алтарем. Там, где был алтарь в церкви Введения, а во время оно Святая Святых, в боковой правой стороне оного, виднеется фигурная золоченая решетка или перегородка выше человеческого роста, называемая некоторыми – мусульманскою кафедрою, тогда как она, собственно, сделана с целью оградить от попрания священное и для мусульман место, где предавалась молитве и богомыслию безгрешная Мариам, как они ее величают; и здесь же они хранят, как зеницу ока, камень, вделанный в нишу стены, носящей отпечаток двух малых стоп Богоотроковицы Марии; а в другой нише следы стопы Ее Божественного Сына, перенесенные сюда мусульманами с горы Елеонской.

По выходе из храма, нам отперли врата, ведущие в подземную часть храма, куда мы и спустились. Тут представился нашим глазами громаднейшей, темный и

довольно высокий зал, своды которого опираются на массивные гранитные колонны, расположенные двумя рядами; от базиса одной из них мулла отбил несколько камешков и за бакшиш предложил нам получить их на память, уверяя, что эти колонны – остаток храма Соломонова. Мы разобрали их нарасхват. Тут же, в правой угловой стене, наше внимание обратили на себя некоторые громадные камни, величиною около трех сажен, подобные которым мы видели в городской стене, и которые евреи считают за камни, взятые от храма Соломонова. В этом подземном зале нет ничего замечательного, исключая его несомненной древности; впрочем, страстному антикварию и археологу, пожалуй, было бы здесь не скучно. Зал этот пуст, ничем не занят. Для чего же он был устроен, какое его назначение было в древности? – спросил я своего чичероне. Он мне ответил, что здесь стоял народ, не помещавшийся в галереях храма в великие праздники, и хранились священные принадлежности и разные дары, присылавшиеся с разных сторон в пользу храма. Насколько это объяснение верно – не беремся судить²⁵.

Когда мы после выхода отсюда проходили около наружной северо-восточной стороны храма, нас остановили около побегов рожкового дерева и объяснили, что под ветвистым и тенистым предком его, будто бы, любила сидеть и отдыхать после обыденных занятий Пресвятая Дева Мария; почему мы, на память, отломили себе по веточке от побегов дерева; моя – и теперь хранится у меня.

После этого нас повели в другое подземелье, ко входу в которое от мечети эль-Акса будет около ста шагов. По открытии запертых врат его, мы с трудом спустились в него по крутому склону, так как ступеней не существуете уже. Внутренность этого подземелья представляете громаднейшую площадь, занимающую пространство если не большее, то никак не меньшее наружной площади Омаровой мечети, ибо за полумраком далеко проникнуть глазом нельзя; пойти по ней, чтобы исследовать ее величину – тоже нельзя, так как из бесчисленного множества колонн, сделанных из резаного камня и поддерживающих своды и арки оной, многие уже до половины

рассыпались, другие начинают разваливаться, отчего самые своды во многих местах пообсыпались, а в других угрожают падением. Везде виднеются целые холмы мусора, и сердце почему-то болезненно сжимается при виде этих руин, восстановление которых почти немыслимо. А жаль! Не один миллион затрачен здесь, не одна тысяча душ здесь измозолила себе руки, – труд гигантский! Еще более жаль, что никто и ничего не мог нам поведать об этом замечательном подземелье. Только невдалеке от входа в оное наше внимание обратили мулла и чичероне на каменный, простой работы, балдахин, в средину катафалка которого вделана продолговатая – в аршин длины –каменная ваза, с углублением наподобие наших небольших «ночв», уцелевшая, будто бы, еще от времен ветхозаветного храма, в которую священники клали младенцев – первенцев мужского пола, приносившихся в храм в сороковой день по их рождении для представления Господу. Полагают, что праведным Симеоном положен был в эту колыбель, в числе прочих, и Богомладенец Иисус, почему над ней, как над святыней своего рода, висит лампада, конечно, повешенная мусульманами; а мусульмане только в особых случаях предпочтения к какому-либо предмету делают это. Поверив этому сказанью, мы приложились кказанному ложу с особыми религиозным чувством, а имам, стоявший тут, просил монет на масло. Я ему ответил: если он сейчас при мне зажжет ее, то я первый дам бакшиш, – что им ту же минуту и исполнено. По выходе из подземелья, мы направились к заложенными совне, так называемым золотым или вечным воротам, который находятся в городской стене от Гефсиманского сада, ими-то и въехал во св. град на жребяти осли Искупитель мира при кликах: «Осанна сыну Давидову!» На пути к ним нам указали на пару вековых деревьев, называемых Симсоновскими, посаженных будто бы на том самом месте, где праведный старец встретил Богоматерь с предвечным Младенцем в сороковой день по Его рождении.

Во внутренность самих врат ввели нас чрез небольшую калитку. Ворота со сводами, – поддерживающими посреди цельными мраморными колоннами, разделяющими их на две

половины, из коих одною, вероятно, въезжали в город, а другою из города, – составляют довольно красивое здание, аршин около двадцати в вышину; в стенах ворот, на случай, может поместиться около полутораста человек. Я взял себе на память несколько камешков, упавших из обсыпающихся по местам сводов и карнизов; причем благодарил Спасителя, сподобившего меня пройти в те врата, которыми Он торжественно вступил в земной Иерусалим для приятия смерти, во спасение наше от вечной тли, и, вместе, – просил Его не затворить предо мною, по скончании моего жительства, и небесных врат, ведущих в горний Иерусалим.

Одарив бакшишами стражу, мы отсюда пошли через красные ворота, – мимо Овчей купели и Гефсиманских ворот, – к дому свв. Богоотец Иоакима и Анны. Вход вовнутрь двора, а тем более самого дома, весьма затруднителен и не для всякого доступен. Требуется, почему-то, предварительное разрешение французского консула, так как это место подарено султаном французскому императору после Крымской компании, в благодарность за поддержку, и принадлежит французам. Наш консул открыли нам и сюда вход.

Впущенные стражем чрез калитку, мы увидели обширный двор, застроенный домиками и службами новейшей европейской архитектуры, и, в конце оного к северо-западу, вновь созидаемую католическую церковь довольно изящной наружности. По дальнейшим нашим исследованиям оказалось, что на этом месте прежде существовала древняя православная христианская церковь византийского зодчества, времени Елены и Константина, впоследствии обращенная в мечеть. Когда французы унаследовали ее от турок, то первым долгом сочли древние стены и своды храма разобрать; – и мы сами видели сложенные в разных местах двора колонки, капители, карнизы и другие предметы византийского искусства. Новая церковь, устроенная на месте прежней, над домом свв. Богоотец, разделяется на два этажа и почти уже окончена; только в некоторых местах не доштукатурена, и нет в ней никаких священных принадлежностей; почему и служение не открыто еще. Сначала нас ввели в нижний этаж и на средний его

указали на три небольших комнатки, иссеченные в природной скале, не оштукатуренные и даже не побеленные, отчего они кажутся мрачными нашими пещерами, без всяких украшений. Это и есть, сказал нам наш чичероне, дом свв. родителей Божией Матери, в котором они и окончили свою жизнь; а здесь, – указывая на самую меньшую комнатку вправо, – родилась Пресвятая Дева Мария на радость земли и неба²⁶. Мы благоговейно облобызали место рождения Преблагословенной, а наш проводник отбил несколько осколков от шероховатого свода, которые и теперь хранятся у меня для памяти. Сказанные комнаты окружены множеством отдельных, смежных с ними, приделов и комнат новейшего устройства. Засим, по лестнице, мы взошли в церковь верхнего этажа. Она довольно просторна и походит внутренностью на другую католическую церковь – «Се человек», описанную мною раньше.

Из храма мы вышли на церковный двор. Чистота и опрятность, в которой он содержится, заслуживают полнейшей похвалы; по сторонам, вокруг его, везде разбиты прекрасные палисадники и насаждаются кипарисы, кедры, померанцы и другие деревья. Со временем, при усердии доминиканцев, здесь будет настоящий рай. Влево от входа во храм обратила на себя наше внимание узкая, наподобие нашего колодезного сруба, оградка – выше человеческого роста. На вопрос наш, что за ней так строго bлюдется, – нам объяснили, что на этом месте, но преданно, посажено было Богоотцами в день Введения во храм Присноблаженной их Дщери оливковое дерево, отрасли которого теперь так усердно охраняются от дерзостных рук поклонников.

Вечером, в 6 часов, я посетил его Святейшество, патриарха Иерофея. Он принял меня весьма милостиво и ласково; посадил возле себя и угождал вареньем и кофе. Подарил, на память, пару четок, двадцать кусков греческого мыла и обещал передать мне в Россию через начальника нашей миссии в Иерусалиме свою карточку, так как он теперь по новости не успел еще сняться, и просил меня обращаться к нему письменно во всякое время, если я найду то нужным. Я от души благодарил святителя Божия за такое, ничем не заслуженное

мною, внимание и поклонился ему до земли; а он дружески меня обнял и три раза облобызal, и затем проводил в галерею, к лестнице.

Отсюда я пошел ко Гробу Господню и остался там на всю ночь для служения на следующий день литургии.

Среда, 16-е июля. В первом часу ночи я слушал в алтаре Воскресенского храма заутреню. У греков строго вообще соблюдается церковный устав, без всяких упущений в каком бы ни было отношении; но это длинное, монотонное и безжизненное чтение и, особенно, визгливое пение одним голосом и почти на один глас, подобного которому у нас никогда не услышишь (мелодичность которого только и могла бы здесь действовать на душу русского человека при непонимании им греческого языка), много способствует охлаждению религиозного порыва в виду важнейших христианских святынь. Ночной же полумрак, царящий во храме, в особенности при будничном богослужении (во время совершения которого горят по всей церкви только две лампады, накрытые темными колпаками, по одной на клиросе для чтеца, свет от которых и ударяет преимущественно на предлежащий предмет) располагает, не привыкших к ночному бдению, к сонливости и дремоте, в особенности во время канона, гугнивое пение которого, от начала до конца попеременно на обоих клиросах, продолжается целый час.

По окончании канона, пред великим славословьем, подошел ко мне наместник святогробского игумена иеродиакон Е. и приглашал идти к очередному преосвященному²⁷ за благословением для чтения входных молитв перед литургией. Но я никак не мог найти его своими глазами, пока мне не указали на одного седовласого старичка, без камилавки, в простой ряске, читавшего на клиросе. Он-то и оказался епископом иорданским, Никифором. Его преосвященство во все время утреннего богослуженья одиноко читал и пел на правом клиросе. Облачившись и забравши священные сосуды, мы вдвоем с седмичным греческим иеромонахом пошли в кувуклию Гроба Господня для совершения на нем литургии; в это время стрелка на церковных часах указывала на третий час ночи. Став

на колени на подложенную бархатную, шитую золотом, подушку (в стоячем положении нельзя совершать проскомидии по низкости ложа Христова), иеромонах начинал проскомисать, а я в это время благоговейно углубился в созерцанье святынь; как вдруг раздался голос: «Архиерей идет; позвольте уступить место». Я думал, что идет какой-либо архиерей для поклоненья Гробу Господню, но вошел в полном облаченье упомянутый выше епископ для совместного с нами служенья; – что меня крайне удивило и вместе порадовало, так как нежданно я удостоился служить со владыкою. Удивило тем более, что об этом, т. е. о служенье архиерейском, ничто предварительно не давало знать, как это бывает у нас в России. Не было никаких приготовлений, официальных встреч, каждений, облаченья среди храма и восторженных пений; только против кувуклии (как я после увидел), стояло седалище или простое кресло для сиденья архиерею в положенное время; и он смиренно, подобно нам, по прочтенье входных молитв, облачался в алтаре. Поклонившись Гробу Господню и ставши на колени на уступленной ему иеромонахом подушке, он продолжали совершать проскомидию более получаса, читая поминальные, принесенные им самим, листы; по окончанье чтенья листов, я просил преосвященного помянуть моих родных и граждан моего прихода живых и усопших. Кроме нас – двух священников, в служенье участвовали говевший русский дьякон-паломник и иподьякон; жезлодержца, книгодержца не было и, нарочито, не существует: жезл подает иподьякон, книгу держит сам архиерей, орлец не подстилается. Во время малого входа святитель встретил Евангелие у дверей кувуклии, по входу не было пения многолетья служащему архиерею; по прочтении Евангелия говорилась только одна, сугубая ектенья. По совершении великого входа вокруг кувуклии с Св. Дарами, мы остановились перед дверьми оной на площадку, где стоял коленопреклоненный архиерей в ожиданье св. процесии, а перед взятием дискоса прочел на славянском наречии для говеющих и готовящихся к принятию Св. Тайн разрешительную молитву, перечисляя имена говеющих. Поставив на Гробе Господнем дискос, он вышел опять на площадку и, по произнесении мною слов:

«Архиерейство твое да помянет Господь Бог во царствии Своем», – преклонив колена перед держимою мною св. чашею, читал другую разрешительную молитву, которой в нашем чинопоследовании нет, да и у них она писанная; в ней, между прочим, архиерей молил Бога об упокоении в царстве праведных, по скончании жительства, душ и телес, как предстоящих, готовящихся ко Св. Причащению, так и сродников их, скончавшихся под запрещением и клятвою. После чего, приняв чашу, поставил на Гроб Господень.

У нас возглашенья в алтаре после херувимской песни исключительно произносятся архиереем, а у греков иначе: так, напр., мне пришлось возглашать: «Побудную песнь поюще», – и проч. Далее, священнослужащий, принимая из рук архиерея частицу тела Христова, не отходит сейчас от антиминса, как у нас, а наклонившись над ним, здесь же и потребляет, потом уже становится на свое место; потом подходит следующий и поступает также, и т. д.; затем приобщаются крови Христовой, как и у нас. После литургии совершалась архиереем панихида по усопшим сродникам говеющих. За разрешительную литургию и панихиду уплачено ими владыке 25 р. сереб.

После нашей православной литургии началась армянская, которую совершает архиерей. При этом я заметил странность своего рода: священник, которого я прежде несколько раз видел служившим литургию, теперь в дверях кувуклии стоял в одежде дьякона, крестообразно препоясанный орапем, усердно потрясая в воздухе рипидами с бубенчиками, в течение целой обедни, без митры. Архиерей же имел на себе священническую фелонь, похожую на нашу, только со стоячим шитым воротником красного цвета. Пение – самое безобразное, и все поющие – в стихарях. Особенно усердно козлогласовали они, когда, в знак благоговения к совершаемому священнодействию и усиленной молитвы, садились на пол, поджав под себя ноги.

По уходе армян, папистами принесена была в кувуклию своя деревянная доска, по длине и ширине равняющаяся верхней мраморной плите Гроба Господня, и положена над плитою на боковых карнизах часовни; засим покрыта пеленами; по принесении патером из ризницы священных

принадлежностей, на ней же, а не на самом Гробе, совершаема была месса.

В ожидании окончания латинской мессы, я пошел на Голгофу, чтобы облобызать место водружения Креста Христова; но здесь застал служащим литургию другого греческого архиерея, – Назаретского.

Когда латины удалились из кувуклии, я взял с Голгофы, стоявшую на ней несколько лет, у подножия Креста Христова, икону страждущего Спасителя – «Се человек», приобретенную мною, на память, в пользу Изюмского собора, и поставил ее на несколько времени на Гроб Господень, причем монах окропил ее св. розовою водою. В 4 часа вечера я в третий раз собрался ехать в Вифлеем для служения литургии, и – опять неудача, опять остался дома. Великий я грешник от дней юности, а потому предвечный Младенец и не удостоил меня совершить ни одного богослужения на месте Его земного рождения.

Четверг, 17-е июля. Встал в 7 часов и начал понемногу укладываться в обратный путь. В 10 часов ходил прощаться к начальнику миссии, который подарил мне на память крест слоновой кости, а в 12 делал прощальный визит русскому консулу. .

В 4 часа вечера слушал в миссии вечерню и утреню, после которых, в 6 часов, отправился ко Гробу Господню. Русские богомольцы, узнав об этом, почти все собирались здесь на вечернее правило, после которого на Голгофе, у подножия Креста Христова, читан был мною акафист страстям Господним, а богомольцы и богомолки составили из себя экспромтом (что меня приятно удивило) довольно сносный хор. Так как оставалось еще немало времени до утреннего богослужения, то мы все, имея на этот раз одну душу и одно сердце, сообща перешли к живоносному Гробу; я вошел в кувуклию, а прочие стали у входа в оную и, пав на колена, начали петь акафист св. Гробу и воскресению. Такое ночное наше бдение, при мраке ночном и никем не нарушающей тишине, до того умилило и воспламенило наши сердца любовью к воскресшему Спасителю, что мы забыли все окружающее нас, и готовы были продолжать такое молитвенное общение и настроение сколько

возможно далее; как вдруг паписты, а за ними и армяне прислали сказать, что пора уже нам уняться и не нарушать их ночного покоя своими воплями, в противном случае они разгонят нас силою. Поневоле, во избежание вероисповедных столкновений, мы должны были, по совету греков, подчиниться этому требованью; со скорбью разбрелись по разным темным уголкам храма и пригорюнившись сидели, как агнцы среди волков. В 2 часа ночи Господь удостоил меня, и, быть может, в последний раз, совершить божественную литургию на Голгофе и вкусить Бессмертного Источника жизни – тела и крови Христовой – там, где Он предан за грехи мира. О, слава неизреченному Твоему милосердию, Спасителю мой и Боже! После обедни, отдохнув немного в келье и откушав, по приглашению игумена, в фондарике глико и кофе, я снова обошел весь Воскресенский храм и зорко его осмотрел, чтобы глубже напечатлелась в памяти каждая деталь его, еще и еще приложился ко всем бесценным святыням, и, с чувством глубокой скорби о предстоящей скорой разлуке с ними, на рассвете вышел из храма на «постройки». Потом в течение всего дня хлопотал о найме кареты до Яффы, и едва в 5 часов договорили место в таком же экипаже, как и прежде из Яффы в Иерусалим, за семь с половиною франков.

Пятница, 18-е июля. Целый день почти прошел в сборах. И то хочется взять, и другого не забыть, и домой побольше привезть, чтобы было что уделить от святынь иерусалимских добрым прихожанам-молитвенникам; но, нет, многое за четыре тысячи верст не наберешь, тем более, что и в таможнях нужно будет за многое расплачиваться. Разменяли свои бумажные деньги на французское и турецкое золото. За французские червонцы уплачено по 6 р., а турецкая лира куплена по 6 р. 54 к.²⁸ Русские бумажные рубли принимались все время пребывания нашего в Иерусалиме по 1 р. 20 к., серебряные же – рубль – за рубль, а в прочих местностях востока – по 75 к. Сидим наготове и ожидаем своего лихорадочного экипажа, как приходит драгоман нашего посольства и докладывает нам, что сейчас получена телеграмма, извещающая, что ни один пароход не зайдет завтрашний срочный день в яффскую пристань для

взятия пассажиров, в виду развивающейся холеры. Признаться, тяжелым камнем легла эта весть на сердце. Оставаться в Палестине еще неделю без дела, хотя и на месте заветной святыни, при ожидающем и скопившемся многоделии дома, и бесполезно, и томительно для духа.

Суббота, 19-е июля. Встал довольно рано и весь день провел в страшной досаде и сердечной туге. Для разогнания их я пошел в город, чтобы посмотреть, где и как проживают прокаженные, и проверить, так ли нынешние наши священные историки определяют наружные признаки или свойства этой страшной болезни. Нужно заметить, что для прокаженных в городе, у юго-западной стены его, примыкающей к Сиону, устроены были между развалинами особые домики на счет казны, где они, не имея общения с прочими обитателями, проживали со своими семействами или одиноко. Когда я пришел к помянутому месту, то увидел, что эти домики только что разрушены арестантами и сравнивались с землею, по распоряжению иерусалимского паша, ввиду усиливающейся в Сирии холеры; а жильцы их разогнаны, куда попало. Пожалев о своей неудаче, я пошел назад домой – над городом к Яффским воротам, где, в некоторых местах по дороге, увидел прокаженных сидящими и просящими милостыни, других бегущими за мной с тою же целью. Один из законоучителей, в своем учебнике по священной истории, говорит, что проказа есть такая болезнь, в которой тело покрывается белыми прыщами. Прыщи эти, распространившись по всему телу, сливаются в один струп; все тело как бы распухает и принимает вид безобразной вздутой, белой как снег, массы, причем чувствуется страшный зуд; почему больной до изнеможения чешет свое тело, чем попало. Такой проказы, при множестве прокаженных, которых мы рассматривали здесь около получаса, нам не досталось видеть. Виденные же нами одержимые проказою субъекты, все покрыты были такими крупными волдырями и такого точно вида, как больные злокачественною оспою; у одних не было нижней или верхней губы, у других половины носа, у третьих были нагноенные красные глаза; но ни у кого из них не замечалось не только снежной, но и

обыкновенной белизны кожи и постоянного чесанья тела и вздутости его. Не спорим, впрочем, быть может, со временем и самые свойства проказы изменились против времени библейских; да притом, она, как уверяют некоторые, бывает разных видов.

Неделя, 20-е июля. День св. пророка Илии. У нас в Изюме в соборной церкви храмовой праздники. Слушал литургию в миссии и молился за родных и граждан изюмских. Душа так и рвется восвояси. И дым дорогого своего отечества, кажется, глотал бы здесь, как самый приятный напиток. Вечером гуляли с иеродиаконом миссии вокруг населяющегося нового Иерусалима, состоящего из нескольких десятков прекрасных дач, застроенных домами изящной европейской архитектуры, принадлежащих немцам, французам, англичанам и, отчасти, грекам, с превосходными парками, растянутыми на несколько верст по Яффской дороге. На память я взял себе нисколько комков палестинской земли рыже-красного цвета, на которой превосходно растет виноград и пшеница.

Понедельник, 21-е июля. Неизвестность возможности выезда из Иерусалима томительно действует на душу. Консул советует нам, для избежания карантина по дороге на Бейрут, Смирну и Константинополь, ехать на Египет, Италию, Францию, Австрию, Польшу и затем по домам. Хотя и не по душе, и не по силам нашим был настоящий совет, но мы решились принять оный во избежание лютых обстояний и скорбей карантинных, тем более, что, кроме избежания их, нам предстоял, желанный для каждого, случай лицезреть замечательные местности и города этих земель. Но «чему быть, того не миновать»; на все воля Бога, Который что ни делает, то, конечно, к лучшему. Лишь только мы собрались в предположенный путь, как консулу пришла счастливая мысль спросить по телеграфу в Александрии: «Держат ли там карантин пароходы, приывающие в Египет из Яффы»? На что получен ответ крайне неблагоприятный для нас. Почему мы и остались ждать, как говорится, «у моря погоды», т. е. парохода, забирающего пассажиров, держащих путь на Константинополь.

В 4 часа вечера нарочито ходил осматривать больницу, помещавшуюся в особом великолепном доме на миссионерском дворе, для заболевавших русских богомольцев. Планировка комнат, необыкновенная чистота, опрятность, порядок, уход за больными, удобства, коими они пользуются, обилие различных аптекарских средств, не оставляют желать ничего лучшего. И не одна теплая благодарственная молитва вознесется к престолу Божию за виновников устройства в чужой земле этой, своего рода Вифезды и за нынешних ее распорядителей. Я первый из прочих недуговавших воздаю за нее хвалу.

Засим, побывавши на всенощной в миссии, пошел приложиться ко Гробу Господню. Помня, как наши журналисты жестоко нападали на святогробские нестроения, особенно, за зловонный убийственный газ, наполняющей храм даже в священнейшие минуты совершения Бескровной Жертвы, чьему виною были сортиры, будто бы, устроенные тут же, в стенах храма, я, не обоняя ничего подобного во все разы моего пребывания в нем, пожелал в настоящий раз лично удостовериться в правдивости сказанных нападок. Оказалось, что сортиры теперь отнесены в особое открытое место, сбоку храма, по настоянию нашего консула; и религиозное чувство благочестивого поклонника более уже не возмутится ощущением мерзости на месте святе.

Вторник, 22-е июля. Память св. равноапостольной Марии Магдалины и тезоименитство Русской Императрицы. В пять часов утра отправился я на Голгофу, где будет служить новый патриарх. В 6 часов звон колоколов возвестил о шествии патриарха. Встречи и пения не было никакого. Он вошел во храм, предшествуемый шестью кавасами с булавами, которые, гордо закинув свои головы, равномерно постукивали булавами по мраморному полу в такт со своими шагами. После входных молитв, облачившись в алтаре Воскресенского храма, патриарх, в сопровождение двух митрополитов, взошел на Голгофу, где сейчас же и началась обедня, которую совершали он сам, два архиерея, два архимандрита и шесть священников; пели больше наши русские певчие. В богослуженье, кроме изложенных выше особенностей, ничего не замечено. У греков и

патриаршеское служение менее торжественно, чем наше архиерейское. По окончании обедни, я, вместе с прочими, участвовал в молебне, для пения которого все служащие, в преднесении иконы св. Марии Магдалины, пожертвованной нашей Государыней Императрицей, и ковчега с частью мощей Равноапостольной, сошли с Голгофы перед часовню Гроба Господня, где заранее находились в парадных мундирах все чины русского консульства. По возглашении русским иеродиаконом многолетия нашему Императору и Виновнице нынешнего торжества – Императрице, русские, бывшие тут, приветствовали друг друга с радостным для каждого из них днем.

Кстати, считаем не лишним заметить, что в этот день Голгофа, кувуклия и весь Воскресенский храм имели вид праздничный, торжественный: во всю ночь до окончания обедни горело несколько сот разноцветных, нарочито повешенных во всех ярусах и нишах его стен, золотых и серебряных лампад; простые образа во многих местах заменены сребропозлащенными; в особенности же поражало взор хрустальное крестообразное паникадило на Голгофе, сиявшее во мраке яркими радужными цветами, подобных которым мне не приходилось видывать в наших храмах; облаченья на всех священнослужащих были новейшие – серебряного глазета по голубому атласному полю; достаточное количество разноплеменного народа, наполнившего храм, довершало торжество дня.

По разоблачении патриарха, при звоне колоколов, началось церемониальное его шествие в свои покои, отстоящее от храма на полверсты. Шествие было в таком порядке: впереди, по два в ряд, шесть кавасов в турецких военных мундирах, с огромными серебряными булавами, потом иподиаконы со свечами, за ними архидиакон патриарха с длинным медным полуторасаженным жезлом, верхушка которого заканчивается рожками в виде буквы ижицы, затем сам патриарх; около него наше консульство; потом митрополиты, архиереи, архимандриты, игумены и пр., числом до 100 душ. Греки, при прохождении патриарха, воздавали ему привет

прикладыванием ладони ко лбу и к сердцу. По прибытии в патриаршие палаты, совершена была краткая молебная лития, и гости, по принятии благословения от маститого хозяина, приглашены занять места на диванах. Началось обычное угощение вареньем, вприхлебку с водой, потом кофе, и затем сладкою виноградною водкой за здоровье русской Императрицы – Именинницы; после чего прислужники, вооруженные серебряными кувшинами и полотенцами, начали без церемонии прыскать на руки розовую воду, по очереди, всем гостям, что служило знаком того, что угощение кончилось и – пора по домам.

В 11 часов я был у консула на чаю, а в два часа прибыл к нему с визитом патриарх с митрополитом для поздравления со Всероссийским праздником. По заведенному обычаю, от консульства уплачено патриарху за служение и молитву о Царствующем Доме Российской Империи 300 р. Вечером здание русского консульства было иллюминировано.

Среда, 23-е июля. Еще за несколько дней предположено было посетить горный град Иудов, но, все по разным причинам, поездка в оный откладывалась со дня на день. И если бы не настойчивость доброй надзирательницы странноприимного дворянского отделения, которая, при всякой встрече со мной, одно вторила: «Батюшка! Да побывайте же в горнем; после, воротившись домой, до слез будете жалеть, что не посетили этого места; каждый раз при чтении слов Евангелия – «во дни оны восставши Мариам, иде в горняя со тщанием, во град Иудов, и вниде в дом Захарьин и целова Елисавет», – у вас будет повторяться эта скорбь, и до самой могилы». Избрав окончательно нынешнее число для посещения горного, мы еще с вечера наняли ослов и проводников для этой цели. Но утром мой неугомонный сопутник К. заупрямился, и, только благодаря моему духовнику иеромонаху В., который обещался мне сопутствовать, мы отправились в дорогу в 6 часов утра; между тем догнал нас упрямый К., который во все время езды изливал свою злобу в страшных ругательствах: то на подъяремных животных, то на бездушные камни, на каждом шагу тормозившие наш путь, то на горные уступы. Проехав мимо

монастыря св. Креста, о котором у нас была уже речь впереди, мы продолжали путь по трудно проходимым хребтам и склонам гор Иудейских, и в 8 часов спустились в лощину, покрытую маслинами и виноградниками; в начале ложбины расположено небольшое селение, именующееся ныне селением св. Иоанна; – это древний град Иудов. Не успели мы подъехать к латинской церкви, во имя св. Иоанна, как около нас собралось множество арабских мальчиков; из них одни хватали из рук наших поводья, другие наши узелки, и каждый требовал бакшиша. После неоднократного удараения в монастырскую калитку, нас впустили внутрь двора. По входе в церковь, латинский монах, наблюдавший за работами, производившимися в ней, посмотрел на нас слишком недружелюбно. Храм до половины забросан мусором; но мы пробрались в боковой левый придел оного за позолоченную решетку, и сошли по нескольким мраморным ступенькам к тому месту, где родился Тот, более Которого никто не восставал на земле из рожденных женами; – место это на мраморном помосте обозначено серебряным кругом. Желая помолиться здесь в мирном духе, я протянул руку моему сопутнику К., прося его оставить мне, если он имеет нечто на мя, на что он ответил молчанием и суровым взглядом. Приложившись к святыне, мы осмотрели весь храм, на стенах которого изображены превосходно живописью события из жизни Иоанна Крестителя; храм вмещает в себя 8 престолов, и, сравнительно, небольшой. По выходе из храма и выезде из селения, мы, для отдохновения и освежения себя от сильной жары, поспешно отправились мимо гремучего источника на противоположную сторону поселка, к тому месту, где, по преданию, происходила, упоминаемая в Евангелии, трогательная встреча Богоматери с праведною Елисаветою; оно находится во владении папистов, и, сколько мы ни стучали в калитку высокой каменной его ограды, никто не давал нам изнутри ни ответа, ни привета. Почему мы удалились в находящуюся тут же русскую странноприимницу.

Кстати, скажем и о ней несколько слов. Православные богомольцы, приходившие в горний град Иудов для поклонения, претерпевали много невзгод от неимения здесь какого бы то ни

было приюта, так как паписты, и арабы-мусульмане, местные обитатели, недружелюбно расположены к православным христианам и в высшей степени негостеприимны, отчего с каждым годом убывало число поклонников. Наша миссия близко приняла к сердцу этот вопиющий недостаток и прибегла к благотворительности русских. Посыпались десятки тысячи от наших московских и петербургских капиталистов, имена и фамилии которых с цифрами жертв – до 200 тысяч – и выбиты золотыми рельефными буквами на фронтоне странноприимницы, как виновников ее существования и при ней прекрасной усадьбы, занимающей целые десятки десятин удобной земли, на которой теперь разводится обширный сад, окружающий с трех сторон место жилища праведных Захарии и Елисаветы, так что паписты, которым оно принадлежит, теснимые кругом, с течением времени должны будут поневоле уступить его русским.

Отдыхая, почти полдня, в этом чистом, просторном, светлом, снабженном прекрасною мебелью, самоварами и даже русскими книгами приюте, мы не раз изрекли задушевное спасибо виновникам его бытия. И когда несколько поумерилась дневная жара, мы продолжали далее свой путь, к пещере св. Иоанна Предтечи, в которой он жил с малолетства до юношеского возраста, готовя себя постом и молитвою к великому званью Предтечи Христа. Путь к пещере, на протяжении пяти верст, крайне утомителен, так как идет по гористым оконечностям, ущельям и извилинам скал, и только живописные рощи по временам услаждают чувство. На полдороге нам указали то место, где, по преданию, лежал камень, на котором нередко отдыхал юный пустынник и с которого проповедовал покаяние своим черствым современникам. Теперь на этом месте набросана груда мелких камней. Чрез полтора часа, в большой усталости, пешком, ведя в руках, а потом и совсем оставив ослов, мы начали спускаться к пустынному жилищу сына Захарии, расположенному при начале страшного горного обрыва. Это жилище есть небольшая безыскусственная пещера в известковой горе, пространством не более пяти аршин, никем и ничем не занятая и не имеющая

даже дверей. Каменное небольшое возвышенье, вроде престола, дает знать путникам о том, что здесь католики иногда совершают богослужение. После краткой молитвы к великому Пророку, мы, на память, отбили себе несколько камешков от свода пещеры и, освежив себя прохладными струями тут же журчащего источника, – струями, которыми и он некогда утолял свою жажду, прошли к акридному или рожковому роскошному дереву²⁹, и в тени его несколько времени отдыхали, дивясь необычайной жизни и подвигами друга Христова.

По кратковременном отдыхе, по предложению нашего проводника и духовника, иеромонаха В., мы прошли пешком около полуверсты к месту погребения праведной Елисаветы; над прахом ее устроена каменная часовня, без всяких наружных и внутренних украшений, и, как видно, никем не блюdetся; внутренние стены оной исписаны фамилиями посещавших, к которым я присоединил и свою. Местность здесь весьма живописная; зде глаз останавливается на зеленеющих рощах и исторических памятниках. Самая часовня окружена превосходными виноградниками, из-за роскошных лоз которых выбежал к нам араб, неся в руках громадные кисти крупного, белого, ароматического, едва начинавшего поспевать, винограда, которыми и оделял каждого из нас, требуя бакшиша. Истаевая от жажды, мы с удовольствием приняли, как нельзя более кстати, поднесенный презент.

Воссев на ослов, мы направились отсюда тем же самыми путем к русскому приюту. После утоленья в нем голода, забравшись на превысокую террасу, мы с наслаждением смотрели на обширную равнину, простирающуюся отсюда до Яффской дороги, осененную бесчисленным множеством оливковых деревьев и окаймленную почти со всех сторон невысокими горными хребтами, из коих на отлогости одного, примыкающего к горнему, указали нам место единоборства Давида с Голиафом, на котором виднелись древние развалины какого-то столба или башни, а вправо от него высилось изящное и громадное здание, с прекрасным садом, принадлежащее францисканам, в котором воспитываются

безвозмездно дети обращенных в католичество обитателей Палестины.

Сошедши с террасы, мы снова постучались в запертую калитку того двора, где происходило свидание богодохновенных родственниц, которую и открыл нам францисканский монах, введший нас прямо под своды древнего полуразрушенного громадного здания, в нижней части которого помещается небольшая, но опрятная церковь, отделанная красивою кафелью. Вот тут-то, — сказал нам проводник, указывая на бассейн воды за престолом, — Мариам целова Елисавет, вшедши в дом Захариии. Долго мы здесь стояли в мирном религиозном настроении духа, завидуя высокому жребию праведницы, и, испив несколько раз в сладость от холодных вод чудного источника, оставили храм; а монах, провожая нас по двору к калитке, сорвал нам, на память, несколько букетов пленительных цветов, насаженных в изобилии вокруг всего двора досужею его рукою, за что ею же получено от нас несколько бакшишей.

Отсюда мы продолжали путь обратно, сидя на ослах, по крутыму, скользкому, каменистому скату по-над страшными обрывом, со страхом и трепетом ежеминутно опасаясь падения, и спустились к водоему, называемому источником Пр. Девы Марии, к которому, по преданию, она приходила черпать воду для житейского обихода, во время пребывания у престарелой своей южики³⁰, Елисаветы. Здесь мы остановились на несколько минут для удовлетворения своей любознательности. Над водоемом устроена двухэтажная мусульманская часовня, в открытой верхней галерее которой мы видели не один десяток молящихся мусульман. Утверждают, что жители горного града Иудова питают чрезвычайное уважение к этому источнику. При запирательстве подозреваемого в совершении какого-либо тяжкого преступления приводят его над водоём и здесь заставляют поклясться именем св. Девы Мариам в том, что он не причастен известному преступлению, и если он поклянется ложно, то мусульмане вполне уверены, что сама Мариам непременно покарает его должным образом; и, будто бы, так это и бывает. От часовни водные потоки струятся вниз на

небольшую ложбину, изборожденную множеством гряд, засеянных разного рода огородными растениями. Благодаря сим потокам, зелень на грядах роскошна, овощи крупны, сочны и не переводятся круглый год; рынок Иерусалимский исключительно только и снабжается столовыми огородными продуктами из горного во всякое время; и семейства арабов, живущих в нем, только и имеют от гряд своих источники для пропитания; считая виновницю этого Мариам, они не иначе называют ее, как «Мариам наша благодетельница, наша кормильница». Испив от воды, мы проехали чрез селение мимо церкви св. Иоанна, поспешая домой в Иерусалим, по крутой, длинной горе, устланной грудами преогромных камней, отчего путь крайне труден; мы видели вправо битую тропу на Вифлеем, котою, быть может, шествовал к горнему и юный цареизбранник Давид, посланный отцом в воинский стан для осведомления о здоровье своих трех старших братьев и отнесения им пищи, и возвратившийся отсюда, после единоборства с Голиафом, со славою победителя. Солнце уже было на закате, когда мы возвратились к «постройкам»; однако ж я успел еще сходить ко Гробу Господню, излить свои благодарные чувства за совершенный путь в горние.

Четверг, 24-е июля. Утром ходил я прикладываться ко Гробу Господню, где застал латинского епископа, совершающим заупокойную мессу по усопшему дяде тогдашнего австрийского императора, в присутствии чинов австрийского консульства и множества юных питомцев местных папистических благотворительных учебных заведений, стоявших вокруг кувуклии рядами, в форменных однообразных костюмах, что приятно удивило меня среди азиатской дикой пестроты. По окончании мессы, все питомцы, под контролем надзирателя, благоговейно прикладывались на Голгофе к месту пригвождения Иисуса ко кресту. После вечерни я остался на целую ночь при храме для служения утром литургии.

Пятница, 25-е июля. Во всю ночь, как последнюю в Иерусалиме, я не смыкал очей и не давал дремания веждям своим, обтекая многократно все уголки Воскресенского храма, преклоняя колена пред каждым священным местом и прощаясь

с сердечною скорбью со всеми бесценными святынями его. О, Господи Боже, Спасителю мой! восклицал я; добро мне зде быти, ибо сердце мое полно счастья; я теперь совершенно доволен и покоен, — и вовек приметался бы в сем Твоем святейшем селении, освященном Твою пречистою Плотью и бесценною Кровью, Твою вольною смертью и погребением и Твоим живоносным воскресением. Но Твой закон, дражайший паче тысящ злата и серебра, но долг мой пастырский зовет меня на место моего постоянного служения Тебе. Прими же, в последние минуты моего зде пребывания, мою недостойную сию молитву и не презри гласа раба Твоего. Благослови мое нынешнее исхождение отселе в далкий путь, как благословил и вхожденье; отпусти меня с миром: ибо очи мои видели уже вся благая Иерусалима; помоги мне, спаси меня... Яко Ты еси Бог мой, яко у тебе источник жизни!

Во всякий раз посещения моего Гроба Господня и Голгофы, как и теперь, одна глубокая старушка, преклонившись долу, в таком положении проводила целые ночи, почти беспрерывно проливая горючие слезы и целуя полы; по временами вопияла: «О, Спаситель мой! о Бог мой...» — далее слова ее терялись в тяжелом всхлипыванье и обильном потоке слез. О, как я завидовал ее блаженному плачу о грехах своих... печали, яже по Бозе!.. Счастливица она, мыслил я в себе, настанет год ее, и она утешится... а я?..

Отслужив литургию на Голгофе к 2 часам ночи, я, после обычной здесь трапезы, простился со Святогробскою братией³¹; взял от них, на уврачевание недугов плоти, елея от лампад Голгофы и кувуклии, и, приложившись на выходе к камню миропомазания, светающему дну, ушел со скорбным духом о вечной разлуке на «постройки».

В 6 1/2 часов вечера, почти на закате солнечном, мы выехали из св. града в немецкой повозке, постоянно оглядываясь на отдаляющийся от нас Иерусалим. Наконец, приблизившись к горному спуску, я еще раз оборотился назад к св. граду, и, когда увидел его совершенно слаживающимся с глаз, не мог удержаться от напора скорбных чувств: слезы брызнули из очей, и я, покачивая главою своею, в знак вечного прощанья

с ним, подобно другим паломникам, мысленно произнес: о, Иерусалиме, Иерусалиме, град Божий! Забвена буди десница моя, аще забуду тебе...

Добавление к первому путешествию

На обратном пути нам пришлось вытерпеть немало и физических, и нравственных бед, вероятно, в наказание за то, что и на св. земле, освященной стопами Богочеловека, я не столько беседовал с Ним о душе своей, сколько со своею алчною плотью и кровью; что я и здесь шел не по стопами Его божественного закона и, забывая высшие цели своего земного бытия, отдавал почасту предпочтение земному и тленному.

И первое всего наказан тем же загадочным и неугомонным сопутником К., который только при выезде из Иерусалима и был в нормальном состоянии духа, а потому даже несколько любезен; но не успели мы отъехать и 6-ти верст от св. града, как он, по спуске с крутой горы, разразился на меня страшными ругательствами за то, что, по его же небрежности, оказался несколько измятым его жестяной коробок, в котором хранился терновый венец. И этими цветами татарского красноречия он не переставалсыпать меня во все время нашего плавания до самого Константинополя, с слишком 2000 верст; швырял по кают-компании мои вещи, когда я уходил на палубу, бил мою посуду, если она оказывалась с запасом какого-либо питья, вооружал и натравлял на меня служащих на пароходе и пр.; за это, впрочем, и его Бог не оставлял без вразумления.

Но особенно тяжелым для меня испытанием был семидневный карантин. Из Бейрута, в котором проявлялись спорадические случаи холеры, село к нам на пароход более полутораста пассажиров. И хотя ни теперь между ними не было ни одного больного, ни в продолжении всего нашего плавания до самой Смирны, однако ж турецкая администрация распорядилась назначить нам недельный карантин, не доезжая Смирны, о чем, с крайним прискорбием, мы каждый день трактовали промежду собою. Достойно замечания, что на пароходе, ввиду холеры, нас, как бы умышленно, кормили такими продуктами, которые порождают болезни или прививают и развивают уже существующие; кормили напр. арбузами,

дынями, сливами, абрикосами, персиками, инжиром, зелеными грушами, виноградом, маслинами, кабачками и пр. Наконец, после пятидневного плавания, мы прибыли к месту нашего заточения, к небольшому островку, против турецкой деревни Бурды, – это было 1 августа. На другой день к нам на пароход взошли власти блестательной порты и требовали безусловно высадки всех пассажиров на безжизненный остров, на котором виднелось около десятка каменных домиков, нарочито устроенных и расположенных на окраинах оного. Некоторые из пассажиров 2-го класса и почти все из 1-го домогались дозволения держать карантин на корабле. По совещании пароходного начальства с турецким, нам объявили, что первые могут остаться только под условием уплаты в кассу пароходства за каждые сутки с продовольствием по 4 р. сер., а вторые по 6 р., и в пользу турецких карантинных зданий по 35 к. сер.; пассажиры же 3-го класса, все, немедленно должны сейчас же переехать на остров в казармы. Для наблюдения за этим оставлены были турецкие кавасы и доктор. Начался плач и рыдание многих, особенно русских: шли они с парохода, точно отпетые в могилу, или жертвы, готовящиеся на заклание, не ведая, что с ними станет в туреччине и зная, что мусульманин готов на всевозможное зло из ненависти к гяуру.

С первого же дня нашей стоянки возле острова началась такая страшная буря, что нельзя было натянуть тента и даже стоять на палубе; а от рева волн не иначе можно было разговаривать друг с другом, как только на ухо, и то с сильным криком. Читать нечего, говорить не о чем; да и душа, как говорится, не налегает; а потому туга сердечная выше всякого описания. Корабельный капитан, видя нас сумрачных, пригласил с собою прокатиться на остров, на что мы с большою охотою согласились, желая вместе с развлечением удовлетворить свое любопытство: посмотреть и разузнать, как поживают в казармах наши собратья.

Сердце наше болезненно сжалось, когда мы увидели их в беспорядке, как попало, валяющихся по полу и набитых в каждой комнате, как сельдей в бочонке; не было ни кроватей, ни матрацев и ровно никакой мебели; даже – посуды для питья

воды. Близ входных дверей стояли кавасы, перевязанные чрез плечо желтыми шарфами – эмблема холеры, – и не позволяли христианам выходить из камер без нужды, напр. для прогулки, тогда как мусульмане свободно бегали по островку, играя в жгута и проч. При этом нам раз сказывали, что доктор турецкий, при посещении карантинных домов, не входил в комнаты, боясь заразиться воображаемою холерою, а подставлял что-либо к окну и смотрел таким образом, нет ли больных.

Наружный вид наших заточенных соплеменников возбуждал необыкновенную жалость: так они исхудали и поблекли и от душевной тревоги и от того, что некоторые из них пробавлялись кислыми турецкими лепешками, в величину нашей трехкопеечной розанки, которые продавались по неимоверной цене (не менее рубля), с такою церемонией: продавец-турок, стоявший в здании над окном, по заявлению желающего, натыкал на рогач лепешку и подавал покупщику, а деньги брал особенным прибором, который предварительно опускали в уксус, чтобы не пристала к нему мнимая зараза. Горячей пищи ни за какие деньги нельзя было достать; даже у кого был свой чай и сахар или кофе, и те, за неименьем уголья и невозможностью достать его, пробавлялись сухоядением; арбузов же и дынь продавали вволю и, очевидно, с заднею целью. И за такие медвежьи берлоги и услуги несчастные пленники должны были платить каждый день по 35 к. сер.; тех же, которые не имели денег для уплаты, грабили: отнимали сумки, платье, белье и проч. Спрашивается, достигается ли при таких санитарных условиях та цель, с которой учреждаются карантины? Не только не достигается, но здесь напротив турками соединено все, что только может усилить болезнь, если она существует и привлечь, если ее нет. Для чего же существуют здесь карантины, и зачем мусульмане умышленно заботятся о привлечении эпидемий?

Нам объяснили, что блистательная порта, затратив до 10 тысяч лир на устройство карантинных домов, чтобы не быть в убытках, пользуется каждый раз чересчур широко предоставленным ей правом учреждать карантины, в случае эпидемических болезней, по ее усмотрению, и учреждает их,

когда бы и не следовало, как и в настоящий раз; назначает длинные сроки и удвояет и утрояет их по своей прихоти, даже при заболевании другого обыкновенною болезнью, напр. лихорадкой. При нас на французском пароходе умерло дитя от эпилепсии, и он остановлен был, сверх семи, еще на двенадцать дней. И все это делается с целью большей выручки, большей наживы. Пора бы обратить особое внимание правительствам Европы на это вопиющее зло, на этот открытый безнаказанный грабеж, низведение людей ни за что, ни про что.

Да и нам на пароходе было не до радости. В смертельной скуке, в страхе за свою будущность, мы решительно истомились и, в этом томлении, дни казались неделями; не чаялось нашему заточению конца; впрочем, нет иногда и худа без добра; из настоящего своего тяжелого положения я извлекал для себя нравственную пользу; когда тлел от скорби внешний человек, тогда внутренний понемногу обновлялся. Сидя одиноко по вечерами и по ночами на площадке палубы, я многократно устремлял свои томные взоры к небесам и молил Жизнодавца, чтобы Он не прогневался на нас до конца, не удалил Своих щедрот от нас и скоро избавил бы от сего лютого карантинного обдержания и от приставников его, и в то же время переносился мыслями к тому скорбному часу, когда ночь смертная постигнет немощную мою душу, не приготовленную к загробному долгому, страшному пути, и на нем она узрит стоящего горьких мытарств (своего рода замогильный карантин) начальника, воздушного князя – насильника и мучителя, и останется беспомощною в руках врагов своих дотоле, пока чье-либо молитвенное ходатайство не очистит от тли греховной и, таким образом, не извлечет от дьявольского пленения.

Зато, когда приспел день освобождения из карантина, какова была радость! Нужно было видеть, как несчастные пленики, подъезжая на лодках к пароходу и взбираясь на него по трапу, усердно крестились, другие от радости плакали, иные восклицали: «Слава Богу, слава Богу, мы уже и не чаяли быть в живых! Так позаморила нас окаянная туретчина». Не прошло и часу, как мы двинулись в путь и, к тому, не помнили печали за

радостью; а оставшиеся на французском пароходе завидовали нам и чуть ни рыдали.

Приехав в Константинополь, мы пересели на русский пароход «Владимир» – это было 12 августа, – и в 3 часа пополудни снялись с якоря. С нами ехал в Россию вице-адмирал Лисянский и посланник Кашгарского хана со свитою. Свита последнего поместилась во 2 классе и ночью не давала нам спать своим шумом, хохотом и картежною игрою в дурачки, в носка и проч. Принимая ее за простых туркоманов-халатников, так как они были чересчур просто и грязно одеты, засалены, чуть не по уши, и с самыми грубыми манерами и приёмами, я принимался несколько раз усмирять ее; она при слове тс! каждый раз усмирялась до топота. Каково ж было мое удивление, когда я потом, через день, увидел ее в залитых золотом халатах и других национальных высших отличиях: вся она состояла чуть не из первых сановников ханства.

На следующий день в два часа пополудни загорелся на нашем пароходе склад угля, и хотя матросы с пожарными трубами усердно трудились над тушением оного, но все пассажиры были в страхе и отчаянье за свою жизнь: началась беготня, суeta, – что если придется сгорать заживо среди воды? Я предположил в крайнем случае броситься с парохода в воду, чтобы покончить с жизнью при меньших страданиях. Поручик К. более всех выходил из себя и поминутно бегал ко мне в каюту с докладами о ходе пожара, и чрезвычайно сердился и ругался, когда я, по-видимому, равнодушно принимал их, лежа на кровати; тогда как душою я, кажется, страдал более всех. Вероятно, мы грешнее всех человек, мыслил я в себе, когда Бог не допускает нас увидеть свое отечество и родных! Наконец к 8-ми часам вечера до нас дошла весть из преисподней парохода, что уголь потушен; у нас немного отлегло от сердца, хотя от мнительности целую ночь не могли сомкнуть глаз: нам так и чудилось, что, когда все уснут, уголь опять может вспыхнуть, если где-нибудь от недосмотра и небрежности затаилась искра.

Зато 13-е августа было для нас днем особой радости, в ожидании приезда в Одессу. Рассвет. Вот виден одесский маяк;

вот виднеются уже и предместья Одессы; вот, наконец, показалась и она – наша южная красавица!

Слава Богу Благодетелю, сподобившему нас увидеть свою родную землю! Правду сказал кто-то: «И дым отечества нам сладок и приятен». Подлинно так. Я сам это испытал на себе после двухмесячного трудного и опасного путешествия по несносной Азии. В 6 часов утра мы у Одесской пристани, и нам выдают наши паспорта. В таможне обыскивают наши чемоданы... мы наконец пропущены. О, сколько здесь русско-китайских церемоний! О, скорее бы на твердую землю, в номер, на отдых! Сильно, донельзя, я устал от шестнадцатидневного пребывания на воде, на море. – В номера! Слава Тебе, Боже, слава Тебе! воскликнул я, пав на колени перед тою же самою иконою Спасителя, пред которой молился за два с половиною месяца назад о благополучном плавании по водам во св. землю, и излил мою душу в благодарных слезах и мольбе, чтобы Он, всеблагий, неосужденно принял мой страннический подвиг, как умилостивительную жертву о моих грехах, в Свой пренебесный жертвенник.

Оканчивая мои выписки, считаю нужными ответить на следующие вопросы, неоднократно мне предлагавшиеся от знакомых и незнакомых: 1) В какое время года лучше и удобнее путешествовать в Палестину? 2) Как нужно поступать, чтобы путешествие ко св. местами принесло душевную пользу? и 3) Что такое морская болезнь, и существуют ли какие-либо меры против нее? А) Предпринимать путешествие во Иерусалим лучше всего и удобнее с июня месяца, так, чтобы к октябрю быть и дома, по следующими причинами: а) в эти месяцы не бывает частых и опасных морских волнений и того пронзительного сырого воздуха, особенно в Черном море, который так пагубно действует на здоровье третьеклассных пассажиров; б) в самой Палестине в этот период времени – невозмутимая тишина, так как богомольцев в эту пору бывает очень мало, и всякий свободно, сколько пожелает, может молиться и лобызать святыни, не стесняемый и не развлекаемый другими. Я сам почти каждый день по нескольку часов простоявал на молитве у Святогробских святынь, и меня

никто не беспокоил; в) в указанное мною время вовсе не бывает в Палестине дождей, часто тормозящих паломничество в другие месяцы, и, наконец, г) за отсутствием богомольцев, имеется везде более свободных помещений на всем пути от самой Одессы, особенно в Иерусалимской странноприимнице. Жара, которой некоторые сильно опасаются, в Палестине в это время года совсем не так страшна, как многие, не бывавшие там, представляют себе, а ночи – даже холодны; ими-то и можно пользоваться для паломничества, особенно страдающим сильным потением. В остальные месяцы посоветуем путешествовать только тем, которые, во что бы то ни стало, желают провести время, – от Рождества Христова до второго дня Пасхи, – в посте, молитве и говении у святынь палестинских, так как в эту пору бывает стечание народа разных наций и исповеданий громадное, именно около 20 тысяч; вследствие чего цены на продукты и даже священные предметы значительно возвышаются; удобных помещений не достает; за массою народа всего не рассмотришь, как следует или как желалось бы; мало что расслышишь и разузнаешь от проводников, а главное – не сможешь надлежащим образом воздать поклонения святыням.

Б) Многие имеют похвальный обычай путешествовать по св. местам. Такие путешествия спасительны для души и приятны Богу; они укрепляют нашу веру и питают душу спасительными истинами. Сама Царица небесная, по Вознесении Господа на небо, любила посещать те места, в которых пребывал возлюбленный Сын Ее; и святые люди любили путешествия ко святым местам. Всякое доброе дело тогда только и ценно пред Богом, когда совершается во славу Божию и для спасения души нашей, а не для славы людской. Совершали книжники и фарисеи – лицемеры добрые дела напоказ людям, и что же об них сказал Спаситель. То, что они не получат пользы от своей лицемерной добродетели, потому что получают похвалу от людей. А потому, чтобы доброе дело было на пользу душе, чтобы не напрасно терпеть труды и разные лишения, нужно совершать путешествие к святым местам: 1) для Бога, для спасения души, а не для приобретения славы людской; иначе

потеряем награду у Бога; 2) совершив путешествие, не следует надмеваться сердцем о совершенном подвиге, иначе можно дойти до самохвальства, которое отнимает всю цену у подвига, и 3) если хочется сказать кому-нибудь из родных и знакомых о виденных св. местах, то нужно говорить со смирением, в назидание им, собственно из христианского доброжелательства.

В) О морской, загадочной во многих отношениях болезни, о причинах ее и о мерах против нее профессор Нагель в одной из немецких газет говорит следующее: «Известно, что по обеим сторонам шеи идет важный нерв, который разветвляется в теле и легких, потом идет к желудку и образует здесь сплетение. Задача этого нерва, называемого блуждающим, троекратная: 1) передавать головному мозгу чувствовать потребности дыхания; 2) регулировать ритм дыхательных движений; 3) содействовать направлению, так называемого перистальтического движения желудка и препятствовать этому движению иметь обратное направление. Если на деятельность этого нерва подействуют ослабляющие его силы функции, напр., чувство отвращения, одуряющий яд, рвотное, то наступают отрывочные, судорожные движения брюшины и брюшных мускулов, оканчивающиеся рвотой, – обратным движением желудка».

Точно такие же отрывочные движения, и притом непроизвольные, наступают у тех, кои чувствуют колебание пола под собою и находятся в опасности потерять равновесие. Так как центр тяжести лежит обыкновенно в желудочной области и дыхание перемещается и вверх, и вниз, то, при неустойчивом положении на колеблющейся плоскости, необходимо крайнее напряжение сказанных мускулов, чтобы центр тяжести сохранился на нормальной высоте от пола. Так как обморок, причиняя пассивное движение, порождает сильное незддоровье, то этим самым обуславливает неправильное сокращение желудка и брюшных мускулов, к чему еще присоединяются и другие обстоятельства, напр., вид больных, дурной запах и проч.

Для лиц с живым воображением не нужны эти фиктивные условия, чтобы захворать морскою болезнью. Им достаточно взглянуть на волны с берега или с моста, или наконец, смотреть

вниз с значительной высоты, чтобы представить себе, будто они падают.

Так как нельзя изменить искусством вышесказанные условия относительно положения и перемещения центра тяжести, то рациональные меры против морской болезни состоят в том, чтобы посредством гимнастических упражнений на качающейся доске и т. под. приучить себя с юности к легкому уравновешиванию пассивных движений; во-вторых, помещаться близ мачты, так как здесь менее чувствительны движения корабля; в-третьих, сложить руки, продолжая дышать и смотря вдаль. Пребывание на палубе, на открытом воздухе, следует предпочитать пребыванию в каютах, где дурной запах, тяжелый воздух и больные путешественники производят некоторое заражение; умеренное употребление содовой воды полезно в большинстве случаев; равным образом рекомендуется корень коломб, как весьма действительное средство против морской болезни. Крайнее и последнее средство есть горизонтальное положение и безусловное спокойствие.

Часть 2. Путешествие второе

Помяну дела Господня, и яже видех, повем: во словесех Господних дела Его. (Сир. 42:15).

Не умолкну ради Сиона и ради Иерусалима не успокоюсь (Ис. 62: 1)

Предисловие ко второму путешествию

После первого моего путешествия в Палестину, я, разбитый душою от житейских невзгод, а еще более страданий телом, искал, было, утешения и помощи у сынов человеческих, хотя и помнил, что надежда на них суетна, что в них нет спасения. Усугубившееся жизненное бремя, может быть, в наказание за двоедущие, за двойственность упования и на человека, и на Бога, заставило меня всецело возвергнуть всю свою печаль на единого Господа, у Него только с усердием искать счастливого выхода из глубины моих зол и искать его у Живоносного Гроба, у подножия Креста Его, – в Иерусалиме. Но, при страшно болезненном моем состоянии, мне нужно было превозмочь многие и многие препятствия, и более всего не давала мне покоя мысль: что если ты на пути, да еще на море, умрешь, и тебя выбросят за борт на съедение водным обитателям; ну, а если и доедешь до Св. Земли, да воротишься еще более физически и нравственно разбитый, что тогда будет с тобой?.. Чтобы со временем не поддаться такому гнету этих мыслей, я решился поскорее собраться в далкий путь, и имел великое счастье и несказанное утешение достигнуть того, чего желал, и обрести то, чего искал: я видел Св. Град Великого Царя – Св. Иерусалим, я удостоился лобызать божественные следы Богочеловека, Спасителя Мира, на тех Св. Местах, где Он совершил тайну моего искупления, и возвратился я восвояси успокоенный, утешенный, обновленный и душевно, и телесно. Я тогда считал себя счастливейшим из всех счастливцев под солнцем и мнил, что такое блаженное состояние продолжится до позднего заката дней моих, до гробовой доски. Мнил... но не так вышло, не так сбылось на самом деле! Тут-то именно случилось и произошло со мной то, чего я никак не мог предвидеть, но что, как после узнал, случалось и прежде, и теперь испытывается многими из посещавших Св. Обетованную Землю. У меня оказался зародыш³² другого недуга: Тоски о покинутой Палестине, по Иерусалиме. Только вдалеке от них начинаешь испытывать всю тяжесть разлуки с ними, которая с

каждым днем все сильнее и чаще давит и не дает покоя ни днем, ни ночью.

Шесть лет такого страдания стали, наконец, мне не под силу. В последнее два года только и было у меня мысли и желания, во чтобы то ни стало, опять ехать туда, где привилась мне эта непонятная болезнь. Желание еще взглянуть и досыта налюбоваться милым сердцу, дорогим Иерусалимом, еще раз прильнуть устами к подножию Голгофского Креста, еще и еще поклониться Живоносному Гробу Господню, облобызать кивот, в котором покоилось пречистое тело Обрадованной и во успении нас не оставляющей, пролить горячую молитву в Гефсиманском саду к полночному Молитвеннику, – и, вдобавок, посетить те святые места Востока, которых я прежде не удостоился видеть и посетить их, как-то: Сихем, Севастию, Назарет, Тивериадское море, Фавор, Сорокадневную гору, Хеврон, Маврийский дуб и Афон. – Это святое, задушевное желание мне пришлось привести в исполнение в настоящий раз.

Путевые записки русского пастыря о священном Востоке

Укажи мне, Господи, пути Твои, и научи мя стезем Твоим.
Направь меня на истину Твою, и научи меня; ибо Ты Бог спасения моего; на Тебя надеюсь всякий день
(Пс. 24:4–5).

Об искреннем моем желании вновь посетить Восток я неоднократно сообщал в своих дружеских письмах глубокоочтимому мною архипастырю, преосвященному Неофиту, епископу Елисаветградскому, викарию Херсонской епархии³³. И в некоторых из многочисленных писем его ко мне на эту тему, он, между прочими, писал так: «А что Ваше вторичное путешествие на Восток состоится ли скоро, или отлагается до поры, до времени? Не смущайтесь ни дороговизною, ни другими затруднениями паломничества. Аще что можеши веровати, говорит Спаситель посредством Евангелия, – вся возможна верующему. Слышите: вся, но кому? – Лишь верующему. Спросите себя самого: есть ли у Вас вера живая, сердечная? Если да, – собирайтесь в дорогу, – Господь Сам управит Ваш путь в Иерусалим. Господь Сам укрепит и Вашу душу, и Ваше тело. Но помните: на первых шагах Вы должны неуклонно держаться слов псаломских: «Потерпи Господа, мужайся, и да крепится сердце твое, и потерпи Господа». И еще, с нового года Вы предполагаете хлопотать об отпуске на Восток, который у вас не выходит из ума ни на одну минуту? В добный час! Только и в таких хлопотах не забывайте о воле Божией и предавайтесь ей, сколько можете, сердечнее, как доброе, невинное дитя отдается родительской воле. Об успехе хлопот, имеющих по пути в Иерусалим привести вас в Одессу на личное свидание со мною недостойным, заранее известите меня. То будет хороший день, когда мы с вами свидимся и поговорим, выражаясь апостольским языком, – «лицом к лицу». Но затем, когда я, получив полугодовой отпуск в Палестину, сообщил об этом и вышеупомянутому святителю и просил его помолиться обо мне первосвященникою молитвою и благословить, как хотящего

идти в далекий и опасный путь, то он, сверх всякого чаяния, ответил так: «И не просите, — и не помолюсь и не благословляю». Признаться, — это до крайности меня обескуражило, тем более, что и поворота назад нельзя было сделать: поздно! И вот я в страшной туге о том, не своевольничаю ли я в предпринятом мною святом намерении — идти в Св. Землю, повергся пред образом страждущего Спасителя, вздохнул и сказал: Господи! Если на мое паломничество есть святая Твоя воля, то да скажется оная при раскрытии священных книг. Взявши псалтирь, я раскрыл его, и очами моими представился ХХII-й псалом Давида: «Господь — Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться. Он покоит меня на злачных пажитях, и водит меня к водам тихим. Подкрепляет душу мою; направляет меня на стези правды, ради имени Своего. Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мною; Твой жезл и Твой посох — они успокаивают меня». И из ХС (90) псалма: «Не приключится тебе зло, и язва не приблизится к телеси твоему. Ибо Ангелами Своими заповедает о тебе охранять тебя на всех путях твоих. На руках понесут тебя, да не преткнешься о камень ногою твою. На аспида и василиска наступишь; попирать будешь льва и дракона». А открыв святое Евангелие, я прочел из II-й главы Евангелиста Марка повествование его о торжественном входе Господа в Иерусалим, заканчивающееся, как известно, восклицаньем народной усердствовавшей массы: «Благословен грядущий во имя Господне! Приняв эти строки за голос самого Промысла Божья, тако возглашавшего ко мне святыми письменами, я в веселии сердца сказали: иду, иду творити волю Твою, Боже!

I. Изюм – Харьков – Одесса

Долго томилось мое сердце, снедаемое скорбью о том, что продолжительный заграничный отпуск немыслим без увольненья меня от занимаемого места. И сколько я ни делал математических выкладок относительно времени, которым бы мог располагать, чтобы достаточно ознакомиться как со святынями Востока, так насколько возможно удовлетворить и пытливости ума и потребности религиозных чувств, но в конце концов все-таки выходило в итоге, что для этого необходимо не менее полугода. Скрепя сердце и возвергнув печаль свою о будущем на Бога, в полном уповании, что для всякого ищущего прежде царствия и правды Его все остальное, нужное для поддержания физической жизни человека, Им приложится, я в начале 1881 года подал прошение местному архипастырю о разрешенье мне полугодового заграничного отпуска, с увольненьем, на основанье свода законов Российской Империи, и от занимаемого мною священнического места при Изюмском соборе. Желаемым и просимым отпуском меня не задержали. Чтобы не терять дорогое времени и, ввиду имеющего наступить через три недели Великого Поста, в начале которого мною предположено говеть на месте в Иерусалиме. Я в первый же воскресный день, напутствовавшись святыми таинствами Покаяния и Причащения, после литургии, обратился к оставляемой мною пастве со следующею прощальною речью:

«Возлюбленные! в последний раз я предстоял ныне пред сим престолом Божиим, в сем святом, древнем храме. В последний раз воздевал на служенье свои недостойные руки к небу и открывал свои уста для молитвы о всех и за вся. В последний раз, как священнослужитель, преклонял я здесь мою грешную главу, совершая таинственную бескровную жертву в той церкви, которой я, немощный душою и расслабленный телом, послужил по милости Божьей пятнадцать лет, и которой оставлять так скоро не предполагал, и с которой, как и с вами, мои возлюбленные, расстаюсь, поистине, с глубокою скорбью. В последний раз говорю вам мое слабое слово, – вам, для

которых служить и с которыми беседовать о Боге, о душе и о спасении нашем я старался по мере моих благодатных дарований и естественных сил. Пробил, наконец, последний час моего свидания с вами в сем дорогом святилище; настали последние минуты моей разлуки, тайна которой скрывается в руках Промысла! Жаль мне вас. О, если бы вы знали, какой тяжелый камень теперь лежит у меня на сердце; какая скорбь наполняет мою душу в эти минуты; как тяжко для меня это разлучение с вами!!!

Чем же заключить мне теперь мое служение у вас и мое к вам последнее слово в этот необычный день, с обычного места моего благовестования?

Был и доселе есть похвальный и священный обычай, разлуку с близкими сердцу сопровождать благословением. За примерами неходить далеко. Так в священных книгах мы читаем, что патриарх и родоначальник израильтян Иаков, почувствовав приближение смерти, призвал всех сыновей своих и изрек им свое благословение. Даже Пастыренаачальник наш, Христос Спаситель, расставаясь видимо, телесне, с избранными учениками Своими, при Своем вознесении на небо в 40-й день после воскресения, – расстался с ними не прежде, как преподав им Свое благословение. «И подняв руки Свои, – повествует Св. Евангелие, – благословил их. И когда благословлял их, стал отдаляться от них и возноситься на небо. А они поклонились Ему» (Лк. 24: 50, 51 и 52). Руководясь, конечно, сими примерами, и теперь добрые пастыри напутствуют благословением своих пасомых, любящие отцы и матери – своих детей, искренние родные – своих присных, когда разлучаются друг с другом на время или навеки.

И я, недостойный пастырь ваш, водясь сим св. обычаем праотцов, отцов, братий моих и Самого Первопастыря нашего Иисуса Христа, оставляя сей храм и разлучаясь с вами, приемлю дерзновение, сим последним моим словом, по силе данной мне благодати священства, преподать всем вам предстоящим здесь и по благословной вине отсутствующим братиям и чадам моим о Господе небесное благословение. Благословение Господне на вас, Того благодатию и

человеколюбием, да пребудет на вас всегда, ныне и присно, и во веки веков! Да благословит вас Господь от Сиона, и да узрите вы благая Иерусалима во вся дни живота вашего! Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любы Бога и Отца, и причастие Святаго Духа буди со всеми вами! Именем Господним, именем Святой Троицы благословляю тебя, оставляемая мною паства: да будешь ты – скажу словами Боговидца Моисея – благословенна в городе и благословенна в поле. Да будет благословен плод чрева твоих жен и плод земли твоей, и плод скота твоего, и плод твоих овец. Да будут благословенны житницы твои и кладовые твои. Да будешь ты благословенна при входе твоем и благословенна ты при выходе твоем. Да откроет тебе Господи добрую сокровищницу Свою – небо, чтобы оно давало земле твоей дожди, и ранний, и поздний, и чтобы были счастливы все дела руки твоих. Да сделает тебя Господь хвалою, а не бесчестием в сонме других паств; да не будешь ты лежать внизу – в рове погибели, а станешь и утвердишься на высоте нравственной, на высоте доброй жизни, чтобы и соседние приходы, видя, что на тебе имя Божие, благословение Господне – подражали тебе, уважали тебя, прославляя Благословляющего тебя. Вот благословение, которым я, недостойнейший, благословляю тебя, расставаясь с тобою!

Что еще сказать вам, возлюбленные мои, при разлуке с вами?

Благодарю, от всей души благодарю тех, которые по любви евангельской поминали меня грешного в своих домашних молитвах и в сем храме на проскомидиях и молебных литиях и при богослужении в разных св. обителях. Благодарю, от всего сердца благодарю тех, которые во дни частых моих телесных недугов не оставляли меня, сочувствовали мне в болезнях своим участием и по возможности облегчали тяжкое бремя их, возливая елей любви и вино утешения, подобно евангельскому самарянину. Благодарю и тех, которые во дни духовного веселия моего радовались со мною, а в день печали вместе сетовали, и тех, которые в моем трудном пастырском служении помогали своими добрыми советами и ободряли меня.

Благодарность моя добротная и тем, которые за мое посильное служение спасению их душ воздавали мне даяниями от своего имущества и от своих трудов праведных. Приношу мою пастырскую благодарность и тем из вас, которые и полуночи, и заутра, и полудне, с усердием посещали в сей св. храм, чтобы исповедать имя Божие и с услаждением внимали моему благовествованию слова Божия и прилагали его к своему сердцу. Равно благодарю и тех, которые тяготились продолжительностью совершающего мною богослужения и скучали оным, а вследствие этого и роптали на меня, и – тех, которые укоряли меня за не опустительное проповедование и наставление на доброе. И те, и другие научили меня: сосредоточенности в молитве, великодушью, терпению, самоосуждению и осмотрительности. Благодарю и паки благодарю всех, и о всех и за вся, и никогда не забуду вас и любви вашей ко мне, мои возлюбленные. Не забывайте в своих молитвах и меня грешного; а я, где бы я ни был, здесь или в другом месте, буду молиться о вашем спасении до гроба: ибо как нам не молиться друг за друга? Ведь нам придется еще встретиться на страшном и непримиримом суде Христовом, на котором мы должны будем дать строгие отчеты я за вас, в моем служении спасению вашему, – не погубил ли кого-либо из вас по моей оплошности, по моему нерадению, а вы – в вашем послушании св. церкви и вашему пастырю. Как нам не молиться взаимно, когда в вашем спасении заключается и мое собственное? О, молитесь же за меня грешного: да исцелит меня Господь от моего расслабления телесного и душевного и да не лишит меня Своей божественной благодати! Сей образ страждущего Спасителя, принесенный мною из Иерусалима в дар сему храму и вам, да напоминает вашей любви о моем недостоинстве. Молитесь пред Ним усердно за себя, молитесь охотно и с дерзновением и за меня, окаяннейшего паче всех человек. Не забывайте и мои вздохи, которые я испускал, и мои слезы, которые нередко я проливал, читая страстный акафист пред упомянутым лицом Искупителя нашего, умоляя Его, помянуть всех нас с благоразумным разбойником в Своем небесном царстве.

Что наконец еще скажу любви вашей, чем заключу сие последнее служение у вас и мое не хитро сплетенное слово.

Простите меня, мои собратья по служенью; простите меня, братья и сестры о Господе, если я в чем-либо согрешил пред вами, или сказал кому обидное слово, или не сделал что по прошенью. Ибо чего, чего не могло случиться по должности моей в теченье пятнадцати лет? Быть может, когда поленился отслужить литургию, торопливо, невнимательно и без благовения совершил какое таинство, или рассеянно прочитал церковную молитву, или небрежно исполнил какую требу, с замедлением и несвоевременно. Было – может быть – и то, что при множестве говоящих, спешно, торопливо кого исповедал; по лености не вразумлял, как следовало, убитого нуждою и горем, не обуздывал своевременно и со властью порочных, не карал мечом слова обидчиков вдов и сирот, допускал к Св. Причастию неискренно каявшихся грешников. Простите мне, счастливцы мира сего, которых иногда я укорял по ревности к славе Божьей и из желанья вам вечного спасения; простите мне, несчастные, на которых иногда возлагал тяжкое бремя поста и молитвы; простите, бедные, нищие – слепые, глухие и хромые, сироты и вдовы, которым хотя и подавал милостыню, но – редко и – малую. Простите меня, старцы, старицы и юноши, малые и большее, жены и девицы, воины и земледельцы, учащие и учащееся, начальствующие и подчиненные, – может быть, кому-либо из вас не оказал я должного внимания, благоснисхожденья и всепрощающей пастырской любви. Простите меня все, ради Самого Бога, и не поминайте злом. Прости меня, мой сладчайший Иисусе, имени Которого посвящен сей храм, если я, по немощи своей, не всегда служил Тебе усердно, как подобает истинному пастырю, а не наемнику. Прости меня – о всепетая Мати, Царица Небесная: ибо я, немощный умом, за все время моего служения не мог восхвалить Тебя по достоянию. Простите меня и вы, св. угодники – покровители наши, Св. славный Пророче Илье, Св. Пророчице Анно и Св. великомуч. Димитрий, что я, многогрешный, не вполне подражал в вашей святой ревности по Бозе и вашей равноангельной жизни, и – спасите мою

окаянную душу вашими молитвами и представительством вашим ко Господу. Простите меня и все святые и; молите Бога о мне грешном и благословите мое исхожденье из сего дома Божья!

Заключу мое служенье и мое слово к вам, возлюбл., тою молитвою, которую я возносил пред сим образом страждущего Искупителя, в день принесения его из Иерусалима в сей храм: О Иисусе мой сладчайший! Сотвори с нами великие и богатые Твоя милости; да от пречистого Твоего образа низойдет и будет нисходить Твое небесное благословение до окончания века на град и на храм сей, на предстоящие люди сия и на всех благочестно призывающих имя Твое святое и благовейно поклоняющихся сему божественному Твоему лицу, – да будут они всегда воспевать Тебя и превозносить пред всем препетое имя Твое. Услыши, Боже, Спасителю мой, сию молитву мою, внуши моление мое и ныне, и присно и во веки веков! Аминь!»

Так как выезд мой в Палестину и особенно оставление мною навсегда места при соборе было для всех прихожан неожиданностью, то произнесенная речь произвела на предстоящих во храме сильное впечатление, разразившееся у многих обильными слезами, что в свою очередь сильно взволновало и меня; я не мог удержать натиска чувств, и у меня хлынули слезы... Но то были редкие, сладостные слезы, слезы умиления, великой отрады и апостольского утешения, что оставляемый приход есть паства, сердечно преданная своему пастырю, любящая его не за человекоугодничество, но за слово благовестия о царстве Божьем, возвещавшимся ей в течении пятнадцатилетнего моего пастырствования. Но не скрою вместе с сим и того, что после мною овладела и сильная тоска, тоска о том, что такая дорогая паства уже не моя и чужда будет для меня до великого дня судного.

В особенности эта любовь соборной приходской общины, любовь, крепкая аки смерть, вполне выразилась в последующие дни моего приготовленья к отъезду на Восток. С раннего утра и до солнечного заката, лица разных званий и состояний, пола и возраста, то и дело прибывали в мою квартиру: кто за благословением, кто за жизненным советом, кто за милостынею, а кто и со своею жертвою на свечку ко гробу

Господню, — все же, чтобы заявить свою скорбь о вечной разлуке, оплакать меня, как уже мертвого для них, получить что-либо на память из священных и других предметов и просить помолиться за них у Палестинской святыни. Такой непредвиденный, и, если можно так выразиться, трагически-умилительный прилив симпатий соборян произвел потрясение в моем слабом организме, вызвал лихорадочный пароксизм и я, слабея телом, начал, было, падать и духом, и задался даже мыслию: не остановиться ли мне своим паломничеством, не отложить ли его на несколько лет вперед, чтобы еще и еще послужить делу спасения любезной и призательной изюмской паствы? Но, помня слово псалмопевца, что и самый крепкий здоровьем человек есть не что иное, как трава, как полевой цветок, — пройдет над ним ветер, и нет его, и место его уже не узнает его, — а тем более я, такой немощный, прямо подобен дохнувшему и мгновенно пробежавшему ветру, почему и молил Господа укрепить меня в моем намерении, чтобы неотложно, пока хоть кое-как текут дни жизни моей, идти в Иерусалим, и еще узреть ненаглядное лицо его, — молился у Распятия Искупителя так: приклони, Господи, ухо Твое, услыши мою молитву,vnemli moleniю moemу poistinе Tvoey, услыши меня по правде Твоей. Скоро услыши меня, Господи; ибо я беден и нищ, ибо изнемогает дух мой. Даруй мне рано услышать милость Твою, ибо я на Тебя уповаю — укажи мне, Господи, путь, по которому мне идти, возвесели душу раба Твоего. В день смятения моего взываю к Тебе: научи меня исполнять волю Твою, потому что Ты — Бог мой, Дух Твой благой да ведет меня в землю правды. Ради имени Твоего, Господи, призри на меня, помилуй меня, даруй крепость рабу Твоему, ради правды Твоей выведи из тьмы уныния душу мою, да прославлю имя Твое святое в великом Твоем граде, где устроено наше спасение. И когда засим стал я прикладываться к стоявшему на угольнике Распятию, с воздетым на нем терновым венцом, вывезенным мною из Святой Земли от Гроба Господня, в бытность мою там в первый раз, то этот венец пал на мою голову и сам собою взделся на нее. Бывшие тут со мною, видя это, смущились, помышляя в сердцах своих, что путь, в который

я собираюсь, будет для меня путем тернистым, колючим, скорбным, но я принял это за знамение благое; что Господь, образно висящий на кресте, благословляет меня в путь Своими венцом, венчает меня в лице его Свою милостью и щедротами, указывает мне, что путь мой к св. местам, хотя будет не без невзгод, тернистый, но чтобы я проходил его с терпением, поучаясь ему у Него, невинно страдавшего и на пречистой главе Своей терпеливо, без стенания, в продолжении нескольких часов, носившего терновый венец, которым венчал Его беззаконный народ еврейский. Утешенный и подкрепленный такими образом и неожиданно свыше, я, осенивши себя и присных моих крестным знамением, с сердечным волнением произнес: ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром, яко видesta очи мои спасение Твое, еже если уготовали пред лицем всех людей, свети во откровение языков и славу людей Твоих Израиля. И напутствованный всякими благожеланиями любящих сердец, я пустился в дальний и трудный путь. – Это было 21 января, в 3 часа пополудни.

Снег лежал глубокий, и было холодно. В Харькове необходимо было остановиться для получения из канцелярии губернатора свидетельства, для взятия по нему в свою очередь заграничного паспорта в Одессе. Туда я уехал вечером 22 января.

Всю ночь в вагонах никто не смыкал глаз, вследствие паники, наведенной ворами; – мы не видали ни Полтавы, ни Кременчуга, и за весь день едва дотащились до Елисаветграда, где к великой досаде и скуке и боязни за целость ручного багажа (так как здесь замаскированные жулики то и дело, что сновали взад и вперед), просидели в холодном и грязном вокзале четыре часа. И потом с новым поездом двинулись на Одессу, при страшном приливе новых пассажиров. Сюда прибыли в 9 часов утра, и, благодаря любезности афонских монахов, встретивших нас на вокзале, по их радушному приглашению, приютились на покой в Свято-Андреевском подворье, с большим удобством.

В Одессе опять начались хлопоты по предъявлению старого и получению нового паспортов. Поставили нам в

необходимость сделать визиты нескольким отделениям тамошнего казначейства, канцеляриям – полицеймейстера, градоначальника, турецкого консула и участкового пристава, на что потребовалось несколько дней. Чтобы не терять понапрасну дорогое время, я, в свободное от указанных визитов время, сев в железно-конный вагон, раскатывал по Одессе в разных направлениях, изучая ее физиономию; иной же день преимущественно посвящаем был обхождению церквей. Так, в первый день я был на всенощной в Архангельском женском монастыре, единственная церковь которого есть вместе и приходская; она же приурочена и для воспитанниц Херсонского женского епархиального духовного училища, прекрасное здание которого высится тут же на монастырской усадьбе. Всех монахинь не свыше 30-ти. Более всего мне понравилось осмысленное, отчетливое и звонкое церковное чтение клирошанок. Будь такое и в каждой нашей приходской церкви, – надеюсь, – прихожане с любовью посещали бы даже и самые великопостные службы. Бросилось с непривычки в глаза и то, что священник, совершивший всенощную, не имея еще наперсного креста, имел уже орден св. Анны 3-й степени.

На другой день, по приезде своем в Одессу, я был на обеде в кафедральном Преображенском соборе. Он великолепен и довольно обширен. Многое в нем напоминает инициатора постройки оного, покойного преосвященнейшего Иннокентия, прах которого покоится здесь же у алтарной решетки правого придела, против чудотворной иконы Касперовской Божией матери. У левого же придела – возвышается гробница преосвященного Иоанникия. Тут же под сводами храма, за раззолочеными вычурными решетками, под дорогими мраморными плитами сокрыты останки князей Воронцовых. Признаюсь, воспоминание о ранней, по-видимому, кончине русского Златоуста и бывшего Харьковского архипастыря, лично мне известного, навеяло на меня много самых грустных и тяжких дум. Почему бы, казалось, смерти не пощадить до поздней жизненной поры такого гения, который силою своего слова укрощал людские страсти и самых строптивых людей, обаяние проповеди которого влекло в храм и таких

обезумевших умников, которые в сердцах своих давно уже твердили одно: «Несть Бога!» При этом так живо, как бы наяву, предносился предо мною наружный облик покойного: небольшой рост, короткая шея, выразительные, умные глаза, проницательный взгляд, окладистая борода, косная поступь и своеобразное произношение. Вот он, точно живой, опершись на свой жезл, говорит чудную проповедь в Неделю Православия, и слышится его вопрос: «Скажи нам, всеяластная повелительница – мода, что сделали тебе св. иконы, что ты так враждуешь против них?» и пр. Или, представляю я себе, как он, бывало, сидит на экзамене и приветливо вызывает по списку учеников... Или, расставаясь с нами, твердит наставникам: «Не обижайте детей, особенно – сироток, обращайте на них побольше вниманья, а на праздники пришлите их ко мне, я им дам на орехи»... Святитель Божий, мы помним твою о нас «малых» отеческую заботу и не забудем ее никогда!

По окончании обедни я отправился к епископу Неофиту. И вот, на самом деле, сбылось то, о чем он писал ко мне в последнем письме и о чем я уже раньше упоминали: «То будет хороший день, когда мы с вами свидимся в Одессе и поговорим – выражаясь апостольским языком -«лицом к лицу». Действительно, владыка принял меня, как родного, сам варил кофе и, как Авраам, хлопотал о хлебе, масле и о молоке, чтобы посытнее напитать и получше приютить меня, недостойного странника, ничем не заслужившего такого вниманья. В приятной беседе время шло незаметно. Мы просидели с утра до 2-х ч. пополудни; потом с 5 ч. вечера пополудни беседовали и читали журналы.

На другой день, по окончании литургии в домовой архиерейской церкви, я отправился в квартиру Одесского архиепископа Платона. Он не замедлил принять меня, да еще как принять! Как принимает наш брат – священник своего же собрата – иерея, дорогого соседа, с которым давно не виделся и не беседовал. Да, он, именитый наши русский иерарх, глубокий, маститый старец, исполненный великой мудрости и опыта, не возгордился пред неведомым странником; он взял меня под руку, повел в гостиную, и, усадив в креслах возле

себя, отечески беседовал со мной, причем предлагал, между прочими, быть его наместником в Херсонском Бизюковском монастыре. Так как это предложение для меня было неожиданностью в моей преполовившейся жизни, и я к принятью когда-либо подобного предложения не был предрасположен, а, следовательно, и подготовлен ни мыслями, ни намереньями, а тем паче всею пройденною жизненною порой, то не обинуясь ответил на это так: «Искреннего призванья к восприятию ангельского образа я до сих пор не ощущал в сердце своем, а по приглашению быть истинным монахом не умею; простите меня за это, святый владыко». Прощаясь и приглашая меня к себе на обед, вместе с бывшим здесь болгарским архимандритом, он ошибкой назвали меня о. Афанасием.

«Вероятно, вам быть когда-нибудь Афанасием», – заметил он.

Пред вечером того же дня я отправился с пр. Неофитом в открытых простых русских санях в управляемый им Успенский монастырь (она же и загородная дача одесских архиереев), отстоящий от города в 12-ти верстах. Обитель стоит над морем, имеет две небогатые каменные церкви; братства 32 души, из коих 12 иеромонахов и 7 диаконов; остальные – послушники, которые летом в большинстве оставляют пригревший их приют и отправляются на заработки. Выслушав вечерню, я отправился на высокую башню Одесского Черноморского маяка, устроенного на монастырской усадьбе, громадная хрустальная вершина которого в форме колпака освещается электрическим светом, сила которого равняется свету от семи тысяч свечей. Вследствие этого огонь маячный виден бывает с моря плывущим за 40 и более верст. Содержание маяка со служащими обходится нашему правительству в год до шести тысяч рублей. Сюда же проведен и телеграф.

Так как преосвящ. Неофит намеревался служить и меня пригласил быть сослужащим, то мы, прочитав положенные правилом церковные каноны и немного уснув, в 3 часа ночи отправились к заутрени, после которой соборно читался

акафист Успению Пресвятой Богородицы. Затем в 8 1/2 часов началась архиерейская обедня, за которой мне, неопытному, пришлось первенствовать, и потому обошлось не без промахов и ошибок. После обедни все служащие пили чай у владыки. По сигналу трапезного колокольчика, все мы отправились на общий обед в монастырскую столовую. Обед состоял из простых постных щей и каши. К вечеру мы возвратились в Одессу.

На праздник Трех Святителей, 29 января, я ходил ко всенощной и потом на раннюю обедню в Успенскую церковь. Пение здесь вообще стройное, но в особенности мне понравилась Херувимская песнь, на мотив «Благообразный Иосиф». Была и проповедь, довольно дельная, хотя для простого народа, стоявшего массами, нужно бы попроще. Не утерпел я, идя домой мимо греческой церкви, чтобы не зайти и в нее. Здесь совершал позднюю обедню эллинский архимандрит с двумя священниками; певчие пели безукоризненно хорошо, лучше епархиальных, по партитуре Бортнянского, переложенной на греческий язык. Это великая редкость в эллинском мире, пропитанном сильною антипатией ко всему русскому. Наконец, настало время выезда за границу. Собираясь 31 января выезжать из Одессы в дальнейший путь, я поднялся с постели довольно рано, читал в молельной Андреевского подворья акафист иконы Богоматери «Утоли моя печали» и служил напутственный молебен всем иерусалимским богомольцам, отправлявшимся со мною в путь. Потом, зайдя в собор, я молился перед чудотворным образом Касперовской Божией Матери, чтобы Она Всеблагая удивила и на мне грешнике Свои великие и богатые милости, не оставила Своим ходатайством и помощью, управила бы мой путь во благое. Обедню совершил пр. Неофит, по окончании которой я простился с ним. При этом он благословил меня просфорою и просил писать с дороги. Прощание мое с арх. Платоном было прощание сына с отцом... Владыка подарил мне на память две книги своих духовных творений. Никогда не забыть мне этих блаженных и поучительно-трогательных минут.

Так как архиерейский дом стоит невдалеке от моря, то я отсюда прямо пошел в контору пароходства, где берутся

пассажирские билеты на Константинополь и узнали, что самый лучший и новейший пароход «Россия», на котором я думал ехать, пойдет не тем круговым рейсом, которым обыкновенно следуют богомольцы в Иерусалим, а прямым – мимо Смирны и прямо в Египет, почему я отложил поездку до того дня, в который отойдет пароход, держащий курс на Яффу. «Нахимов-Одесса» и был тот морской экипаж, на котором мне предстояло чрез три дня нелегкое плавание на дальний Восток. Я узнал, что классные цены на места в каютах против прежнего почти удвоились, чему виной плохой заграничный курс на наши бумажные деньги и дороговизна жизненных припасов. Хотя и скучновато было, как говорится, ждать у моря погоды, а нужно было ждать три дня, но я провел это время с пользою для души. Но вот пора собираться в путь, ибо для срочных рейсов день и час отхода пароходов неизменны и обязательны. Настало 3-е февраля; я пораньше встал, отслужил с помощью монахов подворья заутреню, за которой прочел акафист Иверской Божией Матери и, простиившись с ними, уехал на поименованный выше пароход. Заплатив за билет 2-го класса 97 руб. 95 к., я занял в каюте указанное мне весьма уютное место, в котором особенно я нуждался при лихорадке, напавшей, было, на меня.

II. Одесса – Смирна³⁴

Долго еще на пароходе раздавался шум от железных цепей паровой машины, поднимавшей из подъехавшей с грузом баржи и взваливавшей моментально стопудовые тяжести; по временам слышалось ржанье лошадей, блеяние овец и крик волов, отправляемых обитателям Стамбула; то доносился до уха крик и гам палубных пассажиров, ссорившихся за места. При этом обратил на себя общее внимание еврей, опрометью вбежавший на палубу и прилегший за грудами пассажирского багажа. За ним через несколько минут появился городской извозчик, заявивший жандарму, что он возил одного еврея, побежавшего сюда, по городу целых три часа и не получил с него ни копейки... и вот нашли его... Минами показывал он, что не знает по-русски, а потому и не понимает, что ему говорят. Отыскали переводчика, и пароходным судом постановлено: немедленно уплатить подлежащую сумму требователю, и удовлетворенье последовало. Кстати замечу, что этот еврей был мне сопутником до самого Иерусалима, – ехал так же, как и я, поклониться ветхозаветным святыням обетованной земли и праздновать там пасху в знаменитой «всесветной» синагоге древней столицы тьмочисленных чад Авраама. Встретившись потом со мною на узких улицах града Божия в праздничном костюме, он приветливо раскланялся со мною и приглашал меня, как знакомого и земляка, пожаловать в ихнюю синагогу посмотреть, как евреи будут поутру праздновать свою пасху.

Наконец, в 4 часа вечера зазвенел пароходный звонок – сигнал к отплытию. Все пассажиры вышли из кают на палубу, чтобы взглянуть, и может быть, в последней раз, на св. Русь, полюбоваться на родные избы, поглядеть на храмы Божии. Я же, устремив пристально взор в Преображенский собор, молитвенно взывал к чудотворному Касперовскому образу Божией Матери: «Пресвятая Богородице, помогай нам». Раздались свистки, заколыхалась ледяная кора, покрывшая море сплошною массою верст на пять, разбиваемая впереди особою дробильною машиною, и мы, при страшном холоде и

порывистом ветре, двинулись со страхом и трепетом в открытое море.

Сорокачасовое плавание наше по Черному морю к столице исламизма, – Стамбулу, было прескучное. Свинцовое небо с моросящим снегом не давало солнцу ни малейшей возможности пробиться на палубу и хотя одним лучом повеселить нас. Крайне неприветливая морская даль во все стороны невольно пробуждала скорбные мысли о суете всего земного. Холод, бесцеремонно врывавшийся с палубы даже в закрытые каюты, несмотря на защиту постоянно топившегося камина, насиливо укладывал в постель, чтобы на ней сколько-нибудь отогреть застывающие члены. Но вот слышится сильный толчок в ребра корабля с той стороны, где была моя каюта с койкой; корабль сильно накренивается набок. Думая, что настали последние минуты, я схватил горевшую свечу в привинченном подсвечнике, выбежал в зал, снял стоявшую там на столе громадную чернильницу, спасая ее от крушения, и направился, было, к дверям, выходящим на палубу, чтобы узнать, в чем дело, и все ли благополучно, как опять толчок за толчком... и я весь облился чернилами, еще толчок сильней прочих, и я моментально как сноп брошен под стол. Едва опомнившись, я уже добрался до своего места ползком. На следующий день пошел я в буфет, чтобы подкрепить пищей упавшие силы чем-нибудь горячим, как опять сверх ожидания покачнуло пароход; я приутих, нахмурился, а привычные и бодрые капитаны-моряки начали посмеиваться надо мною.

После передряги в первый день, я почти не спал в следующую ночь. При входе в Константинопольский пролив начало светать, и с 7 1/2 часов утра мы уже мчались на всех парах вдоль этого пролива, наслаждаясь прекрасными видами предместий Цареграда. Вот на правом берегу показались виллы посольств: русского, английского, итальянского, с фантастическими отделками и роскошными садами; вот завиднелись и причудливые дворцы турецких султанов, тянувшиеся по набережной на целую версту, с волшебными воздушными киосками и неприступными гаремами, огражденные с моря высокими чугунными решетками, а с суши

восьмисаженными в вышину каменными глухими стенами; вот, наконец, закрасовалась Св. София. — При виде ее, все поклонники сняли шапки и набожно крестились, приговаривая: «Да когда ж то она, сердешная, будет наша, с крестами и русскими колоколами»; а в упор почти нам стала и европейская Галата со своею многовековою башнею, высящуюся до небес, бывшая невольною зрительницею в разное время кровавых приключений и в раззолоченных палатах калифов, и на грязных стогнах Стамбула и на тихих водах Босфора... А на всесветном рейде — кораблей и парусных, и паровых, и военных броненосцев... видимо-невидимо, а суднам и счета нет. Кажется, они собрались сюда с полвселенной, чтобы пощеголять искусством своих инженеров. Турки в красных фесках, точно рой пчел или мух, снуют вдоль и поперек залива Золотого Рога на своих красивых быстролетных колесных пароходах, перевозя в разные концы тысячи пассажиров пятидесятиверстного Цареграда.

Я предпочел в продолжение двухсурточной стоянки нашего парохода, для выгрузки и нагрузки товаров и посадки новых путешественников, оставаться в своей каюте, хотя монахи афонских подворий и приглашали высадиться к ним на берег. В ночь под пятницу все мечети с их стройными минaretами ярко и изящно были иллюминованы разноцветными огнями.

Седмихолменный Стамбул в таком ночном наряде казался с палубы корабля поистине чудным, волшебным, сказочным. На следующий же день, т. е. в пятницу — день священный для исламитов, казенные здания и многие частные дома усердных поклонников Магомета разукрасились в честь его красивыми флагами.

В день отплытия нашего на пароход прибыло весьма много пассажиров, особенно турецких рекрут разных племен и наречий, оборванных, наполовину больных и голодных. Эта шайка разбойников в 200 душ, без церемоний, нахально нахлынув в трюм, где были размещены весьма удобно русское богомольцы еще с Одессы, едва не подавила их своею массою; поднялись крики и толкотня неописуемые, в некоторых же углах произошла и потасовка из-за удобства мест для людей и для их

«калабалыка», т. е. багажа. Но в моем второклассном отделении царила тишина, ибо в апартаментах оного прибавилось только два грека, один серб, француженка и гречанка с дитем. В 5 часов вечера наш пароход отправился в дальний путь к Дарданеллам, при довольно свежем ветре; скоро нас пригласили за общий стол обедать (стол, как известно, для перво- и второклассных пассажиров обязателен). В чем же заключается морской обед, спросит из любопытства обитатель и путник суши, не бывший никогда и вблизи моря? Вроде прелюдии к обеду, подается пьющим по рюмке водки, а для всех – кусок голландского сыра, несколько ломтиков колбасы или икры, несколько пар килек. Самый же обед в настоящий раз состоял из говяжьего холодного супа, жареной индейки, пирожного. Десерт состоял из апельсин и фиг, и при этом вдоволь было подано вина белого и красного. После обеда подали кофе. На завтраки, который обыкновенно бывает в 11 1/2 часов, подают сначала редиску, масло, сыр, колбасу, маслины, затем рыбное или мясное холодное и жаркое, десерт – яблоки, орехи, финики или винные ягоды и в заключение – кофе. Обеды и завтраки, смотря по времени года и обстоятельствами, разнообразятся.

Выезжая из Константинополя, я задался мыслью хорошенько рассмотреть историческое Сан-Стефано и Калиполи, но наступившая ночная темнота сокрыла их от меня. В 8 1/2 час. утра следующего дня мы подъехали к Дарданельскому проливу, в начале которого стоит турецкий город Чинакол или Чинаклис. Против прежнего времени, т. е. 1875 г., здесь возведены, в последнюю русско-турецкую компанию, новые, сильные укрепления, и сооружены новые крепостные постройки, довольно массивные и красивые. Небо было серое, холодно и ветreno; но это, однако ж, не помешало перевозить упомянутых выше рекрут в город, для пополнения крепостного Дарданельского гарнизона; поклонники же наши и поклонницы, избавившись от них, на радостях, и крестились, и молились... На месте теперешнего Чинаклиса в древности стоял знаменитый и славный город Троя, воспетый Гомером в его нудной Илиаде: а с разрушением его в первые века

христианства, основался на развалинах город Кизик, известный в церковно-патрологическом мире тем, что в нем в 3-м веке пострадали за веру Христову 9 мучеников, славные имена которых Церковь сохранила и до наших дней, под 29-м числом месяца апреля; имена их следующие: Феогний, Руф, Антипатр, Феостих, Артем, Магн, Феодот, Фавмасий и Филимон. Я выписал эти имена не без цели, ибо по преданию, распространенному на Востоке, этим мученикам присуща особая Божья благодать врачевать лихорадки. И наши русские старцы-подвижники, опытные в духовной жизни, советуют прибегать с молитвою к ним о помощи в названной болезни, и молитва веры и упования многих, как и мне лично известно, не оставалась тщетною. В Чинаколе находятся конторы почти всех пароходных обществ, и богомольцы, желающие отсюда следовать на Афон, могут здесь брать билеты и пересаживаться на корабли, идущие прямо к этой Святой Горе, что, впрочем, гораздо удобнее во всех отношениях делать в Константинополе. Простояв с час, без погружения якоря, наш водянной экипаж потянулся далее. Со входом в Архипелаг, подул сильный ветер, заколыхалось море, застонали волны; а я, скрепя сердце, долго лежал на койке, для успокоения себя; наконец, стало не под силу. Для освежения я вышел на палубу, но ее то и дело, что обдавало волнами, а поклонники от страха спустившись в трюм, читали акафист Покрову Богоматери, стройно приговаривая: «радуйся» и «аллилуйя». Жиды же, турки и татары, привычные к капризам стихии, были преравнодушны: кто смотрел на молящуюся и поющую «Московь», кто свистал, а кто курил и играл на любимом инструменте.

III. Смирна – Бейрут

9 февраля в 7 1/2 часов показалась с палубы очаровательная Смирна. Я назвал ее очаровательною по местоположению, по нагорным кипарисным рощам, и потому, что она издали не похожа на азиатский город, а выглядывает настоящей чистоплотной и цивилизованной европейкой, по красоте зданий, хотя она внутри не вся такова. Если что мне в ней особенно понравилось, так это ее глубокая, тихая и уютная пристань, с прекрасной гранитной широкой набережной, к которой пристают пароходы почти вплотную, чем не может похвальиться ни Константинополь, ни Александрия, ни Хиос, ни Бейрут, ни Яффа; – словом, ни одна морская станция от Одессы (где тоже пароходы пристают к самой суше, хотя и искусственным образом), до самой выгрузки на почву Палестины. Смирнской пристани придают еще более важности две проходящие по ней линии дорог железно-паровой и железно-конной, с многочисленными кофейнями и массою гуляющей разноплеменной публики, в большинстве разодетой по последней европейской моде. Соседями нам по морской стоянке оказались один английский пароход и русский земляк «Корнилов». Но на досуге рассмотрим попристальнее самую Смирну, насколько это возможно, в нынешнем ее виде. Смирна – важнейший порт Малой Азии и образчик современной азиатчины. Она имеет 150.000 жителей, из коих около 40.000 мусульман, – лежит на восточном берегу прекрасного залива; над ней возвышается старый генуэзский замок. Город разделяется на два квартала – нижний французский и верхний турецкий; последний поднимается около крутой и голой горы Палос к названному выше замку. Собственно, порт и набережная принадлежат к французскому кварталу, главную часть которого составляет длинная, узкая и кривая улица, темная и грязная, неправильно застроенная двух- и трехэтажными домами. От этой главной улицы идет множество боковых, большую частью новых и вследствие этого более широких, прямых, чистых улиц, с лучше построенными домами,

внутренность которых удобна, а иногда и изящна. Франкский квартал – самая богатая и деловая часть города; здесь живут греки, евреи, французы и итальянцы, вообще западные народы, и находятся их конторы и магазины. Дальше от берега и выше находится базар, с лавками в тесных улицах, где в деловое время дня трудно пробраться между толпами покупателей, между навьюченных верблюдов, лошадей, ослов и носильщиков, и где находится центральный пункт торговли европейских купцов с азиатскими. К базару примыкает турецкий квартал, где, впрочем, также живут греки и евреи, и где все бедно, грязно и некрасиво. Улицы здесь так узки, что если где встретишь верблюда с ездоком или ношей, то надо плотно прижиматься к стене, чтобы не быть раздавленными. Здесь встречаются также туземцы в своих истинно восточных костюмах. Отличительную черту физиономии города составляюсь горцы, т. наз. узбеки, которые в своей живописной одежде и вооруженные с ног до головы гордо расхаживают по улицами города. Узбеки – дикий, фанатический народ; из них набираются разбойничьи шайки, делающие дороги Малой Азии опасными, и отчасти из хитрых греков, составляющих подонки городской черни. Другая характеристическая черта города – это полудикие собаки, которые тысячами рыскают по городу и пожирают брошенные на улицах остатки пищи; мусульмане отличаются такою терпимостью в отношении этих животных, что их дракам и воровству редко оказываются сопротивление. От развалин древней Смирны, бывшей таким значительным городом, нигде не видно и следа, разве лишь кое-где вделанные в стены домов обломки колонн, статуй, карнизов, капителей и пр. Так как в Смирне до 7 греческих православных церквей, из коих самая замечательная посвящена имени св. Фотинии, той самой жене самарянской, с которой Спаситель мира беседовал у Сихемского Иаковлева колодезя и которой, по верованью восточных христиан, тоже дарована благодать исцеления преимущественно лихорадочных болезней, то некоторые из поклонников и поклонниц высадились на берег, чтобы помолиться в смирнских святилищах, походить по городу, познакомиться с ними, запастись вдобавок провизией и в

особенности смирной, лучше и дешевле которой будто бы нигде не найдешь, кроме базаров Смирны. Но лавочники, заскорившись между собою из-за выгодных покупателей-московитов, накинулись и на их вожака-араба и избили его до полусмерти. Это навело такую панику на наших земляков, что они бледные, как смерть, с криком убежали к нам на пароход, чтобы не подвергнуться такой же неприятности от запальчивых азиатских коммерсантов. Пароход наш здесь простоял целые сутки. Каково ж было мое удивление, когда, проехав до 1500 в. морем и все более и более близясь к востоку, я дрожал на палубе от холода, даже в ватном подряснике! Настало утро, пробило 7 часов, завертелся паровой вал с якорною цепью, — якорь вытащен, засвистали свистки, запыхтели пары и наш старик «Нахимов», кряхтя двинулся в дальнейший путь-дороженьку, по направлению к Хиосу. Я в это время вышел на верхнюю палубную площадку парохода, чтобы еще раз окинуть взором эту малоазиатскую красавицу и, устремив свой взор на ту гору, на плинфе³⁵ которой сожжено было тело священномуученика Поликарпа, епископа Смирнского, и где совершились в первые века христианства почти каждодневно мучения и казни сонма христиан, и где, следовательно, почти каждая пядь этой нагорной высоты обагрена и увлажнена кровью св. мучеников, в глубине сердца своего воспел: «И нравом причастник, и престолом наместник Апостолом быв, деяние обрел еси, богодухновенне, в видении восход; сего ради слово истины исправляя, и веры ради пострадал еси даже до крове, священномуучениче Поликарпе, моли Христа Бога спастися душам нашим. Святые мученицы, добрे страдавше и венчавшиеся, молитесь ко Господу помиловатися душам нашим!»

Во втором часу того же дня мы приблизились к острову Хиос, но по причине сильного ветра и страшного волнения никак не могли пристать к нему для выгрузки товаров и высадки пассажиров, из коих один ехал из Одессы, к условленному с тысячною неустойкой сроку для принятая пяти тысяч ящиков апельсин, и постоянно вздыхал, но помочь ему никто и никакими образом не мог. И пароход, покружившись почти на

одном месте около двух часов, должен был хиосских пассажиров и кладь везти непроизводительно для себя и для них к следующему порту Мерсине, чтобы оттуда опять, на встречном корабле им ехать назад. Убито, значит, бесцельно семь дней времени со вредом для дела и невознаградимыми потерями для кармана. Не дай Бог, это случится с нами в Яффе, где вообще плохой порт с опасными порогами! Хиос – город, насколько видно с палубы, довольно большой; виднеется множество крупных богатых домов и ферм, по между коими проглядывают пять-шесть мечетей, и по пригоркам до десяти круглых, своеобразных каменных мельниц. В торговле он особенно славится выделкой мастики, до которой необыкновенно охочи греки; – апельсинным и оливковым рощам нет и числа; зеленеют также во множестве разбитые плантации винограда и разных огородных овощей.

От Хиоса едем уже другой день среди группы разных необитаемых островов, близость их только и сдерживает горы волн и тем спасает нас от закачивания при северном русском ветре, неугомонно преследующим нас от самой Одессы. Но вот архипелаг все более и более начал раздвигаться, и мы в конце его увидели Родос, с лежащим на песчаной ровной низменности небольшим городом того же названия, окруженный лимонными и апельсинными рощами. От прежних причудливых дворцов и башень, устроенных в давно минувшие времена могучими вассалами, рыцарями и всякого рода героями, сложившими здесь и свои кости, остались только воспоминанием одни грустные развалины, весьма кстати преподающие нам, путникам, назидательные уроки о суэтности всего земного и в особенности о непрочности величия и славы человеческих, приходящих и уходящих от нас, как тень. Здесь мне невольно пришли на память некоторые из прекрасных стихирь Св. Иоанна Дамаскина, и я не утерпел, чтобы их не продиктовать поклонникам, в виду осунувшегося и опустевшего города. «Кая житейская сладость пребывает печали непричастна? Кая ли слава стоит на земли непреложна? Все сени немощнейша, вся сонии прелестнейша: единственным мгновением, и сия вся смерть приемлет... Вся суeta человеческая, елика не пребывают по

смерти: не пребывает богатство, ни существует слава: прешедшей бо смерти,— сия вся потребишася... Где есть мирское пристрастие? где есть привременных мечтание? где есть злато и сребро? где есть рабов множество и молва? вся персть, вся пепел, вся сень... Помянух пророка вопиюща: аз есмь земля и пепел, и паки рассмотрех во гробех, и видех кости обнажены, и рех: убо кто есть царь, или воин, или богат, или убог, или праведник, или грешник...» Как бы в гармонии с грустным настроением, навеянным и предлежащими руинами, и горькою истиною, высказанною в настоящих строках святым мужем, мгновенно где и взялись свинцовые тучи и нависли всей тяжестью чуть не вплотную до поверхности воды, полился сначала дождь, потом пошел густой град, продолжавшийся около часу. После этого представилось глазам нашим чудное и поразительное зрелище заходящего солнца; мы, богомольцы, любовались природою; вдруг... пронесся морской вихорь, забушевало море, отчего сильно покачнулся наш корабль; затрещали на нем мачты, заволновался народ — момент, не поддающийся описанию! Нам казалось в страхе и великом смущении, что наступила последняя минута мира, что вот-вот за сим сразу загорятся все стихии и сжигаемы разорятся, явится на облаках небесных Сын человеческий и грозно скажет нам: «Приидите, истяжемся!» В Родосе мы в настоящий раз не останавливались, так как наше Русское пароходное общество теперь не имеет там своей агентуры. От капитана корабля я узнал, что наименование города -Родос произошло от слова родыг, которым именуются гранаты, особой вкусной породы, в великом изобилии здесь растущие.

От Родоса начинаются владения Средиземного моря — этого самого крупного и богатого водовладельца в среде других морей. После двухсуточного плавания, мы во втором часу ночи подъехали к острову Мерсине и здесь стали на якорь. Мерсина — довольно большой поселок с раскинувшимися версты на три небольшими домиками; жители его более занимаются хлебопашеством и возделыванием на болотистых местах хлопка, от чего здесь свирепствуют почти постоянно повальные и трудно излечиваемые лихорадки. Я выпросил у случайно

появившегося на палуба мерсянина несколько десятков семечек хлопка, с целью засеять ими гряду у себя дома и посмотреть, что с них выйдет на нашей малороссийской почве! В Мерсине мы простояли почти целый день, любясь окружающим нас пейзажем; к вечеру прибавилось несколько новых пассажиров, в числе коих резко выделялись один молодой, довольно приятной наружности священник-дервиш, в громадно-высокой (не менее аршина) войлочной верблюжьего цвета шапке, похожей на наши камилавки, – сопровождаемый младшими членами причта, в меньших такого же вида и цвета наглавниках, – и с ним семья.

Когда бросили якорь пред Александретой, на море водворилась такая тишина, что поверхность его стала совершенно неподвижна, и, что, как говорили моряки, бывает весьма редко. Когда показалось солнце из-за высоких гор, вершины которых завалены толстыми глыбами снега, то все пассажиры точно Божьи коровки повылезали из своих конур погреться на солнышке; на всех лицах виднелась улыбка, со всех концов парохода доносился неумолкаемый веселый говор, словом, от приятной благодатной погоды сразу переменилось печальное настроение духа; все любовались при этом очаровательным местоположением и окрестностями Александреты, на которых виднелись роскошные зеленеющие злаки посевенных хлебов и доносился аромат от мириад распустившихся садовых и полевых цветов; и к нам на корабль многое принесено было туземцами цветов, особенно роз. Даже корабельный капитан, всегда угрюмый, но теперь приветливый и веселый, появился между группами палубных пассажиров – богомольцев и советовал им отслужить молебен в благодарность Господу Богу за счастливый исход плавания между Родосом и Александретой – самыми опасными местами, особенно в такое бурливое время года. Когда мне передали это, я гласом радования воскликнул: благословен Бог, благоволивый тако! Слава Тебе, Богу, благодетелю нашему во веки веков! И положил в уме отслужить вечером всенощную и молебен, если то возможно будет. Невдалеке от нас стояли два военных громадных великолепных английских броненосца с четырьмя сотнями команды, в виду возмущения арабов против христиан в

Александрете и Бейруте, и это нас несколько обескуражило. С этих броненосцев явились на наш пароход два мальчика в матросских костюмах – ученики английского морского училища, лет по 14-и от роду, с своими памятными книжками, бойко расспрашивая наших матросов о погоде, стоявшей в известное время плавания, о направлении и силе ветра, о стоянках в разных портах и пр. Все это они заносили в книжки. Этот ничего не оставляющей без внимания англизм мне очень понравился.

В 5 1/2 часов вечера, накануне воскресного дня, пред выходом парохода в море, попросив позволения капитана, я спустился в трюм к нашим поклонникам и, возложив на себя бывший со мною епитрахиль и, пригласил их миром помолиться Господу, чему они необычайно обрадовались. Началась всенощная – может быть, на этот раз единственная на всей поверхности вод Средиземного моря, под мелодические звуки мягких и плавных голосов двух монахов, трех монахинь и нескольких поклонниц я читал акафист Воскресению Христову. И что за чудная была та святая служба на море! В первый раз в жизни я ее совершал на водах и, вероятно, в последний; не повторится, кажется, ей уже никогда в моей жизни, потом одушевлявшим и меня, как служащего, и предстоявший народ чувством. То была служба великого умиления, неземной радости, святой грусти, покаянных слез, плача и громкого рыдания о грехах, то была такая служба, что самые безбожники, – а их немало было на корабле, – замолкли и, обнажив головы, пристально всматривались в нее, алчно вслушиваясь в молитвенный вопль молящихся и жадно ловя каждый мелодический звук от песней церковных... Когда же запели трехголосное потрясающее – «Хвалите имя Господне», и все христиане с биением в перси пали на колени – воцарилась такая тишина, что кажется и самые стихии – вода и ветер, притаив, если можно так выразиться, дыхание – внимали ему, хваля словами св. Давида, псалмопевца, своего Создателя... Мне чудилось, что между нами невидимо стоял и молился наш божественный пророк Иона, по повелению Божию выброшенный здесь на берег великою рыбой; ибо мне то и дело, что хотелось

воспеть покаянную песнь: «Молитву пролию ко Господу и Тому возвещу печали моя, яко зол душа моя исполнися и живот мой аду приближися, и молюся яко Иона: от тли, Боже, мя возведи». Я попросил певцов, чтобы они на утреннем каноне пропели те ирмосы, в число которых помещена и сейчас изложенная песнь. По окончании заутрени никто не хотел расходиться, а все ждали еще чего-то... молиться и молиться, петь и петь. Да, Александретская всенощная на корабле не изгладится в душе и до могилы; и конечно, в таком виде никогда, никогда уже в жизни не повторится. Эта служба – была предсмертная песнь одного из русских священников на водах Средиземного моря, как лебединая на водах Меандра...

После выезда из Александреты в 7 часов вечера, мы утром следующего дня пристали к острову Лотокии, т. е. древней Лаодикии, которая еще раньше называлась Диосполисом или городом Юпитера, но потом царь Сирский Антиох II распространил и украсил город и дал ему название Лаодикии в честь своей жены. В первые времена христианства, которое здесь насаждено св. ап. Павлом, Лаодикия была одним из значительнейших городов Фригии. Она славилась особенным плодородием своих окрестностей и скотоводством; бесчисленные стада различного рода паслись на окрестных тучных лугах ее. Жители Лаодикии производили значительную торговлю шерстью. Здесь, как известно, в 367 г. по Р. Х. был поместный Собор, замечательный по установлению 60 канонов, относящихся до благочиния церковного и жизни духовенства. При взгляде на нынешнюю Лаодикию, нам невольно вспомнились апокалиптические слова, касающиеся настоящего и будущего этой страны, города и его обитателей. Прочтем их для своего назидания: «Вем твоя дела, яко ни студен еси, ни тепл... изблевати тя от уст Моих имам. Зане глаголеши, яко ты еси окаянен, и беден, и нищ, и слеп, и наг. Совещаю тебе купити от Мене злато, разнеженное огнем, да обогатишися, и одеяло бело, да облечешися, и да не явится срамота наготы твоей и коллурием помажи очи твои, да видиши. Аз, ихже аще люблю, обличаю и наказую: ревнуй убо и покайся». Но лаодикяне не вняли сим грозным и вместе наставительными словами

Господа, не покаялись, не оставили порочной жизни, не покрыли своей срамоты белою одеждой чистоты и невинности; ослепленные своим богатством, они продолжали жить по-прежнему, и приговор небесного Судии со всею строгостью исполнился над ними. Теперь не Лаодикия, а уже Лотокия, небольшой бедный поселок, состоящих не более, как из 20-и бедных приземистых домиков с виднеющимися везде развалинами прежних великолепных зданий. Христианская вера попрана, забыта, и здесь нет в настоящее время ни одного христианина; фанатический же исламизм глубоко пустил свои корни, чему фактом служат пять мечетей. Лотокия изобилует табачными плантациями, ячменем, курами и дешевыми яйцами. Здесь мы стояли на рейде не более часу. От Мерсины и до сих пор я был единственный пассажир во 2-м классе, но теперь при выезде прибыл грек с арабкой, а когда приехали к Триполи, то там прибавилось еще 8 душ. Между трюмными пассажирами, русскими поклонниками, оказались два из Оренбургской губернии – муж и жена, которые предприняли путешествие в Палестину еще в августе месяце и шли пешком до Одессы пять месяцев, претерпевая все осенние и зимние бесчисленные невзгоды. Вот истинное христианское примерное самоотвержение и любовь к Испупителю, вся терпящая и не отпадающая. Трипольские жители принесли на пароход для продажи много свежих прямо на ветках – апельсин по 15 коп. за десяток, редиски и маслин; но апельсины здесь не вкусны, мясо в них губчатое, малосочное, что зависит от климата и от почвы. Реомюр показывал теперь, 15 февраля, 16° тепла при большом дожде. По прочтении в трюме акафиста Покрову Божией Матери, мы, истощенные почти двухнедельным плаваньем, предались сладкому покою, а пароход, отдохнув на якоре раньше нас и запасвшись новой энергией в лице молодых матросов, в 12 часов ночи направился на Бейрут.

IV. Бейрут – Яффа – Иерусалим

При тихой прекрасной погоде, в семь часов утра, мы пристали к столице Сирии, Бейруту, – месту, освященному стопами Спасителя. Многие из поклонников горели нетерпением скорее побывать на этой святой земле. На нашем пароходе, с самого Константинополя и до Бейрута, развивался на палубе турецкий флаг с луною, что означало присутствие на пароходе турецкого генерала. – Отдавать такую честь превосходительствам Турции обязательно для всех иностранных кораблей, когда они везут по водам Ближней Порты турецких генералов. Представители города Бейрута, вероятно, заранее извещенные по телеграфу о времени прибытия начальника их области к месту его назначения, лишь только завидели с берега подходящий к пристани наш пароход, мгновенно пустились навстречу ему в своих длинных остроносых каяках, покрытых великолепными бархатными коврами, и с роскошными сверху зонтами, для защиты от палящих солнечных лучей Сирии. Когда представители г. Бейрута взошли на палубу и представлялись паше, он одним подавал руку, другие же сами, протянув горизонтально правую руку в воздух и раскрыв длань ее, ожидали, пока он не коснется ее своею ладонью; остальные же свою правую руку прикладывали то к сердцу, то к челу. На это он отвечал таким же приветом. Потом сошел в каяк, и, в сопровождении многочисленной лодочной флотилии, направился к берегу, и лишь только ступил на площадку набережной, как последовал салют с пушек в честь его... Погода стояла прекрасная, тихая, теплая; море волновалось только так называемою моряками – «мертвою зыбию»; к пароходу причалило множество лодочников, с предложением свезти нас в город и показать его, но никто из нас не решался принять их назойливых предложений. В это время показался на пароходе один молодой человек в феске, в сюртуке и с бумагой в руках, которую подносил под нос почти каждому для прочтения. Бумага оказалась написаною по-русски, с рекомендацией, что

податель оной есть честный и богобоязненный экклисиарх Бейрутской соборной Святого Теория Великомученика церкви, понимающей и русский язык, и говорящий на нем, – что всякий, желающий посетить Бейрут и святыни его, может без всякого сомнения довериться ему и под опытным его руководством, за ничтожную плату, исполнить всякое благое свое желание. Я первый согласился ехать, тем более, что теперь я имел возможность посетить место обитания чудовищного змея, пожирающего людей, и особенно – место поражения его Св. Великим Георгием. Если вы, батюшка, решаетесь ехать, сказали все богомольцы, то и мы с вами! С вами мы никого и ничего не боимся; с вами мы не будем обижены, не погибнем; ради вас, ради вашего священства Господь защитит, помилует, спасет и нас. Охотников и охотниц ехать набралось душ до 60. Но вот и набережная. Мы с веселием сердца взошли в столицу Сирии, где, при появлении нашем на узких и извилистых улицах, битком набитых народом и разным еще лавочными хламом, то и дело слышались возгласы и старых, и малых бейрутян: «Московь, Московь!» Сопровождаемые толпою и диким визгом уличных мальчишек, требовавших «бакшиша», мы пришли к ближайшей от пристани православной церкви во имя Святого Великомученика Теория. Храм массивный, величественный, изящной архитектуры и, как видно, недавно устроенный, с прекрасною внутреннею орнаментацией, хорами и тремя престолами. Лишь только расположились мы помолиться, как явился сонм духовенства с предложением купить свечей, масла, записаться на проскомидии, на молебны, пожертвовать что-либо на храм и пр. Когда записка имен была окончена, я сказал, что мы все желали бы слушать молебен на месте поражения Св. Георгием – змея. Узнав, что я священник, предложили мне взять епитрахиль, крест, евангелие, икону Великомуч. Георгия, свечей, и самому там отслужить молебен, при пособии их псаломщика.

Обрадованные и утешенные такою братскою любовью и услужливостью, мы со тщанием пошли к давно желанному месту (отстоящему отсюда до двух верст), по тесным, а иногда и крытым городским улицам, пока не вышли, наконец, на

простор, в предместье города. Тут, точно в сказках, переменилась панorama видов... По временам мы проходили через просторные площади, установленных длинными рядами красивых карет – извозчиков, с роскошными водоемами арабского пошиба, – то шли широкими улицами, застроенными изящными виллами западной причудливой европейской архитектуры, с пленильными при них палисадниками, усеянными различной зеленью цветочных растений: миртов, лилий, тубероз, ранункулов и пр., и усаженными пушистыми кустарниками благоухающих розанов и благовонных жасминов, и очаровательными рощами и садами – тутовыми, фиговыми, миндальными, гранатными и апельсинными деревьями в полном цвете. Как бы нарочно, эти деревья простирали свои ветки на улицы, чтобы доставить тем благодетельную тень, защищая в числе прочих и нас, усталых дальних путников севера, от палящих полуденных лучей сирийского солнца. Вдруг разостлалась перед нами прелестная ширь окрестных полей, с зелеными, как рута, высокими хлебными злаками, огражденными, как стеной, толстыми колючими кактусами. Мы останавливались, чтобы вдоволь налюбоваться прелестями, разнообразием и пышностью весенней сирийской флоры и насытиться ее здоровым благовонным воздухом; наконец, дошли мы до того места, где Святой Георгий поразил чудовище – змея, нежданно явившись царской дочери, выведенной по дошедшей до нее очереди на съедение ему. На этом месте прежде стоял большой храм, воздвигнутый обрадованным царем – отцом избавленной от смерти девицы, во имя Святого Георгия. Под алтарем этого храма впоследствии явился чудесный источник воды, подающий верующим, черплющим, причащающимся и мажущимся ею, освящение, здравие и благословение, который поэтому и теперь привлекает к себе многих поклонников; но теперь стоит здесь небольшая бедная турецкая молельня, так как это место у мусульман в великом почете. Чрез узкую калитку нас впустила арабка в небольшой чистенький дворик, усаженный лимонными деревьями и розовыми кустарниками, и потом, когда мы приблизились к дверям турецкой молельни, арабка предлагала каждому и

каждой из входящих прежде сбросить обувь и положить за вход бакшиш на блюдо: все это мы сделали. Меня, как священника, ввели в самое священное отделение этой молельни, соответствующее нашему алтарю, где муллы творят свои молитвы. Оно завешено во всю ширину зеленою шелковой драпировкой, за которой стояли два турецких знамени. – Мне позволили поставить на вбитых здесь колышках принесенную икону Великомученика и зажечь перед ней припасенные нами свечи. В большом восторге от устроившегося таки благоприятно нашего богомолья на чужой варварской стороне, в иноверной молельне, и на таком знаменательном месте, я, возложив епитрахиль, с крестом в руках, возгласил гласом радования: «Благословен Бог наш, всегда, ныне и присно, и во веки веков!» Трудно передать словами все то, что говорили нами в это время чувства! О, с каким умилением все мы сообща запели, пав на колена и воздев руки к образу Победоносца: «Яко пленных свободитель и нищих защититель, немощтвующих врач, царей поборниче, победоносче Великомучениче Георгие, моли Христа Бога спастися душам нашим. – Святый Великомучениче и победоносче Георгие, моли Бога о нас! Моли Бога о нас, святый Великомучениче и победоносче Георгие, яко мы усердно к тебе прибегаем, скорому помощнику и молитвеннику о душах наших». – Выходя из молельни, я усмотрел на занавеси две арабские вышитые золотом надписи: «Во имя Бога всемилостивого и всемилосердного», другая пониже: «Занавесь сия в воспоминание пророка Георгия, да будет над ним мир!» Мне указали на лежащий на почетном месте овальный камень, в диаметре в полторы четверти, а в длину в пол-аршина, и передавали, что он служил будто бы возглашением Великомученику при его жизни; говорили о чудотворности этого камня и прикладывали его к нам, для укрепления физических сил. Отсюда нас повели к упомянутому выше источнику. Над ним сооружен изящный каменный балдахин, под которым стоял особый, дорогой прибор для черпания воды. Воспев и здесь тропарь Великомученику, мы в сладость испили холодной и прозрачной как кристалл воды, омочили ею свои очи, головы и грудь. Ниже, к востоку, нам показали равнину – место бывшего

здесь болота или озера, в котором некогда при св. Георгии поселилось чудовище – змей; теперь оно высохло, поросло травою и отчасти кустарниками. На обратном потом отсюда пути, в христианском квартале, нас везде встречали и провожали с улыбкой и приветствием: «Хорош, хорош христиан!» Давиды, видя прижатый к моей груди епитрахиль с крестом, – то и дело подбегали и целовали его и мою руку. В центр города мы проходили мимо длинного ряда мастерских, в которых туземцы-сирийцы сидели за ткацкими станками и ткали руками разнообразные шелковые материи на заказ по известному рисунку. В соборе нас встретил на пороге митрополит Бейрутский Гавриил и просил к себе на кофе; но мы, боясь опоздать на пароход, отказались от угощения, и, получив архиастырское благословение на дальнейший путь, прибыли к своему экипажу, довольные всем виденным.

В 7 часов вечера, при такой же прекрасной погоде, снялись мы с якоря и поплыли на Яффу, – т. е. к последней грани нашего морского, скучного путешествия; это, очевидно, нас всех весьма радовало, хотя по временам и сжималось болезненно наше сердце, когда мы воспоминали о плохой с опасными порогами яффской пристани... На следующее утро мы подъехали к Яффе... Море было неподвижно, погода стояла отличная. Слава и благодарение Всевышнему! Мы боялись, что арабы будут хватать и таскать багаж, а людей как попало пихать и швырять в лодки; но к удивлению, порядок был образцовый! Это случилось именно потому, что русский консул Марабути прислал и лодки, и кавасов за поклонниками; и мы спокойно высадились на берег, заплатив по 20 коп. за место в лодке и по 10 коп. носильщику; приютились же на время в греческом подворье.

Отдохнув час-другой в нечистом и негостеприимном эллинском приюте, мы, горя нетерпением скорее узреть желанный Иерусалим, торопились нанять, – кто мулов, кто ослов, а кто лошадей. Мне опять суждено было, как и в 1875 году, вероятно, за мои грехи, расположиться с своим багажом и ехать в Яффско-Иерусалимской карете – величаемой так туземцами, в насмешку над грубо устроенным мучительным

экипажем. Так как яффскими, донельзя узкими и вплотную набитыми народом, улицами можно только ходить, а не ездить, то мы, осенив себя крестным знамением, в 3 часа дня направили стопы свои за город, по направлению к Иерусалиму, в условленное место, где ожидал нас экипаж. Здесь – на площади, мы увидели громадные кучи продающихся апельсин. Разумеется, мы не преминули вдоволь запастись ими, и для дороги, и для предстоящего сухоядения в продолжительный сорокадневный Великий Пост, тем более, что и цена им в это время была чуть ни баснословно дешевая: лев, т. е. 6 к. за два десятка, на выбор. За городом, по пути, в садах, на апельсинных деревьях виднелось такое обилие плодов, что ветви наклонялись долу, и мы думали, не мираж ли все видимое? Следя далее, мы скоро помчались по прелестной равнине Саронской, покрытой сплошь бархатною зеленью. Впереди нас рисовался очаровательный ландшафт Рамли (древней Аримафеи), с ее стройными, высокими пальмами, минаретами и белокаменными подворьями разных исповеданий, для приюта единоверцев-поклонников, оттененными роскошными рощами инжирных, лимонных и кипарисных рощ.

В Рамле же, пока подкармливались и отдыхали лошади, мы, заслышав заунывный голос муэдзина, сзывающего правоверных на вечерний намаз, в турецкую молельню, порешили во что бы то ни стало проникнуть туда, посмотреть их моленье, и достигли желаемого: видели, как турки, сидя на коленках в своих епанчах и потом приподымаясь, делали беспрерывные поклоны; затем, сложив крестообразно руки и сделав при этом пресмешную гримасу, медленно обходили вокруг зала три раза, перескакивая всякий раз с низким поклоном ковер, на котором сидел их шейх, т. е. начальник города. После этого дервиши, т. е. мусульманские монахи, сбросив свои епанчи, выходили на средину молельни, поднимали руки к небу, и, закинув голову и закрыв глаза, на равном расстоянии друг от друга, вертелись, вертелись по всей зале, и, по данному знаку, с чувством глубокого благоговения кланялись своему настоятелю; это повторялось так же три раза, что означает у них кругообразное течение луны и прочих светил

около солнца, и погружает дервишей в созерцание аллаха. Грустно было смотреть на эти дикие обряды; мы пожалели об этих фанатиках, напоминавших нам наших русских жалких отщепенцев-хлыстов, и поторопились к своему экипажу, — злодейке-карете, которая ту же минуту и двинулась в дальнейший путь.

Настала темная ночь, переменилась и дорога. То мы ехали прежде по равнине, а теперь перебирались с камня на камень по крутым, обрывистым горам. Кругом нас тоже возвышались одни голые исполинские горы, со своими каменными уступами от верху до низу; изредка только, как привидения, попадались навстречу то стручковые, то инжирные деревья; но они более пугали нас, чем разнообразили и оживляли дорогу. Наши четыре поклоннические колесницы ехали одна за другой тихо, торжественно тесной тропой, уныло переваливаясь с бока на бок от глубоких рытвин; пассажиры же и пассажирки, измученные тягостной ездой иочной бессонницей, хранили глубокое молчание, погруженные в таинственные религиозные думы... Тесная тропа! Ах, как она невольно и живо напоминала нам, вблизи земного Иерусалима, трудный и скорбный путь, ведущий в горний Иерусалим — в царство небесное, и заставляла повторять евангельская слова Спасителя и воодушевляться ими: «Входите тесными вратами; потому что широкие врата и простианный путь ведут в погибель, и многие идут ими. А вот тесные врата и узкий путь ведут в жизнь, и немногие находят их». (Мф. 7, 13 и 14 ст.). Да, именно, сколько есть на Руси богатых и знатных людей, и как мало между ними желающих поклониться Гробу Господню и смеющихся даже с тех, бедных и незнатных, которые стремятся к Нему отдохнуть душою от суеты и невзгод мирских, — которые несут последние лепты свои положить в сокровищницы храмов Христовых в тех местах, где Он благоволил так дорого оценить и две лепты убогой вдовицы! Да, эти пилигримы и пилигримки, из которых многие были уже преклонных лет, и наружным видом и горячим сердцем показывали, что они были души искренно любящие своего Господа. Их влекли во Св. Землю не корыстные расчеты,

а любовь к Богу, да великая и приснопамятная Палестинская Святыня!

Но вот и рассвело. После такого трудного восхожденья по каменистым извилинам превысокой горы, из-за масличных, и тутовых, и других деревьев, наконец, показался и тот желанный град Великого Царя, о котором один из путешественников вопрошают своих единоземцев так: «Скажите мне, есть ли другие города, столько уважаемые, чтобы на их развалины ходили плакать и молиться в течение девятнадцати столетий? Какие развалины посещаемы были с большим почтением и благоговением! Все живущие под сению Креста обращают к нему свой взор из всех концов христианского мира. Государе, монахи, архиереи, священники, ученые, знаменитые жены, согбенные под тяжестью лет и юные девы, императрицы, принцы и принцессы и бедные странники идут поклониться святыням его...» Да, это точно был уже воочию священный град Иерусалим!..

Когда мы дошли до небольшого холма, я попросил сопутников своих на время остановиться, чтобы обнаружить пред ними осилившие меня, как христианина и как пастыря – чувства и мысли, в виду Иерусалима и его окрестностей, и взволнованным голосом сказал следующую речь.

«Дорогие мои сопутники и благочестивые поклонники Святой Земли! Остановимся на несколько минут! Радуйтесь, и паки реку – радуйтесь! – Тяжелый и долговременный путь наш, полный всяких огорчений и невзгод – наконец, оканчивается. Вот мы недалеко уже от милого и дорогого сердцу нашему Св. Места, – предмета стольких трепетных дум, тревожных забот и сладких заветных – может быть, для иного и полувековых – мечтаний! Бога уже завиднели в забрала и вершины давно желанного нами Богоизбранного священного града Иерусалима, града Царя Великого, и его окрестностей! Еще несколько минут, и мы, как и многие другие языцы, будем прославлять в нем имя Господне! Поклонимся же издали Св. граду, надем на лица своя, облобызаем с любовью драгоценный прах Святой Земли, прольем радостные слезы, помолимся в глубине сердца каждый, кто как сумеет – и, проникнутые неизреченным

благодарением ко Господу, что сподобились узреть самое место искупления нашего, заветную святыню христиан – Св. Иерусалим, воскликнем все гласом радования: Слава Тебе Богу, благодателю нашему во веки веков!

Да, – благодарение Господу, что за все время нашего плавания ни один из наших сопутников не утонул и не умер. Но, други мои! Если мы не умерли доселе телом, то залегли душою в греховной берлоге, погрязли в болоте страстей, несомненно умерли духовно. Ибо кто может быть без греха, хотя бы и один день прожил на свете спрашивает праведный Иов. Все согрешиши и лишены суть славы Божией. Что день, то у нас и новые беззакония, что ночь, то особенные грехи; что час, то опять и опять новые порочные желания, стремления, и новые мерзкие и неправедные помыслы приливают как волны с каждой минутой. Так кто из нас не разгневался на кого-нибудь? Кто не солгал? Кто не осудил ближнего? Кто не оскорбил другого делом или словом? Редкий из нас непричастен к другим гораздо большим грехам. А ведь все эти грехи ведут к смерти духовной, за них нужно отвечать. Осуждающий ближних и сам подлежит суду; гневающейся на брата человекаубийца есть, по словам Апостола. Кто лжет, тот есть враг Божий, друг и поклонник дьявола, исконного человекаубийцы и отца всякой лжи. Мы кругом виновны: стало быть, и мы с вами мертвцы духовные, умерли душою для добра, ибо от греха душа умирает, хотя и пребывает в теле, т. е. теряет свет благодать Божией, лишается внутренней жизни и всех духовных даров как мира, любви, терпенья, веры, кротости, воздержания и пр. В священном писании эта духовная смерть называется еще сном. Но что делают с сонным, со спящим, когда ему угрожает неминуемая гибель от пожара, от наводнения или оточных грабителей и убийц? Родные, друзья, знакомые, соседи спешат предупредить его об опасности – разбудить, и если глаза его слишком отяжелели от сна, и он упрямится, то употребляют разные средства, чтобы привести его в сознание опасности своего положения. Душа наша тоже спит, и спит крепко, смертельно, спит и не чувствует, что над ней собираются угли огненны. Ее будят голосом Евангелия родные – Св. Церковь;

благими внушениями друзья – Ангелы-хранители; своими поучениями и добрыми советами знакомые и соседи – Пастыри и Учители, – и если она не внимает им, то они угрожают ей вечною гибелью. Мы с вами, плывя в Иерусалим, более заботились о сохранении тела, нежели о спасении души, и, по милости Божьей, избежали болезней, бурь и подводных камней. Позаботимся же хотя теперь о нашей бедной, больной и замирающей душе, – и со слезами и горьким плачем скажем ей так: Душе моя, душе моя! что ты спишь? Встань, пробудись, посмотри, чем ты была, и что стала? Вышла ты из купели крещеная чистою белою голубицею, а теперь стала плотоядным черным враном. Что ты спишь? Се ныне время благоприятно, се ныне година для твоего делания, для твоего спасения, – година такова, каковой, быть может, уже и не будет после. У тебя теперь столько побуждений и столько счастливых случаев для твоего возрождения, для получения новой благодатной жизни, как ни у кого из твоих присных. Встань же, пересиль себя, приободрись, разглядись, где ты находишься. Ведь это уже Обетованная Святая Земля – жилище Божие. Вот вправо – Вифлеем, место, идеже Сын Божий нас ради человек и нашего ради спасения сшел с небес, воплотился от Духа Святаго и Марии Девы и вочеловечился; – вот прямо св. град Иерусалим, в котором Он, безгрешный, распят за нас при Понтийском Пилате, страдал, погребен и воскрес в третий день, совершив наше спасение, а за ним св. гора Елеонская, с которой наш Спаситель вознесся от земли на небо и сел одесную Бога Отца, чтобы и нас, если мы не оставим Его, спосадить с Собою в царстве вечной славы Своей, а внизу оной – Гефсиманская усыпальница Обрадованной и во успении своем нас не оставляющей своею молитвою и всегдашним предстательством у престола Сына Своего, за грешников! Места в высшей степени священные! Не дремли же, душе моя, освятись и сама! Умерти земные похоти и страсти: блуд, зависть, любостяжание, пьянство; прекрати: непотребство, вражду, ссоры, гнев, распри, ненависть, соблазны и тому подобное. Сбрось с себя эту греховную одежду. На сих святых местах не прилично, срамно ходить в ней. Ты теперь будешь гостить у Христа, Бога твоего:

облекись же и сама в одежду Христову, чтобы быть Ему угодной и приятной, – оденься в праведность и святость добрых дел, старайся быть такою же кроткою – каким был Христос, столь же милостивою, смиренною, доброю, терпеливою, любвеобильною; идти таким же прискорбным путем и узким, каким Он шел; во всем теперь подражай Христу, а не миру, а не плоти, а не дьяволу. Ты и так долго и усердно работала врагу-губителю, – пора, пора начать от всей души служить Господу-Спасителю! Ибо, если здесь – на месте твоего искупления, во Святая Святых, не проснешься, не очувствуешься, то когда и где ты, окаянная, это сделаешь?

Други мои! Не унывайте! Ободритесь! Оградив себя крестным знамением, с дерзновением, веселыми ногами пойдем во св. град: ибо нет на свете греха, которого Господь не простил бы. Дадим только обет пред лицом Иерусалима, все грешное оставить за вратами его, а когда милосердный Господь сподобит нас посещать святые места искупления нашего, будем проливать побольше покаянных слез, очистим себя исповедью, искренним сокрушением о всех грехах, содеянных нами до сего дня. Попросим у сладчайшего Спасителя помочи преодолеть нам душевный наш сон, чтобы оный не смежал на будущее время наших духовных очей. Крепко, до конца возлюбил нас Христос, так что предал в Иерусалиме Самого Себя за нас на смерть; не будем же и мы оставаться бесчувственными, но возлюбим Его всею душою; будем верить в Его искупительную жертву, – и преискренне и не раз приобщимся Его пречистого Тела и честной Крови, и на Голгофе, и на Живоносном Гробе Его, во оставление грехов и в залоге жизни вечной. Тогда бедная душа наша, подкрепляемая этою небесною пищей, оживет, окрепнет и не узрит смерти вовеки.

Иерусалиме, Иерусалиме, Граде Святый! Прими нас, дальних пришельцев с севера, пришедших на поклонение нашему и твоему Господу, прими под свой теплый и благодатный кров и покой нас в мире в священных недрах твоих, доколе мы воздадим Господеви обеты своя! Ты же, Боже, Спасителю, не даждь нам в Твоей Святой Земле уснуть во греховной смерти, и лежащих нас в душевной лености, ускорив

возстави и по сне греховнем возсияй для нас дни безгрешные и спаси нас! На спасения стези настави нас, Богородице, студными бо окаляхом души наша грехами, и в лености все житье иждихом, но Твоими молитвами избави нас от всякия нечистоты! Аминь».

Речь эта произвела на моих сопутников потрясающее впечатление. В самом деле, возможно ли было удержаться от слез святой радости и умилительной скорби там, где все ознаменовано и освящено великими деяньями нашего Господа-Спасителя! Где Господь светом святейшей жизни Своей и спасительными заповедями светил просвещением нашей жизни! Где он совершил за нас всякую правду, не щадя Своих сил и трудов! Где Он пролил Пречистую Кровь Свою, во очищенье грехов наших и совоскресил и нас с Собою – мертвых от века, и где ниспослал Утешителя, Духа Святаго для вечного сопребыванья с верующими в Церкви Христовой к Ее освящению! Словом, там, где нельзя сделать ни одного шага, не почувствовав сильного биенья в сердце!

Предместья Иерусалима против 1875 г., когда я был в первый раз в нем, значительно расширились и благоукрасились изящными европейскими зданьями и красиво разбитыми скверами почти на целую версту, и поэтический ландшафт этой предъиерусалимской местности с длинной улицей приятно поражает и ласкает глаза, после всего того, что европейский путник видел и испытал печального и неприятного на азиатских морях в продолженье десятидневного плаванья и остановки в некоторых портах.

Но вот зданья нашей Русской Иерусалимской духовной миссии и самый Иерусалим. Нет чувства в свете, которое могло бы сравниться с тем, какое после трудного пути ощущает путешественник, приветствуя Иерусалим. Дивны дела Твоя, Господи! Я опять в Иерусалиме. Не верится, что все это наяву со мною происходит. Мне теперь так легко и хорошо! О, сладчайший мой Спаситель! Благодарю Тебя за новое утешение в моей жизни. Я верил, я надеялся, что Ты пошлешь мне утешение, и Ты успокоил меня, Ты утешил меня, как отец родное, любимое дитя. Величаю Твое великое милосердие,

благодарю и паки благодарю Твою безмерную милость, преклоняюсь пред Твоими неисповедимыми судьбами и в избытке умиления покланяюсь, повергаюсь долу душою и телом пред всеми святыми местами Св. Града, где стояли пречистые нозе Твои!

Чрез несколько минут мы очутились у калитки нашего миссионерского двора и консульства, и когда мы слазили с своей пресловутой Яффской кареты, послышались приветствуя привратника: здравствуй, Московь! здравствуй, знаком! Здесь мы, у ограды застали несколько десятков богомольцев и богомолок, раньше нас пришедших и ожидавших расквартирования. От них мы узнали, что в постройках Миссии нет уже ни одного свободного места для новых пришельцев, так как все номера заняты более, нежели 2000 душ. Это несколько нас опечалило, ибо в таком разе пришлось бы искать квартиры там, где и душа не желает не только жить, но и вблизи ходить. Кстати, заметим здесь, что наши богомольцы нередко приходят на поклонение святыням Палестины, для говения и для встречи и празднования светлых дней Пасхи, в январе, в феврале, и даже в марте месяцах, и этим поздним приходом во Св. Землю сами причиняют себе множество неприятных хлопот и невзгод. Лучше всего распределять свое путешествие из России в Палестину так, чтобы праздновать на месте особенно и высокоторжественно целую почти неделю здесь чествуемые всеми вероисповеданиями и даже турками праздник успения Богоматери, с перенесением крестным ходом Ея богатой плащаницы из города в Гефсиманию, и с пением в честь Ея погребального канона, подобного тому, какой у нас вычитывается в Великую Субботу перед изображением Спасителя, лежащего во гробе, – так же праздновать день Воздвижения Животворящего Креста, на месте его обретения, и затем провести в духовной радости и веселье Рождественские Святки в Вифлееме и на Иордане. Раскаиваться в этом ни в каком случае не придется; напротив, у каждого за такой маршрут будет удобная квартира и – время это самое удобное, совершенно достаточное и для беспрепятственного и усердного

выполненья подвигов молитвы и поста, и для многократного поклоненья святыням и ознакомленья с ними.

Но возвратимся к прерванным строкам. Поименованный привратник с моим калабалыком, провел меня в отделенье миссии для богомольцев из духовных, и я был так необыкновенно счастлив, что в постройке оказался здесь незанятым только один из сотни номеров, как бы нарочито кемто для меня заказанный и приготовленный. Мало этого, когда я пошел к начальнику нашей миссии представиться, то он пожелал видеть мое помещенье, и, нашедши его не совсем удобным, перевел в квартиру выбывшего члена миссии, из двух комнат, – обставленную всеми удобствами наших помещений, каковой в эту пору не имел ни один из наличных богомольцев. В этом, равно как и во всем благополучном путешествии по водам в такое бурное время года, я признал благодеющую мне руку Верховного Промыслителя, и мысленно в благодарных чувствах облобызal ее, повергшись долу. Это было на масленице, 18-го февраля, в среду.

В тот же день я был одним из приглашенных к обеденному столу о. настоятеля упомянутой Иерусалимской Миссии. Было обращено внимание на то, что между посетителями Святой Земли нередко встречаются личности неблагонамеренные, с предвзятыми целями, далеко не религиозного свойства. Подличиною благочестья и под покровом агнчего незлобья, владея разными языками, они в качестве корреспондентов рыскают по подворьям разных вероисповеданий и консульств для собирания разных материалов для своих мемуаров, в которые без всякого разбора, без всякой проверки, вносят все, что только ни сплетут ненавистники всего русского. Они выносят на свет Божий из избы, их приютившей, обогревшей и накормившей, такой сор, такой зол глагол – лжуще, что совестно и читать, и слушать, к посрамлению своего же родного русского имени и ничем не заслуженному бесчестью неповинных здешних деятелей и духовных, и светских. Благодаря наветам подобных туристов, в недавнее время консульство наше, было, лишилось самого доступного и благонамеренного консула К., духовная Миссия чуть не была

предположена к закрытию, а авторитетный ее настоятель предназначен к немедленному перемещению, чего давно алчут и жаждут враги православья, которое здесь только и поддерживается русскими влияньем. Только случайное прибытие из России одного высокопоставленного лица в Иерусалим изменило ход дела, к великой радости всех благомыслящих.

На следующий день, в 6 часов утра, я пошел ко Гробу Господню, и застал на Голгофе литургию, которую совершил один из греческих архиереев. – По окончанье обедни, я приложился к страшному месту водруженья Креста Христова; прочитал два раза акафист Страстям Господним; затем спустился в кувуклию. Многократно лобызал я божественное ложе Искупителя, читая там акафист Воскресению Христову. Я со слезами обошел все Святогробские святыни. Любовался я украшеньями храма, сделанными по случаю празднованья восшествия на престол Всероссийского Императора Александра II-го. Вместе со мною вошли в кувуклию, размахивая руками, пять англичан-туристов, и, как видно, из высшего круга. И здесь, как и при других святынях храма, сколько я заметил, они ни взором, ни движеньем, ни устами не высказали благоговенья, ни умиленья, ни страха, и вели себя точно во время гуляния на бульваре; хотя вожатый видимо силился заинтересовать их и расположить к молитве, но они все-таки быстро переходили от одного священного предмета к другому, из чего можно было заключить, что их вкус и сердце испорчено другими неподобными виденьями. Затем, выскочив из храма, они, как вихрь, помчались на арабских скакунах, к разбитым своим палаткам, близь иерусалимских стен...

По выходе из Святогробского Святилища, по пути к Миссии нашей, я встретил вновь идущих и едущих богомольцев из разных стран Востока. Здесь были греки, армяне, абиссинцы, сирийцы, копты, сербы, черногорцы, молдаване, болгары и даже евреи и турки. Арабы и евреи шли праздновать свою пасху, а мусульмане – к своим празднествам, обыкновенно приурочиваемым к христианской пасхальной неделе. Восточные пилигримы обыкновенно приходят большими партиями, и идут

иногда целыми семьями, со множеством домашних и дорожных принадлежностей и припасов, как-то: с посудой, с подушками, одеялами, коврами и пр. Иной трудится десять-двадцать лет, чтобы иметь возможность совершить хотя одно благочестивое странствование к святейшему месту Искупления, и израсходует иногда на дела благочестия все приобретенное долговременным трудом. Богомольцы, смотря по тому, из какого они народа и веры, идут сначала в свой монастырь или подворье, а потом приискивают квартиры на все время пребывания своего здесь, – или у своих единоверцев, наймом которых (квартир) промышляют и поддерживают свое существование большинство разных учреждений, или – у туземцев-горожан.

Посещая затем неоднократно Голгофу, я у Креста Господня однажды выслушал проповедь о Кресте, содержание которой мне очень понравилось, а потому считаю не лишними сделать из нее краткую выдержку. «Посмотрите, – говорил проповедник, указывая на стоящий Голгофский Крест, – посмотрите, как этот Крест – поносное наказание, определенное для рабов, торжествует над людским к нему презрением; с помощью проповеди апостольской растет более и более, утверждается на верху храмов, украшает венцы царей, делается прекраснейшими убранством для женщин, предносится во всех торжествах Церкви, воздвигается на алтарях, на гробницах, на распутьях дорог, в руке священника утешает умирающего, предшествует народу, когда он идет молить Всевышнего о плодородии полей, стоит у изголовья твоего ложа, и равно честен, сделан ли из золота или из дерева, осыпан ли алмазами или составлен из оливковых косточек; на больших дорогах, на краю пропастей, построенный грубо из сосновых обрубков, крест обозначает скоропостижную смерть путника и напоминает прохожему, чтобы помолился об упокоении души несчастного. Крест служит границею земледельческих полей; крест, обсаженный деревьями, обросший травою, приемлет простые, но теплые молитвы матери семейства, вдовы и детей ее, слышит их вздохи, видит катящаяся слезы... Крест есть великая книга, в которой искуснейшие проповедники почерпают

красноречие свое; плачущий страдалец обращает к нему взор свой; мореходец, гонимый бурею, ждет на дальнем берегу спасительного Древа – Знамение Искупления человеческого. С Евангелием в одной руке и с Крестом в другой, апостолы озарили мир светом Божественным, покорили его закону любви, призвали к наследию вечной славы».

В феврале месяце в Палестине весна, а потому Иерусалим в эту пору прелестен. Везде почти, как бархатный ковер, разостлалась зелень травы, хлебных злаков и цветов. В Гефсимании и в долине Силоамской на смоковницах развернулись листы, раскидались зеленые ветви царетонии, мирта и теревинфа; на скате горы Сионской зацвели абрикосы, между камнями виднеются фиалки; иссоп пробивается из трещин утесов; лист на маслине сделался зеленее, а в нашей Миссии миндальные деревья были в полном цвету. Весна силится повсюду оживить мертвую природу Иерусалима, но все-таки здешняя весна далеко не ровня нашей украинской: здесь нет наших лугов, наших ручейков, журчащих по свежему дерну, не слышно, чтобы соловьи и другие певчие птички пели гармонический гимн весенней красе, лишь нисколько горлиц печально воркуют на высоких деревьях Сионского армянского монастыря, вблизи развалин домов Анны и Каиафы, да изредка пролетит воробей с ношей в клюве, т. е. со строительным материалом для жилища будущей семьи.

19 числа, в 8 часов вечера, полился сильный дождь, со страшным грохотаньем и ударами грома и градом, и продолжался почти до рассвета. Чрез скважины окон, в мою квартиру налилось много дождевой воды, и я мог делать переход из одной комнаты в другую не иначе, как по стульям и диванам. На следующий день утром выпал чисто русский снег в 1/4 аршина и пролежал до обеда. Я думал, что он причинит много вреда цветущим нежным деревьям, миндальным и др., а равно и красующимся цветникам, но они казались еще привлекательней после такой неожиданности.

Под неделю Сыропустную я пошел на всю ночь ко Гробу Господню, и пред оным опять читал акафист Воскресению Христову, а потом к великому духовному утешению моему, в 12

1/2 часов ночи, слушал литургию в самой кувуклии. О, если бы вы знали, как сладостно для души проводить ночь в этом таинственном всемирном храме, где всякий час и даже минуты оглашаются молитвенными воплями и духовными песнями служащих или поклонников! Пенье греческого инока, органы католических монахов, молитва армянского отшельника, цимбалы абиссинского священника, плач коптских монахов и мелодическое пение русских богомольцев и богомолок – попеременно или все вдруг поражают ваш слух. При обширности храма и при множестве приделов не знаешь, откуда слышится этот концерт, обоняешь благовонный запах фимиама, не видя руки, которая сожигает его; только и увидишь, как промелькнет и исчезнет в ночном полумраке служитель Божий, который идет воспоминать страшные Таинства или событья на тех самых местах, где они совершились...

Стоя в кувуклии, я в первый раз усмотрел в приделе Ангела, вытесненные по бокам входной двери цифры 1808–1810. По наведенным справкам оказалось, что это первою группою цифр обозначен год страшного пожара, бывшего во храме Воскресения и часовни Гроба Господня, а второю – год возобновления их. В Святогробских летописях об этом так говорится: «Утро 12 октября 1808 года было самое ужасное; при одном воспоминанье о нем, вопль горести исторгается из сердец самых холодных, самых нечувствительных. Православные, паписты и люди всех исповеданий чувствуют горесть; плачут и житель Востока и житель Запада..!

В ночь с 11 на 12 октября, около трех часов утра, огонь сперва показался в часовне армян, находящейся на террасе большой церкви Святого Гроба. Помощник ризничего у латинских монахов, ходивший по обыкновению осматривать лампады в кувуклии и на Голгофе, первый увидел пламя и побежал искать помощи. Но быстрое распространенье огня делало всякую помощь бесполезною, и когда спавший при храме народ сбежался, то пламя охватило даже армянский придел, кельи армян и греков, коих часть построена была из сухого дерева, выкрашенного масляною краскою. Монахи, после совершенья полуночной службы, пошли на покой.

Пробужденные страшным криком в храме, они, несмотря на тысячи опасностей, бегут на пожары... Дверь заперта. К довершению их отчаяния, пламя, выходившее из галереи греков, армян, сириан и коптов, начало угрожать и куполу большой церкви, устроенному на огромных балках, покрытых свинцом и поставленных отвесно под часовней, в которой находится Святой Гроб. Эти балки были привезены с большими издержками с гор Ливана в начале прошлого столетия, когда государи христианские воздвигали этот купол, — истинно мастерское произведение зодчества, по своей высоте и смелой постройке. Все бежали... одни монахи оставались, и, не имея у себя необходимых инструментов для разбития двери, старались проникнуть в небольшое окно, чтобы дать знать о пожаре живущими в монастыре Св. Спаса и чиновникам турецкого правительства. Молодые арабы-христиане бросаются во внутренность и борются с пламенем, чтобы спасти хоть что-нибудь, но в эту минуту огонь достигает купола алтарей Пресвятой Богородицы, и... церковь походит на огромную плавильную печь... Вскоре столбы рушатся с треском; а за ними своды и колонны, окружающее Св. Гроб, — и все заливается свинцовым дождем; огонь был так силен, что самые толстые мраморные колонны раскалывались на несколько частей. Тоже случилось с полом и мрамором, которыми обложена была часовня Святого Гроба. Наконец, часов в пять или шесть, с ужасным треском рушится большой купол и увлекает за собою все большие колонны и пилястры, которые еще поддерживали галерею греков и жилище турок, находившиеся возле купола. Св. Гроб остается погребенным под огненною горою, которая, казалось, уничтожила его навсегда, церковь представляет ужасное зрелище... Но кувуклия Святого Гроба, находившаяся под самым куполом, следовательно, в центре огня, чудесно сохранилась, хотя верхи и бока оной значительно повреждены от падения купола, а часовня, принадлежащая коптам и прилегающая вплотную к самой кувуклии, обращена в пепел. Сохранилась в часовне Гроба Господня даже шелковая и бархатная драпировка и превосходная картина Воскресения, писанная на полотне, даже — и лампады.

В шесть часов ярость пламени начала утихать. На следующей день, когда можно было разобрать обгорелые камни, все поражены были удивлением: снятый камень Помазанья, который почитали сгоревшим, не потерпел ни малейшего вреда; не погибло ни одного человека. Немногие только монахи были ранены и ушиблены.

Это несчастье не поколебало веры христиан; напротив, усилило ее... На другой день монахи совершили Божественную службу на Голгофе, но служба шла медленно... Всеобщие рыданья заглушали слова молитв, и, несмотря на развалины, которыми они были окружены, служба прошла в совершенном порядке; монахи ходили по обгоревшими камнями и усерднее и пламеннее прежнего славословили Всевышнего!..

Все поврежденное в храме и в кувуклии возобновлено на прежнем основанье и по старому плану стараньем греков, и отчасти армян, а к 1810 г. храм был совершенно готов.

Продолжаю, однако, свои записки.

Масленица Иерусалимская прошла тихо, без обычных блинов и вареников, которых здесь негде и приготовлять. Невидно было и той мирской суеты и того домашнего и уличного безобразничанья, которое от времени вошло у нас в обычай. Если где, то именно здесь Сыропустная неделя есть не номинально, а на самом деле – канонически приготовительная седмица к святой душеполезной Четыредесятнице.

Первую неделю великого поста мы все, русские богомольцы, предположили говеть в церкви нашей миссии, и, когда возможно и удобно будет, проводить ночное время в греческом храме Воскресенья – на Голгофе, у подножья Креста Христова и в кувуклии – у Живоносного Гроба Господня.

В нашем Троицком соборе в теченье первой Великопостной недели время служб церковных так было распределено: в 6 часов утра – заутреня; в 10 час. – часы; в 4 часа – повечерье. Утром, пользуясь двухчасовыми промежутками между богослужениями, я каждый день ходил в Иерусалим, для поклоненья Святогробским святыням, а равно и вечером для того, чтобы сильнее возбудить в себе покаянные чувства, на

страшном месте принесенья за нас грешных искупительной Жертвы.

В день, назначенный церковью для очищенья грехов, т. е. для Таинства Покаянья – в пятницу, – я, пригласив русского духовника, о. Вениамина, пошел с ним ко Гробу Господню, и здесь у подножия Креста, водруженного на Голгофе, принес покаяние.

На следующий день, я, в сослужении трех иеромонахов, удостоился вкусить Бессмертного Источника Жизни, что слишком благотворно повлияло на мою душу, иссохшую от духовного глада; а в полдень ходил я в церковь Воскресения смотреть на торжественный обряд освящения хлебов греческим духовенством, накануне недели Православия. На площади перед храмом стояло уже множество народа, в том числе и турецкая стража с ружьями, человек до 200. Когда ударили во все колокола, то сначала начал свое шествие в церковь латинский патриарх. На нем поверх была коротенькая шинель и черная шляпа, обложенная по краям серебряным позументом: восемь кавасов с огромными булавами по два в ряд шли впереди, раздвигая толпу. По приближении его ко храму, турецкое войско отдало ему честь ружьем. При входе в церковь, с него сняли шинель, сапоги и шляпу, а взамен надели вышитые золотом туфли и белую рубашку, в роде нашего подrizника, мантию фиолетового бархата с длиннейшим хвостом и с горностаевым воротником в 1 1/2 аршина, который ниспадал по плечам. Поверх был возложен золотой крест на длинной цепи, голова же покрылась небольшою шапочкою. Недалеко от дорога выстроился служебный папистический персонал в таком порядке: 8 бискупов, пред ними два мальчика: один держал блюдо с крестом, а другой – с водою. Пред лицом самого патриарха три церковника держали большой крест с утвержденной вверху его хоругвью и два светильника; за ними стояли попарно до 40 патеров, – затем 20 юношей в белых рубашках с зажженными свечами, опять крест, потом 20 мальчиков в таких же рубашках и со свечами и, наконец, кавасы. Окропив себя водою при целовании креста, католический патриарх подошел к камню Помазания и, покадив

его, стал пред ним на колени и молился; затем, в присутствии означенных лиц и священных предметов, направился к кувуклуи, а мальчики и юноши, развернув нотные книжки, пели на пути разные гимны. Громадный же оркеструон немилосердно ревел все время, пока патриарх, взошедши в кувуклую, изливал там свои молитвенные чувства. Наконец, он пошел в свои латинские приделы, и там началась вечерня.

По окончании этого богослужения, дан был сигнал, что идет – греческий патриарх. Вышли и к нему навстречу греческие архимандриты и священники, – все с евангелиями в руках, одни церковники с крестом, десять мальчиков в стихарях, препоясанных по-иподиаконски орарями и с рипидами в руках, дьяконы со свечами и кадильницами, а архидиакон с жезлом. Патриарх явился в храме при колокольном звоне, в сопровождении 6 кавасов, украшенный двумя панагиями и русским орденом со звездою. Приложившись к камню Миропомазанья и помолившись в кувуклии, он, в сопровождении означенных лиц и свящ. предметов, пошел в храм Воскресенья, причем постоянно во все стороны благословлял народ напрестольным ручным крестом. Народу же разных наций во храме была масса, – от пола церковного до самого купола во всех галереях как битком набитые стояли и жались: болгары, сербы, армяне, французы, англичане, греки, арабы, турки, но более всего было русских. Остановившись у царских дверей, патриарх после краткой молитвы пошел под настоятельский балдахин и там сел. Чрез несколько минут явились к нему наместник Святого Гроба и чередные служащие. Делая метанья в землю, они получили благословенье. Пред началом вечерни в течение получаса церковники усердно били в разные била, доски, тарелки и звонили колокольчиками, привешенными в среднем ярусе иконостаса; били они по нотам и, как видно, по особой программе, что производило довольно приятные звуки. В это же самое время католики, как нарочно, неутомимо играли на своем органе... По окончанье клепанья в била, священники возгласили начало вечерни, а Патриарх, стоя под балдахином среди церкви в мантии, сам начал читать девятый час – по-гречески, наизусть. При этом дьяконы,

облеченные в стихари, кадили церковь, имея на плечах богатые ладоницы, поставленные на нарочито устроенные роскошные бархатные нарамники с вышитыми на них золотом изображением Воскресенья Господня. Ключарь шел впереди их и из драгоценного сосуда окроплял народ ароматами; турецкая же стража стояла для порядка от алтаря до самой кувуклии. Пред вечерним входом все священники, а их было не менее ста, подходили попарно к патриарху, и падая к нему в ноги, получали благословение от него для облачения на вход и литию. В числе их был и я. По входе служащие остались среди церкви и пели песнь «Свете тихий», по окончании чего, все поклонились патриарху и возвратились в алтарь. По ектеньях розданы были зажженные свечи дьяконом и священником, и мы все вышли в прежнем порядке на средину церкви для благословения хлебов. Пред царскими вратами поставлен был стол, и на нем прямо положены пять больших хлебов, похожих на нашу двадцатикопеечную булку, а над ними подсвечник с семью свечами. Ектеня читалась частью по-гречески, частью по-русски, а священники пели то – «Кириеэлейсон», то – «Господи, помилуй». Патриарх же в клобуке, имея поверх мантии епитрахиль и омофор, стоял сбоку нас в своей форме, и там же читал молитву и оттуда же благословлял хлебы. Елея и вина при этом не было. По окончании литии и разоблачении, ризничий разносил и давал служащим по кусочку благословенного хлеба, и затем мы все разошлись по домам; армянский же Патриарх пришел и начал совершать свою всенощную в своем приделе.

Кстати заметить, что у греков всенощной в таком виде и порядке, как у нас, никогда не бывает. У них только первая часть всенощной, т. е. вечерня и благословение хлебов, совершаемое всегда с вечера, в 3 часа, бывает высокоторжественна, а затем утром, отдельно продолжается вторая часть всенощной совершенно по-буднему, – одним священником; читается только утреннее Евангелие в алтаре, а выноса иконы, кждения и помазания елеем не бывает, да и помазывать нечем, так как елей у них при благословении хлебов не освящается, как я заметил выше. Замечу также и то, что

носящий фиолетовую камилавку считается у них почему-то за певчего. Благозвучное пение наше называют они театральным, а свое – гнусливо козлогласование – лучшим в мире. О вкусах, конечно, не спорят, но все же приятное можно, кажется, отличить от неприятного.

От сильной бури и дождя, а также и в виду завтрашнего раннего служенья с патриархом, я почти целую ночь не спал, и с окна своей комнаты восхищался видом креста над куполом Гроба Господня, – креста, украшенного разными огнями, который издали в ночной темноте казался составленным как бы из звезд и распростертым в воздухе на далекое пространство. В 4 часа я уже был на ногах и, немедля, при страшной буре, дожде и темноте, один-одинехонек пошел ко Гробу Господню; но обедни на Голгофе уже не застал. Народ после ночного бодрствования во многих местах сидел и спал. Пользуясь этим и ночную тишиной, я без помехи с чьей-либо стороны и в спокойном духе молился, сколько жаждала моя душа. Начало светать, прибывали массы народа и занимали места во всех ярусах храма, от низу до купола и даже на галереях иконостаса; а внизу, когда я шел от места обретения Животворящего Креста, было уже так много людей, что, как говорится, не только яблоку негде было упасть, но даже – и горошинке. Так как во храм очень мало проникает солнце, то он весь от купола до основания был залит разноцветными огнями, в особенности дивно расцвечена была огнями кувуклия. Признаться, греки мастера устраивать церковные иллюминации. О, если бы они были так искусны и в пении!!

Когда я пришел в алтарь, там собралось уже великое множество духовенства греческого, арабского, сербского и русского, к которому примкнул и я. В 6 часов утра, а по-восточному в первый час дня, начался звон к литургии. Патриарх, встреченный при входе во храм только одною святогробскою братией, приложившись к камню Миропомазания, прошел боковым скрытым ходом прямо в алтарь. Поздоровавшись здесь с архиереями, которых было четыре, поцеловавши потом Св. Престол и поклонившись всему духовенству, он сел с архиереями на диванчике, возле царских

врат. Мне душевно желалось в нынешний раз служить с патриархом, но я, по краткости времени, не успел взять у него разрешительного фирмана, о чем и сообщил архиакону-драгоману, а этот русскому духовнику – преосвященному Епифанию, который прямо сказал мне, что без билета вам служить нельзя; впрочем, я доложу Патриарху, а вы будьте недалеко от меня. Чрез несколько минут меня пригласили к нему, и он благословил меня служить. Во время клепания повчерашнему в била, Патриарх, облачившись в мантию, вышел из алтаря и сел под настоятельским балдахином, а четыре архиерея, ставши пред Царскими вратами, читали входные молитвы, после чего начали облачаться в алтаре. В это время все, готовившиеся служить литургию, подходя попарно к Патриарху, получали благословение на служение и облачение, и, не читая входных молитв, шли прямо в ризницу. Здесь каждый по списку получал на руки священные одежды своего сана, от самого святогробского наместника. За сим патриарх подошел к открытым царским вратам и ему начали читать входные предлитургийные молитвы, по окончании которых, осенив народ свечами, он взошел на средину церкви на уготованный амвон. Началось облачение его; архимандриты, игумены и священники из старших по заслугами несли: один из них подrizник, другой – поручи, третий – епитрахиль, четвертый – палицу, пятый – пояс, шестой – саккос, седьмой – омофор, восьмой – одну панагию, девятый – другую, десятый – наперсный крест, одиннадцатый – орден Св. Анны, двенадцатый – гребенку, тринадцатый – это был наш о. архимандрит Антонин – митру. Во время облачения пели обычное «Да возрадуется». Часов не читали; они у греков вычитываются в келье. Пред началом литургии вышли на средину церкви к патриарху четыре архиерея и шесть архимандритов; священники же, – до ста душ, оставались в алтаре и только на малом входе все явились на средину. По входе в алтарь, с патриархом рядом стало два митрополита, два епископа, 6 же архимандритов заняли места с боков престола, а остальные служащие разместились в беспорядке, как попало, толпой, по алтарю, и тут же теснился народ разных

наций, так что нас, служащих, то и дело, что толкали. Апостол и Евангелие читались на четырех языках: греческом, арабском, славянском и турецком почти целый час на особо устроенной кафедре, в среднем ярусе иконостаса, лицом к народу. Патриарх во время чтения апостола восседал на горнем месте, на высоком амвоне, а на ступеньках его, на поданных бархатных подушках сели архиереи; остальное все, за неимением возможности сесть, стояло. После сугубой екtenы, сейчас же началась херувимская песнь, во время которой кадил престол, служащих и весь народ сам патриарх, имея в правой руке кадильницу, а в левой жезл. По окончанье молитвы, положенной для чтенья во время пения Херувимской, святогробские наместники начали раздавать священникам священные предметы, для несения на великом входе: одни – получали напрестольные кресты, другие ковчеги со св. мощами, третья иконы; мне пришлось нести ковчег с мощами. Когда выдавались из ризницы эти святыни, я упросил ризничего позволить приложиться к Кресту, в котором заключена частица от подлинного Животворящего Древа, и приложился, отчего душа моя исполнилась необычайной радости и утешенья. Этого Креста никому не давали для выноса, вероятно, из опасенья всяких случайностей. Дискос и Св. Чаша, во время несенья, вместо воздушков, были накрыты золотыми крышками, с крестиками вверху, вероятно из боязни, чтобы во время хода, от тесноты и волненья народа, а вследствие этого и могущего произойти невольного, но опасного толчка, не ссынулась и не упала бы на пол под ноги какая частица и не пролилось бы вино; а, быть может, это были прямо металлические покровы вместо сделанных из материи. Я в первый раз в жизни видел это в православных храмах. Священники все вышли из алтаря, а патриарх и архиерей остались на своих местах. Затем, вышедши из алтаря и, взявши искос у архидьякона, патриарх помянул по чину; потом, по принятии Св. Чаши, прочитавши положенное по типикону, он поочередно передавал архиереям потир и, когда каждый архиерей поминал его имя, он повергался на землю и лежал несколько минут, смиряя свое недостоинство. Поднятый в четвертый раз дьяконами, он принял Чашу от

последнего архиерея и помянул весь духовный и мирской чин. На «Верую» архиерей, облобызав Дары и престол, подходил к патриарху и целовал его в плечо и в руку, а он их – в голову; архиерей друг с другом целовались в уста, а священники – Патриарха и архиереев целовали в руку. По окончании лобызанья, Патриарх положил голову на престол, а архиерей веял над ним воздухом. Символ веры читался в царских дверях лицом к народу, по окончании чего, завеса была опущена и оставалась так до пенья «Достойно есть яко воистину». Остальное Богослужение совершалось обычными порядком. Когда патриарх приобщился, тогда архиереи поочередно подходили и каждый сам приобщался; священникам же Св. Тело раздавал архиерей, одною рукою подавая частицу, которую принявший сейчас же и потреблял, а в другой – держал губу, для отирания ладони; другой же архиерей подавал Св. Чашу с Кровью, и таким образом мы скоро приобщились. Во все время служения литургии никто из греков не имел у себя отдельного молитвенника, исключая патриарха, который громогласно для всех служащих читал положенные молитвы: только мы, русские, имели каждый в руках свои служебники. Кстати замечу, когда пелась «херувимская», началась встреча латинского патриарха, доносился оглушительный стук в доски, звон в колокольчики, трепанье в била, рев органа и театральные трели итальянских заоблачных теноров; затем, когда пели «свят, свят, свят Господь Саваоф», последовала встреча армянского патриарха и опять клепанье в доски и била и звон в колокола при невыносимом визге состоявших в процессии мальчиков, что много мешало внимательной молитве и развлекало собранные во едином чувстве. Таким образом почти разом шли три обедни, совершаемый патриархами трех вероисповеданий: православным – посреди здания, в Воскресенском храме, латинским – сбоку, налево, а армянским – на правой стороне в своих отделениях, визави друг другу, и каждое силилось пред другим чем-либо себя показать и превзойти, – то ничем, то особенностью звона, то богатством и блеском священных облачений и церковных принадлежностей, то количеством служащих и прислужников, и как бы этим

говорило — особенно латины — поклонникам других исповеданий: что вы-де смотрите там у греков и армян, у нас лучше всех — идите к нам! Но все это — и звон в колокола, и серебряные колокольчики, и бряцание в тарелки, и стучание в доски, и гул органов, и чтение и пение на разных языках и разными народами и племенами, но под одним сводом, несмотря на хаос, на смешение, на дикий диссонанс, производило на душу впечатление потрясающее, — то, чего нигде в другом месте вселенной не услышишь, не испытаешь и не увидишь... и это схватить и описать, как следует, пером не сможешь.

По окончании литургии начали готовиться к крестному ходу, к которому прибыло много священников и дьяконов, не участвовавших в богослужении, — все они облачены были в одинаковые с нами белые шелковые с малиновыми разводами ризы и стихари, каждому священнику была дана из ризницы свеча и икона, с которыми он и должен был шествовать в священной процессии в честную память восстановления иконопочитания; у некоторых же священников к этому присоединены были и букеты цветов; так было и у меня. Нас подарили цветами добрые иерусалимлянки во время крестного хода. По окончании обедни священная процессия вышла по направлению к кувуклии в таком порядке: 150 священников по два в ряд; с хоругвями шли вперед, для несения которых были наряжены наши малороссы-хохлы, и для этого облачены в стихари и препоясаны крестообразно орарями. На бледных лицах их печателся и страх и удивление, и радость и благовение; они не могли себе и представить, и понять: каким это родом они очутились, неподготовленные, в священных облачениях, и сделались участниками св. процессии на таком святейшем и единственном месте во всей вселенной, как Гроб Господень, и в иноверной чужеземной стране? Разумеется, они до конца своей жизни не забудут этих дорогих исключительных для них минут и всегда будут с услаждением хвалиться ими на родине пред своими присными и всеми земляками.

За двадцатью пятью рядами священников шел настоятель церкви Св. Марии Египетской, арабский священник, неся

большой сребропозлащенный Крест; несколько диаконов постоянно кадили на него, а греческие монахи то и дело, что бегали по-между рядами процесии и из серебряных кувшинов окропляли священников и народ разными ароматами. Шествие замыкал патриарх с чудным жезлом в руке, в богатой митре с большим бриллиантовым орлом на передней стороне ее. Пред ним несли изящный и дорогой металлический крест, а сзади над головой – благолепную Воскресенскую хоругвь. Он благословлял народ. Богомольцы один наперевес другого стремились у каждого священника облобызать Св. Икону и руку, но турецкие солдаты, стоявшие везде шпалерами, сдерживали их стремление и усердие; да иначе и быть не могло; ибо, если бы допустить свободу, то волна народная смяла всех священнослужащих своею массою. Священная процесия обошла три раза кругом Часовню Гроба Господня, а потом один раз храм Воскресения, что продолжалось более часа; затем при страшной давке народа, напор которого кавасы вынуждены были сдерживать палками, мы вошли в алтарь, а Патриарх с греческими архимандритами остановился у кувуклии для окончанья начатой молебной литии. По совершении оной, разоблачившись, отправился, в сопровожденье архиереев и духовенства и в преднесении большой горящей свечи в подсвечнике в свои покои, при звоне колоколов и приветствиях стоявших на площади храма турецких солдат. Желающие пошли к Патриарху для поздравленья со вселенским праздником, на чашку кофе и рюмку раки. Все лавки христиан в этот день до самого вечера были заперты, несмотря на кипучий торг в магазинах мусульман. Это не лишний урок для нас, русских! Наше купечество, несмотря на благочестивое желанье многих служащих у них, и желанье самих обществ, никак не может, ради славы Божьей и своих нравственных выгод, отказаться от корыстных расчетов с мирской суетой и на несколько дней в году, – не может целый праздничный день не торговать.

К этому описанью еще нужно прибавить и то, что анафемаствования, которые у нас совершаются по особенному чину в неделю Православья при архиерейском служении, здесь, при Святом Гробе, не бывает, во избежание проявления

вероисповедного фанатизма, при котором, очевидно, дело дошло бы и до рукопашной схватки и униженья святыни.

Но я еще не все покончил: едва вышел из храма греческий патриарх, как армяне начали устраивать свой крестный ход, тоже вокруг кувуклии. Я интересовался видеть армянского патриарха в его полном облачении еще и потому, что он, как мне раньше передали, очень похож лицом на меня, и вместе с этим желал посмотреть и на ихний крестный ход. Вот на лестнице показались две хоругви, за ними диакон в митре нес большой металлический крест, а по бокам два мальчика со светильниками, далее около пятидесяти юношей в стихарях, с зажженными свечами в руках и развернутыми служебными книжками, по которым они своеобразно и дико пели церковные гимны во все горло, не щадя своих сил, живота и чужих ушей; потом шел дьякон, окроплявший народ розовою водой, за ним – около 30 священников попарно, но в расстоянии один от другого на два аршина, в остроконечных клобуках с покрывалами и с небольшими, но ценными крестиками в руках, подножие которых они держали в маленьких изящных кружевных салфетках; ризы на них были шелковые с малиновыми разводами, похожие на наши, только застегивающиеся у подбородка, наподобие наших бурок. Ближе к Патриарху шли четыре архиерея, тоже в клобуках и в таких же священнических облачениях, как и священники, только поверх омофоры; возле самого Патриарха шли шесть священников в митрах на голове и с большими богато украшенными Евангелиями на руках; процессию замыкал патриарх в роскошной ризе с длинными воскрилиями, которые поддерживали по сторонам два диакона, риза с стоячим, шитым золотом воротником, как у наших генералов, ниже которого возложен омофор с золотыми, красиво расположенным кистями, задний конец которого волочился по земле; на голове богатая остроконечная тиара, как и у латинского патриарха (называемая здесь почему-то наглавником или украшением головы, по чину Мельхиседекову), украшенная на передней стороне бриллиантовым крестом, а на задней – изображением Воскресения Христова, а выше в остроконечной верхушке – Духа Святого; на груди две панагии и

русский орден. Затем в одной руке он держал длинный золоченый жезл, наподобие тех, которые имеют наши пастухи при стаде для ловли за ноги овец, только нижний конец здесь обращен вверх и сделан рукояткой, а в левой, мизинец которой был украшен широким с крупным бриллиантами перстнем – небольшой крест с рукояткой, обвернутой в салфеточку, которым он с достоинством осенял стоявший народ. Процессия тоже обошла Часовню Гроба Господня три раза. Что затем было, я не видел, так как спешил на кофе к православному гостеприимному патриарху, где застал более 200 посетителей.

Еще не обо всем я сказал из того, что вчерашний день видел и осязal в Святогробском храме: напр., не говорил о престоле его, имеющем вширь шесть аршин и с широкою ступенью спереди; о гробнице на нем, высеченной из малахита в форме церкви, о громадном мраморном над ним балдахине или сени, которая во время причащения священнослужащих закрывается кругом завесами от посторонней публики, которой в алтаре в торжественные дни всегда много. При этом я приметил, что в среднем ярусе иконостаса прикреплена деревянная доска, в которую бьют к заутрени, три больших металлических тарелки, наподобие крышек с кастрюль, несколько висящих железных полос разной величины и четыре колокола; в верхнем же ярусе – хоры лицом в алтарь, на которых во время служения было битком набито женщин, которые во все время беспрепятственно смотрели на всех и на все, что совершается в алтаре.

Так как вторник каждой недели посвящен церковью памяти Св. Иоанна Предтечи и Крестителя Господня, то я и отправился в монастырь его имени – недалеко от храма Гроба Господня, в котором монастыре в Великий пост всегда по вторникам совершается Преждеосвященная обедня. Считаю нeliшним сказать несколько слов о самой обители и о церкви оной. Монастырские здания устроены прочно и красиво и содержатся в чистоте, но игумены его, как бы кто из них ни был хорош нравственно, меняются каждое трехлетие в материальных расчетах патриархии. Каждый поставляемый в настоятели должен непременно заплатить ей определенную субсидию,

которую он и старается в течение трехлетия возвратить сугубо, почему в церкви, кроме приличного иконостаса, бедность поразительная. Настоящий игумен-архимандрит – молодой человек, лет 22-х, и у него братии всего четыре души, – конечно, так мало из своих же экономических расчетов, так что в течение всего поста у него служили нарочито приговоренные на это горячее время из других монастырей иеромонахи. Когда я вошел в алтарь, началась и Преждеосвященная Литургия. Здесь мне бросился в глаза престол со всех трех сторон огражденный железною в 1/2 аршин решеткой в верхней части своей, а для какой цели – не мог понять. При богослужении заметил некоторые обрядовые особенности, как напр.: во время вынутия Агнца из ковчега, перенесения его на жертвенники и покрытия Св. Даров покровцами, царские врата закрыты были завесой и дискос покрывался на престоле; первый стих – «да исправится молитва моя» пел в алтаре служащий священник, остальные стихи до конечного «да исправится» – на клиросе, последний стих пел опять священник; на колена при этом никто не становился ни из служащих, ни из предстоящих во храме; кроме этого, за каждыми стихом священодействующий менял свое место у престола, сначала они стояли и кадили переднюю сторону престола, потом во время пения второго стиха на правой стороне его, затем на левой, под конец на задней и, наконец, опять на передней. Во время пения «да исправится» царские врата были отверсты, тогда как у нас в России во многих храмах в это время заключены. После сугубой ектении читаны были и ектении об оглашенных, которые у греков, кроме Великого Поста, никогда не говорятся; в конце обедни архимандрит-настоятель внес в алтарь золотой ковчег в виде чаши, с частью главы Святого Иоанна Предтечи, налив в него сквозь скважины воды, подносил всем нам для лобызания его и испития воды, освященной прикосновением к честным останкам великого Пророка, которые с верою причащающимся ей и мажущимся ею подает исцеление в трясовицах. Получивши антидор, я зашел к Гробу Господню и, поклонившись там всем святыням, отправился прямо к палестинскому патриарху для получения разрешительного фирмана на беспрепятственное

совершение богослужений по всей Св. Земле, где только мир пожелается, и получил. По получении акта его святейшество усадил меня возле себя на диванчике и расспрашивал: с каких я мест России; давно ли приехал; сколько лет состою священником; холодно или тепло у нас; большие ли бывают у нас морозы и снега; сильные ли дуют у нас ветры, и есть ли теперь лед; родится ли у нас в России пшеница; почему это у меня такая цветная камилавка? На последнее я отвечал, что у нас только черное духовенство или монахи носят черные камилавки и притом, как необходимую принадлежность своего чина, а белое духовенство или мирские священники не имеют никаких, – и обедни служат и требы исправляют нередко на открытом воздухе при страшной стуже и метели с непокрытыми главами до тех пор, пока за полезную и долговременную службу не наградит их правительство фиолетовою – в отличие от монахов – скуфьёй или камилавкой, которых иные удостаиваются только на закате дней своих, а бывают и такие, которые и во гроб нисходят со скорбью, непокровенными. А за камилавкою какую награду дают? Я отвечали наперсный крест – А вы имеете его? Ожидаю в настоящем году, было моим ответом. Затем Блаженнейший позвонил в большой колокольчик и велел подать кофе, прежде которого принесено было глико и рака. Покончив с кофе, я перекрестился, поцеловал руку сановитому хлебосолу, а он при этом меня – в правую ланиту, и хотел было идти, как в эту минуту я вспомнил и передал переводчику, что Его Святейшество в бытность мою в Палестине в 1875 году, по моей усердной просьбе, обещал мне выслать свою карточку в Россию, так как тогда в наличности таковых не оказалось, но я и до сих пор не получал таковой, почему я осмеливаюсь просить, осчастливить меня теперь ею. Патриарх ту же минуту пошел в кабинет и вынес оттуда свою прекраснейшую большую фотографическую карточку и, сделавши собственноручно на ней надпись, вручил мне в изящном футляре, за что я три раза облобызал его десницу. Дорогой, архидьякон-переводчик заметил, что Святейший никому еще не давал такой большой и хорошей карточки.

На пути к русским постройкам мне что-то взгрустнулось, я почему-то невольно вспомнил о нашем Добром Царе и задал себе вопрос: спокойно и благополучно ли теперь у нас, в России? И не успел еще дойти до своей квартиры, как мне объявили, что получена телеграмма о томи, что Русский Царь, возвращаясь в коляске с парада домой, брошенной бомбой с динамитом разорван на части и, пожив после этого несколько минут в тяжких страданиях, скончался 1-го марта; телеграмма же об этой катастрофе получена в Иерусалиме на другой день в 10 1/2 часов утра, и весть о ней вмиг, с быстротой электрической искры облетела все номера русских поклонников, поднялась суматоха: – плач, вой, рев огласили своды комнат и коридоров; кто проклинал убийц и желал, чтобы их повесили за ноги или прямо искрошили, как капусту, на кусочки, кто ограждал себя крестными знамением, иные бежали в русскую церковь, становились на колени и усердно молились об упокоении души добрейшего и благодетельнейшего из государей в царстве неповинных мучеников; а другие, прислонившись к дереву или опервшись на решетки цистерн, с поникшей головой, рыдали горючими слезами, причитывая: только и света повидали, что при этом царе; солнышко ты наше ясное, зачем ты так рано закатилось? Чтобы этим прокл... убийцам ни на этом, ни на том свете не было добра! До этого печального известия поклонники то и дело сутились и сновали по двору и на улицах города, кто за покупкой, а кто для поклонения разными святыням, а то не стало видно никого: все позабывались в свои углы и скорбели скорбью неприворною, позабыв даже о пище; некоторые же стали укладывать в мешки свой багаж и готовиться в обратный путь, говоря: теперь нам несдобровать здесь между нехристями; турки, как узнают, что наш Царь убит, придут и нас всех тут побьют: некому теперь нас защищать; защитник и Покровитель наш был Батюшка-Царь Александр Николаевич.

В три часа того же дня в нашей миссии начался звон на панихиду по Государю, с перезвоном во все колокола, на которую явились для молитвы все наши поклонники, даже и больные, и все русское консульство с консулом во главе. По

пропетой певчими «Святый Боже», когда иеродиакон возгласил на ектены дрожащим от слез голосом: о приснопамятном рабе Божием Благочестивейшем Государе Императоре всея России Александре II, вся церковь плакася громким и великим плачем до одной души. О, как умилительна, как трогательна была эта слезная молитва русского человека на иноземщине, где для него все почти чужое, кроме всемирной святыни и русского дорогоГО имени! Но тут-то, в этом одиночестве, тем сердечнее лилась теплая молитва к Царю всех царей и народов об упокоении души благодетельнейшего и человеколюбивейшего из владык земных.

4-го марта назначена была иерусалимским патриархом панихида по Русском Царе при Живоносном Гробе Господнем. К назначенному времени мы с членами миссии прибыли в храм Воскресения. Народу разных вер и наций собралось неимоверное множество, так что давка была страшная; заняты были все галереи от пола церковного до купола, даже запружены были народом все яруса воскресенского иконостаса. Панихиду совершил греческий патриарх с четырьмя архиереями в полных траурных архиерейских облачениях, расшитых серебряными узорами с картиным изображением на них страстей Господних, 12 архимандритами, в числе коих первенствовал наш достопочтенный о. Антоний, 10 русских и афонских иеромонахов, трое наших мирских священников, в числе коих был и я, и 40 священников греческих и арабских. Присутствовали в числе богомольцев: армянской патриарх, коптский епископ и иерусалимский паша, латинский же патриарх не благоизволил; а в массе народной виднелись: французы, немцы, англичане, турки, арабы, персиане, копты, абиссинцы и др. народности. Всем присутствовавшим, без различия вероисповеданий, раздаваемы были свечи, так что их, судя по величине свечей и по массе народа, вышло не менее 100 пудов, — даже турки и персияне не отказывались от получения свечей, только не зажигали их, и все они остались по окончании панихиды в собственность каждого: понесли их домой для памяти генеральные консулы, и верные, и неверные. Жаль только, что гул толпы, крик распорядителей, церемониальные

входы и провожания на определенные места представителей разных государств с их штатами, постоянные шныряния кавасов и прислужников церковных, перезвон колоколов во все время совершения литии, – все это несколько влияло на сосредоточенность чувств в священные минуты молитвы. По окончании панихиды все участвовавшие в ней и в параде приглашены были к патриарху – помянуть царственного Покойника; здесь сначала разносили гостям коливо, уложенное всевозможными сладостями из засахаренных плодов и с неизбежным у греков анисом и другими семенами, потом варенье и раку, затем кофе и, наконец, за упокой Государя, наливали из раззолоченных бутылок в особенные рюмки какуюто жидкость, которая оказалась благовонным, сладким и вкуснымnectаром, и засим к каждому выпившему подходил прислужник с серебряным кувшином и вливал на руки несколько капель розовой воды, что было знаком окончания угощения и намеком к выходу. Но прежде нежели выйти нам, получена была телеграмма, извещающая о восшествии на русский престол Императора АЛЕКСАНДРА III, с чем сейчас же и начались поздравления русского консула и русских.

Странно было, по выходе на улицу, смотреть непривычному нашему глазу, как к парадному ходу квартиры патриарха поднесен был 6 дюжими арабами не то ящик, не то сундук, привинченный к древкам, расположенным наподобие наших погребальных носилок и поставлен на землю. Оказалось, что это подан был экипаж для русского консула. – И он, громаднейший ростом, вооруженный папироской, покрытый треуголкой и испещренный разными загадочными регалиями, открыв отверстие в боку этой колесницы, всунулся в нее и потом в предшествии пяти кавасов несен был до своей квартиры так, как у нас несется мертвец на кладбище, только с тем различием, что он сидел, а не лежал. Этот экипаж известен нам по книгам под названием паланкина.

Вечером я ходил ночевать ко Гробу Господню, – и когда собрались воедино все наши богомольцы на акафист, я им сказал по поводу нежданной кончины нашего Государя нижеследующую речь.

«Любезные мои соотечественники и благочестивые поклонники св. мест Палестины! Не стало нашего Батюшки Русского Царя! Он сражен вражескою рукою! Не узрит более Россия Его светлого лица, не увидит Его приветливого взгляда, не услышит Его кроткого, ласкового слова, не ощутит Его отеческого попечения. О россияне, о друзья мои! До чего мы дожили! Какое несчастье обрушилось на нашу голову! Лишиться Царя, и такого, каков был наш Русский Царь – АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ – подлинно для нас великое бедствие есть грозное и тяжелое посещение Божие! Отчего эта потеря так тяжела для нас? Оттого, что добрый, сердобольный и заботливый Отец дорог для семьи, и потеря Его есть тяжелое горе, неисцелимая рана! А наш Царь-Отец, разве менее любимого отца заботился о нас, узнавая наши нужды? Какое сословие оставлено без Его царственного внимания, без тщательного ухода за ним? Из многоного довольно вспомнить то, что при жизни народ назвал Его Царем-Освободителем. Пред одним этим именем благоговеют не только русские православные и единокровные и единоверные нам славяне, им освобожденные, но и чужеземные и иноверные народы. Вы сами были очевидцами, как сегодня утром, без всякого зова, под своды этого храма стеклись тьмы тем народа, разных вер, народностей и концов вселенной, чтобы излить свою скорбь о безвременной кончине от руки злодеев Царя, и вознести свои молитвы ко Господу о вечном упокоении души благодетельнейшего из всех Царей земных. А сейчас на пути ко Гробу Господню я видел, как наши старики богомольцы плакали навзрыд, приговаривая: «Кормилец Ты наш, краса Ты наша! Солнышко Ты наше ясное! При Тебе только мы и увидали свет Божий! И вот Ты, ненаглядное, закатилося»!

Да, повторяю еще, лишиться такого Царя – есть великое несчастье, ниспосланное на нас Самим Богом, ниспосланное за грехи наши. Чтобы нам более убедиться в этом, я сошлюсь на священные книги, повествующие о царях и народах той земли, на которой мы теперь с вами стоим, – земли обетованной. Пока избранный народ Божий – евреи не забыли Бога и исполняли данные им через Моисея заповеди, Господь благоволил к нему и

любил его, и правители у него были мудрые и благочестивые, заботившиеся о благе народном. А когда они оставили Бога и забывали Его святой закон, предавались нечестию и разврату, Боги отнимали у них добрых царей и мудрых правителей; а с утратой их, вместо мира и благоденствия, водворилось всякого рода нестроение и неурядицы, они лишились помощи Божией, враги опустошали их страну, разоряли города, уводили в плен, где они стенали и плакали, воспоминая свой священный Сион. А когда они обращались к Богу, каялись в грехах, Он спасал их и посыпал мир и благоденствие.

Какая же причина того, что Бог так нежданно и негаданно лишил нас такого доброго Царя, по сердцу Божью, по сердцу народа? За что Господь подал нашему дорогому отечеству такое великое бедствие, такое тяжкое горе? Почему Господь попустил благому Царю пасть от руки злодея, и кто этот злодей? Злодея народ будет знать, и навсегда будет тяготеть над его именем народное проклятие: а мы все будем считать себя неповинными в крови Царя – праведника.

Но так ли это? Можем ли мы считать себя совершенно непричастными к этому делу?

Нет. Не можем, не имеем права так сказать! Кровь Его пролита, жизнь Его прекращена через нас, за нас, грех ради наших, за беззакония наши! Вдумаемся поглубже, всмотримся попристальнее в себя, заглянем каждый в свою душу: какова была наша жизнь доселе?

Любили ли мы Бога больше всего, свято ли мы хранили и исполняли Его закон? Мы скажем, что исполняли: мы ходили в храмы Божьи, мы постились, мы подавали милостыню. Но если бы здесь, среди нас, явился Сам Господь, то Он, грозный обличитель фарисейского лицемерия, быть может назвал бы нас гробами поваленными за то, что мы исполняем обряды закона, а не исправляем, не очищаем своего сердца от скверн греховных. Если бы и теперь Он благоволил учить нас лично, как учил некогда еврейский народ, то Он сказал бы нам то, что говорил тогдашним фарисеям: «Горе вами, горе! Отраднее будет в день суда Содому и Гоморре, нежели вам. Вы христиане только по имени, и хотя по видимому не имеете идолов и не

кланяетесь им, но вы подобны идолопоклонникам, ибо не столько угощаете Мне, сколько своему чреву; вы более служите и скорее преклоняетесь пред мамоною, нежели предо Мною. Ибо, ради выгод и благ земных, вы часто попираете закон Мой, готовые ради корысти покривить душой пред Крестом и Евангелием, служите плотским похотям. Чего только ни пожелает плоть, чего только ни потребует, вы, как крепостные рабы, исполняете беспрекословно ее волю. Вы все уклонились от Меня, и беззакония ваши вопиют ко Мне день и ночь. Я вразумлял вас добром, посылая вам блага, но вы не вразумились. Я наказывал вас бедствиями, мором скота и детей ваших (чума, дифтерит), засухою, песьями мухами, саранчой, ветром тлетворным, скудостью хлеба и злаков; но ваше сердце так окаменело, что вас не вразумили ни Моя любовь, ни гнев Мой, и вы не обратились ко Мне, не исправились. Вот еще наказую вас: отнимаю у вас Царя по сердцу Моему и вашему. Если вы и после этого не покаетесь и не исправите своей жизни, то несчастиям и бедам вашим не будет конца. «Имеяй уши слышати, да слышит».

Да, грозны прежние посещенья Божии, наказавшие нас скудостью и болезнями; но потеря Царя-Отца, Освободителя, смерть его от руки убийцы, есть такое бедствие, какое не посещало еще нашего народа никогда, никогда! Но придите, падем на землю перед сим Живоносным Гробом нашего Искупителя и прольем перед Ним слезы покаяния во грехах наших, да помилует Он нас и весь народ наш, и дарует нам силу быть иными, лучшими. Он, Милосердый, помилует нас, избавит нас от бед и скорбей, пошлет нам благорастворение воздуха, плодородие земли, времена мирные, укрепит нас в любви и преданности Царю.

Теперь, поведая Богу печаль и скорбь всего русского народа о горькой потере нашего Народолюбца-Царя, столько лет болевшего сердцем из-за дерзких покушений обезумевших умников, посягнувших на Царя и посягающих на веру Христову, на ниспровержение государственного порядка, – сокрушаясь о сем, прольем усердную молитву ко Господу, чтобы Он, пострадавший и умерший за нас, погребенный и воскресшей из

сего Живоносного Гроба, и почившего нашего Царя-мученика, упокоив в недрах Авраама, где нет болезней, печали и вздоханий, в день всеобщего воскресения вселил Его в горнем Иерусалиме для вечной и блаженной жизни, в царстве праведных. Рцем вси, от всея души и от всего помышления нашего рцем: со святыми упокой, Христе, душу усопшего раба твоего Благочестивейшего Государя ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА и сотвори Ему вечную память! Аминь».

Когда я утром следующего дня возвратился домой, то увидел недалеко от ворот Миссии шесть палаток, разбитых ночью приехавшими накануне англичанами. Практичные, право, и своеобразные эти альбионаы. У них все по-своему. Палатки в виде восьмигранных с куполами часовен и золочеными шарами сверху, стекки которых увешаны красивыми ландшафтными коврами, установлены комфортабельно, как дома, столами, креслами, табуретами, железными кроватями с матрацами, подушками и туалетными и кухонными принадлежностями; виднелись даже картины и цветы в вазах, а повара пристраивали на колышках дорожный очаг для варки кушаний. На другой день весь этот скарб моментально уже был уложен в сундуки, которыми навьючили восемь верблюдов, а туристы, закупорившись с ног до головы в кожаные бурнусы, воссели верхом на арабских скакунов и, несмотря на ливень, быстро домчались далее обозревать Палестину, а мы, Русь неопытная, остались дома, покивая головами в ожидании лучшей погоды, хотя сильно порывались ехать в Хеврон.

В воскресенье 8 марта я готовился служить в Гефсимании на Гробе Божьей Матери литургию в четыре часа ночи, но к этому времени при сильном ветре и дожде начал падать густой снег, как у нас в России; это меня сильно обескуражило, так как до Гефсимании путь далекий, с большими и частыми рытвинами; и при том в ночную пору, при непогоде и одному, идти было небезопасно, даже рискованно. Но при добром деле редко обходится без испытания, которое могло последовать в настоящий раз уже и потому, что я многократно, многообразно и тяжко оскорблял своими грехами Пресвятую Владычицу. Чтобы

прогнать смущение и приобрести себя, я стал пред ликом Богоматери и воззвал к ней из глубины души: «Царице моя преблагая, надежда моя Богородице! От многих грехов немоществует тело, немоществует и душа моя; к Тебе прибегаю Благодатной, Надеждо ненадежных, Ты ми помози, Мати Бога Вышнего! Приими моление раба Твоего, скорбь бо обдергит мя, разреши ту яко волиши, терпети не могу демонского стреляния, покрова не имам, ниже где прибегну окаянный, обремененный грехми многими и утешения не имам, разве Тебе, Владычице мира, упование и представительство верных, не презри моление мое и полезно сотвори: елика бо хощеши, можеши. Все упование мое на Тя возлагаю, Мати Божия, сохрани мя под кровом Твоим». Чтобы не промокнуть от продолжавшегося сильного ливня, я взял у одного из миссийских певчих толстую бурку или плащ и под тяжестью ее, удвоивавшейся от мокроты, едва дошел до Гефсимании, но дошел благополучно и своевременно. Обедня прошла прекрасно, но из наших богомольцев не было почти никого, по причине дурной погоды, и на клиросе пели греки. Я помянул у Живоприемного Гроба Обрадованной и во успении нас не оставляющей своих родных, изюмчан и всех когда-либо бывших моих прихожан, как живых, так и отшедших. После дождя и снега воздух сделался до того приятным, освежительным и от множества цветущих дерев и злаков – благовонными, что не хотелось далее и идти из Гефсимании, – душой овладевали самые возвышенные святые чувства, мысли... одна другой благочестивее и утешительнее... а дорогой сосед – Елеон своею весеннею зеленью, пышностью и прелестным видом так и манит на свое величественное чело. О, гора, гора Божия! Как я люблю тебя! И до смерти бы не расстался с тобою, век бы приметался на твоих дивных высотах: так облистал тебя Свою красотою и Своим присутствием Вышний! Но ты, присуща мне и издали: я зрю тебя ежеминутно и из недр моего Иерусалимского жилища и, воспоминая Вознесшегося на небо, с твоего чела, и сам поучаюсь стремиться мыслями и всею душою в горние... При прощании с достойнейшим настоятелем Гефсиманского вертепа, о. архимандритом Поликарпом, он объяснил мне, что в

бытность мою в 1875 г. в Палестине он был профессором патриаршой семинарии, которая во время последней турецкой войны по неименью средств закрыта, хотя в ней, говорил о. Поликарп, настоит великая нужда, ввиду сильной папистической пропаганды, и, греки надеются, что Россия пособит им на этот раз. Проходя мимо храма Гроба Господня, я увидел стоящих на площадке его турецких солдат и двери его отворенными, почему счел долгом зайти и помолиться у Святогробских Святынь. Здесь я застал латинского патриарха, слушающего обедню.

Он сидел под балдахином в мантии, руки затянуты были в черные лайковые перчатки и на одном из пальцев блестал дорогой перстень; по бокам его сидели два бискупа, обедню же совершали соборно три патера при богатой и изящной обстановке и толпе прислужников; певчие, душ около 30-ти, пели прекрасно, а все учащиеся из Иерусалимских католических учебных заведений, всю обедню стояли на коленах. Порядок во всем образцовый! Недаром же, подумал я, они и успевают более других в своей пропаганде. По окончании литургии, Патриарх вышел из латинского придела, в преднесении креста и светильников, при колокольном звоне, одетый в распахнутый кафтан, под которым виднелась длинная, фиолетового цвета, жилетка, поверх кафтана накинута была шинель коричневого цвета с большим воротником, обшитым золотым позументом; макушка головы прикрыта была красной ермолкой; по выходе же из дверей храма, он надел большую крылатую шляпу с серебряными и золотыми перьями, и так пошел в свою квартиру, благословляя народ в перчатке.

Теперь удосужившись и осмотревшись, мне хочется сказать что-либо о наших русских постройках, – этом временном и уютном пристанище утомленного палестинского путника дальнего севера, под благодатным кровом которого приютился и я. Оно расположено не менее, как на десяти десятинах почти ровной площади к западу от Иерусалима и обнесено кругом высокой, толстой и прочной каменной стеной; напротив его, по левую сторону, по Гитонской долине, идет длинная и большая усадьба сириан. Местность, занимаемая им, прекрасная,

здравая, окруженная с трех сторон великолепными виллами новейших наследников, красивыми скверами и виноградными и масличными садами, так что вид с окон верхних этажей его на южную и особенно на западную сторону весьма живописен. А если еще прибавить, что по разным направлениям отсюда вдали виднеются в оливковых рощах небольшие домики причудливых форм, по между которыми змейкой вьется одна тропа на священный Вифлеем, а другая на Крестный монастырь и Горний Град Иудов, спрятавшийся за высотами, то описанный ландшафт представится еще красивее. Войдя в обширный двор, вы теряетесь глазами между множеством построек и не решаетесь идти далее без проводника, который тут же у калитки к вашим услугам. На первом плане стоит примыкающая к ограде сторожевая изба для дворника иочных сторожей, за сим влево большой трехэтажный дом с зелеными ставнями, — это больница для захворавших богомольцев, больница, которая по внутреннему устройству, чистоте и уходу за больными могла бы поспорить с самыми лучшими лечебницами России. В ней, между прочим, кроме доктора и фельдшера, состоят на службе еще три сестры милосердия из С.-Петербурга, а число больных в зимнее время колеблется между 30— 40 душами. Против больницы длинное квадратное двухэтажное здание из тесанного камня с двумя парадными ходами с северо-востока и юго-запада; в нем помещается домовая церковь довольно обширная, с изящною отделкой внутри — во имя Равноапостольной Марии Магдалины, духовные члены миссии, певчие, приезжее духовенство русское и дворянство; — напротив, с северо-восточной стороны прекрасный сквер и за ним цистерна для мытья белья, и ниже — корпус в один этаж для поклонниц из сословия купеческого, мещанского и крестьянского. Далее к северо-западу, среди двора почти, высится красивый пятиглавый Троицкий собор с дюжиною русских певчих колоколов, гармонический звон которых в большие праздники приходят слушать массами разные иноверцы и даже латинские и армянские монахи. За собором к северо-западу — длинный одноэтажный корпус для поклонников из низших сословий; наконец, в южной стороне двора

приютились возле великолепного сквера роскошные домики для русского консула с канцелярией и всех служащих при консульстве. Между больницей и сторожевым домом помещаются временно торговцы хлебом, чаем, сахаром, изюмом, инжиром, апельсинами, луком, за портой – торговки разными травами: регалем, шалфеем, редиской, углем, дровами; тут же сидят меновщики денег, нанимающие ослов и мулов для поездки в разные места Палестины, башмачники, торгующие восточную обувью, весьма удобною для здешних дорог и починяющие тут же, кому угодно, избитую. В коридорах же, особенно женского корпуса, теснятся, выбирая поудобнее места тоже временные продавцы всевозможных священных предметов, благовонных смол и ароматов, каждый выхваляя свой товар и навязываясь своим добром, и всякий, конечно, позиатски, норовит надуть Московь-матушку или обсчитать в деньгах. На консульском доме высится башня, верх которой заканчивается длинным шестом с Русской короной, на котором в высокоторжественные, праздничные и воскресные дни нашей Церкви и отечества вывешивается Русский трехцветный флаг, а в день событий печальных, как напр. в день кончины нашего Царя – особый флаг, выражавший скорбь – траур. Таким образом, «русские постройки» возле Иерусалима есть своего рода небольшой русский городок, в котором помещается до 2000 душ обоего пола, разного возраста, звания и состояния, с духовными и светскими начальниками во главе, с двумя храмами, тремя священниками и псаломщиками, со штатом природных русских певчих, больницею, аптекою с безвозмездным лечением и отпуском врачебных пособий, базаром, лавкой и своею полицией – кавасами, и даже почтою.

Нелишним также считаю познакомить моих читателей с главным путем, ведущим от построек к предмету всех чаяний далекого пилигрима – Св. Гробу Господню, и об обыденной суете на нем в течении полугодового поклоннического периода. Сначала до городских стен тянется не то площадь, не то широкая улица; на ней всегда достаточно народа идущего и едущего на ослах, и здесь же в разных углах и сторонах приючиваются на время азиатские караваны с пшеницею и

другими продуктами Востока, следующими в Иерусалим и далее в заиорданские области, на верблюдах; по сторонам на видных местах сидят туземные нищие, большею частью из мусульман, иные совершенно голые или только для приличия прикрыты дырявою тряпкой, притворно дрожа всем телом и стуча зубами точно от стужи, чтобы этим скорее вымолить у московитов лепту; иные – прокаженные без носа и без ручных кистей; там шустрые мальчишки и девочки с испещренной синею краской лицами не дают покоя проходящим, то цепляясь за фалды, то целуя руки их и вскрикивая хором: дай ховата (хлеб)! в другом месте такая же стая оборвавшей, тут же, на выпрошенные деньги ведет азартную игру – в интерес, сопровождаемую забавными потасовками, – и там и сям раздаются жалобные голоса: дай Христа... дай Христа... спасиба Христа ради... прощай... здравствуй... я злобой... (слепой)... мой христин (христианин, при чем делает подобие крестного знамения)... дай хлеб... и пр.; в другом месте бедуины в своих широких и безыскусственных плащах, сшитых из разных сортов и цветов грубого сукна домашнего приготовления, или в одной длинной рубашке, с тюрбанами на головах, а чаще, покрытые черным или пестрым платком, схваченным вокруг головы особым шнуром и почти всегда босые, тащат за поводы послушных верблюдов, снабжающих Св. Град продуктами Яффы, Бейрута, Смирны и Константинополя; вот снуют взад и вперед в белых саванах женщины с открытыми лицами, белыми как мрамор, и приветливо заглядывая в физиономии проходящим поклонникам, окликают их, прижимая руку к сердцу: Русь хорош; будь здоров; как поживаешь, знаком; спасиба! И как рады и счастливы они бывают, когда им также ласково и охотно ответит угрюмый поклонник: хорош-таиб, здравствуй! Это дети природы – простодушные арабки-христианки, так расположены душою к хорошей Московь... А вот еще с навьюченными донельзя зеленью, дровами и углем корзинами на головах – обитательницы Горного Града Иудова, в синих, широких и длинных рубашках с широчайшими, книзу разрезными рукавами и длинным наперед куском не то холста, не то шерсти, исправляющих должность фартука; иногда они с

открытою грудью и мешками на плечах, из отверстий которых преспокойно выглядывают крошечные потомки Ханаана, подергивая своих питательниц за привески, навешанные на лбу, ушах, подбородке и шее из разного рода, достоинства и величины – монет. Далее – тянутся домики с разными вывесками и на разных языках, и даже на двух-трех из них увидите намалеванные русские чайники и над ними надпись: «Чайная для Русских»; тут же и жидовские харчевни и турецкие и арабские кофейни; их нетрудно отгадать по пестрой толпе в фесках и чалмах, без разбору сидящей и внутри и снаружи – на улицах возле кофеен или прямо на земле с поджатыми под себя ногами, или же на низеньких плетенных табуретках, похожих на наши подножные скамейки, с самоуслаждением потягивающих наргиле вприхлебку с кофе. – Здесь картина жизни или суэты восточной самая оживленная, но ближе, к городским воротам она разнообразится рядом разного рода мастерских, столярных и кузнечных, а в промежутках по между ними и кухни с вареною пищей, а вправо по дороге на Сион виднеется шалаш, под наметом которого цыгане что-то усердно отбивают молотами, а куча курчавых и замазанных ребятишек беззаботно валяется как попало подле них в сору. У самых ворот, особенно в вечернюю пору, вы увидите, что то и дело из них выползают за город подышать чистым воздухом и большинство монахов и монахинь разных вероисповеданий и орденов, в числе коих зауряд и архиереи и архимандриты до последнего службы; духовенство греческое в особенности почему-то щетинится против других, вероятно, от чувства превосходства своего костюма перед латинским и армянским, – и все это кишит, как муравьи, по между ослами, лошадьми, мулами и верблюдами. Но вот вы вошли и в самые ворота с гауптвахтой, оберегаемые сидящим с ружьем турком; вы в городе... картина, та же, только менее оживленная, только менее простору для глаз от узких улиц, которые правильнее можно назвать коридорами, с беспрерывными маленькими неряшливыми номерами лавок со всевозможными галантерейными и красными товарами и съедобными продуктами. Для дыханья вредны испаренья от них, и вонь от

всяких кухонных выбросков, бесцеремонно валяющихся по улицам. Прошедши около полуверсты по прямому направлению, вы затем поворачиваете влево в так называемую Христианскую улицу, более широкую и более опрятную, населенную греками. – Ее не трудно отгадать по многочисленным лавкам, на дверях и внутри которых красуются в огромном выборе четки, восковые свечи всех сортов, от самого простого до самого вычурного изделия, о котором у нас в России не имеют и понятия. Чем ближе ко Гробу, тем проход по улице становится затруднительнее, то от массы разноплеменных поклонников, сходящихся вместе с разных сторон в этой точке, то туда, то обратно идущих, то от сидящих на улице и тут же работающих и продающих свои изделия, начиная от жестяного сундука и флакона для масла и воды, и продавцов вонючей смолы, называемой смирою, для благообразья и возвышенья ценности облепленной золотом, и от массы нищих. Но вот вы спустились по ступеньками и, взяв опять влево по-за углом, мгновенно очутились на площадке перед храмом Гроба Господня; – здесь уже настоящий торг, только, впрочем, священными предметами: и армяне, и греки, и паписты, и пустынники обители св. Саввы, и пришельцы Афона и даже Киева усердно спешат сбыть здесь, в Великопостное время, свои изделия. Даже хевронцы находят тут удобный случай сбыть свои стеклянные безделушки, как-то: браслеты, кольца, палки и пр. Вы сняли с себя шляпу и, благоговейно взирая на двери храма, осеняете себя крестным знаменьем, всматриваясь при этом пристально и в наружность его, но ваш взор развлекается, развеивается; вон там в прорехе верхнего окна приютился мальчуган, греческий запевало-крикун, – патриарший певчий, и выкрикивает разные фигуры из будущего богослуженья; а еще выше, на окраине кровли храма приладилось несколько монахов и следят с любопытством за проходящими вблизи их, а другие преспокойно гуляют там же с таким удовольствием, как бы в лучшем сквере; около дверей же церковных, не спуская глаз, со свертком в руке и карандашом афонец-художник снимает копии с них и с мраморной колонны, в которую, по преданию, накануне Пасхи ударил гром и

расщепил ее – и из этой расщелины изошел пламень, и греки, выгнанные из храма и тут стоявшие и рыдавшие, удостоились зажечь от него свои свечи, а армяне, их изгнавшие из храма и ожидавшие внутри благодатного огня от Гроба, не удостоились получить его за свой коварный поступок... Но вас тянет скорее во храм... и вы едва переступили священный порог его, как повергаетесь в прах в чувствах благодарности за благополучное достижение заветной цели, и долго, долго и пламенно молитесь, и неоднократно лобызаете первую пред вашими глазами святыню – камень Миропомазания, и затем трепетными ногами идете далее к тому Гробу, который только один не даст мертвому в последний день мира.

V. Наблус или Сихем, Севаста или Самарт. Дженин, Назарет, Нана, Тивериада, Фавор

В бытность мою в Палестине в 1875 г. моя душа сильно рвалась в Назарет, но так как это было летом, когда здесь бывает нестерпимый зной, и кроме того в Сирии тогда свирепствовала сильная холера, наведшая панический страх и на соседние страны, и в виду ограниченного числа богомольцев (нас было трое), заявивших желанье путешествовать в Галилею, при опасном и дальнем туда пути, наш консул не решился пустить нас в такое рискованное и тягостное путешествие. Теперь же все благоприятствовало нашей поездке, а потому я предположил при первой возможности направить стопы свои в тот городок, который в древние времена все презирали, а потому и публично о нем говорили: от Назарета может ли быть что доброе, но который потом сделался столь священным, близким и милым сердцу каждого верующего, что всякий из них считает за долг поклониться ему и воздать дань чести, уважения и благоговения святыням его, наравне с Иерусалимом и Вифлеемом. На Востоке даже образовалась поговорка: кто был в Иерусалиме, а не посещал Назарета, тот не видел Палестины.

Обыкновенно богомольцы, сколько их бывает в наличности в Великий пост, все разом, официально, при посредстве и контроле нашего Иерусалимского консульства, отправляются в Галилею, – и при том за все указанное время однажды – ко дню Благовещения. Но мне, да и некоторым другим особам, желалось совершить это путешествие в небольшом избранном обществе, по льготной, не стесняясь рамками официи, потому что ехать в двухтысячной массе поклонников по указанному маршруту консульства, в котором на все указаны самые короткие сроки и своеобразные приказы, значит обречь себя в жертву всех невзгод, начиная от голода и холода и квартированья под открытым небом, до невозможности помолиться на св. местах, как бы и когда бы хотелось, и досыта насладиться лицезрением святынь; значит – только пройтись,

как по этапу, от одной станции до другой. Благоприятный случай скоро помог перейти от св. желания к самому осуществлению его. Одна костромичка, проживавшая в греческом Михайловском монастыре, подобрав себе, по своему выбору, небольшую компанию из проживающих в других иерусалимских обителях русских богомольцев и .богомолок, пожелала иметь в своем сообществе русского священника с псаломщиком, для совершения во время путешествия в Галилею молебных литий и литургий, и хотя в это время много было афонских и русских иеромонахов, но выбор пал на меня, смею думать, не случайно, но по Божественному Промышлению и обо мне грешнике, день и дочь только и думавшем о благословенном Назарете.

К счастью нашему, наступал конец и периодическим дождям Палестины. 10-го марта в 2 часа пополудни, при благоприятной погоде и благопожеланиях греческого духовенства, мы уже ехали по дамасской дороге по направлению к Галилее. Сначала какая-то непонятная грусть теснила сердце, при взгляде на попадающиеся по дорогам развалины разных исчезнувших с лица земли древних поселков; но проходя живописными пустынями, по местам, усеянным пшеницею и роскошною чечевицей, и деревушками, обсаженными масличными и инжирными деревьями, ваша скорбь понемногу рассеивается и, хотя вас объемлет таинственный страх от того, что здесь каждое название холма заключает в себе тайну, каждая пещера говорит о каком-либо церковно-политическом событии, каждая вершина гор была свидетелем хождения по земле Самого Бога во плоти, но этот страх не тяготит души, а, напротив, ободряет ее.

Чрез четыре с половиною часа, при живительной вечерней прохладе, мы подъезжали к деревне Рама – ныне небольшой хуторок, состоящий из двух-трех десятков бедных домиков, жители коего, завидевши нас еще издали – одни послазили на кровли, другие бежали нам навстречу, и особенно дети, крича во все горло: хорош, хорош! И вся эта толпа, с прибавкой с повылезшей из шалашей, торчавших по-над деревнею – душ до ста, валила за нами около полуверсты до монастыря св. Авраама, где мы остановились на ночлег, куда затем сбежались

и все остальные селяне и не давали нам, как говорится, никуда свободного прохода, кто пристально всматривался в наши странные для них московские физиономии, и особенно женские, и делал о них замечания, кто смело подходил к каждому из нас и, любясь костюмом или головным убором, без церемонии разворачивал его или прямо снимал с головы, — все же настоятельно требовал бакшиша. Немного поотдохнув, мы отправились к колодезю, который в полуверсте от монастыря. По преданию, из этого колодезя пил воду Отец верующих — Авраам, и пастухи его поили из него пасомый скот Праотца. Здесь мы отслужили молебную литию Богородице и св. Аврааму с освящением воды. Колодезь — просторный, выложен прекрасным шлифованным камнем, вода недалеко — родниковая, холодная, — мы испили ее в сладость. Затем долго любовались живописными окрестностями и заметили на западе, несмотря на шестидесятиверстное расстояние, Яффу с Средиземным морем: так прозрачен воздух Палестины! Возвратившись назад, служили в церкви повечерье и заутреню — я, с нарочитым псаломщиком, афонским клирошанином, для чего взяты были нами нарочито необходимые свящ. принадлежности русские. Греческая Церковь, по преданию, стоит на том самом месте, где Авраам раскинул свой шатер, ночуя в этой местности со своими стадами. Поэтому один придел и посвящен его имени, главный же престол — во имя Преображенья Господня, а боковым левый — во имя Св. Вч. Георгия Победоносца. Церковь громадная, и как видно, новая, иконостас высечен из мрамора с превосходной резьбой, разделанной разными цветами. Жители околотка почти все православные, хотя, в видах религиозной пропаганды, протестанты устроили невдали от деревни приют, куда принимают бедных детей для призренья и обучения, с целью присоединенья их потом к последователям Лютера. Рама, как известно из Библии, есть отчество Пророка Самуила, здесь погребены были и его кости; но потом христиане перенесли их в Сило. В Раме и теперь еще показывают место, где стоял дом этого знаменитого бескорыстного судьи, первосвященника и пророка израильского народа.

В монастыре всего только три души братии: игумен иеромонах и два послушника.

На следующий день в 3 часа ночи игумен служил Преждеосвященную Обедню, после которой мы сейчас же и выехали в дальнейший путь, то пробираясь с великою осторожностью между громадных глыб по крутизам гор, то в иных местах спускаясь в них в пропасти буквально на четвереньках, отчего мы так изнемогли, что принуждены были в 11 1/2 часов сделать привал среди пустыни под открытым небом, возле развалин какого-то древнего огромного зданья, с журчащим из-под него источником здоровой воды. Говорили, будто бы это руины от церкви, устроенной здесь царицею Еленою на том месте, где Патриарх Иаков, утомившись от пути, в ночную пору отдыхал и видел в видении лестницу, досягающую до небес. Но эти сведения после оказалось неверными, – и я так и остался в совершенном неведенье относительно значенья этого таинственного места и зданья, послужившего нам и чайною, и столовою, и спальнею, и водоразборною будкой.

Чрез час мы опять ехали по таким же горным стремнинам и сугробам песчаника и известняка, и только изредка дорога оживлялась и разнообразилась маслинными рощами, да засеянными зеленеющими клочками пшеницы или ячменя, пока, наконец, к пяти часам вечера не приблизились к окрестностям библейского и евангельского Сихема или Сихаря, а нынешнего Неаполиса или Наблуса, как называют его арабы. Здесь мы около часу ехали не без страха по изрытой весенними водами, священной для самарян, горе Гаризин, по правую сторону которой высилась гора Гевал, а между рамками этих двух гор – благословенный и проклятый, до самого города и далее тянулась прелестнейшая долина Сихемская, служащая уединенным местопребыванием небольшой самаритянской общине; на ней, т. е. долине, во всей красе раскинулись оливковые, лимонные и кипарисные рощи и обширные сады с разными нежными плодовыми деревьями, и везде виднелась пышная растительность хлебных и других злаков. Затем в расстоянии получаса пути от города спустились к самой

подошве горы Гаризин, и здесь нам указали тот священный колодезь св. Патриарха Иакова, из которого пил воду он, сыновья и стада его. Ступая по пробитыми веками тропинками этого священного места, можно ли было не вспомнить библейских рассказов о том, как еще раньше Патриарх Авраам кочевал в окрестностях Сихема, проходя со стадами из Харрана в Хеврон, – как здесь явился ему Бог и обещал потомству его дать сию землю, и тут же Авраам создал Богу жертвенник (Быт. 12: 6, 7); как Патриарх Иаков проходил тут в Месопотамию к дяде своему Лавану и потом проходили сюда с шатрами и стадами, и купил здесь в собственность поле у Эммора, Сихемова сына, как в окрестностях Сихема сыновья Иакова продали брата своего Иосифа за 20 сребреников измаилитским купцам, ехавшим в Египет, как возле Сихема в поле, которое он отдал в собственность любимому сыну своему Иосифу, погребены бренные останки его, вынесенные сюда израильтянами из Египта, при выходе их из оного, по его же завещанию; как около этого города вспыхнуло возмущение десяти колен израильских против сына Соломонова Ровоама, и как возле него же у того колодезя Иакова, о котором я выше упомянул, Спаситель мира встретился и беседовал с самарянкой или, по выражению блаженного Иеронима, Господь, жаждущий и терпящий голод, насытился верою самарянки, которая, уверовав в Него, проповедовала потом св. Евангелие и сподобилась за имя Христово мученического венца с именем Фотинии. Когда я сел возле колодца на камень, чтобы немного отдохнуть, мне, грешному, так и чудилось, что я сижу именно на том самом месте и камне, на котором, утрудившись от пути, восседал, отдыхал и поучал самарянку путями царствия Божия Сам Господь, или же на том месте покоился и трапезовал кто-либо из Его св. Учеников. Над колодцем, как видно по развалинам, стояло громадное здание, – говорят, что это была церковь, устроенная царицею Еленою крестообразно так, что колодезь находился посреди церкви. Предание говорит, что здесь был в первые века христианства женский монастырь, но теперь даже самый колодезь в страшном запустении, и мы не могли никак добыть из него воды даже при пособии туземцев,

которые-то, как потомки древних строптивых самарян, и воспрещают христианам возобновить и обстроить его, как следует; и хотя еще в 1875 году мне говорили, что Иерусалимская патриархия приобрела его в собственность, но и до сих пор ничто не доказывает принадлежности его христианам. По общем совещании, мы здесь отслужили молебен Спасителю, а на возвратном пути предположили помолиться здесь мудрой самарянке, мученице Фотинии. О, добрые мои читатели, если бы видели вы, в каком я был возбужденном состоянии, когда читал простой, неземной мудрости евангельский рассказ о беседе Господа с самарянкой на месте самого события! Когда я начал читать: Во время оно прииде Иисус во град Самарийский, глаголемый Сихарь, близ веси, юже даде Иаков Иосифу, сыну своему. Бе же ту источник Иаковль. Иисус же утруждся от пути, седяще тако на источнице: бе же яко час шестый. Прииде жена почерпти воду. Глагола ей Иисус: дажь ми пити..., у меня голос дрожал; а когда продолжал далее: глагола к Нему жена: Господи, дажь ми ею воду.. Господи, вижу я, пророк еси Ты... вем, яко Мессия приидет, глаголемый Христос: егда Той приидет, возвестит нам вся... От града же того мнози вероваша в Он от самарян, за слово жены, свидетельствующая, яко рече ми вся, елика сотворих... – у меня на ресницах повисли слезные капли, я в это время мысленно сам себе так рассуждал: Сихемская женщина, как самарянка, была раскольница иудейской ветхозаветной церкви, по примеси языческих заблуждений – полуязычница, а по образу жизни, как имевшая пять названных мужей, уподоблявшаяся нынешним последователям Магомета и, конечно, подобно, своим единоплеменникам, питавшая глубокую ненависть не только к иноплеменникам и иноверцам, но и к их религии и учению, вдруг охотно вступает с чуждым для ней по всему лицом в откровенный, задушевный разговор, не боясь никого, коль скоро дело коснулось вероисповедных вопросов и убеждений. И сердце ее, несмотря на коснение в невежестве и грубых чувственных пороках, оказалось весьма чутким к таинственным глаголам Вечной Жизни и удивительно восприимчивым к токам Божественной благодати,

изливающимся в нескончаемый живот. В первый раз в своей жизни она увидала необычайного незнакомца; немного Он беседовал с нею, и притом не в синагоге, не в храме, не в священной одежде священника или архиерея, что много придает авторитета и силы слову говорящего, а под открытым небом, в простой и, может быть, запыленной епанче, которую носят простые бедняки, сидя как прохожий: на обломке камня, и, однако ж, чудная самарянка не обратила внимания на простоту и неприманчивость внешности, а увлеклась внутренними достоинствами говорящего и в несколько минут из грубой, замкнутой в себе, чувственной и ненавистной Сихемлянки сделалась истинно верующею, любящею Великого Пророка более всего на свете, готовою положить за него свою молодую жизнь, ибо не убоялась сейчас же проповедовать своим строптивым согражданам-фанатикам о Христе, сидящем у источника. А мы, называющиеся верующими, христианами, бегаем часто и тех обществ, в которых заводят речь о Боге и о спасении души, и ненавидим и гоним тех людей, которые проповедуют нам религиозные истины... А я, окаянный, родился от верующих родителей, крестился в истинную Православную веру, имел религиозных наставников, под руками у меня всегда было и есть столько Богодарованных средств и естественных и благодатных для моего возрождения, но однако ж вера моя слаба, упование суетно, любовь к Богу... да есть ли она еще в моем порочном и миролюбивом сердце?! Если бы у тебя была любовь к Богу, ты возненавидел бы мир и вся, яже в нем; если бы ты любил Бога, то исполнял бы охотно и Его заповеди, и за славу Его Имени шел бы на все жизненные невзгоды, не озираясь вспять. О, молись же, шептал мне голос совести, молись к Источнику жизни, научившему зде грешную сихемлянку тайнам Царствия Божия, чтобы Он соделал и твою душу способною к восприятию высших небесных даров – Веры, Надежды и Любви, и к плодоношению духовному, а Св. Самаряныню Фотинию проси, чтобы она призрела на тебя и особенно теперь, когда ты витаешь на ее родине, призрела с небесной райской высоты, и научила тебя крепкой Вере, непоколебимой Надежде и пламенной, никогда и ни при каких

бедах не остывающей и не отпадающей Любви к человеколюбцу – Богу.

Когда мы уже приближались к самому Сихему, вправо к востоку, нам указали на виднеющуюся у подошвы горы пещеру, заделанную спереди каменною стеной, в которой погребены кости Прекрасного Иосифа. Но туда самаряне никого из богомольцев не допускают даже и приблизиться.

При въезде в город стоит прекрасное и огромное здание, в котором помещается целый батальон турецкой пехоты для охраны проходящих богомольцев от насилия фанатических самарян, которые в прежнее время не пропускали ни одного случая ограбить, избить или же вовсе лишить жизни кого-либо из путешествующих иноплеменников и особенно из поклонников. Но теперь, благодаря добрым отношениям, установившимся между Портою и Россией со времени последней войны, местное начальство по инициативе свыше, кроме указанной меры, издало еще фирман, гласящий: что, если кто-либо из обитателей Самарии нападет на проходящих чрез нее пилигримов и лишит кого-либо из них жизни, то за каждого убитого повешено будет пять душ туземцев, хотя бы виновный и не был открыт. Благодаря таким мерам, мы, когда проходили по тесным улицам города, запруженным сотнями лавочонок и массою народа, то хотя многие и посматривали на нас недружелюбно исподлобья, а иные вслед нам плевали или же поворачивались к нам задом, но никто из них не решился оскорбить нас другим, более возмутительным поступком, и мы почти при свечах въехали в тесный двор греческого монастырского подворья, в котором едва могли поместиться наши подъяремные животные. Самая обитель состоит из бедной церкви во имя св. вмч. Георгия, помещающейся в одной из келий ее, – четырех монахов и двух-трех номеров для поклонников. Так как к игумену оной было из Иерусалима рекомендательное письмо, то нас приняли ласково, со всеми обрядами восточного гостеприимства.

Прежде нежели сказать что-либо о Сихеме, как об одном из городов Самарии, нам следовало бы, подражая другими путешественникам, говорить вообще о Самарии, как стране или

одной из четырех палестинских провинций, а потом о ее городах и пр.; но так как мы только находимся в начале пределов оной, в первом попутном местечке, то о Самарии вообще скажем свое слово, когда пройдем ее вдоль до Галилеи, а теперь, находясь в Сихеме, будем о нем вести и речь.

Сихем (Наблус) в переводе значит один участок. Один из самых древних городов Ханаанской страны лежит в долине между горами Гевалом и Гаризином, точнее – у подошвы последней, в 8-ми верстах от главного города этой провинции, Самарии или Севасты. Сихем принадлежал Ханаанскому князю Еммору. Этот князь имел сына Сихема и, вероятно, он основал город, которому и дал имя своего сына (Быт. XXXIV). После завоевания евреями, Сихем, принадлежа колену Ефремову, причислен был к сорока восьми городам Левитов. Иисус Навин, пред своею смертью, созвал в этом городе великое народное собрание и преподал здесь старейшинам и начальникам колен израильских свои последние заветы. Город этот разорен был судьей Авимелехом, против которого возмутились сихемляне (Суд. IX). Иеровоам, первый царь Израильский, улучшил город и сделал его столицею своего царства. Во время персидского владычества, Сихем сделался главным местом богослужения самарян, которые выстроили храм на горе Гаризин. Храм этот, после двухсотлетнего почти существования, был разрушен Иоанном Гирканом. Этот город рано имел в себе христианскую общину. Император Зенон прогнал самарян с горы Гаризин и построил там церковь; а Иустин выстроил в Сихеме пять церквей, которые были сожжены самарянами.

Теперь Сихем имеет внешность восточного мусульманского города. Повсюду почти тоже мрачные дома, сложенные из необтесанного камня, покрытого вековою пылью и копотью. Войдя в узкие и кривые улицы его, вы будете поражены беспорядочностью построек и обилием темных аркад и проулков, так, что каждый дом имеет вид тюрьмы или крепости. Но все-таки этот город замечателен и теперь по своей торговле и промышленности. Там и сям встречаются лавочки, большую частью самой жалкой по внешности, так как помещаются в небольших углублениях. Внутри их сделаны полки, на которых

разложены товары, а сам хозяин помещается или тут, между товарами на прилавке, или в нише – в таком тесном пространстве, что с трудом может двигаться или встать на ноги, чтобы достать что-нибудь с верхней полки. Такие жалкие лавчонки разбросаны повсюду, вместе с многочисленными кофейнями. Последние здесь тоже нероскошны; каждая кофейня состоит из темной комнаты с плохим полом, на котором расставлены скамьи, покрытые циновками. Здесь-то собираются правоверные сихемляне коротать скучное время, глотая кофе из маленьких чашек, куря наргиле и слушая рассказы и остроты какого-нибудь восточного Ваньки-красной рубахи. В общем Сихем город людный, торговый, в нем предположительно будет не менее 12 тысяч жителей, между коими насчитывают до 20 или 30 семейств православного исповедания и весьма малое количество самарян-сектантов. Домы их смежны один с другим, и в одном из них, в первом этаже, помещается ихняя синагога. Наряд, отличающий их от всех других сект и наций, состоит из чалмы, которую они носят на голове только в субботы и праздничные дни; когда же идут в синагогу, то надевают белые одежды и, в буквальном смысле, исполняют закон Моисеев. Этот закон, как и у евреев, заключает в себе шестьсот тринацать правил, но есть некоторая разность в исполнении сих правил, обрядов и употреблении пищи. Эти сектанты сихемские живут исключительно торговлею и разменом денег. Вообще же жители Сихема отличаются, как я и раньше упоминал, буйством и воинственным духом, и холодны к исповедуемой религии, чему служит доказательством небольшое количество малых и невзрачных на вид мечетей. Но, если Сихем не слишком представлен в архитектурном отношении, зато немного городов, которые могли бы спорить с ним в поэтической красоте его местоположения. Он как будто сидит среди рощиц, в виде амфитеатра возвышающихся одна над другою, разливающихся повсюду аромат, а гармоническое пение множества пернатых, приютившихся в сплошных садах, тянувшихся на несколько верст кругом города, с разнотонным журчаньем сотен ручейков, искусственно проведенных из больших бассейнов по

вставленным ложбинам на разные плантации, действует на нервы благотворным, освежающим образом. По очаровательной картинности и роскоши здешней природы, нет во всей Палестине подобного места; его безошибочно можно назвать земным раем Св. Земли. Жаль только, что оно в руках диких и неверных наследников. Вообще, сколько я ни примечал за все время путешествия по Востоку, самые красивые и удобные места заселены неверующими варварами, – и грешный, не раз задавал сам себе вопросы зачем это Божественный Промысл допускает это в ущерб и скорбь верующим? И объяснил это тем, что Господь, в виду их прошедшего, настоящего и будущего косненья в неверье и пороках, за которые они по закону небесного правосудья в будущей жизни должны восприять вечного зла, наделяет за лишенье благ райских – благами мира сего, и услаждает чудными красотами его за лишение лицезренья вечной несозданной красоты – Творца-Бога в небесных обителях Его; а истинно верующим, праведникам, хотя многие скорби предлежат в этой юдоли плача, но от всех их избавит Господь и отымет всякую слезу от очей их в будущем животе вечном.

За дневное беспокойство и крайнее утомление от долгой езды, мы ночью приплатились еще бессонницей. Монастырский цербер, поощренный вечернею подачкой, чересчур уже усердствовал в охраненье нас от фанатизма сихемлян и своим визгом, лаем и беготней совершенно расстроил наши нервы, почему мы вынуждены были подняться на ноги в три часа, – и после совершенья мною заутрени и часов, когда еще горожане покоились в своих гаремах, мы выехали с места ночлега до направленно к городу Самарии. На рассвете из-за гор показались тучи, небо сразу сильно нахмурилось и начал накрапывать дождь; его мы так сильно боялись в пути, ибо палестинские дожди не чета нашим; я принужден был достать припасенную из Иерусалима непромокаемую шинель (ибо зонтики здесь от ливня не спасают) и ехал как латинский патер, а все другие поникли головами и не знали, что делать с собой. Впрочем, небо скоро сжалось над нами, и начало смотреть на

землю приветливо глазами солнца, упрощенное чьей-то праведною молитвой.

До Самарии или Севасты мы ехали два или три часа почти беспрерывными рощами и садами, что необыкновенно благотворно влияло на наши чувства, даже многие от избытка их начали петь хвалебные песни Творцу всего видимого и испытуемого нами. Но вот, обогнув угол сада, мы увидели на острой макушке превысокой, почти вертикальной горы, несколько лачужек, — то были жалкие остатки от древней израильской столицы — Самарии.

Самарию основал нечестивый царь Амврий, и с седьмого года своего царствования сделал ее резиденцией царей Израильских. Потом Амврию наследовал сын его, еще более нечестивый царь Ахав, который со своею женою, Иезавелью-язычницею, окончательно развратил народ, выстроил даже идольское капище в честь божка — Ваала, при котором служило до 500 жрецов. Св. Пророк Илия, ревнуя по Господе, сильно обличал Ахава и злую жену его Иезавель, но они не слушали его, и постиг их праведный суд Божий: Ахав вскоре умер, раненный на войне, и псы, по предречению Пророка, лизали кровь его, а погубившая невинного Навуея — Иезавель выброшена была по повелению Ииля из окна и разбилась; вдобавок сам он проехал по ней, а после собаки совсем съели ее. Самария разрушена была ассирийским царем Салманассаром и возобновлена Габинием, римским правителем Сирии, и сделалась весьма цветущим городом при Ироде Антипе, который выстроил в нем храм в честь императора Августа, и самое название города — Самарию, заменил именем Севастии — греческое слово, по латыни означающее Августа.

У подошвы Севастийской горы мы вынуждены были встать с мулов и карабкаться на нее, кто как сумел, самарийцы, завидевши нас, то и дело подскакивали к нам из лесов с предложением купить древних монет. При входе в самый город нас окружили и малые, и большие, и мужчины, и женщины, душ до ста; мы ожидали, что они станут нас колотить, но нет; они стали торговаться за входной бакшиш во двор ихней мечети, где усечена глава Иоанна Крестителя, причем никак не хотели брать

бумажками, а серебром. Во двор сходят по четырем ступенькам, которые ведут в сени, — это был притвор древнего христианского храма. В самом дворе, довольно обширном, нашим глазам представились развалины церкви, устроенной Св. Еленою, несколько стен которой церкви сохранилось довольно хорошо, и особенно половина свода над алтарем; — судя по остаткам, церковь была громадна и архитектурна, и средина ее как раз приходилась над той темницей, во мраке которой и втайне совершилось страшное событие, и из которой оруженосец дерзко вышел на свет, неся за волосы честную главу великого Пророка, и поместил на блюде с царского стола.

Теперь над этим местом стоит небольшая часовня, низ которой глубоко вдался в землю, так что в нее, как в погреб, нужно спускаться по двадцати ступеньками, устроенным в таком тесном проходе, что с трудом можно двигаться в нем неловко и не иначе, как со свечами, которыми для этого случая мы запаслись еще в Иерусалиме. Войдя в часовню, мы сначала осмотрели ее, — она освещается двумя небольшими отверстиями, сделанными в боковых дверях, а потом прошли в темницу Предтечи, — она довольно тесна, не более пяти аршин в длину и полтора аршина в ширину; место усекновения главы обозначено мозаическим кругом, к которому мы и прильнули устами. Здесь видны гробовые своды, заделанные снаружи, с оставленными нарочито углублениями внутри. В одной из боковых стен, вправо от места усечения главы, две квадратных ниши в рост и объем человека; предание говорит, что здесь погребены были пророки: Елисей и Авдий. От прикосновения к костям первого, как известно, воскрес мертвый. Здесь я отслужил молебен великому Проповеднику истины, а поклонники и поклонницы с особым умилением и слезами пели ему: «Память праведного с похвалами, тебе же довлеет свидетельство Господне, Предтече: показал бо ся еси воистину и пророков честнейший, яко и в струях крестити сподобился еси Проповеданного; тем же за истину пострадав радуяся, благовестили еси и сущим во аде Бога, явльшегося плотью, вземлющаго грех мира, и подающаго нам велию милость».

Нужно при этом заметить, что бывали такие случаи с вошедшими в часовню: при обратном выходе, двери оной оказывались запертыми, и за выпуск на свет Божий вторично требовался бакшиш, и притом довольно крупный, причем нередко доходило до кровопролития и даже убийства. С нами, впрочем, ничего подобного не случилось.

По выходе во двор, пред часовней я сказал своим спутникам краткое поучение.

Теперь от древней столицы остались лишь жалкие развалины, с приютившимися возле них кой-где небольшими закопченными мазанками, в коих копошится не более 300 душ жителей; а где был величественный дворец Ирода, в котором он так варварски закончил праздничный день своего рождения, там виднеется около двадцати громадных мраморных колоний, кажущихся как бы воткнутыми в распаханную землю, в виде обелисков, на память будущими векам о нечестье, жившем в этом месте. Кроме их нигде не видно никаких остатков от огромного Иродова жилья.

Чрез двадцать минут мы спускались уже по тенистой горе, по пути к пограничному самарийскому городу Дженину; дорога к нему сначала, в продолжении двух часов, шла трудною, горною, каменистою тропой, по которой попадалось множество масличных садов и журчащих ручейков, направляемых по прихоти обитателей в разные места своих усадеб. А далее, за источником, называемым источником воров, где обыкновенно бывает отдых, на пять часов езды идет дорога довольно хорошая, к концу со множествами болот, что вообще в Палестине необыкновенная редкость. Около самого Дженина паслось на жирных пажитях около сотни развязченных ослов и мулов с навешенными большими колокольчиками, которые разнотонными бряцаньем и услаждали наш слух, и будили нервы, ослабевшее от целодневной тяжелой езды. Наконец, за роскошными садами, тянувшимися по равнине, выглянул и Дженин, жители которого лишь только завидели нас — всполошились.

В Дженине паломникам приходится ночевать на открытом воздухе, ибо тамошние жители все без исключения магометане

и негостеприимны. Но так не хотелось этого, при том мог пойти и дождь, что случилось к следующему утру. С нами, я забыл раньше сказать, для всякого случая и большего удобства в сношениях с туземцами, взята была из Иерусалима в качестве толмача, простая екатеринославская хохлушка-кухарка, которая за 12 лет совершенно изучила все местные наречья: турецкое, арабское, греческое и еврейское, – вот ее-то мы и командировали парламентером к суровым дженинцам. Скоро она явилась с вестью, что никто не пускает, да и нет таких помещений, где бы можно было спокойно и вольно приклонить главу, исключая одной вдовы-турчанки, которая с радостью пускает за 20 к. с души. У ней-то мы и приютились, воспоминая из Библии, как часто вдовы давали покой у себя и святым людям в то время, когда все отказывали им в нем.

Скоро мы познакомились с большой семьей этой вдовы, и долго беседовали с ней чрез нашу толмачку; к нам потом приходило много соседей ее, поглазеть на Москву, посмотреть на кипящий самовар, как на диво, и отведать, что это она наливает из него в стаканы и горячим пьет. (На востоке ничего горячего не пьют и не едят). Мы их угостили, кого сахаром, кого сухариками и проч., и они в восторге от нас расходились. Затем мы пошли посмотреть город.

Дженин – это в настоящее время небольшой турецкий город с сотнею бедных лачуг, грязный, скученный и скучный; на площадке его торчит пять – десять лавочонок с необходимыми житейскими потребами, исключая хлеба. Кстати нужно заметить, что харчами и особенно хлебом для дороги в Галилею нужно запасаться из Иерусалима до Назарета, а потом для обратного пути -в Назарете; у мусульман вы ни за какие деньги не купите его, да и не будете кушать, если бы и пришлось достать. В конце города большая, открытая цистерна воды и довольно приличное здание для турецкой военной стражи. Мы ожидали за свою смелость и любопытство неприятных выходок со стороны невежественных и диких горожан, о чем упоминали не раз прошедшие паломники, но они сверх чаяния даже оказались приветливыми. Так время и обстоятельства изменяют иногда нравы людей!

Близко Дженина – древнего Дафайма, или Дотеи, Иосиф был брошен в глубокий ров или сухой колодезь своими братьями... В Дженине или Дофайме Спаситель исцелил десять прокаженных, которые оказались неблагодарными, кроме одного самарянина. Припоминая это событие, мы сердечно вспоминали к Спасителю: «Царю Предвечный, Утешителю, Христе истинный, очисти ны от всякая скверны, якоже очистил еси десять прокаженных! Иисусе Боже, воздвигни нас падших; Иисусе, Сыне Божий, помилуй нас!»

Теперь, когда мы проехали всю самарийскую провинцию, скажем несколько общих слов о ней. Самария, самая меньшая из четырех палестинских провинций, получила свое название от города Самарии, бывшей резиденцией царей израильских. К северу она граничит с Галилею, к востоку – с Иорданом, к югу – с Иудею, к западу – с Средиземным морем. Почва даже и на горах весьма плодоносна и теперь довольно успешно обрабатывается. Она производит хлеб, хлопчатую бумагу, маслины, разного рода овощи и отчасти шелк. Прекрасная растительность, горы, расположенные живописно, виноград, оливковые рощи, луга и поля, орошаемые источниками, выходящими из под высот, делают Самарию одною из прекрасных провинций Палестины. Ныне, как и в древние времена, жители, заключенные в своих горах, почти неприступных, остаются там в совершенной безопасности от тирании своих повелителей и от нападений, которые могут приходить отвне. Никакой большой путь не пролегает по провинции; путешественники вообще обходят ее, привлекаемые на север по дороге, ведущей от Дамаска к морю, и на юг, к достопамятным высотам Иерусалима. Жители, однако ж, ничего не теряют от такого уединения, многие достаточные люди перешли к ним, найдя у них безопасное убежище от преследований; наследники самарийские слывут теперь за народ самый богатый в Палестине.

Но в священной истории евреев самаряне играют второстепенную роль в сравнении с жителями Иудеи; мы видим даже вражду, которая никогда не переставала разделять обе эти провинции – Самарию и Иудею; видим образование секты

самарянской, слабые остатки которой существуют еще и теперь, как я раньше сказал; в г. Сихеме, где последователи секты признают только закон Моисеев или Самаритянское Пятикнижие, ненавидят Иерусалим и обращаются в своих молитвах к горе Гаризин, месту их древней святыни; видим, наконец, презрение, которое жители Иудеи всегда питали к самарянам за разделение царства израильского, за оставление иерусалимского храма, за допущение язычников открыто совершать свое богослужение в Самарии и общение с ними. Самое название – самарянин у иудеев было ругательное (Ин. 8:48); иудеи избегали всякого сообщения с самарянами, как преступления, влекущего наказание (Ин. 6:9), уклонялись от проезда чрез их провинцию, а если это было неизбежно, то брали с собою столько запасов, сколько нужно было для пути, чтобы не брать их у самарян. Самаряне иногда платили им тем же (Лк. 9:52 и далее). Потому-то Спаситель, огорченный их упорством, запретил ученикам Своим при первой проповеди входить в города самарянские.

Впрочем, Сын Божий не гнушался и самарян, которые сначала оказали большое сопротивление ученью Его, и только обращение жены-грешницы истребило в них некоторые предубеждения к проповеди Спасителя. По сошествии Святаго Духа на Апостолов, когда иудеи, по убиении Св. архи диакона Стефана, воздвигли на них гоненье, архи диакон Филипп пошел проповедовать Евангелие самарянскому народу. Его примеру последовали Св. Апостолы Петр и Иоанн, которые отправились в Самарию, чтобы возложить руки на новообращенных, и тем низвести на них Святаго Духа; при этом случае волхв Симон хотел получить за деньги дар творить чудеса. Этот безбожник своими обманами соблазнял первых христиан. Но самаряне, оставивши свою древнюю религию, не были чистосердечно преданы новой: впоследствии они были даже жестокими гонителями христиан, сожигали их церкви, проливали кровь их епископов, священников и всех преданных Христианской Церкви, невзирая на пол и на возраст.

На следующей день в 6 1/2 часов утра мы рас прощались с Дженином, но едва только проехали одну улицу его, как полил

такой сильный дождь, что мы принуждены были воротиться назад в свою прежнюю квартиру и, к великой скорби, провели целый день в скучной, без окон, турецкой сакле. Впрочем, вечером, когда небо прояснилось, мы гуляли вокруг Дженина, любуясь его окрестностями, причем особенное вниманье привлекла к себе гора Ермон; бродили по турецкому кладбищу, рвали цветы и вели религиозные беседы. При этом наша толмачка – хохлушка рассказала нам один современный эпизод из религиозно-нравственной жизни восточных христиан. В Бейруте проживало оседло одно семейство, состоявшее из шести братьев православных христиан, которых мусульмане начали склонять и склонили, кого деньгами, кого угрозами в ислам; но один из них, слепой, лет 30-ти, покрытый с ног до головы язвами, ни за что не соглашался изменить исповедуемой им веры. Однажды было ему такое виденье: явился Архистратиг Михаил и сказал: «Пойди ты за часовню великомучен. Георгия, прокопай там землю, и когда покажется вода, то ты ею омойся, напейся и будешь здоровым и зрячим». Он это исполнил и исцелился. В благодарность Господу, пославшему Своего Ангела для избавления его от слепоты и недугов тела, он недавно приходил в Иерусалим на поклонение гробу Господню, и здесь землею, принесенною им с того места, где приказал ему копать Архангел, исцелил многих недужных, всыпая в воду и давая потом ее пить. Этот бейрутянин принял теперь монашество.

Когда мы улеглись спать, вместо кроватей на холодном полу вместо тюфяков на порванных и жестких циновках, вместо головных подушек на кучах моркови, то крысы своими набегами на наш дорожный багаж и съестное не давали нам почти покоя, а разные кровожадные насекомые, особенно дружно нападающие на свежего человека в дорожных пристанищах, которых насекомых собственные имена каждому известны и всегда памятны, не давали нам спать сном благотворным, освежительным, необходимым для поддержанья сил к дальнейшему путешествию. Чтобы не скучать от бессонницы, я зажег лампу и начали писать дорожные заметки, поглядывая по временам на несмазанный потолок из древесных ветвей, и чего,

чего только между ними не увидели! Мириады разного рода гадов кишили там, испуганные непривычным для них ночным светом, и каждый из них силился занять поудобнее позицию, чтобы лучше рассмотреть, что там внизу нарушает их полночный покой. Это меня сильно напугало; я особенно боялся, нет ли между ними скорпионов, в виду свежего рассказа об одной женщине, ужаленной этим пауком, у которой, для избежания поражения всего тела антоновым огнем, принуждены были отнять руку.

На рассвете я первый встал, чтобы посмотреть на погоду, и едва полуоткрыл дверь, как увидел пробивающимся в дверь что-то наподобие нашего рака, я вскричал и прибежавшие ко мне арабы и турки, а потом и наша толмачка объяснила мне, что это скорпион, водивший в это время огромным своим жалом во все стороны, и что, если ужалит этой иглой, которую они при этом и оторвали щипцами, то на человека ту же минуту нападает лихорадка со рвотой, потом делается страшный жар во всем теле, оно сильно распухает, и ужаленный, в страшных мучениях, оканчивает жизнь; у других же приключается антонов огонь, и если не будет отнят пораженный член, то непременно наступает конец жизни. Ужас овладел мною, и вместе с тем я восслал глубокую благодарность к Богу за то, что Он, Всеблагой, натолкнул меня на этого страшного врага, предал его в наши руки прежде, нежели он успел поразить нас. И теперь не могу вспомнить без содрогания этого дня и ночи: что, если бы они ночью как-нибудь заползли к нам на ночлеги и пожалили нас? Мы бы не знали, откуда и взялось такое великое несчастье. Но, видно, между нами были кто-нибудь, угодный Богу, ради коего Он сохранил и всех нас.

В 5 1/2 часов утра мы снялись с полуторасуточного кочевья, заплатив за него по 30 к. с души, и направились по равнине Эздрелонской к Назарету. Небо смотрело на нас сумрачно, и мы поминутно ожидали опять дождя; дорога грязная, тяжелая, но ровная и без камней, так что здесь можно было ездить и экипажами. Чрез час, а, может быть, и более, мы доехали до небольшого холма, на котором торчало два-три десятка жалких лачуг; я спросил: что это за хутор? Мне ответили арабы –

Зараиль, или древний Израиль, бывший столичный город Израильского царства, по разделении его, где жили некто навусеи, имевшие здесь столь пленительный, роскошный виноградник, что сам царь Ахав очаровался им, и хотел приобрести в собственность и, за неуступку, велел побить обладателя его камнями, по коварству Иезавели. – Здесь, по предречению пророка, полизали кровь самого Ахава, смертельно раненного, а Иезавель съедена собаками. Теперь вместо виноградников пред каждой лачугой стоит громадная куча навоза, от зловония которого с трудом дышится, а это дает знать, что израильцы нынешние занимаются скотоводством. Когда мы проезжали мимо этого поселка, все жильцы его, и старые, и малые, послазили на кровли и с криком и гамом провожали нас, как диких зверей. Отсюда по узкой нагорной тропинке мы спустились к колодцу, который, как сказали нам арабы, называется Аин-Джалуд. К нему и от него, то и дело, что шли с кувшинами дети, девушки и женщины, неся их, по обычаю, на головах. Оговорюсь здесь: замечательно, что с границы Галилеи женщины ходят с открытым лицом и все в синих рубашках и такого же или другого цвета штанах, а мужчины без оных, в одних только длинных рубашках. Поблизости этого колодезя было два сраженья: Гедеона с мадианитянами и амаликитянами и Саула с филистимлянами. Чрез час мы доехали до Сулима, библейского города Сонама, в котором одна богатая, замужняя, но бездетная женщина приняла на жительство в свой дом пророка Елисея, и даже выстроила для него особую горницу. Елисей в благодарность испросил ей у Бога сына. Ребенок подрос и умер. Мать тотчас отправилась к Елисею и высказала ему свое горе. Елисей пришел в дом ее и молитвою воскресил мальчика. Сонам теперь большая деревня, утопающая в зелени. Чем далее мы двигались по обширной долине Эздрелонской, тем дорога становилась ровнее, а растительность роскошнее; по рыжеватой почве везде, куда ни глянешь глазом, колышется море пшеницы, ровной, густой, чистой, ростом более аршина, с широкими сочными листьями, как на нашей мелкой осоке. Проехав вдоль гору Ермон, видимую еще с видимую еще с

Дженина, мы с нетерпением желали скорее узреть и Фавор. И вот, через полчаса, она представилась нашим глазам по ту же правую сторону, где и Ермон. О, что это за чудная гора, среди равнины, чудная даже издали!! Именно —гора Божья! Смотришь на нее и не насмотришься, любуешься ею — и не налюбуешься. Она нам казалась не в далеком расстоянии от нас, а когда мы спросили, то нам ответили, что к ней отсюда не менее 16-ти верст. Ближе к Назарету, переехавши поток Киссон, при устье которого Пророк Илия заколол всех ложных пророков Бааловых, пажити становятся еще тучнее, а хлеба роскошнее, так что, сравнивая Иудею с Галилеей, невольно согласишься, что первая несет на себе явные следы гнева Божия и до сего дня за Кровь, пролитую неправедно. А последняя, как мирная родина Преблагословенной, пользуется и по Ея успении Ея же вышним покровительством и небесным благоволением. Местами земная поверхность буквально усеяна была разного рода чудными цветами так, что она казалась самым дорогим ковром, сотканным щедрою и всемогущею рукою Всесвятой Обитательницы Назарета и разостланным для увеселения взоров утомленных поклонников, стремящихся посетить земную родину Ея. Мы то и дело, что поворачивались в разные стороны по дороге и восторженно восклицали: а посмотрите вот здесь, что это за прелест! Какая игра природы! Ничего подобного мы не видели ни в Иудее, ни в Самарии; недаром же и та местность, на которой сидит Назарет, носит такое название, ибо оно на арабском языке означает цветы.

Но вот равнина окончилась; мы приблизились к довольно высокому гребню горы, правый конец которой выделился из общей поверхности в виде конуса, с обвалом и углублением сбоку. Это, по преданью, то место горы, к которой злобные назаряне привели Спасителя и хотели Его свергнуть с нее. По крутизне ее мы не могли ехать верхом на мулах, и по трудным, извилистым тропинками ее шли и карабкались более часу и страшно истомились.

Но Назарет!.. Это имя всегда возбуждало во мне чистую радость, неизъяснимый восторг; и от других выслушивал, и сам произносил его я всякий раз с каким-то радостным движением

сердца. После этого вы поймете, насколько, по мере приближения моего к Назарету, ощущения души моей становились все живее и уладительнее; и они-то подкрепляли меня в моем изнеможении.

Чрез несколько минут глаза мои увидят Назарет, одно имя которого так священно для всех чтуших истинно Присноблаженную и Пренепорочную Матерь Бога нашего – Приснодеву Марию. Да, увидят ту хижину, в которой обитала Она по выхода из храма со своим Обручником! Увидят ту храмину, в которой возвещено Ей свыше небесным Вестником непостижимое и великое таинство милосердия и спасения – Божественное таинство воплощения от Нее Сына Божия. Узрят то место, где Честнейшая Херувимов и Славнейшая Серафимов питала и согревала в своих объятиях Богомладенца, и где Он возрастал и укреплялся духом, исполняясь премудрости до 30-ти летнего возраста. Узрят ту тропу, по которой ежедневно ходила, и тот источник, из которого пила и черпала воду для домашней потребы – Дщерь Царева, Матерь Бога Вышнего. Так говорил я сам с собою, как вот в обширной впадине горы показался наконец и самый предмет улады -смиренный Назарет, из которого излилось на грешное человечество столько благ, через посредство благодатной Дщери Иоакима и Анны, от Воплотившегося от Нея.

Вмиг все мы пали на колена и от наплыва радостных выспренных чувств стройно воспели: «Днесь спасения нашего главизна, и еже от века таинства явление: Сын Божий Сын Девы бывает, и Гавриил благодать благовествует; тем же и мы с ним Богородице возопим: радуйся, Благодатная, Господь с Тобою!

«С небесных кругов слетев, Гавриил в Назарет прииде к Деве Марии, вопия Ей: радуйся! Зачнеши Сына, Адама древнейшего, Творца веков и Избавителя вопиющих Тебе: радуйся, Чистая!

«Достойно есть венчати Тя, Честнейшую Херувим и Славнейшую без сравнения Серафим

«Архангельский глас вопиет Ти, Чистая: Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою»!

С горы панорама Назарета и окружности оного очаровательна. Недаром название Назарет – по-еврейски Эн-Назирах, означает цветы; и подлинно, это цветы не только Галилеи, но и всей Палестины. – Огромные горы, раскинутые кругом, образуют здесь прекрасную, защищенную со всех сторон, долину, покрытую смоквами и маслинами. По горам, огибающим город, также растут высокие, раскидистые деревья, и их свежая, яркая зелень резко выделяется на фоне белого, известкового грунта. Из городских зданий издали бросается в глаза высокая, красивая башня или колокольня, устроенная при католической церкви Благовещения; а в самом городе – доме приюта для русских поклонников, в который мы прямо и направили свои усталые стопы, для отдыха, после трехсугодичного утомительного вояжа.

Хотя часто и много пишется о Св. Земле, и в частности об Иерусалиме и Вифлееме, но о Галилее и Назарете, сравнительно мало. Причиной этому то, что Назарет, по своей отдаленности, единственности, трудному и не безопасному пути, менее посещается поклонниками, и самое пребыванье их ограничивается обыкновенно весьма коротким сроком – днем, много – двумя. А так как Спаситель и Его Пречистая Матерь дали мне силы и возможность там побывать, послужить, походить, поразглядеть и поразузнать многое, то я долгом считаю сообщить нечто более других о Назарете и его святынях.

Назарет, бывший во времена Христовы незначительными местечком, и в Ветхом Завете совсем не упоминаемый, получил свое религиозное историческое значение только со времени воплощения Христа Спасителя и долговременного пребывания Св. Семейства. Здесь присноблаженная Дева после Архангельского благовестия засела от Духа Свята; здесь Слово плоть бысть; здесь Он дал пример смиренья и послушанья Своей земной Матери и воспитателю Иосифу; здесь хотели свергнуть Его с горы и здесь случилось то, что Он чудесно избег от рук Своих гонителей; здесь начало нашего искупления, ибо именно здесь Спаситель принял нашу человеческую природу.

Ради всего этого равноапостольная царица Елена над домом Святого Семейства построила первую христианскую церковь. С течением времени, она часто разоряема была от сарацин, и особенно пострадала от них в 1104 г., потом в 14-м столетии франки в лице ордена францисканцев хотя и успели занять это святое место, но скоро были изгнаны. Затем снова они соорудили церковь для Божественной службы, но лишь только началось в ней священнодействие, как фанатизмом исламитов она была опять разрушена, и только дано было право местным христианам содержать в руинах этого святилища одну лампаду. Наконец, как говорит местное предание, это благословенное место, по неотступным и особенно ходатайствам православных греков, отдано было им во владение одним из сарацинских калифов, но в прошлом столетии эллины, будто бы сильно нуждаясь в деньгах для уплаты положенной дани за святые палестинские места турецкому султану, а на самом деле – прельстившись, по врожденному и присущему им златолюбью, громадными суммами, предложенными им от папистов, к великому оскорблению Православия и горести истинно верующих сердец, святотатственно уступили франкам, которые, вскоре устроив здесь малую церковь, крепко пристроились при ней и до сего дня. Мало-помалу приобрели они покупкой и мастерскую Св. Иосифа, и священное место, где лежит большой камень, называемый латинами «менса Христи» – трапеза Христа. Над первою и вторым выстроеныими же малые церкви. Синагога, в которой Иисус Христос часто учил и творил чудеса, перешла в руки франков еще в минувшее столетие.

После краткого изложения прежних обстоятельств справедливо будет несколько подробнее поговорить и о нынешнем Назарете. Ни многочисленный ряд веков, ни сила исторических событий не могли изменить тех патриархальных черт, той простоты построек и домашнего быта, которыми отличалась Палестина во время земной жизни Спасителя. Та же обстановка, те же типы, тот же костюм на каждом шагу поражает нас сходством бытовых картин из жизни бедуина или феллаха с библейскими или евангельскими рассказами; на каждом шагу

люди, изучающие восток, встречают несомненные свидетельства, что здесь почти ничего не изменилось и что все осталось в нетронутой целости: особенно такою неизменностью как в домашнем быту, так и в постройках, отличаются небольшие поселенья, напр. Назарет – родной город Спасителя, Которого при жизни именовали Назореем.

Назарет состоит теперь большою частью из беспорядочной кучи мазанок, разделенных лишь узкими кривыми улицами-коридорами и кое-где небольшими площадками; впрочем, при довольно разбросанном поселении по окраинам городка, здесь попадаются глазам очень красивые двухэтажные домики, сложенные по сирийскому образцу из камня. Назарет ныне считается главным торговым пунктом Галилеи и занимается преимущественно ссыпкой и отправкой пшеницы в каменистую Иудею и заиорданские области и имеет до 8000 жителей, больше арабов-папистов, которых латинский приход считает до 2000, маронитский 350, греко-униатский 500 д.; кроме того, в Назарете есть 2250 д. православных греков с митрополитом во главе, до 100 д. протестантов и до двух с половиною тысячи турок. Протестанты, по заслугам своим, весьма малого и даже ничего не могут добиться в Назарете, где всеблаженная Дева, которую они дерзко кривотолком низвели на степень обыкновенной простой женщины, возвышена в достоинство Богоматери. Несмотря на княжеские вклады, получаемые протестантскими миссионерами, несмотря на их прекрасную церковь, сиротский приют и госпиталь, они все-таки остаются, как мы видели, при незначительном числе. В центре города главная улица вымощена камнем и содержится довольно опрятно; на протяжении ее выглядывает десяток, а пожалуй и два, лавочек с различными житейскими потребами, немало магазинов для ссыпки хлеба, так как Галилея есть житница Палестины, – довольноное количество садиков, освежающих и насыщающих воздух благовонным запахом, и, вдобавок, четыре училища: турецкое, греческое, латинское и протестантское, – а в конце восточной части города греческая церковь, с вытекающим из-под нее единственным для всего населения источником, прорезывающим вдоль весь Назарет, и довольно красивым

митрополичьим домом, – вот и все достояние городка! Но как приятно в нем уединиться от мирской суеты, для отрезвления души, для сладкой молитвы пред Благословленною в женах, которая молитва в этом временном пристанище Ее, при благодатной природе, невозмутимой тиши и в виду святынь назаретских, так и льется из глубины сердечной к Честнейшей Херувимов, чтобы Она, всеблагая, не оставляла нас во вся дни живота нашего, не вверяла бы нас человеческому представительству, но Сама сохраняла бы от зол и, ими же весть судьбами, спасла нас от ада преисподнего.

Русский приют или странноприимная, в которой мы расположились для отдыха, устроена в русском вкусе, с отдельными номерами и общими залами, в которых может расположиться до 1000 душ. При оной надзирателем – молодой, довольно симпатичный, образованный и вежливый араб-христианин, бывший потом и нашим конным кавасом-телохранителем по всей Галилее. Честь и хвала акрскому консулу за удачный выбор добросовестного служаки! Номер, отведенный мне, оказался превосходными, таким, какого не сыщешь у греков во всей Палестине и за большие деньги, с комфортом лучших русских гостиниц: железною кроватью с роскошным над ней пологом и всеми спальными принадлежностями безукоризненной чистоты и белизны, комодом для дорожных вещей, столом, стульями, умывальницей и даже зеркалом, чего у туземцев не встретишь ни в одном доме. Мало этого: к услугам северных поклонников здесь же на виду, в общей зале красовался и любимец Руси – десятиведерный самовар-великан, который для утешения нашего и подкрепления сил и сослужил нам не раз свою службу. Добротная сердечная благодарность за все это каждого паломника Русскому правительству! Отдохнувши час-другой и приведши свой жалкий дорожный туалет в возможный порядок, я отправился с нареченным псаломщиком и вместе с переводчиком к митрополиту Назаретскому Нифонту, который сверх всякого нашего чаяния ожидал уже нас в приемном зале, вероятно, заранее предуведомленный о нашем прибытии. По заявлении о себе, кто мы такие, и взятии благословения,

приглашены были сесть, причем сейчас же подано было и неизбежное обычное восточное угощение – рака, варенье и кофе, за которым мы объяснили и цель нашего посещения его преосвященства, – попросить у него архипастырского разрешенья на выполнение нашего заветного сердечного желания -отслужить в Назарете русскую всенощную и обедню в одной из православных церквей. (В Назарете их три). Митрополит сначала долго не соглашался на это, настойчиво приглашая служить с ним вместе; но потом, когда я объяснил ему, что наши поклонники мало понимают греческое богослужение, вследствие чего и безучастно относятся к нему, – и я, как священник русский, нарочно путешествую с ними, чтобы на Святых местах нарочно совершать для них службы на родном языке, для чего у нас имеются и свои книги, и певцы, тогда он благословил нам служить на том месте, где находится источник, из которого приходила ежедневно черпать воду Преблагословенная в женах, во время Своего долговременного жития в Назарете с возлюбленным Сыном, и над которым устроен придел во имя Архангела Гавриила, при главной церкви во имя благовещения Пресвятой Богородицы.

В 4 часа пополудни, а по-восточному в одиннадцатом, начался благовест к вечерне. Едва мы вошли в церковь, как за нами последовал вход и митрополита, которого священники встретили на пороге ее, облачив его в бедную бумажную мантию, на которой на местах, где должны быть скрижали, виднелись четыре парчовых лоскута; с жезлом в руках он потом прошел к настоятельскому месту на амвоне под балдахином и стал на нем. По возглашении священником начала вечерни, митрополит сам начал читать девятый час, затем вечерню пели на два клироса, на правом по-гречески, а на левом по-арабски, а кафизмы в положенное время читались малютками, учениками Православной Назаретской митрополитской школы, которые тут же стояли рядами под надзором учителя, и один за другим подходили к псалтырю для чтения каждого следующего нового псалма, – то на греческом, то на арабском, то на турецком языках. Дикция их громкая, четкая, осмысленная, чрезвычайно мне понравилась. «Свете тихий» возгласил сам

митрополит, стоя на своем месте, он же делал и отпуск. По окончании греческой вечерни, я подошел к нему за благословением на служение русской всенощной. Ограждая меня крестным знамением, он сказал: «Извольте», при чем вручил мне и Св. Евангелие на славянском языке. И вот мы, на указанном месте, у источника Богоматери³⁶, и совершили предположенное Богослужение, к великому духовному нашему утешению. Оно тем более было для нас отрадно, что на оном износился Животворящий Крест – сила, крепость, избавитель, щит, хранитель, победа и утверждение христиан, – так как это была крестопоклонная неделя. Греки, в том числе священники и архимандрит, с особым вниманием следили за нашим священнодействием. Богослужение наше окончилось в восемь часов, а по-восточному – во втором часу, начавшись в половине пятого пополудни. На дворе, когда мы вышли из храма, царила необыкновенная темнота, которая давала возможность палестинскому небу выказаться пред нами во всей прелести своей красы, блиставшей поразительною густотой малых, но особенно крупных, ярких звезд, точно бриллиантов, усаженных на известном предмете один возле другого, и так близко к нам, что небесный свод казался как бы опустившимся над самый Назарет, чего у нас на севере никогда не увидишь. Но несмотря на такую яркость неба, мы с трудом могли добраться по закоулкам Назарета до своей квартиры даже с фонарем в руке и при посредстве вожатого.

На следующий день в пять часов утра я начал совершать раннюю Литургию, на том же самом месте, у источника, за которой помянул, между прочими, и всех живых и отшедших граждан города Изюма и сказал слушателями речь.³⁷

Лишь только окончилась наша обедня, как греки начали свою утреню, на которой пел весь канон сам митрополит, параклисиарх в это время у готовлял в алтаре блюдо для изнесения креста; на этом блюде уложено было горой в виде копны множество наципанных злаков, начиная от полыни и разных цветов с кустарников и с деревьев лимонных и апельсиновых; но лежало и несколько отдельных связанных небольших букетиков тоже с ветками полыни в каждом, поверх

которых положен был и крест. После великого славословия, как обычно и у нас, доследовал вынос креста, при пении «Святый Боже» на средину церкви, при следующей обрядности. Старший из священников, поставив блюдо с крестом на главу, обошел с ним вокруг престола три раза сам, потом, когда направился к выходу из алтаря, к нему присоединилось еще несколько священников, а за ними митрополит в мантии и митре, в преднесении запрестольного креста и трикирия и дикирия, и остановились среди церкви пред уготованным столом. По трикратном обхождении тем же священником, блюдо со крестом было поставлено на месте. Когда началось поклоненье кресту, митрополит сел возле стола на кресло и каждому, облобызвшему крест, давал из-под него по цветочку или по травке или же по букету; мне достался букетик с полынem, — причем я заметил, что всякий, получивший веточку полыни, ту же минуту клал ее в рот и потреблял, что побудило меня обратиться с вопросом: зачем это делается? Мне ответили, что греки считают полынь за священную траву и особенно верят в целебные свойства ее, а тем более взятой из-под креста; в настоящий же раз этот злак имеет для них и аллегорическое иносказательное значение: онъй означает горесть или трудность подвигов поста и покаянья; а так как в преполовенье Великого поста, крест, по мысли св. Церкви, износится пред очи для лобызанья верующим в услажденье этой горечи и для подкрепления физических и душевных сил благодатною крестною силою к дальнейшемуциальному прохождению этих подвигов, то вкушающие полынь, из-под креста, этим самым, видимо, материально выражают духовный или таинственный смысл этого святого обряда³⁸.

Так как митрополит еще с вечера выразил желанье, чтобы я до литургии участвовали с ним в совершение панихиды, по слуху полученного им известья от Акрского консула о кончине Всероссийского императора Александра II-го и остался в церкви в ожидании оной.

Между тем скоро началась и литургия. Как только окончилось поклоненье кресту, митрополит встал со своего седалища, облачился в мантию и с жезлом в руке, в

сопровождении четырех священников, державших в руках дикирии и трикирии, направился к царским вратам, пред которыми старший из священников начал читать входные молитвы; затем, прошедши в алтарь, иерарх Назаретский облачался перед престолом, причем облачения подавал и помогал одеваться архимандрит, при участии двух мальчиков в ситцевых стихарях, крестообразно препоясанных орарями; эти последние заменяли потом на литургии совершенно во всем наших иподиаконов и даже за диаконов кадили на великом входе перед Святыми Дарами и входили при этом в Царские Двери; при служении не было ни рипид, ни орлецов, ни диакона, за которого священники попеременно произносили ектены и выполняли другая дьяконские обязанности. Во время чтения Евангелия на кафедре одним из священников, митрополит стоял перед престолом, обратившись лицом к читающему. Пред херувимскою песнею царские врата были сняты с петель, вероятно, для большего удобства священнодействующих и поставлены в одном из углов алтаря, а перед освящением Даров закрыты завесой до задостойника, как это обычно на Востоке; далее литургия шла при такой обрядности, как и у нас.

По окончании литургии, при огромном стечении народа, совершена была соборно, под предстоятельством митрополита, предложенная панихида, за которой и мне пришлось два раза проговорить заупокойную ектению и, в заключение, произнести на родном языке вечную память Царю-Освободителю, на земной родине Богоматери и в храме, посвященном Ее Имени.

После греческой литургии и панихиды мы, желая поклониться и приложиться к главной святыне городка – месту Благовещения, натощак, не заходя в свою квартиру, прямо отправились отсюда по прекрасной мостовой, сделанной французами, к католическому храму, устроенному над этим местом, находящимся среди Назарета и принадлежащим, как я раньше упомянул, франкам. Здесь выстроен ими довольно обширный монастырь, расположенный вокруг развалин древней громадной церкви, воздвигнутой в IV столетии Царицей Еленой, на месте которой красуется нынешняя, как видно, недавно реставрированная из прежней бедной и непригожей, и

взросшей теперь в значительно большую и, даже по наружному виду, довольно изящную. Над ней-то и возвышается та высокая, единственная во всей Палестине, колокольня, которая, как я раньше упомянул, еще издали указывает боголюбивому путнику место всемирной Назаретской святыни. Когда мы взошли во храм, то месса уже оканчивалась, пять седовласых патеров, служивших соборно, приобщались, а громадный орган немилосердно ревел, мотивируя причастный стих, при мелодическом подпевании малюток, завербованных папизмом³⁹. Внутренность храма произвела на нас самое приятное впечатление; громадная его площадь, красиво-мозаически выложенная дорогими мрамором и освещаемая сильным светом от множества окон, превосходная планировка разных храмовых отделений, изящные стенные орнаменты, чудная живопись везде установленных икон и религиозных картин восторгают ваши чувства, а величественный, внушающий вид главного алтаря, стоящего на высокой скале – к нему восходили по 12-ти мраморными ступенями двух боковых широких и роскошных лестниц с бронзовыми золочеными решетками, – с виднеющейся в глуби подошвы ее темной, преодеянной и преукрашенной сенью или пещерой, освещаемой множествами лампад, сразу приковывают ваше зрение, сосредоточивают на себе все ваше внимание и громко говорят сердцу, что вот это-то непременно должно быть то благословенное место, где совершилось великое, непостижимое таинство милосердия Божия – Божественное таинство воплощения. И лишь только окончилось Богослужение, мы прямо и направились в эту подалтарную блистающую храмину и, спускаясь в нее с благоговейным трепетом по мраморным сходам, мысленно, а потом, достигши предпещерной площадки и преклонивши колена, и громогласно, и шепотом читали, как кто умеет церковные песни и молитвы Преблагословенной, согласуясь с движением чувств и потребностями души. То слышалось: «Днесь спасения нашего главизна и еже от века таинства явление» и «Богородице Дево, радуйся», то – «Многая множества моих, Богородице, прегрешений, к Тебе прибегох, Чистая» и «Всесвятая Богородице, во время живота моего не

оставь мене», то – «Царице моя Преблагая, Надежда моя, Богородице» и «Пресвятая Богородице, спаси нас»; я же, окаянный, паче всех в мире виновный пред Честнейшею Херувимов и Славнейшею Серафимов, горько рыдая, со стенанием сердца вопиял Благодатной: «К Тебе, Пречистой Божией Матери, аз окаянный припадая молюся: вesi, Царице, яко беспрестанно согрешаю и прогневляю Сына Твоего и Бога моего, и многажды, аще каюся, ложь пред Богом обрегаюсь, и каюся трепеща: неужели Господь поразит мя, и по час паки таяжде творю. Ведуще сия, Владычице, моя Госпоже, Богородице, молю, да помилуешь, да укрепеши и благая творити да подаси ми: вesi бо, Владычице моя, Богородице, яко отнюдь имам в ненависти злая моя дела, и всею мыслию люблю закон Бога моего; но не вем, Госпоже Пречистая, откуду, яже ненавижду, та и люблю, а благая преступаю. Не попущай, Пречистая, воли моей совершатися, не угодна бо есть; но да будет воля Сына Твоего и Бога моего, да мя спасет и вразумит, и подаст благодать Святаго Духа, да бых аз отсель престал сквернодейства, и прочее пожил бых в повелети Сына Твоего. Все упование мое на Тя возлагаю, Мати Божия, сохрани мя под кровом Твоим! И потом, с чувствами духовной радости и глубокого умиления приложился к половому мраморному кругу с крестом в средине и с латинскою надписью на серебряном широком ободке: «Слово плоть бысть». На этом-то месте, по преданию, молилась Пресвятая Дева во время явления ей Архангела Гавриила, и здесь же приняла от него благовестие о зачатии и рождении от Нее Сына Божия; над ним устроен изящный мраморный кивот, служащий вместе и престолом во время совершения литургии, который в свою очередь осеняет прекрасный балдахин на четырех колоннах, из превосходного белого мрамора, с художественным изображением на задней стенке его – Благовещения. Влево отсюда, шагах в шести, мне показался привешенный к своду пещеры толстый и длинный, аршина в три, мешок; недоумевая, что это и для чего сделано, я думал было попросить у кого-либо объяснений, как вспомнил, что это, должно быть, как и на самом деле оказалась, та колонна, которая означает то место, где предстал Пресвятой

Деве небесный вестник – Архангел Гавриил с благою и радостною вестью; к низу часть ее, более аршина, выпилена в давние времена мусульманами, полагавшими, что в ней скрыты денежные и другие сокровища, за что и поражены были слепотою, от чего верхняя и кажется как бы висящею, остальная же нижняя часть колонны в полтора аршина стоит неподвижно на полу. Самая храмина Благовещения в длину будет около 9-ти, а в поперечнике около 15-ти аршин и разделана и освещена католиками необыкновенно прелестно. Любуюсь ею, всей обстановкой, и наслаждаясь лицезрением заветной святыни, я мысленно говорил: «Вот и на земле рай! Дивны дела Твои, Господи, и милость Твоя, о Богомати! Неужели я в желанном Назарете, неужели я лицом к лицу предстою той святейшей храмине, в которой Богоизбранная обитала? Я так забит своею скорбою греховною жизнью, так подавлен тяжелыми думами, что мне не верится, что мне все кажется, будто это не наяву со мною происходит; но нет... это не мираж, не призрак, а сущее, действительное: ибо на душе у меня в настоящий миг так светло, так легко, так хорошо... что на радостях готов хоть и от тела разрешиться. О премилосердная, пречистая Дево, Богородице! Благодарю Тебя за утешение! Так, – я этого ожидал, надеялся, верил, что Ты всегда скорбящим, тружающимся и обремененным посылаешь великую отраду; я верил, и за веру получил так много духовных благ! О как Ты, Благодатная, утешила меня, возвеселила меня, успокоила меня! Как мать свое родное дитя. Еще и еще благодарю Тебя, покланяюсь, славлю, пою, величаю и от всего сердца молю: да не отыду от святейшего сего жилища Твоего тощ и не услышан, да избавлюся Тобою в будущем от всех бед и напастей, а наипаче от хульных помышлений, озлобляющих меня, и в час моей кончины, о Всеблагая, не оставь меня и избави огненного мучения за мои тяжкие грехи: да взываю Тебе ныне, всегда и в бесконечные века: Радуйся, Благодатная Мария, Господь с Тобою!» Признаюсь, как мне хотелось отслужить там свой русский православный молебен и громогласно – нараспев прочитать Благовещенское Евангелие на том месте, которое более всех мест вселенной внушает глубочайшее и живейшее

благоговенье к Пресвятой Деве, – там, где повсюду встречаем Ее Божественный лик, где везде видим надписи, благословляющие Благословенную в женах – и на стенах, и на дверях читаешь слова ангельские: «Радуйся, Благодатная Мария!» Но латины не позволяют здесь схизматикам (как они величают здесь и везде нас, православных) иметь свою волю и сужденье.

Отсюда мы пошли в другую смежную комнату, отделяющуюся от первой только стеной, но оставленную в своем естественном виде и устроенную немного выше первой, почему в нее восходят по трем ступеням. Она гораздо менее первой и служила детской или спальней для Богомладенца, как говорит преданье; в ней указуют стенную нишу с углублением внизу для лежанья, служившую Ему колыбелькой. Пред этим местом сооружен престол, а над ним висит картина, изображающая Христа, возлежащим в колыбели. Поклонившись этому святому месту, мы пошли далее вверх по 18-ти сходам узкой, пробитой в скале, лестницы и взошли в третью комнату Святейшего Семейства, довольно неправильной формы, тоже оставленную в первобытном виде и иссеченную в известковом, а не в гранитном грунте, как пишут некоторые; длиною она 15 аршин, а шириной 9 и без всяких украшений. Здесь жил праведный Иосиф, хранитель Богоматери и Ее Божественного Сына, и здесь же помещалась, по преданью, кухня и прочее насущное хозяйство Святаго Семейства. Выходная дверь ее к северо-востоку, через которую ежедневно ходила Пресвятая за водой к источнику, носящему и теперь Ея божественное имя, заложена глухо, но очертанья ее нетрудно заметить. Простое, убогое это жилище дает весьма назидательный урок поклонникам, да и всем и каждому, ограничивать свои желанья до самого необходимого, довольствоваться самым малым, не полагать счастья в этой жизни в тленных и скоропреходящих благах, в роскошных хоромах и в суэтных их убранствах и украшеньях, в покое и неге, во множестве слуг и всякой домашней рухляди, и аще сыты, одеты и обуты и имеем хоть какой-нибудь уголок, чтобы приютить свою грехолюбивую плоть, довольны будем, помня всегда, что лучше жить в бедной

хижине с добродетелью, нежели в раззолоченных палатах с гнусными пороками. Так как эта последняя комната иссечена далеко в глубь скалы, и отделяется толстыми стенами и длинным переходом от самого храма, то мы и решились во чтобы то ни стало воспользоваться сим уютным и глухим местом для служенья молебна Преблагословенной, хотя вполголоса, – кстати со мной были и все служебные принадлежности. Темная пещера – комната Богоблагодатной, уставленная нами множеством пылавших свечей, представляла на этот раз катакомбу древних христиан, скрывшихся в ней для служенья Богу. И что за крепкая была молитва наша здесь! Это была мольба агнцев, окруженных волками⁴⁰, – и не повториться ей уже никогда, никогда! Нам казалось, что самые стены этой святейшей храмины, бывшие безмолвными, но действительными свидетелями молитвенных подвигов Богоблагодатной, Ее воздержания и трудов, Ее смиренья, любви и всецелой преданности Господу – вторили нашим воплям. Нам чудилось, что даже прах пещерного известкового пола, которого касались пречистые и девственные стопы Честнейшей Херувимов и Славнейшей Серафимов, шевелился под нашими ногами, чтобы отрыгнуть вместе с нами слово хвалы и благодаренья Всецарице. Выходя отсюда, мы имели возможность отделить несколько кусочков от столпостен Св. убежища для всегдашней памяти о нем, и когда проходили обратно мимо алтаря Благовещенского храма и любовались первым, нам подсказали, что за перегородками его блудится образ Спаса Нерукотворенного, – точный снимок с образа, посланного Спасителем царю Эдесскому Авгарю, чрез апостола Саддея. Желая душевно видеть онъи и как великую и редкую святыню, и как драгоценную древность, я обратился к францисканскому монаху с просьбою доставить мне возможность и счастье лицезреть ее. После нескольких кислых гримас и неприятных ужимок, выражавших отрицательное – нельзя, он, однако ж, подумав немного, хотя и неохотно, но повел меня по ступеням алтаря за ширмы его и указал на восточной стене этой капеллы висящий на кольцах, величиной в поларшина, Божественный Лик Краснейшего паче всех сынов

человеческих. Пораженный и умиленный чудными чертами лица Его и особенно очей, взгляд которых выражал и кротость, и милосердье, и божественность, – моментально пал я пред ним на колена и долго, долго молился, не спуская глаз с милейшего и неоцененного подобия Сына Божья, и при этом размышлял так: если и неодушевленный, воспроизведенный рукотворенною кистью несовершенного человека снимок с Нерукотворенного образа нашего Творца и Бога так прекрасен, так прелителен, что никогда бы не отошел от него, но век любовался бы им: то что произойдет с нами, какую неизреченную сладость ощутим мы в сердце, в душе, во всех чувствах, когда увидим Его сущего, якоже есть наяву – лицом к лицу на небе, во всей славе, во всем потом свете и великолепии Его Божества! О Боже, Боже! Возьми меня скорее к Себе в небесные сelenья, чтобы Тебя – несозданную и вечную Красоту – зреть всегда и вовеки пред собою. Зреть... Но достоин ли еще я этого великого, чрезвычайного, небесного дара? Чтобы свет от красоты лица Божья проникал там в мою душу, нужно еще иметь здесь чистое сердце: так лучи солнца проникают только сквозь чистые и прозрачные тела; сквозь тела темные они не проходят. Поэтому блеск и сиянье Красоты Христовой будут осиявать, облиставать и услаждать только чистые, праведные души. И если я не в состоянии прямо смотреть на свет, на красоту земного солнца, в состоянии ли буду взирать на немерцающее светом, краснейшее лицо Единородного Сына Божья и очи Его, тьмами тем крат светлейшие солнца? Тьма страстей и мгла грехов наполняют мою душу; сердце мое полно мерзостей и всякой нечистоты. Кто разгонит эту тьму, рассеет этот мрак? Кто очистит эту мерзость, нечистоту? Как я, как все мы, христиане, воззрим на это Божественное Лицо, сияющее кротостью и милосердием и вместе грозное, когда в день Страшного Суда услышим громовой глас Сына Божья: «Приидите, истяжимся со Мною; ведь это Я, Который велел вам слушать и исполнять Мои повеленья, – почему вы Меня не послушали? Почему вы не вняли гласу Моего Евангелия? Почему не тронулись тяжкими Моими страданьями? Почему не веровали Моему искуплению и не воспользовались спасительными плодами его? – Теперь Я

вам Судия и Каратель, Мне дана всякая власть на небесе и на земли. Отвечайте! Вы возлюбили более тьму греховную, нежели свет добродетелей, – идите же во ад, в вечную тьму кромешную: вы служили более дьяволу-губителю, нежели Мне – вашему Спасителю, – за то вы навсегда лишаетесь созерцания неизреченных красот Моего Божества и осуждаетесь на вечное сожительство с бесами и на лицезрение бесчестного, смрадного и мрачного образа их... О, Господи, Господи! жестоко есть слово сие, и кто может выслушать его без трепета, без стенания, без горького плача! Не дай же мне, Многомилостивый, услышать его и -пошли теперь же благодать Твою, да творю благое пред Тобою! И долго, быть может, я пробыл бы в таком выспренном настроении, если бы один из моих сопутников не вывел меня из него неожиданным появлением и с напоминанием, что время не терпит и нужно отправляться далее по Св. местам. Направляясь к выходу из храма, мы еще раз окинули его взором и мысленно похвалили образцовую чистоту, опрятность и благообразность во всем, соблюдаемые здесь францисканами. Пред порталом монастырского двора, примыкающего в самому храму, высится гранитная колонна, вышиной в 6 сажень, найденная при прежних раскопках под храмом, верх которой венчается величественной бронзовой статуей или фигурой Богоматери во весь рост, с распростертыми в воздухе дланями; изваянная необыкновенно живо и искусно, статуя эта сооружена, как мне передавали, лондонским банкиром Ротшильдом и стоит с позолотою до 60 т. руб.

В недальнем расстоянии, на запад от святой пещеры или убежища Святейшего Семейства, существует церковь маронитов, т. е. греко-униатов. Когда мы подходили к ней, народ выходил оттуда массами, и особенно множество женщин, между которыми молодые девицы резко выделялись своими чрезвычайно живописными восточными костюмами. Церковь эта небольшая, но довольно чисто и даже изящно отделана и, как объяснил нам совершивший обедню священник, основанием ей послужили развалины стен той знаменитой назаретской еврейской синагоги⁴¹, в которую, по обыкновению, в одну из

суббот, вошел Иисус Христос и, желая просветить своих соотечественников, начал изъяснять им пророчества Исаи, к лицу Его относящаяся; но евреи, изумленные Его премудростью, подавляемые завистью и озлобленные Его обличеньями, схватили и повели Его отсюда на вершину горы, чтобы убить Его чрез свержение с нее. Во храме мы недолго оставались и пошли к месту, на котором, по преданью, некогда стояла мастерская Св. Иосифа-древодела, обрученного мужа Марьи, по восточному обычаю, всегда отдельная от постоянно занимаемого жилого помещенья, в которой Св. обручник и воспитатель Святейшего Семейства вместе со своим Божественным Питальцем занимался своим ремеслом, сколько по нужде, столько и по обычаю евреев, чтобы каждый, даже и ученый, был вместе с тем и ремесленником. До сих пор ремесла на Востоке в большом почете, и каждый ремесленник имеет свою отдельную мастерскую, с выходом прямо на улицу; там он работает днем и продает свою работу, и лишь на ночь возвращается домой. Мастерская Иосифа-плотника, во времена Иисуса Христа, вероятно, состояла из такой же небольшой, бедной комнаты, освещенной одной дверью и служившей в одно и то же время и столовой, и уютным местом для отдыха после трудов. Что это так было и на самом деле, мы убедились в этом, когда вошли в нынешнее зданье, стоящее на месте прежнего древнего, которое сооружено на основах и размерах прежнего. Комната, служившая Св. Иосифу мастерской, величиной не более десяти квадратных аршин; в ней ныне помещается францисканская церковь, без всяких украшений, с одним только престолом и с висящим над ним изображением Бого-Отрока Иисуса, помогающего Своему питателю и хранителю в трудах древоделья; к ней примыкает другая, тоже небольшая комната, в которую ведет дверь из первой. Она, по объяснению монаха, водившего нас, стоит на том месте, где была лавка Св. древодела, в которой складывались и продавались готовые изделия; теперь здесь помещается ризница.

Описываемое место мастерской Иосифа отстоит от его жилого дома или латинской церкви Благовещения не более, как

на сто сажень.

Несмотря на усталость, жажду и алчу, и дневной полуденный зной, мы потянулись далее через весь Назарет в северную оконечность его, где нам показали небольшую, но довольно красивую по наружности церковь с францисканским монастырем при ней, выглядывающим довольно приветливо. Внутренность церкви не заключает в себе ничего выдающегося, – это не что иное, как средней величины комната, оштукатуренная и чисто выбеленная, без всяких украшений. Но зато она имеет в стенах своих дорогую священную достопримечательность, – это камень, называемый папистами Менса Христи – трапезою, или столом Христа, на котором Он, по преданию, неоднократно трапезовал или вкушал пищу вместе с апостолами, и в особенности незадолго до Своих страданий и по воскресении из мертвых. Этот камень лежит среди церкви и весь закупорен нагло; в белый саван. Любопытствуя видеть его, как он есть, мы просили монаха развязать пелены и показать нам бледную под ним своего рода религиозную историческую святыню. Когда его сняли, глазам нашим представился большой, природный, овальный камень, – наподобие яйца, в длину около 6 сажен, в ширину около трех сажен, а в вышину полтора аршина, поверхность коего почти ровна, немного поката к южной стороне, по краями окружности камня несколько круглых впадин в величину небольшой тарелки. Местное назаретское предание говорит, что Спаситель во время трапезы восседал на средине камня, а ученики присидели по-над камнем. Этот камень служит теперь францисканам вместо престола во время совершения ими мессы, а против него на стене висит картина, изображающая Иисуса Христа и учеников, вкушающими пищу. Отсюда и мы, алчущие и жаждущие, пошли удовлетворять свои телесные потребности прямо на свое русское подворье.

После подкрепления физических сил и по малом отдыше, пользуясь прекрасной, тихой и ясной погодой, мы предприняли новую экскурсию, чтобы порассмотреть и налюбоваться поистине очаровательными ландшафтными окрестностями Назарета. При этом у нас явилось непреодолимое желание

видеть и ту скалистую стремнину, с которой назаретяне хотели сбросить Иисуса Христа. Она отстоит от синагоги, в которой пред этим Он проповедовал, около четырех верст. Сначала мы, до половины пути, ехали к ней на ослах, но далее узкая тропа, идущая над глубоким оврагом и усеянная бесчисленным множеством громадных каменных глыб, до того затруднила наше движение вперед, что мы вынуждены были отказаться от подъяремных животных и идти далее пешком, при этом то и дело что приходилось то перескакивать или перелазить с камня на камень, где ползти буквально на четвереньках, а инде проводники, взявши нас за руки или под руки переводили или перетягивали нас с места на место; а тут по бокам зияющие, страшные пропасти, только стань на камень нетвердо ногою или хотя поскользнись, прощайся с жизнью. Таким необычным способом мы делали вояж целых две версты; наконец, после трехчасового ползанья, добрались на полгоре до небольшой площадки, как видно, искусственно здесь сооруженной, ибо она от низу поддерживается каменными стенками, нарочито для этой цели возведенными; против этой площади в вертикальной стене громадной и длинной скалы находится природное углубление в виде грота или пещеры, наполовину спереди обрушившейся, свод которой, как видно, был когда-то расписан радужными полосами, но от времени краски сильно повыветрились. В задней стене этой пещеры ниша с вырезанным на ней крестом. Над этой же пещерой как раз приходится конусообразный конец помянутой скалы, сажен около двадцати в высоту. Сюда, на эту высочайшую точку над стремниной, приведен был Иисус Христос назарянами для низвержения; но Он, как сказано в Евангелии, прошедши посреди их, удалился. И удалился, как говорит местное предание, в сказанную пещеру, где ученики нашли Его молящимся. Вот почему она впоследствии была разделана и обращена в церковь, и к ней для удобства проложена площадка; ниша же, сделанная в стене пещеры, служила престолом, и здесь часто сходились древние христиане для молитвы и слушания Божественной литургии, особенно во время гонений на них. Положив на этом неподвижном и вековом

престоле принесенные мною Крест и Евангелие, я с особенным чувством умиления отслужил здесь молебен Спасителю, прося Его о милости, жизни, мире, здравии, спасении и посещения нас, здесь стоящих и усердно молящихся. Читанное на нем Евангелие, повествовавшее о причинах, вызвавших у назарян сильное озлобление против Иисуса Христа и разразившееся тем, что они порешили избавиться от Него чрез свержение Его со стремнины скалы, находящейся пред нашими глазами, вызвало у моих сопутников и сопутниц сильное негодование против тогдашних виновников таких недружелюбных отношений к Тому, Кого они должны были бы только благодарить за желанье просветить их и научить добру, ведущему в живот вечный, и просить Его и на будущее время не лишать их этого счастья. На это я им заметил: не судите их, да не будете и сами судимы. Пока мир будет стоять, и подобная аномалия в людских взаимных отношениях будет существовать. Мы не галилеяне, но разве мы лучше их на этот раз? Мы христиане, и гораздо более просвещенные назарян, но любим ли мы тех проповедников-священников, которые благовременно и безвременно обличают нас за наши грехи, – и все ли из нас благодушно приемлют и переносят их обличенья? Всегда ли пользуются и у нас в обществе должным вниманьем и благосклонностью люди, говорящее и стоящие за правду в слове и в деле? нет! Их большинство не терпит, считает их за людей опасных и вредных для частных и для общественных интересов, за врагов мира и спокойствия всех и каждого, и рады, рады, если придется им каким бы то ни было образом сбыть их с рук. Лучше же замолчим и пожалеем и о нашем жестокосердии и обо всех, похожих в этом разе на соотечественников Спасителя нашего. Помянутая пещера – теперь в запустении, но глубокая цистерна, находящаяся недалеко от нее, сооруженная, вероятно, для удовлетворения жажды приходивших сюда молиться, и в настоящее время содержит в себе воду.

Налюбовавшись с площадки видом горы Фавора, которая отсюда отстоит на 14 верст, набравши по несколько кусочков мозаики от бывшего пещерного мозаического пола и, затем, составив изящные букеты из пышных разнообразных цветов,

растущих здесь, к великому удивлению нашему, в чрезвычайном обилии не только на известковой почве, но и приветливо выглядывающих из трещин громадных камней, — мы, чрез ручей, текущий из назаретского Источника Богоматери, перешли на другую гору, идущую параллельно с горою Низвержения и называемою сестрою ее, вероятно, но сходству ее с первою по высоте и вертикальным уступам. На одной из самых высших точек ее, против Назарета, к востоку, недавно устроена небольшая, но красивая церковь в русском стиле, русской купчихой Киселевой, в честь Богоблагодатной Девы. Когда мы подходили к ней, нас встретила толпа назарян,— а митрополит провел в церковь. Здесь я попросил у него благословения — отслужить вечерню, которую и он остался слушать, и все встретившие нас. Совершая Богослужение в этой церкви, я совершенно забылся, что нахожусь в иноплеменной стране; мне казалось, что я священнодействую в одном из храмов своего родного отечества, так как вся внутренняя обстановка и особливо иконостас ее, сделанный в России, сильно напоминали мне одну из виденных мною отечественных церквей. По окончании вечерни, я прочел по-гречески, обратившись к митрополиту: «Ис полла эти, деспота», — на что он отвечал: «На многа лета и вашему священству».

Вышедши из церкви на прилегающую к ней галерею, святитель указал нам на разные, виднеющиеся отсюда священно-исторические местности — на горы Фавор, Ермон, Кармил, на город Наин, на Галилейское море, и пр., и пригласил в комнату под церковью, где мы немного поотдохнули и освежились из находящегося здесь источника весьма здоровою и холодною водою. Место, купленное под русскую церковь, довольно обширно и занимает около десяти наших десятин; из них некоторые засеяны были хлебом, другие огорожеными овощами, а на иных заведены рощи и сады. Засим митрополит Нифонт сел верхом на свою белую, арабскую лошадь, а мы на своих муликов, и поплелись прямо в Назарет, так как день был уже на исходе. За нами хлынула вся толпа — и мужчины, и женщины, старики и дети, и одни из них то и дело, что заглядывали нам в глаза, другие, и особенно удалая и веселая

молодежь, бежали взапуски впереди нас, делая в честь нашу и утешение разные эволюции. Въехавши в город, мы направились прямо к квартире преосвященного митрополита, чтобы поблагодарить его за доставленное им духовное утешение нам в его священной резиденции. В своих покоях высокопочтенный хозяин встретил нас весьма приветливо, презентуя каждого бутоном распустившейся розы и горстью душистых цветков лимонных и апельсинных, и провел далее в гостиную. Усадив всех на диванах, он повел разговор о разных предметах и между прочим сообщил нам о себе, что он состоит на службе в Назарете двадцать семь лет и много, много терпит от неправд сильных земли, но уповаает, что в небесном Иерусалиме получит за правду возмездие, – советовал и мне запастись терпением. Между разговором подано было кофе, которое было как нельзя более кстати после такого трудного вояжа, какой мы совершили. Митрополит одарил нас еще картинками, изображающими Богородицу, черпающую воду из Назаретского источника. Потом провел по всем комнатам своей квартиры с чисто европейской обстановкой, украшенными множеством дорогих портретов царственными особ и духовных лиц, между которыми есть и русские, и уставленным разными редкостями Галилеи, как-то: камнями, черепахами и пр. и свящеенно-историческими предметами, добытыми посредством раскопок развалин Св. мест. В кабинет мы вошли только вдвоем с митрополитом. Здесь стоит около десятка шкафов, набитых книгами разного содержания, между которыми немало и на иностранных языках; прирассмотревшись, он спросил меня: таковы ли помещения и обстановка у ваших архиереев? Я ему отвечал, что у нас в большинстве для преосвященных устроены приличные квартиры, но есть в бедных епархиях и тесные, и неудобные, и с простой обычной обстановкой. И у меня, продолжал он, прежде была плохая квартира, а нынешней я обязан самому себе, своим трудами и уменью. На прощанье приглашал меня, если мне угодно, служить литургию, для которой я могу взять запасной агнец, приготовленный для среды, на что мною изъявлено сердечное желание и глубокая благодарность за такое душеполезное предложение.

На другой день – в понедельник, в 5 часов утра, мы отправились в знакомую уже нам Греческую Православную церковь Благовещения, что над источником Богоматери, и здесь я без перерыва совершили Полунощницу, Утреню, Часы и Преждеосвященную Литургию, закончив богослужение молебным каноном Пресвятой Богородице.

Некоторые из поклонников, а в числе их и я, желанием возжелали еще поклониться святейшему месту Благовещения, еще обозреть жилище Преблагословенной, чтобы глубже врезалась в память каждая деталь его, еще насладиться лицезрением Божественного лика – Спаса Нерукотворенного, который я удостоился видеть даже в ночном видении, почему мы после литургии пошли прямо в католическую церковь. Латины невозбранно допустили нас помолиться, обозреть и проститься навеки с драгоценнейшими святынями. С чувством глубокой тоски мы оставили Святую пещеру и в 10 часов утра потянулись из Назарета с поникшими главами по узкой горной тропе к северо-востоку на Кану Галилейскую. Взираясь около часу на гребень горы, имевший закрыть от взора моего священное место Благовещения, я ехал все время с непокрытой головой, то и дело оглядываясь на приснопамятный Назарет и творя молитвы Богоизбранной Деве Богородице, чтобы Она многое множество моих беззаконий покрыла Своим покровом, при чем мысленно лобызал земную, святую родину Главизны нашего спасения, изливаясь в чувствах глубокой благодарности за то, что Она, Всеблагая, не лишила меня счаствия узреть, поклониться и литургисать в ней. Наконец, еще два шага... мулик перевалился за хребет назаретских окрестных высот и – Святой город сокрылся на веки с моих глаз, а я, заплакал так горько, как плачут, потерявши все на свете.

Да, если в мире есть места, одаренные печальным могуществом пробуждать все грустное и скорбное в сердце человеческом, заставлять плакать и молиться, молиться и плакать, так это святые места в Палестине!

Дорога в Кану Галилейскую довольно живописна и идет больше по склонам гор. Езда к ней из Назарета нетрудная и недолгая – всего около двух часов. Когда мы спускались с горы,

в виду Каны, послышался звон небольшого колокола. – Что бы это значило, подумали мы? Объяснилось после: это православные жители города, увидав издали нас, идущих к ним, как богохульцев, выражали звоном радость, внимание, почет и привет нам. При въезде в самое местечко у бывших, как видно по развалинам, городских ворот находится прекрасный и обильный водою источник, текущий вдоль деревни и орошающий сады ее. К этому водоему, обложеному тесанным камнем, сходят по двум довольно длинными лестницам. Из него, по преданию, черпалась та вода, которую, по повелению Спасителя, наполнены были шесть сосудов и которая по воле Его превратилась в превосходное вино. Здесь постоянно собирается толпа местных и окрестных женщин (как и мы застали), который черпают воду высокими глиняными кувшинами и, наполнив их, ставят на голову и так возвращаются домой.

Эти красивые женщины в длинных синих античных туниках с сосудами на головах представляют собою чисто библейские типы и живо напоминают то патриархальное время, когда у источников было место выбора невест и место сборищ счастливой, веселой молодежи.

Но вот и самая Кана. В настоящее время это небольшой поселок, состоящей не более, как из 60-ти жалких мазанок. Будучи построена на скате холма, склоняющегося на север, она защищена горами с юга и запада, между тем как с севера расстилается перед нею замечательно прекрасная плодоносная равнина. На ней растут миндалевые, гранатные, масличные и другие деревья, виноград, маис и табак. Но более всего она знаменательна и памятна для нас, христиан, тем, что здесь Господь совершил первое чудо, по выступлении Своем на дело общественного служенья падшему роду человеческому. Расскажем о нем. В одном из домов названного городка был брак или свадебный вечер по случаю женитьбы, как утверждают некоторые писатели, апостола Симона, прозванного Кананит или Зилот, т. е. ревнитель; этот Симон был сын Клеопы, брата св. Иосифа Обручника, и, следовательно, был племянник Богоматери и двоюродный брат Иисуса Христа. Вот почему

здесь была Мать Иисусова и приглашен был и Иисус с учениками Его. Пир еще не был окончен, а уже оказался недостаток в вине. Кто знает, как уважается на Востоке гостеприимство, какою священною обязанностью считается угостить не только званного, но даже неожиданного гостя, тот поймет, какой непредвиденный удар для новобрачных представлял этот оказавшийся внезапно недостаток. Никто так, как Мария, не знал, кто был Ее Сын. Она чувствовала, что близок час Его великого ученья и проявления свойств Его Божественного посольства – всемогущества, благости, всеведения и проч., а потому, первая, заметив смущенье в хозяевах и, по своему любвеобильному сердцу, желая помочь горю новобрачных, сказала Иисусу: «Вина у них нет», – на что Он отвечал: «Что Мне и Тебе, жено? Еще не пришел час Мой». Но Богоматерь тотчас после этого ответа сказала служителям: что скажет Он вам, то сделайте. На Востоке первейшую необходимостью считается после путешествия омыть ноги, пред едою омыть руки, а для исполненья этих потребностей там обыкновенно стояло, как это в обычae и теперь, возле входа в дом шесть огромных каменных водоносов, наполненных водою. Каждый из этих водоносов содержал от 2 1/2 до 3-х ведер (или 82 бутылки, или 164 фунта) воды, и Иисус велел наполнить их до верха. Когда, согласно Его велению, слуги, разливши воду из водоносов по небольшим сосудами, отнесли ее к распорядителю пира, то этот последний, отведав воды, сделавшейся вином (он не знал откуда оно, знали только служители, черпавшие воду), позвал жениха и сказал ему: всякий человек сперва подает хорошее вино, а когда напьются, тогда худшее; а ты хорошее вино сберег доселе. Так положил Иисус начало чудесам в Кане Галилейской, и явил славу Свою, и уверовали в Него ученицы Его.

Кстати приведем здесь замечанье одного ученого о характерных чертах этого первого чуда Спасителя.

Незначительная деревушка, простая свадьба, скромный дом, несколько человек гостей из простого званья были свидетелями первого чуда, как несколько пастухов были свидетелями сверхъестественных событий, совершившихся при

первом появление на свет Иисуса. И далее: Кто, для удовлетворенья Своего собственного голодда, не хотел обратить в хлеб камни в пустыне, Тот с удовольствием, для устраненья огорченья и забот скромного свадебного пира, обращает воду в вино. Первым чудом Моисея было обращенье реки в кровь для сурового наказанья преступного народа; первым чудом Иисуса Христа было обращенье воды в вино для успокоенъя забот и для восстановленья невинной радости невинного семейства. Сверх того, подобно всем чудесам Христовым, это первое чудо соединяет в себе характер дела милосердья, эмблемы и пророчества. Мир сначала дает то, что у него есть лучшего, а потом подонки и горечь. Христос пришел обратить униженное в великое и прекрасное: закон Моисеев – в закон свободы; крещенье Иоанново – в крещенье Духом Святым и огнем; самоотреченье грустного уединенъя – в самоотреченье счастливого домашнего крова; заботу и вздохи – в надежду и благословенъе, воду – в вино. Священное таинство брака, почтенное и украшенное Его святым присутствием и удостоенное первого чуда, предрекало таинственный союз между Ним и Церковью, а простая вода, измененная чудесным образом в вино, была прообразованием нашей земной жизни, измененной и облагороженной предвкушеньем небесных радостей, прообразованием того вина, которое мы вкушаем в таинстве Причащенъя, и того, которое Он будет пить с нами в царстве Божьем на брачной трапезе Агнца.

В 12 часов дня мы подъехали прямо к имеющейся здесь Арабской Православной церкви, устроенной будто бы⁴² на месте дома блаженной четы, освященного посещением Спасителя. Вмиг собралась сюда вся деревня, а корпорация учеников местной церковно-приходской школы, человек около двадцати, построившись в ряды возле входных церковных дверей, встретила нас пением приветственных кантов, – и иные из них до того старались выказать пред нами свое усердие и искусство, что, надрываясь ради их, то приседали на землю, то подпирали подбородок руками, – и за этот нежданный, но дружелюбный и уместный привет арабские юнцы получили от москов приличный бакшиш. Когда мы вошли в церковь, местный

священник провел меня через открытый нарочито царские врата в алтарь, где, по облобызании мною престола, приветствовал меня в кратких словах и затем поцеловал мою руку. По возложении на себя епитрахили и ризы я вышел на средину церкви и отслужил молебен Спасителю и Богоматери, с прочтением евангелия о совершившемся здесь священном событии, и лишь только окончил чтение, как тот же священник стал разносить нам стаканы, до половины наполненные водою, доливая их потом вином, в память претворения Иисусом воды в вино. Я долго не соглашался пить по случаю великопостного времени и будничного дня – понедельника, но священник настаивал, что ради такого исключительного случая незазорно сделать отступление от церковного устава. О самом храме нужно заметить, что оный ничем не отличается по наружному виду от прочих мазанок, разве только своею величиною, и находится в очень скучном положении. Внутренность его можно уподобить нашей хлебной клуне: земляной пол, черные запыленные стены, нищенская утварь, как, например – каменная купель для крещения младенцев, вмазанная глиною в боковую стенку, недостаток в самом необходимом снедают жалостью сердце молящегося. Здесь же на виду, в стенной нише, стояли два-три больших каменных водоноса, что подало повод многим путешественникам писать и доказывать, что сосуды, в которых Господь претворил воду в вино, и до сих пор целы. Но эти сосуды сделаны и стоят только в воспоминание о прежних, а подлинные сохранились ли и где они, – Бог весть. В Палестине еще и теперь в обычном употреблении глиняные вазы или кувшины для воды, значительные по объему и сделанные по образцу древних. Означенный храм посвящен имени Святого Иоанна Предтечи, который здесь, как и вообще на Востоке, изображен с крыльями, вероятно потому, что он везде в священных книгах называется ангелом земным. Но почему именно храм на этом месте посвящен Его имени, я не мог забрать надлежащих справок.

По выходе из церкви, священнику сильно желалось, чтобы мы посетили его дом, причем проговорил, что для приема нас нарочито даже приготовлялся; и мне желательно было

посмотреть на его квартиру, домашнюю обстановку и семью, но сопутники мои ни за что не соглашались на этот визит, боясь опоздать на ночлег в Тивериаду, отставать же от них мне ни в каком разе не приходилось.

Отъехавши от Каны две версты, мы проходили пешком то поле, где ученики Иисуса Христа ели в день субботний хлебные колосья. – Оно образует прекрасную равнину, и теперь еще называемую полем жатвы; но теперь она покрыта большею частью кустарниками. Фарисеи укоряли Апостолов не за то, что они ели хлебные зерна (самый закон позволял путешественникам прибегать к такому способу насыщения в том случае, когда их томил голод), а за то, что они ели в день Субботний. Поэтому-то Спаситель и говорил фарисеям: «Аще ли бысте ведали, что есть: милости хощу, а не жертвы, николи же убо бысте осуждали неповинных. Господь бо есть и Субботы Сын человеческий».

Чрез час пути от сказанного поля открывается гора блаженств; она невысока и невелика, стоит на равнине и издали имеет вид седла или головы животного с двумя рогами, из коих один выше и массивнее, вблизи ее виднеется несколько кустарников. На ней-то изречено Спасителем то высокое и спасительное учение о девяти блаженствах, чтением которых Св. Церковь оглашает слух молящихся каждую Божественную литургию, и здесь же произнесена вся та, так называемая, нагорная проповедь Его, изложенная Евангелистом Матфеем в 5, 6 и 7 главах, о которой сделано им такое заключение: «И дивляхуся народи о учении Его, бе бо уча их, яко власть имея и не яко книжницы и фарисеи»⁴³. На эту природную священную кафедру Всемирного Святейшего Проповедника нам не пришлось взойти.

Несмотря на то, что был полдень и атмосфера сильно нагрета лучами весеннего солнца, мы подвигались вперед бодро, без устали, освежаемые близостью вод Тивериадского моря, хотя нельзя сказать того же о наших подъяремных скакунах. На одном месте мой мул, вероятно от утомления, так покачнулся, что я моментально полетел чрез его голову на тропу, но, благодаря Бога, без всяких последствий, потому что

это падение совершилось на мягкой земле и ровном месте; а если бы оно случилось на скалистой почве и еще при спуске с горы, то, пожалуй, поплатился бы пожизненным увечьем. Вообще дорога от Назарета по направлению к Тивериаде весьма удобна для путешествия: нет опасных горных уступов, ужасных стремнин, громадных, высунувшихся на поверхность камней, и куда ни глянешь, везде приятно ласкающая зрение зелень, роскошные, колосящиеся хлебные злаки, и всюду разостланы природою такие богатые и причудливо узорчатые ковры из обилия и смешения разного колера цветов, что и сам Соломон, полагаю, при всем своем богатстве и славе не мог иметь ни одного подобного, сотканного искусством.

Около 5 часов, невдалеке от дороги, мы сошли с мулов и по указанию проводника пошли пешком к небольшому холму, усеянному одним-другим десятком камней, между которыми выдвигался один, солидных размеров, и на нем виднелся начертанный чьею-то рукою крест. К юго-востоку от этого холма лежит покато к морю прелестная равнина, покрытая травою в лошадиный рост, между которою пестрели и хлебные колосья. Это-то место – та равнина, заметили нам, где Господь, призвав учеников Своих, сказал им: жаль Мне народа, что уже три дня находятся при Мне, и нечего им есть; отпустить же их, не евших – не хочу, чтобы не ослабели в дороге. И говорят Ему ученики Его: откуда нам взять в пустыне столько хлебов, чтобы накормить столько народа. Но Он спросил их: сколько у вас хлебов? Пойдите, посмотрите. Они, узнав, сказали: пять хлебов и две рыбы. Тогда повелел им рассадить всех отделениями на зеленой траве. И сели рядами по сто и пятидесяти. Он взял пять хлебов и две рыбы, взорев на небо, благословил и преломил хлебы, и дал ученикам Своим, чтобы они раздали их, и две рыбы разделил на всех. И ели все, и насытились. И набрали кусков хлеба и остатков от рыб двенадцать полных коробов. Было же евших хлебы около пяти тысячи мужей. В память этого чуда мы положили на означенном камне пять просфор, нарочито припасенных из Иерусалима, и, по возжжении трех свечей над ними, я совершил среди пустыни литию благословенъя хлебов, после чего, в подражание

Спасителю, рассадил богомольцев возле камней и, ломая хлебы, раздавал каждому по куску. О, каким я счастливцем считал себя в эти минуты! А когда я священнодействовал, мусульмане – мужчины и женщины, бывшие в поле, завида нас – московитов, побросали свои работы, мигом собрались вокруг нас и, севши возле камней, с любопытством смотрели на нас, что мы делаем.

По вкушении пищи, пользуясь назидательностью места, я счел долгом поделиться со своими сопутниками и духовным хлебом, который здесь так обильно сеял для всех небесный Сеятель, -хлеб этот была моя речь.

Замечательно, что на этой евангельской исторической равнине, как бы во уверенье и в напоминанье будущим векам о сотворенном здесь чуде и проявлении через него великой любви и милосердья Божья к людям – каждый год неизменно растет роскошная и глубокая трава, как ни в одном месте, и сами собой – без посева вырастают хлебные колосья, которых и мы сорвали довольноное количество для памяти, прибавив к ним и несколько осколков от громадного камня, на котором совершено нами благословение и вкушение хлебов.

Отсюда вид на окрестности очаровательный: позади красуется гора блаженств, сбоку, влево -Фавор; а впереди открывается уже и северо-восточная оконечность Тивериадского моря. К этому последнему мы и ускорили поездку, так как день начал уже склоняться к вечеру.

Более часу мы тянулись по крутой отлогости длинной и широкой горы, с половины которой открывается почти половина всего пространства Галилейского озера, а другая – закрыта высоким, вдавшимся в него гребнем той же самой горы, но вид на него, особенно при закатывающемся солнце, до того пленителен, что трудно описать его моим тупым пером. У подошвы-то этой горы и по протяженью ее, при самых берегах моря, и стоит бывшая столица Галилеи – Тивериада; о ней и поведем свою речь.

Тивериада или Тиверия – один из главных городов Галилеи и довольно замечательный даже в новейшие времена. Его построил тетрарх Ирод Антипа с удивительною быстротой,

сделал столицей Галилеи и назвал его Тивериадою, желая этим выразить свои верноподданические чувства римскому императору Тиверию, – по вновь созданному городу и Галилейское озеро получило название Тивериадского. Ирод населил этот новый город частью иностранцами, частью галилеянами, бедными иудеями и даже язычниками. Он дал им большие преимущества и льготы, наделивши их землею, а многих и домами, чтобы захотеть селиться в Тивериаде, ибо многие из них, и особенно евреи, имели великое отвращение к этому городу, для основания которого потребовалось разрыть много древних гробниц. Тивериада при цветущем своем состоянии имела до 50 т. жителей, и тянулась по берегу моря узкою полосою почти на семь верст, в чем и теперь можно наглядно убедиться по развалинам ее; окружена была громадными стенами со множеством красивых укрепленных башен и блистала мраморными дворцами и роскошными киосками, между которыми, как солнце между прочими светилами, выделялся золотой дом Антипы, отражавший далеко в озере мраморных львов и скульптурные лепки. Европа, Азия и Африка платили контрибуцию этому городу; люди всех национальностей встречались на его рынках. Впоследствии Тивериада прославилась сосредоточением в ней еврейской учености. По разрушении Иерусалима в 70 г. после Рождества Христова знаменитейшие иудейские ученые, которые не захотели оставить Святую Землю, поселились в Тивериаде. Из Тивериадской академии вышла Мишна или известный пресловутый еврейский Талмуд, изданный раввином Иудою, – книга, считаемая иудеями вышею и совершеннейшею Моисеева Пятикнижия. При Константине Великом основана была в этом городе первая христианская церковь, которая сделалась одною из епископских кафедр Палестины. Иудеи и христиане были выгнаны из Тивериады в 636 году, когда Сирия завоевана была арабами.

Но славное Тивериады давно уже прошло; только оставшиеся развалины напоминают о древнем ее великолепии. Бывшая столица Галилеи, а нынешний новейший город – Табария, принадлежащей к Акрскому пашалыку, и окруженный с

северо-западной стороны (от суши) высокою базальтовою с несколькими полуразрушенными башнями стеною, с которым легко управилась бы одна европейская пушка, составляет укрепление этого города, вмещающего в себе, по словами турок, до 15 т. жителей. Но это неправда, — их не более, как около 5 т., из коих мусульман — турок и арабов — 700 душ, христиан около 150 душ, остальные евреи, которых вонючий квартал отделяется от остальной части города небольшою низкою стеною, которая имеет одни только ворота, обращенные к западу. Их синагога, помещающаяся в бывшем и сохранившемся до настоящего времени дворце Соломона⁴⁴, за теплыми ключами, считается первою на Востоке, а раввины ее — весьма учеными людьми. Иноземные единоверцы евреев стекаются и до настоящих дней в Тивериаду, по тому же благочестию⁴⁵, какое влечет нас в Иерусалим; сюда они приходят с разных концов мира, а многие с намерением провести здесь остаток дней своих. Ибо, по преданию, местными иудеями весьма уважаемому, Мессия должен прийти из Капернаума в Тивериаду, почему более ревностные из них по вере и благочестию, часто восходят и становятся на возвышенных местах и с них неподвижно устремляют взоры на развалины того города, откуда должен прийти так долго ожидаемый Избавитель. Более состоятельные содержат даже особый караул для того, чтобы быть первыми провозвестниками Его вожделенного пришествия. Чтобы покончить с Тивериадой, нужно в заключение сказать, что она, разрушенная в 1837 году землетрясением, мало поисправилась, полуразрушенные ее мазанки, узкие зловонные улицы, заваленные мусором и всякою нечистотою, супровость и дикость (дети ходят здесь вообще нагими) ее обитателей производят на путника тягостное, подавляющее впечатление. И если бы встал теперь из могилы Ирод Антипа и посмотрел на свое родное любимое детище, то, покивая главою своею, признал бы его незаконнорожденным.

Но зато Тивериадское море не могли изменить ни время, ни различные физические и политические перевороты. Оно в сущности осталось таким же, каким было и за 1892 года назад. Правда, нет на нем той деятельности и кипучести, как во

времена Христовы; воды его не рассекаются тысячами судов разного вида, начиная от военных кораблей римлян до грубых лодок рыбаков Вифсаиды и позолоченных шлюпок Иродова дворца, – и жалкая, исковерканная лодка, не всегда способная к плаванию, заменила веселый многочисленный флот. Но красоты природы остались до сего времени те же. Так же неизменно лежит озеро у склона гор на дне большой котловины на 500 ф. ниже Средиземного моря, отражая переменные цвета атмосферы, как опал, оправленный в изумруд; такой же оно имеет наружный вид арфы, и такую же длину в 25, а ширину 9 верст; так же чисты и прозрачны воды его, такое же обилие рыб, дающих знать о себе постоянным хлестаньем тихой и гладкой поверхности его; так же, как и прежде, вокруг него зеленеют поля, и струятся в него источники. Да и не удивительна эта неизменность. Ведь Галилейское озеро и его окрестности были особыми любимцами Творца их и Бога во время Его тридцати трехлетней жизни на земле. Оно есть по преимуществу евангельское море по совершившимся на нем новозаветным событиям; воды его и берег священны для всех христиан. Здесь избраны были Спасителем мира Апостолы: Симон, названный Петром, и брат его Андрей, Иаков и брат его Иоанн. Здесь Господь поучал теснившийся к Нему народ, взошедши в лодку Симона-Петра. Здесь тот же Петр, целую ночь напрасно трудившийся с соучастниками своими в ловле рыбы, закинув сети в море по повелению Господа, поймал такое множество рыб, что ужас обнял его и всех, бывших с ним, от такого лова рыб. По водам этого озера ходил Спаситель, как по суше, укрощал его волны и спас утопавшего в них Петра. На берегу его, – в Капернауме жил Сам Господь, переселившись в него из Назарета с Пречистою Свою Матерью и учениками. Здесь же Господь начал первую Свою проповедь словами: покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное; призвал к апостольскому служению Матфея – мытаря, сидевшего у сбора подписи, исцелил дочь Иаира, даровал исцеление кровоточивой женщине, истратившей без пользы на лечение себя все свое имение, и многое множество других чудесных знамений милосердия явил страждущему человечеству.

На берегу этого же моря и мы, уставшие путники, имели приют и ночлег под кровом одного полуразрушенного Тивериадского дома. По наведенным справкам оказалось, что это помещение принадлежит Назаретской митрополии, которая, прикупив к нему небольшой участок земли, покрытый развалинами, предположила здесь построить монастырь. Лишь только мы успели расположиться, как набежали к нам евреи с предложением своих услуг: кто предлагал купить хлебов, кто изловить свежей рыбы, а другие – прокатить нас по морю, и многие из них, к удивлению нашему, говорили чистым русским наречием. Впоследствии они сознались, что они выходцы из России, бежавшее от воинской повинности. Но вот принесена по желанию некоторых богомольцев рыба. На вопрос мой, как она называется, – мне ответили, что вся рыба в этом море носит общее название – святая⁴⁶, так как ее вкушал Святый. Часть моих сопутников, более ревностных к подвигам поста, не хотела вкушать этой рыбы, несмотря на великое искушение за недостатком другой пищи, но другая половина, обратившись ко мне, крепко настаивала, чтобы я, как священник, разрешили им рыбное; на что я им ответил: священник не выше канонов Церкви и есть один из младших служителей ее; что Церковь учредила и освятила, то он не волен сам по себе изменить; у каждого из вас есть своя воля, свой разум, свой голос совести: спроситесь их, что они вам скажут? Ведь вы пришли в Святую Землю для того, чтобы здесь всецело посвятить себя подвигам поста и покаяния во искупление содеянных лютых грехов беснующеся плоти, и здесь же вместо того, чтобы распять губительницу вашу со страстями и похотьми, вы еще хотите пространно ее питать и поблажать ей во всем: кстати ли это? Впоследствии я узнал, что отправляющиеся в Галилею богомольцы берут у Иерусалимского патриарха разрешение на едение рыбы из Галилейского моря. Теперь же мои спутники удовольствовались тем, что купленную рыбу замариновали в жестянках с тем, чтобы разрешить на нее в день Благовещения, в Иерусалиме.

На другой день в крепостной башне, обращенной временно в церковь и составляющей нераздельную часть того же

упомянутого выше достояния Назаретской митрополии, я отслужил Утреню и Часы. Потом осматривал весь участок, на котором будет предположенная обитель. Нам указали дверь, и мы вошли через нее в громадный зал, в виде подвала, на стенах коего в некоторых местах сохранились начертанные кресты и виднелись затертые и исцарапанные священные изображения; ближе в восточной стороне зала стоял довольно большой каменный квадратный стол. Это, сказал нам монах, остатки от древней православной церкви, устроенной на том месте, где Спаситель призвал от рыболовных сетей в апостольство сынов Зеведеевых: Симона-Петра и Андрея, брата его, сказав им: идите за Мною, и сделаю вас ловцами человеков. Но турецкая конница обратила ее в конюшни, поделав в ней стойла из иконостаса, уничтожив святые изображения на стенах и обратив (указывая при этом на каменный стол) этот престол в предмет для гимнастических упражнений. И вот не более 15-ти лет, как они оставили это место, а мы прибредли и заняли его. Здесь, продолжал он, давно был монастырь, находившийся в цветущем состоянье с епископскою кафедрою при нем, но турки, опустошив Тивериаду, разгромили и эту святыню; — найденные потом при раскопках развалин этого монастыря письменные документы и мраморная плита с надписями, из которых можно бы лучше и подробнее познакомиться с историей этого священного места — отправлены в Иерусалимскую патриархию для хранения. Что там в них написано, не знаю, а сам по себе ничего более не могу сообщить. Что церковь монастырская была изящна и архитектурна, можно судить по тем массивным колоннам и разного рода арабескам, которые во множестве беспорядочно разбросаны в море и на берегах его.

Зеркальная поверхность моря, освященная хождением по ней Господа и плаваньем Его с учениками, так и манит к себе, а таинственный голос нашептывает: прокатись и ты, далекий и усталый путник, по тихой и зеркальной глади его и освежись в светоносных водах его, во отраду души и укрепление тела. Почему мы, наняв лодку за три рубля, все вместе и проехали по морю до вышеупомянутого дворца Соломонова и находящихся

возле него купален, устроенных при горячих ключах, что туда и обратно составило не менее 12-ти верст. По высадке на берег я выкупался два раза в поразительно прозрачных и священных водах достопамятного озера, в воспоминание двух естеств Иисуса Христа, и выбравши несколько хороших черепашек в прибрежном песке, отправился далее, чтобы погрузиться в горячих целебных ключах. Здесь я, будучи одиноким, едва не сделался жертвою грабежа, а, быть может, и убийства: ибо лишь только стал одеваться, как моментально отворилась дверь купальни и в нее влетел громадного роста и зверского вида араб и прямо направился ко мне (я, очевидно, при этом вострепетал и призвал на помощь имя Бога-Избавителя), но едва только протянул руки ко мне, как откуда-то взялся наш назаретский проводник с револьвером, и этим предотвратил катастрофу. Так Господь невидимо послал Ангела Своего в лице человека, для охраны и защиты бедного и немощного созданья Своего!

За Тивериадой есть еще и другая церковь, – латинская, довольно красивая и, как видно по наружности, недавно реставрированная, – составляющая лучшее украшение города. Она, по уверенно католиков, сооружена на том месте, где Христос по воскресении передал власть ключей и Свое видимое представительство и главенство на земле над Церковью, как выражаются они, св. ап. Петру, сказав ему: «Паси агнцы Моя».

К северо-востоку от Тивериады, на три часа ходу, нам указывали пространство, где стоял Канернаум, которому Господь предрек его печальное будущее: «И ты, Капернаум, иже до небес вознесыйся, до ада низведенися». Теперь от его величия виднеются одни жалкие, едва приметные руины. Так гордость противна Богу, и так Им она уничтожается и посрамляется!

Восхитительный вид отсюда представляли вершины Ливанских гор, почти до половины покрытых вечными снегами. Нам здесь говорили, что к ним расстояние от Галилейского моря небольшое, – не более 6-ти часов. Эти же самые вершины мы

видели и за 250 верст с Средиземного моря и с горы Елеонской в Иерусалиме.

Нелишним сказать и то, что здесь замечается против других местностей более сильный, палящий и изнурительный жар, а от этого и разнообразные растения, плодородные почвы, роскошь цветов и изобилие жатв, которые поспевают месяцем раньше, чем где бы то ни было.

После легкого завтрака в первом часу дня, мы, сопровождаемые игуменом монастыря Тивериады, который один и составляет всю братию его, с великою скорбью начали отдаляться от священных вод и очаровательных окрестностей их, по направлению к Фавору, который лежит отсюда на расстоянии семи часов езды, а от Назарета – трех.

Недалеко от моря, путешественнику, пробирающемуся по – между роскошною растительностью и мириадами цветов, наполняющих воздух чудным ароматом, указывают на разрушенную крепость и одиноко стоящую пальму, – служащих признаком арабской деревушки Эль-Меджел или Магдалы. Старинное предание нашей восточной Церкви говорит, что это родина той Марии, из которой Господь изгнал семь бесов и которая, будучи великою грешницею, с глубоким смиреньем и сокрушенным сердцем вошла в дом фарисея Симона, куда приглашен был Иисус вкусить пищи, приблизилась к Нему и, упав сзади Его на колена, плача, начала обливать ноги Его слезами, и отирать волосами головы своей, и покрывать их поцелуями, и наконец, открывши сосуд – мазала ноги Его драгоценным и благовонным нардом. Св. Григорий Великий объясняет, что обладанье семи бесов означает множество накопившихся у Магдалины грехов. Но Св. Писанье, передавая последующую жизнь Марии, говорит нам только о ее восторженной преданности и благодарности, с которыми она привязалась душою и сердцем в служенье своему Спасителю. В следующей за этою главе Евангелия св. Луки она поставлена первою между женщинами, сопутствовавшими Иисусу в Его странствованиях и служившими Ему своим именем. От чего имя Магдалины между всеми образованными народами обратилось в присловье и в синоним принятого раскаяния и

прощенного греха. И каждый паломник, взирая на Магдалу, – невольным образом приведет себе на память и преданье о грешной красавице и сказанье Св. Писанья о ее глубоком раскаянии, которые прославили имя Магдалины. Правда, несколько лачуг Магдалы глядят запустеньем и развалинами, обитатели ее живут в невежестве и уничижении, но с любовью и трепетным сердцем взглянет всякий на то место, которое служит видимым доказательством того, что никто, даже глубоко падший и презираемый всеми человек, не будет отвергнут Тем, Кто в числе первых дел Своих считал сыскать и спасти погибшего.

Не раз и мы, поглядывая на развалины, где живала столь чистосердечно раскаявшаяся грешница, украшенная свежестью и прелестью пурпуровых цветов, и припоминая свои грехи юности и беззакония лет мужества, взвывали к ней: Святая равноапостольная Мария Магдалина, моли Бога о нас!

День близился к полудню, а мы, прожигаемые лучами Галилейского солнца, все еще шаг за шагом тянулись по крутыму и длинному скату дикой и высокой горы, с трудом взбираясь на щетинистый гребень ее, утыканный громадными камнями, едва виднеющимися из-за густой и превысокой травы. Инде попадались навстречу кустарники, с засевшими в них от дневной жары «божьими птичками», для услады нашей чиликающими свои восточные песни. А там и сям по обе стороны тропинки, на самых удобных местах для пастбищ и для хищнических щелей, виднелись разбросанные стратегически странными рядами палатки кочующих римских дворян (как их здесь почему-то называют), бедуинов.

Все их кочевья похожи одно на другое; они большою частью состоят из двадцати пяти шатров; мебель и все украшения шатра составляют войлок из верблюжьей шерсти, несколько одеял, две- три подушки, трубки, ружья, ятаганы, которые разбросаны, где попало. Бедуин не любит жить в каменных домах; любимое его жилище – шатер, который можно уложить на мула, осла или верблюда и раскинуть, где угодно. – Первое его благо – свобода и независимость... Бедуины недоверчивы, склонны в грабежу и ненавидят европейцев. Костюм их

чрезвычайно живописен. Самая существенная часть этой живописной одежды имеет форму широких шаровар, пояс которых перехватывает талию посредством глухой петли. Эта одежда делается из сукна, полотна или шелковой материи, сообразно с прихотью того, кто ее носит... Потом надевают тунику с длинными рукавами, доходящую почти до икр. Эту тунику опоясывают богатою лентою или кушаком и к нему привешивают оружие. Но самую грациозную одежду составляет бурнус – длинное белое, легкое платье из шелка или верблюжьего волоса, окаймленное шелковою бахромою, доходящую почти до икр. Ничто не может сравниться с легкостью и изяществом этого платья, которого покрой похож на древний паллиум⁴⁷, и для большего сходства с ним один конец бурнуса перекидывают через левое плечо.

Наши проводники и некоторые из моих сопутников пускали по временам выстрелы в воздух, чтобы дать острестку буйным сынам пустыни Галилейской и показать им, что и у нас есть достаточно средства для охраны и самозащиты себя от ихних притязаний и навязчивости. И когда мы проезжали мимо их кочевьев, они выходили из своих палаток и дико и презрительно посматривали на нас, травя собаками.

Едва мы взобрались на чело проезжаемой горы, как сейчас же предстал пред нашими глазами и Фавор во всем своем величии, и так близко, что вот -вот так кажется рукой достал бы его, а между тем к нему не менее двадцати верст. Боже мой, что это за краса, за чудо природы?! Это прекрасный Иосиф между своими братьями. Виднеющимися издали в разных направлениях горными высотами и наружным своим видом он походит на полушарие или громадное яблоко, разрезанное в попечнике пополам, верхняя часть коего, по разрезе, положена на блюдо. Фавор имеет круглую форму, широкую при подошве и узкую к верху; всесторонняя ровность всех его ребер, отдельное положение от цепи других гор, богатая растительность радуют взор путника и издали, и вблизи. Но для того, чтобы прибыть к подошве Святой горы, нам предстояло перейти еще множество холмов и долин. Не доеzzая четырех верст до ней, при спуске – в последнюю долину, окаймленную с

двух сторон нагорными высотами, стоят громадные крепостные постройки, обнесенные претолстыми, высокими, каменными валами, с брешами в некоторых местах, образовавшимися в них от времени и обстоятельств. Эти крепости устроены по обеим сторонам дороги, выходящей из теснины на просторную равнину и ведущей к Фавору, — и сооружены, по всей вероятности, во времена крестоносцев для противодействия внезапным неприятельским нападениям и для охраны священной горы от всяких случайностей. Ближе к подножию Фавора, на протяжении трех верст, тянутся прекрасные дубовые рощи и роскошные леса, которые издали казались нам кустарниками. Эти единственные леса во всей Палестине, отдавая прохладой, так и манили нас к себе под свои пушистые и раскидистые ветви, — лучший, нерукотворенный шатер на всем Востоке; а тысячи приютившихся на них морских тивериадских пеликанов, черногузок и цапель — на ночлег, придавали какой-то фантастический, сказочный вид; проводники наши не утеряли и начали изливать свою фантазию в выстрелах по ним для потехи над их испугом, суеверностью и неповоротливостью. Мириады дремавших стай, взвившись с своих нар в воздушное пространство, совершенно заслонили от нас заходившее солнце, горько жалуясь своим неистовыми и неугомонным карканьем небу на дерзость и непростительную шалость диких нарушителей их безмятежного вечернего покоя.

После нескольких поворотов по-за рощами, я, отставший от прочих моих сопутников, видел, как один из договоренных нами проводников поднял возле одного дерева богатый персидский ковер и торопливо спрятал под свой халат, обвив им свое тело, для более удобного сокрытая найденного. Сначала я предполагал, что эта утеря принадлежит кому-либо из проехавших мимо нас в Тивериаду. Но когда, спустя немного времени, наш назаретский кавас заявил об исчезновенье у него из-под седла дорогого ковра, я прямо указал на поднявшего. Но он клялся аллахом, что это собственный его ковер, взятый им из дому для подстилки на ночлегах, и только я, случайный свидетель недобросовестности клявшегося, мог повлиять на надлежащий исход этого пассажа.

Означенный случай из нашего вояжа я привел здесь с целью: поклонники, не зная духа и характера своих проводников – арабов или турков, в дороге и на местах отдыха и поклоненья совершенно доверяются им во всем: этого никак нельзя допускать в видах охраны и сбереженья своих собственных интересов и даже жизни. И для поездок по Палестине всегда следует группироваться в поклоннические караваны так, чтобы число богомольцев всегда превышало число проводников, иначе – лучше не трогаться с места. Почему так, для наглядности приведем из множества один пример. Неизвестный, английский милорд, желая путешествовать сам, договорил пять арабов-проводников и поехал с ними из Назарета к Фавору. Другая партия поклонников выехала несколько позднее по тому же направлению. Едва проехали они десять верст, как услышали залп, сделанный из нескольких ружей. Полагая, что кто-нибудь напал на путешественников, они взялись за оружье и устремились в ту сторону, откуда слышались отчаянные крики. Судите же об их удивлении и ужасе, когда они увидели этого англичанина в схватке со своими проводниками. Единственный его слуга был уже не в состоянии драться и нападавшие уже готовились бежать со всеми пожитками несчастного путешественника. При появлении же партии поклонников, проводники-арабы, покинув часть добычи, поспешили скрыться в ближайшем лесу.

Но вот мы уже приблизились почти к подошве Фавора; влево отсюда виднелось небольшое селенье Деввора, откуда Барак, третий судья израильский, по голосу пророчицы Девворы, изшел с десятью тысячами человек, чтобы освободить евреев от рабства, в котором находились они у хананейского царя: войско неприятельское, по предсказанью Девворы, пришло в беспорядок и предводитель его, Сисара, был умерщвлен Иоилью, женою Хеввора, у которой они просили себе убежища. После победы пророчица воспела знаменитую песнь, которая называется ее именем и находится в Библии в книге Судей Израильских. Почти в продолжении сорока лет Деввора вместе с Бараком управляла народом Израильским.

Настоящий, вечерющий день в особенности памятен для нас по тем чувствам, которые мы испытывали, восхищаясь на каждом шагу своеобразными красотами дивной горы Преображения и, вдыхая прохладные и благовонные струи из ее роскошных лесных чащ. На беду нашу мы запоздали, и едва проехали полверсты по нагорной тропе, как совсем стемнело. Трудно было нам двигаться впереди при безлунной ночи и почти совершенном лесном мраке, но все еще было ничего, пока мы могли ехать широкой дорогой, не стесняя друг друга; но вот выше и выше пошла почти одна узкая извилистая тропа, так что мы вынуждены ехать гуськом, напирая нередко один на другого. В нашей партии была своя Деввора, — одна смелая и своюенравная поклонница; она ехала первою, за ней я, немного отставши. Вдруг в стороне слышу падение чего-то тяжелого, но затем крики, плачи, брань и даже потасовку... Оказалось, что поименованная смеячка, взбираясь на один уступ, вместе с мулом оборвалаась с него; вещи, самовары, стаканы и пр. разлетались при падении в разные стороны, и она сама порядком избилаась и за это от злости била проводника. Нужно заметить, что если бы и я сейчас в тыл ей следовал, то она своим падением увлекла бы и меня с ослом, и я, вследствие сильного толчка и повалившейся на меня тяжести, быть может, поплатился бы жизнью. Но Господь мой и Бог мой спас меня и здесь от злого обстояния... Мой подъяремник (осел) пред этим почему-то повертил в сторону и, прошедши шагов двадцать, стал; в эту-то минуту и случилась помянутая беда...

После этого я, во избежание подобных катастроф впереди, вынужден был продолжать путешествие по горе пешком, ведя в одной руке осла, а другой неся свой багаж, причем то и дело, что цеплялся то за деревья, то за кустарники, спотыкаясь на каждом шагу. У многих от острых камней пропали башмаки, а у меня оборвалаась вся ряса от шиповников. И такое донельзя трудное восхождение на чело священной горы продолжалось около трех часов, протяжением до четырех верст; я смертельно устал и до того пропотел от напряженья, что на мне не было ни одной сухой нитки. Далее, от изнеможенья мне приходилось неоднократно садиться на камни и отдыхать и, в это время,

услаждаться сердцем, что вот еще сделаю несколько шагов по трудному восходу, еще пройдет только несколько минут, и я найду у страннолюбивых иноков укромный угол для отдыха и упокоенья тела, и великую отраду и вожделенное утешенье для души на священном месте Преображения, причем мысленно уподоблял свой тяжкий труд восхождения на высоты фаворские трудному шествию христианина в горний Фавор – на небо. При восхождении на Фавор то крутизна горы одолевает путника, то колючие кустарники задерживают его шествие, то громадные камни служат причиной частых преткновений, а горные уступы нередко – и падений. Так и при шествии христианина в небесный Фавор своего рода крутизна – гордость, киченье ума, взимающаяся на разум Божий, печалит и волнует дух его; терпя страстей и похотей замедляют его путь; искушенья от мира, плоти и дьявола – служат камнем преткновения и соблазна, а нежданные, жизненные уступы – скорби, беды и напасти колеблют стопы его на пути доброделания и часто доводят до паденья духом, до паденья нравственного. Но он, вдохновляемый и утешаемый сладостною надеждою, что этот трудный путь восхожденья по стропотной стезе на превысокую гору добродетельной жизни прямо приведет его к небесному Фавору – Царству Божию, где за подвиги его ожидает вечный покой и нескончаемое блаженство, все с каждым днем и часом поднимается выше и выше по пути нравственного самоусовершенствованья – хожденья в законе Господнем.

Когда мы разместились по прекрасным и безупречно чистым номерам, игумен пришел поздравить нас с благополучным проездом и удивлялся, и ужасался, что мы рискнули так поздно ехать по трудно проходимым и опасным лесистым фаворским исходищам, прибавив, что тут, в стенах монастыря – ничего, а там, за оградой, могли нас обобрать, обидеть и убить пастухи-бедуины. Тут только я понял всю опасность, всю беспомощность своего положенья, когда усталый, одинокий лез я как черепаха по неведомому пути, при ночном мраке, – и в благоговейных, благодарными чувствах пал пред келейною иконою Спасителя, и в настоящий раз спасшего меня от всякого врага и супостата.

Первою заботою мою было добиться у игумена разрешения на завтрашний день служить литургию, на что он с великою радостью изъявил полное свое согласие.

В три часа ночи я послышал стук в окно, будивший меня к заутрени, и затем с церковной башни раздался своеобразный, нигде в Палестине не практикуемый звон или перебор в колокола, впрочем, довольно приятный, даже увлекательный для слуха. Чрез полчаса нас ввели в новую просторную и прекрасную церковь Преображения Господня с превосходным иконостасом, устроенным на жертвы русских поклонников. В нем, как редкость в Палестине, три местных больших иконы, и в числе их икона Преображения, в серебряных вызолоченных ризах. Заутрени, Часы и Преждеосвященная обедня, которые я совершал в особенном восторженном состоянии духа, сопровождались усердною и пламенною молитвою всех моих сопутников. По окончании обедни я отслужил молебен Преобразившемуся Господу, потом игумен вывел нас на самое открытое место нагорной вершины, чтобы мы могли видеть во всем царственном величии священную гору и ее окрестности. Круглая вершина этой живописной и покрытой лесом горы представляет дивный ландшафт. Вот на эти-то места⁴⁸, сказал нам любезный и добрый путеводитель, Господь привел с Собою трех наиболее преданных и наиболее просвещенных святым евангелия учеников – Петра, Иакова и Иоанна, и здесь, пав на колена, начал молиться, а когда молился, преобразился пред ними, так что лице Его блистало, как солнце, а одежды Его стали белыми, как снег; вся личность Его запечатлелась Божественным блеском. Такое небесное сияние апостолы могли сравнить только со светом, снегом и молнией. И вот около Него явились два человека. Когда в пустыне Он приготовлял Себя к великому делу жизни, приходили и служили Ему ангелы, теперь же, когда Он приготовлял Себя к смерти (ибо Преображение было за 40 дней до оной), явились к Нему Моисей и Илия и говорили о Его кончине, о которой апостолы только что предварены были Христом. Когда же блестящее видение стало меркнуть и величественные посетители готовы были удалиться, изумленный, пораженный и восхищенный Петр, опасаясь

скорого их удаления, не зная, что сказать, воскликнул: «Наставник! хорошо нам здесь быть; сделаем три кущи, – одну Тебе, одну Моисею и одну Илии». На эти речи Петра не последовало никакого ответа; но когда он говорил, облако, не темное, как на Синае, но светлое, осенило их, и голос из него высказал: «Сей есть Сын мой возлюбленный, в котором Мое благоволенье, Его слушайте». Все три апостола пали и скрыли в траве лица свои. Когда же, опамятившись от поразившего их величественного звука голоса и объявшего их света, они подняли глаза свои и осмотрелись кругом, то все уже вмиг прешло: не стало ни пророков, ни светлого облака, ни ясного, как свет, солнца или молнии, Спасителя лица, ни белой, как снег, Его одежды. Они остались опять одни с Иисусом, и только звезды своим спокойным светом освещали высокие горные скаты. Им страшно было встать и даже пошевелиться, но Иисус, – Учитель их, – подошел, прикоснулся к ним и сказал: «Встаньте и не бойтесь». Когда же стали сходить с горы, Иисус запретил им кому-либо рассказывать о событии, пока Он не воскреснет из мертвых. На той самой точке горы, где последовало преславное Преображение Господне, продолжал наш собеседник, святая царица Елена устроила церковь, на остатках которой сооружена и нынешняя, где сей час совершалось Богослужение, и все мы молились. Помолимся еще, и еще здесь, под открытым небом Фавора в тишине и в уединении, и затем единым сердцем и устами мы воспели сладкую песнь: «Преобразился еси на горе, Христе Боже, показавый учеником Твоим славу Твою, яко же можаху: да воссияет и нам грешным свет Твой присносущный, молитвами Богородицы, Светодавне, слава Тебе». «На горе преобразился еси и яко же вмещаю ученицы Твои, славу Твою, Христе Боже, видела, да егда Тя узрят распинаема, страдайте убо уразумеют вольное, мирови же проповедати, яко Ты воистину Отче сияние». И здесь же под влиянием дивных видений, вызванными воспоминаниями событий, совершившихся на этом священном месте, я произнес речь.

Потом, после чаю и легкого завтрака, мы обошли всю вершину священной горы, и везде она, исключая двух небольших площадок, покрыта деревьями, кустарниками,

обильною травою и роскошными цветами и даже виноградниками. Писатели, утверждающие, что вершина Фавора оканчивается острием, похожим на сахарную голову, весьма ошибаются. Площадь ее здесь равняется почти половине квадратной версты; а круглая подошва ее имеет в диаметре не менее 60 верст. Вид с горы на все стороны самый очаровательный. С восточной стороны виднеются вдали горы Аравии и Галилейское море, которое пересекает Иордан, текущий с севера на юго-запад, и который на его протяжении до Мертвого моря отсюда представляется глазам два раза. Отсюда же видна та самая равнина, простирающаяся на несколько верст, на которой совершилось знаменитое чудо насыщения пятью хлебами и двумя рыбами пяти тысячи человек.

С западной стороны открывается взору ряд гор, и между ними высится гора Кармил, ознаменованная местожительством на ней и подвигами пророка Илии, которая издали кажется высокою, и чрез промежутки горы рябит в глаза синева и блеск волн Средиземного моря.

На севере видны горы Дамаска и Ветулы; первые сливаются с горизонтом, последние же лежат ближе. Они знамениты подвигом иудеянки Юдифи, которая, отрубив голову Олоферна -военачальника Навуходоносорова, поразила ужасом многочисленное его войско. Отсюда можно также рассмотреть долину, на которой, до преданно, Спаситель проповедовал ученикам Своим и народу учение о блаженствах и о царстве Божием.

Наконец, на юге взор ваш останавливается на множестве предметов не менее живописных; первый из них –гора Ермон, отстоящая от Фавора на 16-ть верст.

Пришедши опять на западную сторону горы, я с трудом, хватаясь за кустарники, взлез на шпиль какого-то полуразрушенного каменного здания, вероятно, бывшей когда-то сторожевой крепостной башни и, вследствие обвала под ногою, едва не покатился в вертикальный нагорный уступ, отчего могли произойти для меня последствия самые плачевые. Но и здесь Господь послал Своего Ангела сохранять

меня, чтобы я не рухнулся вниз и не преткнулся о камень. Окинув отсюда еще раз взорами прелестные фаворские окрестности и налюбовавшись великолепными деталями самой горы, я с прочими пошел к здесь же лежащему францисканскому монастырю, и первое всего на место его раскопки. Эти раскопки производятся самими монахами, на пространстве ста квадратных саженей, и трудами их, между прочими, открыто основание древнего христианского храма, по-видимому, православного, совершенно почти очищенного от мусора, почему можно было видеть точное его расположение в длину и широту в виде креста, и величину алтаря, в котором до половины сохранился каменный гранитный престол; раскопки еще не окончены и продолжаются и теперь. Здесь я занялся отыскиванием мозаики и к утешению своему нашел – несколько кусочков для дорогой доброй памяти о дивной горе и самых приятных минутах, проведенных в созерцании ее красот, присоединил к ним и роскошный букет фаворских ароматических цветов.

Отсюда мы собирались было идти к своей кельи для отдыха, но вышедший нам навстречу францисканский монах пригласил нас посмотреть католическую капеллу, – она небольшая, и имеет вид часовни; особенно замечательного в ней мы ничего не заметили, исключая чудной иконы Преображения Господня, составленной из подобранных по цвету красок иконы разноцветных камней. Причем объяснили нам, что эта капелла устроена на том самом месте, где последовало дивное событие Преображения Господа. Это подало мне повод к вопросу: кому более верить – православным или латинам в определении подлинного места совершившегося здесь чудного священного события?

В ответ на это, путеводивший нас православный игумен рассказал следующее. В 1836 г., один молдаванский житель, путешествуя по святым местам Востока, посетил между прочим и достославную вершину Фаворскую, но в это время здесь не было ни жилья человеческого, ни живой души, которая указала бы ему подлинное место Преображения Господня. В сильной тоске от этого, он возвращался домой и в душе своей дал Богу

обет, что если Господь по молитве его откроет ему когда-либо в видении знаки подлинного места на Фаворе Его славного Преображения, то он вторично отправится в Палестину на богомолье и поклонится св. месту Преображения. И вот, когда он, находясь уже дома, однажды, после долгой и горячей молитвы, крепко уснул, ему в сонном видении представилась вершина Фаворская с растущим на одной площадке ее старым-престарым, развесистыми, дупластым дубом, и неведомый голос говорил: «Смотри, хорошо заметь признаки видимой тобою местности и в особенности обрати внимание на большое дерево: по нему ты обрящешь подлинное место Преображенья Господня на Фаворе». По данному обету, отправившись вновь через десять лет в Палестину, и именно в 1846 году, он при первом же возможном случае желанием возжелал поскорей дойти до Фавора. Добравшись до вершины его и, вступив на одну из площадок его, он узнал в ней местность, виденную во сне, а когда и росший здесь дуб оказался с такими же указанными ему тогда же признаками, то он, ничтоже сумняся, со страхом и благоговением пал лицом на святое место и оросил его слезами радости и благодарения, воздавая хвалу Богу Спасителю за исполнение его сердечного желания и мольбы. И живым и разумным указателем этого св. места будущим поклонникам оставил самого себя, т. е. в благодарность за таковую милость Божию, излитую на него, он остался здесь до смерти для подвигов покаяния и молитвы. Но так как и теперь негде было ему приютиться при безлюдии и опустелости Фавора, то он поселился в дупле сказанного дуба, и жил в нем один-одинехонек целых семь лет, в течении которых на жертвы поклонников построил три кельи и собрал материал и средства на содержание и самого храма; но в 1859 году в декабре месяце скончался, завещав построить храм на месте природной нерукотворной его кельи – дупластого дуба. Когда впоследствии стали рыть рвы для закладки церкви, то оказались стены или основания древней церкви, устроенной царицею св. Еленою, на которых, как я уже сказал, воздвигнут и нынешний храм. Игумен, говоривший это, указал нам на остатки стен в алтаре времен Елены, оставленных для памяти и

уверения всех в подлинности места Преображения Господня, в своем первобытном виде.

Помянутый молдаванский старец фаворский тайнозритель – принял здесь монашество с именем Принарха и за свою подвижническую жизнь удостоен был сана архимандрита. Так как он считается основателем сказанного храма, то тело его погребено под спудом оного, а самый портрет его хранится в ризнице. Мы сочли долгом поклониться праху славного паломника и труженика св. горы и облобызать место его упокоения.

Православный греческий Фаворский монастырь Преображения состоит в ведении митрополита и есть место его постоянного жительства, почему и митрополия его называется Фаворскою, а сам митрополит именуется фаворским, хотя в монастыре под ведением его состоит один иеромонах, один иеродиакон и три послушника, а во всей пастве лишь один – другой десяток душ. Нынешний митрополит Фаворский Агапит почти круглый год живет в приморском городе Акре, и только приезжает сюда ко дню Преображения и ко времени посещения поклонниками св. горы.

Многим из нас хотелось пожить на Фаворе хоть денька два, чтобы досыта налюбоваться им, но по разным причинам, никак нельзя было оставаться долее. Благодарю от всей души Господа и Спасителя моего и за краткое время моего пребывания здесь, а в особенности за то, что Он, Всеблагой, сподобил меня отслужить литургию на месте проявления Его Божественной славы и помолиться, между прочим, и о том, чтобы Он, преобразившийся здесь, преобразил, имиже весть судьбам, и мое нечистое и мрачное житие.

После краткого за сим отдыха в своих кельях, в 12 часов дня мы, услав вперед мулов и ослов, со слезами распростились с мирными и вожделенными высотами Фавора и начали пешком спускаться все ниже и ниже по ребрам его, подбиная по дороге то камешки, то срывая цветочки и древесные листики на память о дорогом сердцу священном месте, – и останавливаясь почти на каждом повороте тропинки, чтобы всмотреться пристальнее в дивные красоты его. Спустившись совершенно с горы и

собравшись вместе под одним роскошным деревом при созерцании отсюда всего чудного облика священного места Преображения Господня, единодушно воспели в честь его трогательную церковную песнь: «Преобразился еси на горе, Христе Боже, показавый учеником Твоим славу Твою, якоже можаху: да возсияет и нам грешным свет Твой присносущный, молитвами Богородицы, Светодавче, слава Тебе». И чересчур утомленные длинным и тяжелым спуском с нагорных крутизн под полуденными палящими лучами Галилейского солнца, мы сделали здесь же привал, прилегши, кто как мог, на мягкой траве и подложив под головы камни. Но нашим проводникам-арабам не понравилось такое наше путевое сибаритство, в их материальных расчетах, а потому они то и дело подходили к нам, а некоторых тянули и за руки, понуждая силою идти далее, так что дело чуть не дошло до рукопашной драки.

Не сладив с своими несговорчивыми дикими вожаками, мы против желания и неблаговременно направили путь невдали от Назарета по равнине Эздрелонской к Дженину. И здесь не обошлось без приключений. Между Фавором и Ермоном, по Эздрелонской долине, как и из географии известно, протекает небольшой библейский поток Киссон, ручьи которого были свидетелями пламенной ревности св. пророка Илии по славе истинного Бога. – Этот поток, впадающий в Галилейское море, в сущности небольшой, но в дождливое весеннее время бывает довольно значителен и, выступая из береговых рамок, делает близлежащие места топкими на несколько недель. В такой именно критический период и нам пришлось проезжать чрез территории Киссона. И вот один из моих сопутников, при всем желании объехать подозрительные места, засел в одном из них вместе с мулом; другой – в видах избежания подобного неприятного случая, как ни мудрил выбором лучшей тропинки, все-таки унаследовал участь первого; третий попал еще в худшую топь со своим муликом, так что восемь душ арабов, провозившихся с ним около часу, едва могли высвободить его из тины. Мой же осел перемудрил всех – и мулов, и ослов, и богословов: лишь только дошел до трясовины, моментально пал на колена, я полетел через его голову, а он благодушно,

бережно и легко переправился по топям, я же вынужден был добираться по следам его, как за проводником, к общему удивлению и вместе смеху моих сопутников. И действительно, неразумное, бессловесное животное поступило на этот раз так умно и практично, как нельзя лучше: будь на нем седок, осел под тяжестью его, давящею вниз, не мог бы идти так легко и свободно и, пожалуй, погряз бы, подобно прочим, в трясине, а главное – без его посредства, я не мог бы сам так удачно пройти даже по более твердым точкам ее⁴⁹.

Направившись к Дженину, мы имели на глазах вправо – к северу часть Назарета и гору «Низвержения», а влево – к югу гору Ермон, – а Фавор, несмотря на то, что с каждым шагом мы отдалялись от него, как бы шел вслед за нами, и мы то и дело, что поворачивались к нему лицом и, устремив пытливый взор на плenительные красоты оного, посылали неоднократно прощальный привет и мысленное сладкое лобызание дивному месту Преображения Сына человеческого и Сына Божия. Чрез полтора часа езды показался и евангельский городок Наин, а за ним и библейский Аэндор, известный тем, что израильский царь Саул, в минуты страшной туги и отчаяния, переодевшись, отправился к жившей в нем знаменитой волшебнице, с просьбою вывести ему умершего пророка Самуила, чтобы он научил его, как ему поступить с врагами-филистимлянами, воюющими с ним. Нас более занял Наин, так как мы проезжали невдалеке от него. Наин – во времена Спасителя, значительный и многолюдный городок, окруженный каменными стенами – в настоящее время грязная, жалкая деревушка, не более как с 20-ю невзрачными и неприветливыми приземистыми лачужками, расстоянием от Тивериады около 30 верст, от Фавора около 12-ти, расположен на северо-западном склоне горы Ермона, или по-арабски – Джебель-эль Дюги. Наин – значит красивый. Это лестное значение своего имени, оставшееся за ним и доселе, – он оправдывал в свое время своим положением близ цветущего Аэндора, гнездясь и теперь довольно живописно на отлогостях красивой горы, в виду Фавора и гор Завулоновых. Наин, как передает нам Евангелие, удостоился посещенья Самого Господа. В светлый период ученья Его по Галилее, когда Он, как

Небесный Посланник, по долгу Своей земной миссии, проходил с благовестием грады и веси сей области Иродовой и направил однажды Свои пречистые стопы на скалистый восход, который вел прямо к Наинским воротам, здесь попалась Ему на встречу печальная процессия, – вынос из городских стен умершего юноши для погребенья. Ничем не сдерживаемый вопль родных и близких несомого мертвеца раздавался более и более и громче, чем обыкновенный плач, тем более, что юноша был единственным сыном матери-вдовы. Это обстоятельство сильнее всего трогало сердце еврея и было тягостнее для его слуха, чем для нашего; отчасти потому, что умереть бездетным считалось позором, а с другой стороны оттого, что на лишенье потомства во многих случаях глядели, как на прямое наказанье за грехи. Зрелище страшной печали сильно поразило любящее, кроткое сердце Иисуса. Приостановившись на мгновенье, чтобы сказать несчастной горюющей матери: не плачь, Он приблизился и, не заботясь уже более о сохранении обрядной чистоты, прикоснулся к одру или к открытому ящику, в котором лежал умерший. Без всякого приказанья, исполненные непонятного благовенья носильцы остановились и поставили одр. И среди всеобщего молчания, среди замершего на время вопля, раздался кроткий голос Божественной любви и милосердья: юноша, тебе говорю, встань! И этот голос Победителя смерти проник в загробный мир и потряс державу смерти. Мертвец мгновенно пробудился, встал и начал говорить, и отдал его Иисус матери его. Чудо это, как замечает евангелист Лука, навело на всех неописанный ужас. Почему? Разве до этого времени не было подобных примеров чудесного проявления Божественной силы в земле обетованной? Ведь и Илья, и Елисей, эти величайшие из пророков – один для Сарептской вдовы, а другой для знатной Сонамской женщины, воскресили их умерших сыновей! Воскресили, – но достигли этого усиленными прошениями, молитвами и не своею властно и силою. Иисус же сотворил чудо спокойно, внезапно, мгновенно, во имя Свое, собственными могуществом, едиными словом. Потому-то и поражены были все наиняне сим чудом, и

обрадованные толковали по между собою: Бог посетил народ Свой, и не могли рассуждать иначе.

В это же время и сюда же Иоанн Предтеча, томившийся в заключении в самарийской темнице за слово истины, прислал к Иисусу своих учеников с короткими вопросом: «Ты ли Тот, Который должен прийти, или ожидать нам другого?»

Наин, как мы заметили раньше, был во время оно окружен стенами; но теперь незаметно даже мусора от развалин их, а равно и от прочих древних городских зданий. На том же месте, где Господь изрек Свое всемогущее: «Юноша, встань», — латины-франки успели недавно соорудить небольшую каменную часовню, которая своими наружными формами и белизной обращает на себя внимание путника еще издали. Поравнявшись с ней и осилив волновавшие меня чувства при виде явного знака посещения воплотившимся Богом народа Своего, я снял шляпу и, окаевая себя, как первого в мире грешника, вопил: «Видя вдовицу зелне плачущую, Господи, яко же бо тогда умилосердився сына ея на погребение несома воскресил еси, сице и о мне умилосердися, Человеколюбче, и грехами умерщвленную мою душу воскреси, зовущую: аллилуйя. Вдовица града Наина плакаше о умершем сыне своем. Хотел бых и аз оплакати погибшую душу мою: беззакония же моя тако иссушила мя, яко и слезами не обрестися во мне. Но Ты, Христе, воскресивый сына оныя вдовицы, избави и мя от вечных смерти, яже за беззакония моя имать мною обладати!».

Смотря на две горы — соседки — Фавор и Ермон, лежащие почти визави одна другой, не в далеком расстоянии, и не уступающие друг другу и по высоте, я невольно привел себе на память пророческие о них слова пс. Давида: «Фавор и Ермон о имени Твоем возрадуетася зело». И действительно возрадовались о Боге, Творце своем! Одна удостоилась послужить зело радостному для колеблющихся в вере сердец дивному событию Преображения Спасителя падшего человечества и увидеть Его Божественную славу и величие, — а другая — быть свидетельницей великой милости, любви и милосердия Владыки к Своим рабам — воскрешения Ими

умершего единственного сына бедной Наинской вдовицы, и ее светлого ликованья по этому случаю, и всех ее единоземцев.

В последний раз, обернувшись назад, бросаем мы грустный взгляд на величественную и поразительную донельзя картинность горы Фавор, чтобы навеки проститься с ней, – проститься с той горой, на которой и ап. Петр, восхищенный чудным видением и прелестью окружавшей природы, возжелал остаться здесь навеки, а для всегдашнего удобного пребывания на ней, предлагал Господу, от лица апостолов, устроить палатки в защиту от жгучих лучей палестинского солнца и от стихийных невзгод. И Господь, избравшей сию св. гору в место преславного Своего Преображения, сообщил ей на все грядущие века такую неувядаемую, неземную прелесть сиянием и красотами Своего Божества, чарующего путника со всех сторон – и вблизи, и вдали, и во всякое время года, что и поклонники давно минувших веков, как и богомолец настоящих времен, одинаково восторгались и восторгаются от нее во время вояжа, с восхищением воспоминали и воспоминают о красотах ее дома, говорили, и говорят, и не наговорятся в кругу друзей и знакомых о неотразимом благостном влиянии ее на умиротворение и настроение душевных чувств. Затем, когда она постепенно начала закрываться от наших глаз, возраставшими с каждым шагом, за нашей спиной, ребрами Ермона, у меня на ресницах повисли две слезинки, и я уронили их на землю как раз в момент исчезновения чела горы Преображения.

Солнце стояло высоко, когда мы ехали по полями Эздрелонской равнины, день прекрасный, сияющий всею прелестью палестинской весны, торжественная тишина царствовала в долине, и только изредка долетали до нашего уха крики погонщиков мулов, обрабатывающих данные участки под огородные овощи, – участки, отдававшие разными колерами и походившими на обширную шахматную доску; птицы пролетали над нами целыми стадами, спеша на прохладу к гостеприимным берегам тивериадских вод, а протянувшемуся зеленому ковру колосящихся чудных злаков галилейской пшеницы не виделось и конца. Но эта плодоносная равнина, самородная роскошь произведений которой пленяет ваш взор,

замечательна не в этом только отношении. Цивилизованный путешественник, самый равнодушный, имея при себе Библию и раскрыв ее здесь, не может прочитать без особого движения и прилива возвышенных чувств сказаний богоухновенных мужей о тех событиях, которые совершились на гладких полянах оной. Эта местность искони была полем народной битвы; цари, судьи и консулы производили войны на этом улыбающемся нам пути. На нем сверкали копья амаликитян и филистимлян, он стонал под колесницами Сезостриса; утоптан македонскими фалангами; на нем бряцали мечи римлян; он оглашаем был впоследствии и криками крестоносцев. В этой Эздредонской долине, как замечает один ученый, казалось, встретились друг с другом Европа и Азия, иудейство и идолопоклонство, варварство и цивилизация, Ветхий и Новый завет, история прошедшего и надежды настоящего. Ни одна палестинская местность не имела такого глубокого значения для судьбы человечества. Сожалею о тех, которые без внимания и особенного чувства проходят по Эздрелонской тропе; нигде любовь к отчизне и своей вере не произвела столько героев, как здесь; черствее ржаного сухаря сердце того паломника, у которого искра веры не разгорается в пламень при осязании собственными чувствами подлинных памятников, совершившихся на полях Эздрелона библейских и евангельских событий.

Но вот при ясности тамошних небес к нам придинулось несколько мазанок, прилепившихся к темени не то холма, не то большого кургана, кругом их масса пурпуровых цветов; нас окружает море пажитей; от площадки, на которой мы стоим, идут две дороги, одна на Акру и к берегам Средиземного моря, а другая к Галилейскому озеру. Под живым впечатлением совершенных в этих местах Богочеловеком многих чудес, мое воображенье до того разыгралось, что я принял некоторых жителей за слепых, других за сухих, за хромых, ждущих Великого Пророка-чудотворца с минуты на минуту. Они не знают, нынче ли Он придет в их околоток и прикоснется к ним Своим милостивым перстом, – нынче ли услышат от Него слово исцеления, – нынче ли одно прикосновение к одежде Его

изменит и исполнит радостью всю остальную их жизнь... А там, в глуби колосистой пшеницы, стоит несколько фигур, покрытых безобразным рубищем и кричащих... Мне причудилось, что это прокаженные, и что они предостерегают нас от приближения к ним криком: тамэ! тамэ! – (я нечистый).

В 6 1/2 часов вечера мы благополучно прибыли в знакомый уже нам город Дженин или Дофайм, лежащий на рубеже Галилеи и Самарии, и остановились на ночлег у той же самой вдовы-турчанки, которая дала нам приют в первый наш переезд, и теперь дружелюбно встретила нас, усталых и угрюмых путников, в надежде получить с «Москов» приличный бакшиш. – Наш пилигримский вояж по Галилеи окончен; – мы более или менее познакомились с нею и, следуя принятому нами вначале наших записок порядку, скажем несколько слов вообще об этой палестинской провинции.

Название Галилеи происходит от еврейского слова: Галил, что значит круг, окружность. Это слово уже встречается в книге Иисуса Навина, как географическое название северной части Палестины, в особенности округа или колена Нефеалимова. Галилея несколько больше Самарии: ее длина от севера к югу около 80 верст, а ширина от запада к востоку до 40 верст. Она граничит к востоку Иорданом и Тивериадским морем, к западу – Средиземным морем от Тира до Кармила, с севера – горами Ливаном и Антиливаном, с юга – Самарию, отделяясь от нее Эздрелонскою долиною. Нынешнее народонаселение Галилеи сравнительно с Иудею довольно густо, но далеко не то, что было во времена Иисуса Христа, когда, по свидетельству Флавия, она заключала в себе до 200 городов и разных местечек, из коих самые малые имели иногда до 16,000 жителей, а воды Тивериадского моря рассекались более чем 4,000 судов. Эта область очень плодородная, и с избытком вознаграждает труды своих обитателей. На почве ее легко растут деревья всякого рода: оливковые, инжирные, миндальные, лимонные, финиковые пальмы, виноградные лозы, смоквы, груши, арбузы, дыни.

Почва, за малыми исключениями, покрыта сочною, мягкою, густою и высокою травой, доставляющею тучные пастища для

травоядных, отчего здешние четвероногие резко отличаются ростом, силою и красотою против животных прочих палестинских провинций, в особенности же лошади, коровы, козы и овцы, так что иудейская корова сравнительно с галилейскою – теленок. Разнообразие полевых злаков, масса роскошных цветов, начиная от белых благовонных назаретских лилий, подобных которым не производит ни один уголок мира, и до роскошных бутонов махрового мака,— которых у нас даже самая искусная и заботливая рука недюжинного садовника не может вырастить на грядах любого палисадника, изобилие пшеничных и ячменных жатв, поспевающих месяцем раньше, чем где бы то ни было, и множество протоков, орошающих долины, поражают ваш взор и приятно ласкают ваши утомленные чувства и воскрывают дух. Почему Галилея и в настоящие времена для Палестины есть своего рода египетская житница, а Назарет – складочный или запасный хлебный магазин, куда приезжают за покупкою наущного нынешние иудейские Рувимы, Симеоны и пр., и караваны с которым идут в заиорданские страны и к Акрской пристани Средиземного моря.

Конечно, таким благоденствием и процветанием страны в материальном отношении туземцы обязаны не своим усилиям и заботам, ибо они по природе своей ленивы и апатичны ко всему, а милосердию, щедротам и покровительству Той Святейшей Девы, которая во дни оны обитала под кровлей одной из Назаретских хижин, и провела лучшую пору и большую половину своей трудовой жизни под галилейским солнцем, всецело испытав на Себе людские скорби и нужды.

Но для истого поклонника богатство и изящество здешней природы на втором плане. Для него важнее то, что здесь обильно питается внутренний его человек, – душа. Сердце и ум его тут постоянно заняты и наполнены евангельскими образами. Почти каждая гора, каждый поселок, холмы и равнины, озера и источники, пути и исходища говорят его религиозному чувству об утешительных проявлениях на них – в слове, учении, жизни и чудных делах просветительной и искупительной миссия Богочеловека. Из священных книг мы знаем, что Галилея была особенной любимицей Господа Иисуса. Здесь благоволил Он

воплотиться от пречистых кровей Приснодевы; здесь изволил Он поселиться и жить с людьми, паки человек, слишком тридцать лет, и имел тут родных и друзей по плоти; в этой стране сказалось великое и святое дело открытого Его служения спасения рода человеческого; отсюда из 12-ти главных учеников Христовых 11-ть были галилеяне; отсюда раздалась первая проповедь Иисуса Христа о покаянии и приближении царства Божия, и галилейский народ, сидящий во тьме, первый увидел свет великий, (о воссиянии коего в земле Завулоновой и Нефоалимовой пророк Исаия предсказал еще за 700 лет); в этой области Спаситель совершил первое чудо на браке и через него явил в первый раз перед людьми Свою Божественную славу, и исцелил сына царедворца, слугу сотника, сухорукого, тещу Симонову со многими другими, расслабленного, кровоточивую женщину, двух слепцов, изгнал легион бесов из бесноватого; словом, – здесь, в Галилее, по преимуществу, как замечает евангелист Матвей в 5-й главе, исходила сила из Него (Христа) и исцеляла всех. В пустынях этой страны чудесно кормил Он малым количеством хлебов и рыбы целые тысячи народа; ходил по водам ее, как по суще, одним словом укрощал бурю и волны морские, помогал апостолам в ловле рыбы Своим всесильным «закиньте сети в ловитву»; воскресил дочь Иаира и сына Наинской вдовы. На одной из гор галилейских Он произнес замечательную беседу, в которой высказал главнейшие и существенные истины Своего учения: о путях блаженства, о милости и нестеяжательности, о неосуждении других и пр. На полях галилейских много поучал сопутствовавший Ему народ увлекательными притчами и подобиями: о сеятеле, о добром семени и плевелах, о растущей пшенице, зерне горчичном, сокровище на поле и пр. В Галилее, новым и яснейшими образом показал и доказал ученикам Свою Божественность, преобразившись чудесно на Фаворе. Галилейская луна, горы, холмы и ущелья многократно были свидетелями уединенной полунощной молитвы за грешный род человеческий мнимого сына земного Назаретского тектона⁵⁰, истинного же Сына Архитектона⁵¹ небесного. Наконец, и по воскресении Своем Господь не оставил Галилеи Своим

посещением, — вкушал здесь, при море, хлеб и рыбу с учениками и в словах, обращенными к апост. Петру, основал вечную иерархию Своей Церкви на земле и, в заключение, здесь же передал всем апостолам право и власть — идти учить все народы, крестяще их во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, и утешил Своих возлюбленных обещанием быть с ними до скончания века. Словом, эта страна избрана была Спасителем для совершения великих Таинств, — страна, в которой Он, Сын Божий, открыл и приблизил к людям всю полноту Своего Божества и явил миру истинное Свое человечество, во всеми подобное нам, кроме греха.

После всего сказанного сейчас, ничуть не покажется удивительным то, ежели богомолец при твердой вере своей и полной уверенности, что он здесь ходит везде по следами Иисуса Христа, — забывает в это время все тягости, все неудобства многотрудного пути, не думает о родных и своей стране, им покинутой, и весь входит внутрь себя, весь отдается благочестивому влечению чувств.

На другой день, прежде нежели сесть на ослика, для обратного следования в Иерусалим, я пристально осмотрел все видневшиеся детали навеки оставляемой мною, милой сердцу христианина, Галилеи, чтобы навсегда запечатлеть в памяти дорогой их облик, причем мои возбужденные чувства заговорили во мне так: припади здесь к земле, освященной манием Божества твоего Искупителя, и на прощанье с ней помолись Ему, Человеколюбцу, сице: вот я, недостойный, поклонялся Тебе, воплощенному Богу, в той рукотворенной хижине, где Ты жил и вкушал пищу с Пречистою Твою Матерью: сотвори и уготови и в нерукотворенной бедной храмине души моей обитель Себе, приди, Всеблагий, вселись в ней со Отцем и Святым Духом, свечеряй в ней с Ними и украси тайники ея светлейшим лицом Рождения — образом Ея чистоты и целомудрия. Я воздавал Тебе дань хвалы и благодарения на тех берегах, где Ты часто пребывал,—на холмах, где Ты восседал, — на камнях, где преклонял Ты святое чело Твое: огради, Всесильный, мерилом Твоей святой воли и мою безграничную свободу в ежеминутном нарушении Твоих

повелений, смири холмы вознесенной моей гордыни и умягчи
паче воска мое огрубевшее в пороках, окамененное сердце,
распали его ревностью по славе Твоей, созижди в нем
Владычный престол Себе, восседай на нем и царствуй над
всеми хотениями его (сердца), а поникшую долу от суетных
мыслей главу мою возведи к горним; от всякого пути лукавого
возбрани нечистыми ногами моими, и прах беззаконий,
прилепший к ним на путях нечистых, отряси от них Твою
благодатию. Я плавал по волнам того моря, где Ты подавал
Свою всемогущую руку утопающему апостолу, такому же
маловерному, как и я; но сей спасен, он теперь в тихом
пристанище царства Божия, а я, недостойный, еще плаваю по
яростно клокочущей пучине житейского моря, обуреваюсь
множествами лютых страстей, смертных грехов и злых
обстояний: о, как мне нужна мощная десница Твоя, мой
Спаситель! О, Господь мой и Бог мой – поспеши же ко мне на
помощь! О, бесценный мой Искупитель, спаси же имени,
погрязшего выше главы в бездне зол!..

VI. Обратный путь в Иерусалим

ПОЕЗДКА НА ИОРДАН, МЕРТВОЕ МОРЕ,
СОРОК ДНЕВНУЮ ГОРУ. ВИФАНИЯ

Оградив себя крестным знамением, мы в 4 часа утра выехали из Дженина, – рубежа Галилеи и Самарии, и продолжали путь свой благополучно несколько верст до какого-то неизвестного по имени поселка. Здесь у одной из поклонниц под сиденьем лопнула веревка, и она моментально полетела назад с мула, упала навзничь на высунувшийся громадный камень с такою силою, что сразу лишилась чувств и лежала без признаков жизни. Прочие спутницы от испуга и незнания, что с ней делать, рыдали; в это время два турка выбежали к нам из своих мазанок, подняли на воздух лежавшую и она открыла глаза; но из-под головного платка полилась фонтаном кровь, при виде которой монах-афонец упал в обморок, и его едва отлили холодной водой. К счастью потерпевшей, в поселке нашелся знахарь, который принесенными таинственными листьями из ближайшей рощи покрыл зияющую на голове пробоину, и течение крови унялось. Напуганные случившимся, мы взбираемся на верх каменистой горы со страхом и трепетом, потом спускаемся вниз с террасы на террасу, как будто по огромной лестнице. Едва оставляем мы за собою ряды горных уступов, как перед нами возвышаются другие; по временам слезаем с капризных скакунов и ведем их под уздцы, опасаясь за целость своих боков; все идут молча, нахмурившись и с потупленными взорами; через несколько часов я спросил обронившуюся: как она чувствует себя, – и, получив утешительный ответ, заметил ей, что случившееся с ней она должна признать за наказание и вразумление свыше за то, что в пути по св. местами не сдерживает своего гнева, постоянно обижает из-за пустяков своих сопутниц,ссорится и не мирится с ними. Так вести себя нам, богомольцам, не приходится, неуместно здесь и очень грешно, продолжал я; Бог нам не вменит этого трудного пути в подвиг, и молитва наша при святынях палестинских не будет услышана Им.

Целый почти день мы идем длинною цепью гор; часовая стрелка указывает на цифру V; в это время мы, миновав Севастию, спускаемся узкой тропой с страшного обрыва в равнину, на которой расположен Сихем. О, до чего очарователен ландшафт его с этой западной стороны, при скатающемся с каждой минутой ниже и ниже дневном светиле! В прелестных окрестностях городка, под оливковыми деревьями гуляют разодетые самарянки, еврейки, арабки и турчанки и, завидев нас, опрометью бегут смотреть на московитов; другие во все горло кричат, требуя лева (б.к.), а иные сопровождают нас пением непонятных песен.

На юго-восточной стороне Сихема, в конце его, предстал пред наши очи бассейн чистой и прозрачной как кристалл воды, который мы приняли, как дар Неба за понесенные дневные вар и тяготу жажды. Вода его нам казалась дорогимnectаром, который пили в сладость все – и мы, и подъяремные; а некоторые быстроногие ослики, пользуясь случаем, пожелав освежиться, моментально погрузились в прохладные струи оной вместе с седоками, к великому их ужасу и огорчению, так как все дорожные костюмы и съестные припасы их приняли вид греческой губки, пропитанной влагою.

Отсюда, оставив по правой руке библейско-евангельскую гору Гаризин, по отлогостям которой нам следовало ехать, мы направились по превосходной и плодоносной долине к колодцу Иакова, дабы выполнить прежнее свое предположенье отслужить здесь молебен св. мученице Фотинии-Самарянинке, но это добре желание наше так и осталось одним желанием, не перешло в дело по не зависевшим от нас обстоятельствам. Наши проводники и хозяева мулов и осликов, да и некоторые из наших поклонников, заупрямились сверх всякого чаяния, увидав показавшийся нежданно из-за кряжа горы караван богомольцев, шедших из Иерусалима в Назарет на молитву к радостному дню Благовещения, и, оставя прежний путь к колодцу, мигом, по горней тропе, направились навстречу им. Меньшинство из нас поневоле должно было следовать за ними. У всех нас, между прочим, таилось сильное желанье узнать от этого каравана что-либо новое о событиях в России; так как со времени известия о

кончине Царя-Освободителя мы находились в неведении относительно нового Государя. Картина каравана представилась нашим глазам в поразительно-величественной перспективе: в пустынных местах, на протяжении 10 верст, шла и ехала масса народа, до двух тысяч, из разных стран, племен, наречий, званий, состояний, пола и возраста, гонимая не какими-либо корыстными житейскими расчетами или заманчивыми надеждами, а движимая единственno любовью ко Господу и Пречистой Его Матери. О, как сильна была любовь этого почти сплошь простого народа за малыми исключениями! Усталые от целодневного трудного пути, обремененные тяжелой дорожной ношей, с избитыми и изможденными ногами, испытывая от жары смертельную жажду, они шли безропотно, одни – напевая священные гимны, другие – творя молитвы, а иные – занимаясь душеспасительными беседами или выслушивая их. Некоторых мы встретили совершенно ослабевшими от пути, сидящих на каменных глыбах или лежащих на земном одре от боли ног и других крушений в разных частях бренного тела. На вопрос наш: зачем они шли, не имея сил, потребных для долгого и трудного странствования, – ответ был незамысловатый и краткий: мы верим, что Господь и Богоматерь нам помогут! О, святая вера! Лучезарный живительный свет твой еще не угас на земле, – в простых сердцах ты еще обитаешь итворишь, чудная и славная! И ради сих малых, ради сих простецов и нас, мнящихся быть мудрыми, Господь держит на свете, щадит и милует до поры, до времени. И вот находятся же некие журнальные буйи, которые во всех паломниках не видят ничего более, как праздный и сбившийся с прямой колеи жизни люд, слоняющийся по св. местам с глубоко намеченною в душе корыстною, но ничуть не религиозною целью, чтобы, запасвшись там камешками, водицею, оливой, веточками и др. балластом палестинским, потом зашибить за них с своих единоземцев деньги и провести на раздольной Руси прочее время живота, припеваючи, корча из себя святош и благовестую разную дребедень... Таким субъектам не мешало бы самим лично принять на себя труд – испытать до дна прелесть «слонянья», особенно без необходимой копейки – по

негостеприимным местами Св. земли и труднопроходимым каменистым горным тропам и замусоренным ущельям, при диком фанатизме туземцев и частых разбоях бедуинов, под знойным небом, в проливные периодические дожди, в грязь, не имея где под кровлей и главы приклонити, за многолюдием или по неприязни измаилитов; постоянно быть впроголодь или жаждущими в безлюдных и безводных пустынях, имея постелью – груды камней, покрывалом – свод небесный, а пищей – окаменевший от времени житный сухарь, взятый на потребу из родной деревни, которому дивятся и сами турки. И так иногда целые недели и месяцы... Разве можно предпринять и снести такой вояж без сильной веры и крепкой любви ко Господу? Радуюсь душою, восторгаюсь духом, что я обрел в наши времена эти перлы христианства и в моих соотечественниках. О, дорогая моя родина! О, святая Русь! На твоем широком лице есть еще много верующих сердец, не влающихся ветром всякого ученая. Они – твоя крепость, твое благоденствие, твоя и слава! Дорожи их нравственною силою, поддерживай слабых и колеблющихся, поднимай хромающих на оба колена, а всех вообще побольше питай здоровым духовным хлебом. Иначе ты забвена будешь Богом, попрана, унижена, как избранный некогда народ земли обетованной.

По закате солнечном, верстах в 7-ми от Сихема, мы остановились в крохотной турецкой деревне – Губара. Когда мы въезжали в нее, всполошилось все население от мала до велика; наша толмачка и парламентерша (известная уже читателям), хохлушка, отправилась осматривать лачужки для ночлега, но и самая, по-видимому, лучшая из них оказалась настоящим свинушником: закопченная, без окон, с дырявым, неопределенного материала потолком и с валяющимися на глинистом полу разными нечистотами. Уплатив по 20 к. с души и столько же за каждую циновку, мы кое-как прибрали свою квартиру, настлали рогожек, полстей, ковров и затем кто уселся, кто улегся на полу, в ожидании живительной силы от русского самовара – неразлучного нашего спутника. Туземные мужчины все до одного были в поле, а турчанки со всех дворов понахлынули к нам и без церемония заглядывали в лицо,

гладили по голове, трогали бороду, дергали за платье, распахивали его, иные усаживались около нас и лезли на колени. Что видели в наших руках – лимон ли, апельсин, кусочек ли сахара или булки, назойливо просили уделить и им; несколько раз мы выпроваживали их силою, но они опять врывались к нам и не давали спать. Это побудило одного из моих сопутников рискнуть употребить серьезное и довольно опасное средство, могшее иметь весьма плачевые последствия для нас. Взбравшись на террасу соседнего домика, он сделал три залпа из револьвера: незваные гости ахнули и мигом все разбежались по домам, и только через полчаса опомнившись от перепуга, прислали от себя депутацию с просьбою больше не стрелять, а то все дрожат и рыдают от страха; и, затем, более никто из них не беспокоил нас всю ночь, кроме общественных всегдаших недругов человека, всесветных паразитов, любящих ютиться, греться и питаться около грешного его тела.

Опасаясь мщения за содеянное со стороны мужчин, возвращение которых ожидали к утру, мы поднялись с своего жесткого ложа в 3 1/2 часа и начали собираться в дорогу на Иерусалим. Ночь холодная и темная, мы едем почти ощупью, из страха попасть в пропасть и свернуть голову; но вот между ущельями гор блеснул огонек, поклонницы встрепенулись, заметались при мысли: не притон ли это разбойничий, – и притихли, чтобы говором не выдать себя. Рассвет. Мы выехали на довольно сносную дорогу. Тихо; лист не колыхнет и облачно. Облака до того низко и густо стоят между теснинами гор, что мы с трудом двигаемся сквозь их вперед. К 10 часам зажглось солнце, и стало довольно жарко; мулы и ослики то и дело спотыкаются, – признак усталости. Около 12 часов мы начали огибать цепь живописных холмов, составляющих по величественной красоте свой венец гордости Самарии, и лежащих по левую сторону протянувшейся длинной и широкой лентой прелестной долины, посреди которой протекает светлый ручей пресной воды, обильно напояющий роскошную растительность. У подошвы горы Гевал, в отвесистых скалах, множество природных пещер.

Мало-помалу мы доплелись до стоящей при дороге небольшой деревушки, называемой Сейлум, библейский Силом, в котором находился Кивот Завета, по завоевании земли Ханаанской, и где был произведен раздел страны между 12 коленами Израильскими.

Кивот Завета оставался здесь до конца правления судей... Теперь еще виднеются небольшие остатки древних зданий. Далее тянутся знаменитые Ефраимовы горы, на вершинах которых трудолюбивые насельники их, пользуясь всяким клочком удобной земли, сумели развести множество масличных и фиgovых деревьев и винограда.

Во втором часу мы въехали в длинный и глубокий дефилей, покатые ребра которого искусственно разработаны широкими – саженей в 30 и длинными – на несколько верст – уступами, в пятьдесят рядов, один над другим (в виде амфитеатра), на которые заботливой рукою насажены деревья и кустарники различных пород. Вид на ту и другую стороны его – необыкновенно живописный, и ждет и не дождется искусственного контуриста, за снимок которого не один любитель прекрасного скажет задушевное спасибо.

Продолжая далее путь по сказанному проходу, мы достигли, наконец, чудного и по виду своему⁵², и по вкусу воды источника: Аин-эль-Арамиег, – это арабское название, а по-русски – колодезь воров, и здесь на открытой площадке против него решились сделать первый привал, пробитые нас kvозь лучами весеннего самарийского солнца, истомленные семичасовым сидением на седлах, ездой и смертельной жаждою. Я первый утолил свою жажду, и затем все, рассевшись на мягкем травяном ковре – кто завтракал, кто подкреплялся китайским зельем, а были и такие, которые, не теряя дорогой минуты, бросились в объятия морфея, не раз в пути назойливо смыкавшего наши веки в наказание за пренебрежение к нему – раннее пробуждение наше в Губаре.

Кстати, нужно заметить, что описанный нами сейчас источник воров потому называется так, что у расположившихся при нем караванов для отдыха или водопоя, ночью ли то будет или среди бела дня, а непременно окажется пропажа, и

виновника ее никто и никогда не мог видеть и изловить, – точно совершается она по мановению волшебного магического жезла, или злодеем, обладающим сказочной шапкой-невидимкой. Осязательный факт правдоподобности этого объяснения случился и подтвердился воочию нашего: один из проводников наших-араб, подходя к источнику, сбросил башмаки и, положив их на камне, стал завтракать; когда мы отдохнули и сели на осликов, ехать дальше, оставившей сандалии побежал за ними, но их как ни бывало, -поклонницы едва могли его утешить, снабдив своею обувью.

Возле места нашего привала сохранились остатки какого-то громадного здания широких размеров, основание которого сложено из массивных гранитных плит, длиною более сажени, а шириной полтора аршина. Постройку его относят ко временами Соломона. Плененный местоположением, поистине очаровательным во всех отношениях, он, по преданью, устроил здесь загородный дворец, и в него по временам уединялся для отдохновения от царственных забот и городской суэты. С этим нельзя не согласиться, так как камни подобного размера и конструкции встречаются только в зданиях, устроенных в эпоху царствования первых царей иудейских.

Мы опять в дороге, но путь до того затруднителен, что мы не раз встаем с своих подъяремных, – и где идем, а инде пролазим, буквально на четвереньках, по образу звериного навуходоносоровского хождения. Чрез час такого мучительного вояжа мы достигли вершины – горы, усеянной, как бы струпьями оспы, громадными глыбами известняка, на которой виднеется небольшой поселок, именуемый арабами – Бейтин или Бетен, древний библейский Вевиль. Это самое древнее из местечек, окружающих Иерусалим. Здесь праотец Авраам, переселяясь из Месопотамии в землю Ханаанскую, поставил жертвенник Богу. Отсюда Авраам пошел со стадами своими к полудню, отсюда по случаю голода отправился в Египет, где выдавал жену свою Сарру за сестру. Из Египта он опять пошел к Вефилю (Быт. 11:10 – 32:12, 13: 1–4). В Вефиле отдыхал патриарх Иаков; об этом в Библии говорится так. Избегая гнева и мести брата Иисава, Иаков пошел к дяде своему Лавану в Месопотамию, в

Харран, и, когда зашло солнце, он остановился в одном месте ночевать, положил себе камень в головы, лег и уснул. И видит во сне: на земле стоит лестница до небес; ангелы Божии восходят и нисходят по ней; на лестнице стоит Господь и говорит ему: «Я Бог Авраама и Исаака. Землю эту Я дал тебе и потомству твоему. Потомство твое будет, как песок земной. В семени твоем (чрез Спасителя) благословятся все племена земные. Я всегда с тобою, и сохраню тебя везде». Пробудившись от сна, Иаков сказал: «Страшно место это! Это – дом Божий и врата небесные». Встав, он взял камень, на котором лежал, поставил его памятником, возлил на него елей и назвал это место – Вефиль (дом Божий). Когда народом еврейским правили судьи, то они здесь часто имели свои собрания. В Вефиле Иеровоам, царь израильский, поставил золотого тельца, соорудил пред ними жертвенники и сказал народу: «Не нужно вам ходить в Иерусалим! Вот Бог твой, Который вывели тебя из земли Египетской», – и сделал Иеровоам праздник в Вефиле для принесения жертв тельцу. И вот когда он стоял перед жертвенником, принося курения, пришел из Иудеи пророк Божий, обратился к жертвеннику и сказал: «Жертвенник, жертвенник! Так говорит Господь: вот родился в доме Давидовом сын Иосия, и принесет на тебе в жертву жрецов высот (идольских), совершающих на тебе курение, и сожжет на тебе кости человеческие. И вот знамение того, что это сказал Господь: этот жертвенник распадется, и пепел, который на нем, рассыплется». Царь протянул руку свою и сказал: «Возьмите его». Но рука его одеревенела, а жертвенник распался, и пепел рассыпался на него; тогда царь стали просить пророка исцелить руку, и рука исцелилась.

Здесь же – тому же пророку иудейскому Господь повелел не есть хлеба, не пить воды, и не возвращаться тою дорогою, по которой он сюда пришел. В Вефиле же тогда был и другой пророк – старец. Когда иудейский пророк отправился из Вефиля, вефильский пророк настиг его и сказал: «Я так же пророк, и ангел, по повелению Господа, сказал мне: возврати его к себе в дом, пусть он поест хлеба и напьется воды». (Он обманул его). Пророк иудейский возвратился с ним. Но когда

они сели за столом, вефильский пророк действительно получил откровение от Бога и сказал гостю: «Так говорит Господь: за то, что ты презрел повеленье Господне, ты не будешь погребен с отцами твоими». Когда иудейский пророк отправился домой, лев умертвил его на пути, и стоял с ослом над телом его до тех пор, пока вефильский пророк пришел и похоронил его. Десяток другой самобеднейших турецких жилищ составляют теперь весь Вефиль.

В 4 часа пополудни мы проезжали мимо местечка, которое населяют в настоящее время арабы, называемое ими – Эль-Бирег или Эмбир, или еще иначе – Михмас, осчастливленное пребыванием в нем Богоматери, возвращавшейся из Иерусалима, после праздника Пасхи в свою родину -Назарет. Священная история об этом эпизоде из жизни Св. Семейства передает нам следующее. Каждый иудей по достижении 12-летнего возраста обязан был на праздник Пасхи приходить для поклоненья Богу в Иерусалим. Иосиф и Мария, по Своему благочестью, строго исполняли эту обязанность. Когда Иисусу Христу исполнилось двенадцать лет, они взяли также и Его с собою. По окончанье праздника, продолжавшегося обыкновенно целую неделю, они все вместе, в сопровождении многих родных и знакомых, возвращались домой. Отрок Иисус остался в Иерусалиме. Родители сначала не заметили Его отсутствия, полагая, что Он идет впереди или позади в кругу знакомых. Но вот день склонился к вечеру. Иосиф и Мария начинают искать Иисуса, и нигде не находят. В сильном беспокойстве провели они ночь в Михмасе (по преданию), и, с наступлением утра, поспешили обратно в Иерусалим. Прибывши сюда уже на третий день, они входят в храм – и каково их изумление! Там, во храме, они видят Иисуса среди законников и учителей. Увидя Его, Марья сказала: «Сын, что ты сделал с нами? Вот отец Твой, и я с великою скорбью искали Тебя». – «Зачем было вам искать Меня, – отвечал Иисус, – или вы не знали, должно быть, того, что принадлежит Отцу моему». Иосиф и Мария взяли отрока Иисуса из Иерусалимского храма и привели в Назарет. На том самом месте, где Св. Семейство имело ночлег, была, как видно, довольно архитектурная, хотя и небольшая церковь,

устроенная, по преданью, царицею Еленою. От нее остались теперь только одни развалины; впрочем, над алтарем сохранилась часть свода, который мы внимательно осматривали. В деревеньке теперь не более 300 душ населения, и жители большою частью занимаются пряжею и тканьем простых сукон, из которых весь простой народ делает себе верхние бурнусы. Здесь есть несколько ключей, и над одним из них устроена магометанская часовня, по наружному виду довольно сходная с часовнею над гробом Рахили, около Вифлеема.

От Михмаса недалеко уже и до Иерусалима; чем ближе мы подвигались к нему, тем более представлялись нам, несмотря на весеннее время, голые скалистые возвышенности, тем тощее казалась почва, тем менее виднелось жизненности в природе. Вот перебрали мы какой-то ручей, а за ним, по правую сторону, на значительное пространство тянулись развалины когда-то жилых построек, по-между которыми выделялось здание со сводами и с четырьмя отделениями или перегородками внутри, без передней стены. По разъяснении оказалось, что это один из уцелевших самодревнейших караван-сараев Св. Земли⁵³. Во время Давида на этом месте стоял город Номва – ныне Ноб: – сюда, как известно из библейской истории, бежал Давид, спасаясь, по совету друга своего Ионафана, от мести и гонения Саула, и, взяв у первосвященника Ахимелеха на дорогу хлебы предложения и копье Голиафа, бежал из отечества своего. Саул узнал, что Давид был у первосвященника Ахимелеха, велел убить Ахимелеха и с ним 85 священников и истребить Номву.

Перевалившись через небольшую гору, мы увидели Иерусалим, в первый раз с северо-восточной стороны. Отсюда он имеет довольно красивый вид, и из-за зубчатых высоких стен его первое всего бросается в глаза, во всем блеске арабской архитектуры, Омарова мечеть с близ стоящими минаретами, еврейская синагога, в наружной форме наших церквей, с зеленою железною крышей (что редкость в Иерусалиме) и Храм Гроба Господня. Елеонская гора и Иосафатова долина видны, как на ладони. Но особенно красивый и привлекательный вид

имеют наши «Русские постройки», с своими громадными в европейском вкусе отстроенными корпусами, пятиглавым византийским собором и разными прилегающими к нему зданьями и скверами.

Близ стен иерусалимских наше малое духовное стадо разделилось: я направил стопы свои прямо к «Русским постройкам» в свою келью, а мои спутницы—к Дамасским воротам, в греческий монастырь св. Екатерины, где они имеют наемные номера. Мой неугомонный нукер, по мере приближенья к «постройкам» сильнее и чаще дергал за рукава рясы, требуя назойливо прощального бакшиша. Когда я вошел в свою келью, солнце уже зашло, а часовая стрелка стояла на цифре VI. Пав пред иконой Богоматери, я от всего сердца благодарил Ее – Благодатную, что единственno по милости Ее я удостоился благополучно совершить трудный и опасный путь на Ее святую родину, как мне желалось. Приими, Всеблагомощная, Пречистая Госпоже Владычице Богородительнице, говорил я, сии честные дары поклоненья и благодаренья, Тебе единой прикладные, от Мене недостойного раба Твоего: от всех родов избранная, всех тварей небесных и земных высшая явльшася, понеже бо Тебе ради бысть Господь сил со мною, и Тобою Сына Божья аз познах, и сподобихся литургисати, и Святаго Тела Его и Пречистые Крове Его причаститися на месте Его воплощенья. Тем же блаженна еси в родых родов, Богоблаженная, Херувимов светлейши и Серафимов честнейши сущая; и ныне, Всепетая Пресвятая Богородице, не престай молящися о мне недостойным рабе Твоем, еже избавитися ми от всякого совета лукавого и от всякого обстояния, и сохранитися мне неврежденным от всякого ядовитого прилога дьявольского, но даже до конца молитвами Твоими неосуждевшего мя соблюди: яко да Твоим заступлением и помощью спасаемый, славу, хвалу, благодаренье и поклоненье, за вся, в Троице единому, Богу и всех Создателю воссылаю, ныне и присно, и вовеки веков, аминь.

Все мои знакомые завидовали мне, что я так удачно, с небольшим караваном, совершил такое необычное путешествие, и мог беспрепятственно молиться на всех местах,

все видеть и рассмотреть до мельчайших подробностей. Но до чего все мы устали, и в особенности я, от 12-тидневной верховой езды! Если бы еще нам нужно было далее сейчас путешествовать, я оказался бы несостоятельный. От боли ног я не мог согнуть их: руки были точно искалеченные, а пальцы, особенно на правой руке, как бы повыкрученные; это от постоянного напряжения поводьев. Подкрепившись немногим сухоядением, я со словами – Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе – пал на жестокое и холодное ложе свое и мгновенно уснул до радостного иерусалимского утра.

На другой день, утру глубоку, я поспешил ко Гробу Господню, чтобы приложиться к тридневному Его ложу, но нашел двери его заключенными: паписты справляли какой-то свой праздник и затворились от схизматиков (православных), чтобы присутствие их не омрачало светлого торжества их. Почему я зашел в патриаршую кафедральную церковь св. ап. Иакова, брата Господня, устроенную на том честном месте, где воскресный Господь, явившись женам мироносицам, изрек им утешительное – «Радуйтесь», а оне, приступив, ухватились за ноги Его и поклонились Ему. Это место приходится как раз посреди храма и осенено изящным мраморным балдахином, на одной из горизонтальных таковых же досок которого рельефно изображен сказанный священный эпизод. В этой же церкви, в нише иконостаса, вделана часть каменного столпа, к которому привязан был Искупитель в дворе Пилата, во время бичеванья, и устроен придел в честь сорока Севастийских мучеников.

За сим со тщанием пошел я в Гефсиманию поклониться гробу Обрадованной и во успении Своем нас не оставляющей и принести дань благодарения за Ея благодатный покров во время моего странствования в святую Ея родину. Я застал здесь обедню, которую совершали молдаванские монахи, а предстоящими были большею частью греки. Так как в этот день – 23 марта – было назначено в нашей Русской православной миссии празднованье восшествия на прародительский престол нового Государя, Александра Александровича, то я поспешил сюда. Церковь наполовину только была наполнена народом, по случаю ухода наших поклонников в Назарет. Во время чтения

манифеста и ектений, многие, и особенно отставные солдаты, плакали навзрыд; а все вообще горячо молились к Царю царей, чтобы Он, Всеблагий, послал нашему новому Русскому Царю все, испрашиваемое ему Св. Церковью в молебной литии. После многолетия все мужчины, русско-подданные, приведены были к присяге, а их оказалось налицо – двадцать душ в тысячной массе женщин. В заключение консул наш, поздравив всех присутствовавших с Всероссийским праздником, пригласил участвовавшее в служении духовенство на чашку чаю и заздравный бокал.

В этот день, когда мы стояли за вечерним Богослужением в миссийской домовой церкви св. Александры царицы, неожиданно вошел в нее патриарх Иерусалимский Иерофей и долго рассматривал, действительно заслуживающие внимания, св. иконы, написанные русскими художниками; но между множеством икон резко выделялся запрестольный образ Успения Богоматери, замечательно натурально сделанный, так что, стоя вблизи оного, теряешься, не знаешь, что и делать с своими грешными чувствами: радоваться или плакать, молиться ли или, вперив взор свой в Божественный лик Покоящейся и прильнув потом крепко, крепко к пречистой Ее длани, лежащей у сердца, забыть всех и вся на свете, остаться здесь – у ног Ее – до звука архангельской трубы. Каждый день пребывания моего в Иерусалиме я по несколько раз заходил сюда, по целым часам простоявал пред ненаглядным образом и не мог оторвать глаз от него, и все-таки выходил неудовлетворенным, с тихою грустью, что оставляю оный: так велико обаяние его на чувства зрителя!

В день Благовещения – оный же был и днем, назначенным патриархией для празднования Восшествия на престол Императора Александра Александровича, – была обедня в Воскресенском храме при Гробе Господнем, и совершал ее патриарх Иерофей, с четырьмя митрополитами, двадцатью архимандритами и многочисленным сонном священно-минахов и иереев, в числе которых был и аз недостойный. На великом входе мне дан был для несения ковчег с частью мощей св. муч. Иулиании. Народу разных наций и вероисповеданья тьмы тем, и

в числе его стоят их представители в блестящих мундирах. По окончании молебна, для всех служащих, в палатах патриарха, сервирован был восточный завтрак.

Под похвальную субботу я пошел на всю ночь ко гробу Господню, для чтения акафиста Богородице, избавившей в этот день Цареград от врагов. Во втором часу ночи, на оном же гробе, я сподобился быть сослужащим преосвященному Григорию, при совершении им литургии. На сей раз мне пришлось быть свидетелем посвященья во диакона одного раба, простого поселянина. Передняя часть его головы буквально догола была выбрита, – и это для того, как мне передавали, чтобы ничто не препятствовало проходить до разделенья мозгов благодати Святаго Духа на главу посвящаемого. Пред обедней, по пострижении в иподиакона, архиерей раздавал служащим по пасму волос от главы ставленника, а по омовении рук своих и отертии их полотенцем, покрыл сим последним все его тело, и в таком виде он стоял у дверей кувуклии, в наклоненном положенье, до самой минуты посвященья во диакона. Во время великого входа с Святыми Дарами, когда по обычаю, принятому с древних времен у Св. Гроба, служащий иерарх читал сначала разрешительную от грехов молитву говеющим, а потом и усопшим⁵⁴, с перечислением их имен, что продолжалось около часу, ставленник два раза чуть не упал от давившей его дремоты, что смутило и мирян, и служащих. После «Тебе поем», когда посвящаемый, по уставу, обошедши три раза вокруг престола, становится на колена на одном из передних углов оного и, сложив крестообразно руки на нем, склоняет и голову для таинственного священнодействия, ставленник никак не мог понять этой обрядности, и своими неуклюжими и смешными ужимками привел в такой соблазн всех, что архиерей вынужден был употребить при этом физическое давление. У нас новопоставленный диакон, на той обедни, за которой он принял посвящение, читает только одну заключительную ектенью, а здесь, кроме этого, он выносит к народу Св. Чашу, после приобщения священнослужащих, возгласил: «Со страхом Божиим и верою приступите», – и пр. После обедни, которая

окончилась в три часа, за братской трапезой, названный архиерей, вспоминая о выходках ставленника, смеялся до истерики, а за ним и вся братия, особенно иподиаконы, присутствовавшие при посвящении. Солнце зашло в этот день в 6 часов и 15 минут. Вообще же в Палестине самый больший день продолжается 14 часов, а самый меньший 10-ть. (Эту заметку я делаю для лиц, заинтересованных и минутами своего пребывания во Святой Земле).

Поотдохнув в течении недели от назаретского вояжа, мы 30-го марта предприняли путешествие к Иордану и Мертвому морю. По дороге везде попадались пешие и конные поклонники, из коих многие то и дело, что валились на землю с ослят, – и там и сям слышались крики и взвизгиванья от падения, барахтанье и возня с подъяремными и калабалыком (багажом): картина трагикомичная. Доехав до разрушенной гостиницы «Милосердного Самарянина», мы по слухаю сильной жары изнемогли, почему и расположились на развалинах ее для отдыха. Потом через три часа пути приблизились к страшной котловине, на дне которой сильно клокотала вода. Нас пригласили сойти с пегасов и бережно спускаться по узкой разработанной тропинке в стоящий, по ту сторону названной пропасти, монастырь препод. Теория Хозевита, память которого празднуется церковью – 8 января. Спуск и по проложенной искусственно тропе до пес plus ultra⁵⁵ затруднителен: как же пробирались в эту обитель за сотни лет назад? Когда завидел нас игумен, то начал с усердием бить в пятифунтовый колокол, повешенный на хворостины. Но нам предстояла трудная и опасная переправа через стремительный поток, в котором, по преданию, Иоанн Предтеча крестил многих: (в Еноне близ Салима) яко воды многи бяху ту – и приходжаху и крещахуся (Ин. 3: 23 и 24). Много потовых капельпало с чела нашего в эти воды, пока мы, ползком, в течение целого часа, переправлялись по перекинутой перекладине на обонпол⁵⁶ оных. Здесь, под отвесистой скалой необычайной высоты – сажень во сто, мы увидели мизерный домик, оказавшийся церковью, у порога которой встретил нас настоятель монастыря, о. Каллиник, и ввел в оную. Боже мой, что мы узрели в одной из процветавших

некогда, яко крин, лавр св. Саввы! Совершенную мерзость запустения, после агарянского, турецкого разорения: замечательная древняя стенная иконопись вся истыкана копьями, в особенности глаза, уста и ланиты у св. ликов; богатая половая мозаика повыковырена; впрочем, в одном месте, где правый клирос, сохранилась довольно хорошо, и о. игумен промывши его водой, дал нам возможность полюбоваться искусно составленным из разноцветных камней деревом, с сидящими на нем, точно живыми, птичками. Церковь победная, и открыта для служения только в 1879 году; потолок в ней камышовый и светится насквозь; иконостас – это ширма, обтянутая коленкором, по которой и развешены иконы, из коих только две наместные – препод. Георгия Хозевита и Благовещения, – написанные на дереве, а прочие – бумажные, самой низкой пробы; обязанность подсвечников выполняют два кола, воткнутых в расселины камней, и к ним усердствующие лепят свечи. За сим повели нас к тому пустынному месту, где родитель Приснодевы, Св. и Праведный Иоаким, оплакивал свое бесчадие и о бесчадии поношение от ближних и пламенно молился, присоединив к молитве и 40-дневный пост, сказав в себе: не возвращусь в дом свой, и слезы мои будут мне вместо хлеба до тех пор, пока Господь не услышит молитвы моей и не посетит меня радостью Бог Израилев, разрешив мое неплодство, и где ангел Господень обрадовал его же словами: «Се жена твоя зачнет и родит тебе дщерь, от Которой радость будет всему миру. И вот тебе знамение истины моего благовестия: иди в Иерусалим к церкви Господней; там найдешь у златых врат жену твою Анну». На этом месте была церковь во имя Св. Богоотец, но она подверглась еще большему разорению от безбожников; на остатках стен виднеются священные изображения с выткнутыми глазами, а на полу – жалкие последки мозаики, место церкви наскоро ограждено грудою уцелевших камней. В Хозеве теперь идут работы: игумен устраивает для удобства богомольцев мостик чрез сказанный поток, и, где можно, кельи для братии, которой в настоящее время налицо – 4 души. Есть здесь, в отвесистых скалах, и природные кельи-пещеры, но они более удобны для жилья

птицам небесным, которые и приютились в них в великом множестве, в особенности скворцы и щуры, привлекаемые сюда даровым обильным кормом, подаваемым щедрою рукою пустынной братии от крупиц своей трапезы; впрочем, в одной из них поселился один монах, по имени Антоний, но проникнуть в его келью можно не иначе, как только спустяясь по веревке. По осмотре крошечной обители, игумен предложил нам восточное угощение из хлеба, раки, винных ягод, присовокупив к нему и русское – чай, который все мы, сильно уставшие и особенно изнемогшие от жажды, пили с необычайным усердием. Поблагодарив за радущие и ласки и пожертвовав на бедную пустынь, кто что мог, мы уже хотели было идти к своим муликам, но нас пригласили зайти в видневшуюся вдали пещеру, вход в которую загражден железными дверьми и замком. Пещера эта круглая, небольшая, довольно низкая и была во время оно монастырской усыпальницей; в нее снесены кости 4.000 отшельников, избиенных в обителях св. Саввы Хозроем, царем персидским; вокруг пещеры, на полках, расположены головные черепа, числом до 300, а в половые ямы, сделанные наподобие наших могильных, ссыпаны остальные кости; к некоторым черепам мы прикладывались как к чудотворным с молитвою: св. отцы, избиенные в обителях св. Саввы, молите Бога о нас!

В 3 часа пополудни мы спустились в Иорданскую равнину; здесь сразу обдало нас полуденным варом, точно кипятком, чего в Иерусалиме в это время года мы не испытывали. Когда мы подъехали поближе к деревне Риххе – библейскому Иерихону, нас приятно удивили две группы белевых больших каменных, довольно красивых, построек, которых здесь, в прежнее мое путешествие, не было. Оказалось, что первая, это – странноприимные покой греческой патриархии, а вторая – русский, превосходный, удобный и весьма кстати устроенный приют для уставших путников, отправляющихся на Иордан, с живою ключевою водою протекающего здесь Елисеева источника, роскошным тенистым садом, содержимым в великом порядке и чистоте. Здесь мы застали таких же, как мы, приютившимися – кого в саду возле огромного 10-ведерного

самовара; иных от утомления и боли ног растянувшимися всем телом на пушистой траве; а некоторых, как напр. московских и костромских коммерсантов, в номерах гостиницы, услаждающими горталь ароматическими яффскими апельсинами; здесь же, между прочим людом, сновали и турецкие кавасы с пиками, ангажированные русским консульством для сопровождения и охраны «московитов» от буйных сынов Измаила в пути к Иордану и Мертвому морю. Греки, раньше нас расположившиеся здесь для отдыха, моментально все всполошились, чтобы идти дальше для занятия впереди – в монастырь Св. Иоанна Предтечи, более удобного приюта для ночного покоя, видя в нас, русских, какуюто помеху для себя: так сильно в них чувство ненависти к русскому имени!! Но мы еще при выезде из Иерусалима предположили иметь ночлег в монастыре преподобного Герасима на Иордане.

В Иерихоне, этом когда-то знаменитом городе, – городе благоуханий, пальм, роз и мirtов, нам пришлось отдыхать чересчур мало, ибо день преклонялся уже к вечеру. Но мы все-таки успели рассмотреть кое-что. В настоящее время нет Иерихона, населенного, красивого, зеленого, цветущего, богатого медом, миртой; на месте его находится ничтожная и жалкая арабская деревушка – Рихха, из нескольких убогих мазанок, с одним-другим десятком пребеднейших наследников; долина, на которой она расположена, глядит дикостью и запустением, только изредка, по-над берегами Елисеева источника, встречаются особого рода деревья, которых нигде в других местах не попадается на глаза, – одно из них называется Цаккум и походит на наше сливное дерево, только с иглами; из плода его добывается целительное масло для ран, а из косточек делаются четки, который и продаются богомольцам; другое дерево называется Дом, которое приносит небольшие красные плоды, употребляемые в пищу, – это любимое лакомство иерусалимских женщин; третье дерево – Ходах или акриды, ветви его усеяны множеством длинных игл, листья мелки, плоды круглые, желтого цвета, формой похожи на наши малороссийские мелкие вишневые ягоды, вкус в них яблочный

или ананасный⁵⁷; у некоторых христиан существует предание, что венец Богочеловека был сплетен из этого последнего дерева, и что плоды его служили пищей Иоанну Крестителю, во время покаянной его проповеди в Иорданской пустыне; другие же утверждают, что терновый венец, возложенный воинами на Спасителя, был свит из первого – Цаккума. Иерихон был первый город, чудесно завоеванный иудеями по сю сторону Иордана. Когда Ковчег Завета, в течении семи дней, каждодневно обносим был вокруг города, стены и башни Иерихона, бывшие до того неприступными, с ужасным треском пали сами собой, при звуке труб и восклицаниях народа. Во времена маккавеев в Иерихоне была построена цитадель. Иерихон великолепно был украшен и обогащен последними царями иудейскими; они выстроили в нем многие прекрасные здания. Ирод Великий жил здесь в пышном дворце (остатки которого и теперь еще указывают), когда были у него волхвы, шедшие в Вифлеем на поклоненье новорожденному младенцу Иисусу; богачи увеселялись здесь конскими скачками на великолепно устроенных ристалищах. И хотя во время войн римлян против иудеев он был разрушен, но все-таки был еще значительным городом во время жизни блаженного Иеронима. Впоследствии времени Иерихон был доведен до совершенного истощения, в котором находится и до дня сего.

Некоторые из историков упоминают об иерихонских славных розах, отличающихся от прочих цветов своею неувядаемостью. Нам не пришлось их видеть, но, по рассказам наших проводников, розы эти не походят на наши, а скорее – на бузинный цвет. Они растут прекрасными букетами, около пяти дюймов вышиной от земли, и вначале бывают алыми, потом беловатыми; когда вы поставите их в воду, то через пять-шесть минут они распускаются, как бы ни были сухи, потом по вынутии из воды опять сжимаются и засыхают⁵⁸. Иерихонская роза не имеет ни красоты, ни благоуханья, но отличается от других цветов, как я уже упомянул, своею неувядаемостью, поэтому-то св. Церковь и сравнивает глубокое смиренье Пресвятой Девы с неувядаемостью иерихонской розы.

Но вот виднеется на противоположной стороне Риххи не то – масличное, не то – смоковничное дерево с сидящим на нем орлом; а в сорока шагах от него руины какого-то зданья. Под живым впечатлением священно-исторических событий, совершившихся здесь, мне так и чудилось, что это – тот самый сикомор или по крайней мере потомок того евангельского сикомора или смоковницы, которая росла близ дороги, по коей надлежало проходить Иисусу в город Иерихон, и на низкие сучья которой взобрался Закхей, чтобы, при своем малом росте, отсюда иметь полную возможность своими собственными глазами разглядеть Великого Пророка, и не только увидел Его, но и удостоился чести иметь гостем славного Мессию, быть может, в этом же доме⁵⁹, развалины которого рябили в моих глазах, разрешить с Ним вечернюю трапезу, высказать свои покаянные чувства словами: Господи! половину имения моего я отдам нищим и, если кого чем обидел, воздам вчетверо – и выслушать от Него всерадостное для грешника: ныне пришло спасение дому сему, потому что и он сын Авраама.

В то же время возбужденные чувства подсказывали мне, что на том самом месте, которое мы избрали для часового отдыха, сидел евангельский слепец Вартиней, просивший при входе в город милостыни и, вместе с товарищем по несчастью, взывавший ко Господу, где проходившему, о помилования и прозрении и утишенный всемилостивым глаголом – иди! Вера твоя спасла тебя – и тут же, с возвращенным зрением, начал среди радостной толпы славить Бога.

После малого отдыха, мы, взяв здесь двух кавасов, вооруженных пиками, саблями и пистолетами, направились по долине Иорданской к монастырю св. Герасима; было пять часов пополудни; утомленные наши мулы и ослики едва передвигали ноги, на пути нашем мы изредка встречали иссохший тростник и кусты бесплодного вереска, покрытые пылью; – аисты длинными ногами своими рыли песок, добывая себе воду; орлы и ястребы расхаживали стаями; голая, неудобная к возделыванию земля, кажется угрюмою; кое-где видны пески с прокрадывающимися, едва приметно, в россыпях их источниками; местами почва земли кажется изрытою и на ней

пробивается то там, то сям зелень посевенных злаков, и инде белеются груды песку, наносимого ветром.

Чрез полтора часа, когда уже солнце скрыло свои вечерние лучи, мы благополучно прибыли – к древнейшей славной обители преп. Герасима, созданной им в 5-м веке по Р. Х. близ Иордана, Повествуют, что он установил в ней самый строгий образ жизни. Пять дней в неделю братия проводила в совершенном уединении, каждый в своей келье, занимаясь рукоделием и не вкушая ничего, кроме небольшого количества хлеба, фиников и воды. В субботу все собирались в церковь для слушания Божественной Литургии и для приобщения Св. Тайн; потом обедали за общей трапезой, и в Воскресение, после обедни, каждый возвращался в свою келью, взяв с собою пищи на целую неделю и финиковых ветвей для плетеная корзинок; продажею этих корзинок содержался монастырь; но сама братия не имела никакой собственности, кроме одной одежды, рогожи, на которой спали, и каменного сосуда для воды. На Св. Четыредесятницу преп. Герасим оставлял каждогодно монастырь, чтобы в уединении вполне предаться духовной жизни: он удалялся в пустынью с одним только учеником и проводил все это время в пламенной молитве, Рассказывают, что св. Герасим кротостью своею привлекал к себе в пустыне диких зверей. Однажды встретился ему раненый лев; он перевязал ему рану, и с тех пор лев всюду следовал за ним и служил ему, как домашнее животное. Когда же преподобный скончался, лев долго скучал и, наконец, умер на его могиле. Преподобный Герасим дожил до глубокой старости и скончался, горько оплакиваемый братией, в царствование Льва Великого.

В настоящее время монастырь св. Герасима, за малыми исключением, одна груда развалин, от постоянных набегов бедуинов, ищущих в обителях даровой и легкой добычи; впрочем, она, как видно, недавно обнесена оградой, чрез узкую калитку которой, открытую собственно для нас, выбежала навстречу нам стая презлейших собак и с лаем бросилась на нас, что побудило самого игумена выйти и проводить нас. О. игумен человек довольно молодой, но смиренный, добрый и

чрезвычайно симпатичный. За нами ухаживали, как за родными. Нам отведены были новые, едва только отделанные, кельи, принесены рогожи, финики, винные ягоды, галеты, и вмиг исполняемо было малейшее наше желание. За обычным восточным кофе о. игумен рассказал нам, что управляемый им монастырь устроен по следующему случаю. Богоматерь, после бегства в Египет с Предвечным младенцем, возвращаясь назад в свой родной город Назарет, остановилась для отдыха на этом самом месте, где наш монастырь; но узнав, что в Иудее царствует Архелай, убоялась идти чрез нее далее; в этот-то момент явился ангел и сказал, что вси ищащие души Отрочате изомроша. Богоматерь впоследствии заповедала Апостолам, чтобы это место обозначено было каким-либо памятником. Было ли что устроено здесь во времена апостольские, неизвестно, но подвизавшийся на берегах Иордана пр. Герасим соорудил тут обитель с храмом. Судя по развалинам, церковь была громадная; от ней уцелела только одна алтарная стена с частью расписного свода. Все древние постройки обители – одна груда мусора; впрочем, кой-какие службы начали приводиться в порядок: так в нижнем этаже одного из разрушенных зданий, который, как видно, был или кладовой или подвалом, устроена церковь во имя основателя обители, пр. Герасима. В ней царит ужасающая сердце бедность: 16-ть бумажных образов нашей суздальской работы, повешенных на вбитых в землю колышках, составляют иконостас; царские врата сколочены из иорданского хвороста, а завеса к ним надета на камышинку; ковчег для хранения запасных Св. Даров и Агнца – деревянный, в роде наших точеных солонок с крышкой; пол – земляной; нас только и утешали здесь нежданно и негаданно попавшиеся на глаза русский следованный псалмец и служебник, почему мы просили игумена позволить нам совершить великопостные службы. В час ночи начали немилосердно бить в кусок листового железа к Богослужению, и я, к утешению своих сопутников и братии, отслужил Заутреню, Часы и молебен святому Герасиму.

На рассвете, пользуясь прохладой, мы начали собираться в путь к Мертвому морю, до которого отсюда 6-ть верст; причем

рассмотрели, что монастырь стоит на открытом месте среди песчаных бугров, и растительности ни внутри, ни около его – никакой.

Распростиившись с радушной братией в 5 1/2 час. утра, мы скорым шагом направились к видневшемуся Асфальтовому озеру, называемому арабами Биркет Луф, т. е. Лотово море. На пути к нему, в некотором расстоянии от нас, представлялись нашим глазам целые города с изящными зданиями, но когда мы подъезжали к ним, то они оказывались большими курганами песку, похожими на разбитые шатры лагеря, на пирамиды из ружей, знамен и проч. После полуторачасового пути мы приближались уже к берегам сказанного моря или озера. О, если бы кто посмотрел на нас, когда мы в глубоком молчанки, с поникшими головами, подъезжали к тому месту, где стояли нечестивые города, в наказание за нечестие сожженные небесным огнем и потом провалившиеся, всякий подумал бы, что тянется погребальная процессия, едущая в долину смерти.

Вот и самое море; часовая стрелка указывает на цифру IX. В прежнее мое путешествие по Св. Земле, я хотя был здесь, но ничего не видел, кроме зеркальной поверхности вод, так как это было в темный полуночный час. Теперь же нашим глазам представилась такая картина: берега моря от пустыни Иорданской отлогисты, на восточную же и западную стороны его надвинулись высокие, широкие, громадные, почти вертикальные голые скалы; кругом царит мертвая тишина, воздух как будто заснул; везде чахлая, скудная растительность, свойственная дикой каменисто-песчаной пустыне, отсутствие всего, носящего на себе признак близкого жилища человека, что действительно производит мертвую картину, – и море, как нельзя более, оправдывает свое название; там, где мы сделали привал, валялось много выброшенного сухого дерева. Быстрый Иордан, подмывая в течении своем лесистые берега, уносит, и особенно в полую воду, много растений в море, которое выбрасывает их снова на землю.

У меня явилось сильное желание выкупаться, но никто из сопутников не решался последовать мне. Одни говорили, что в таком проклятом море грешно купаться, другие же боялись за

неприятные последствия от купанья; трети, не умея плавать, страшились даже ступить ногою в воду, чтобы не попасть в водоворот. Я же моментально разделся и начал купаться; – за мной последовали два молдаванина. Вода чистая, прозрачная, как кристалл, теплая, а потому располагающая подолее посидеть и понежиться в ней; дно песчаное, но твердое, усеянное множеством овальных разноцветных камешков, вносимых сюда быстро катящимися иорданскими струями. У меня еще при выезде из дома было предположенье во что бы то ни стало испытать упругость или плотность вод Мертвого моря, проверить: насколько справедливы сказанья ученых туристов относительно плотности их, будто бы на поверхности их человек может держаться или лежать, как дерево. Долго я не решался произвести над собой опыт из боязни, что если оный будет неудачен, я дорого поплачуясь болезнью глаз, ушей, головы и проч., но вот я бережно положил на воду руки, протянул исподволь ноги, и к великому моему удивлению ни голова, ни руки, ни ноги не опускались в воду; я лежал на поверхности ее, без всяких искусственных усилий, точно на плите или на койке; поднимал вверх и долго держал в воздухе оконечности рук и ног, повторял это несколько раз, до сорока минут, и чем покойнее я лежал, тем удобнее было для меня такое положенье, так что я шутя предлагал стоявшим на берегу, подать мне дорожную подушку, чтобы часик-другой поотдохнуть на море!..

Морская вода, едкого горько-соленого вкуса, чрезвычайно раздражительно действует на слизистые оболочки и царапины, но я этого последнего не ощущал, только все тело оказалось покрытым густым жиром. В самом море не заметно никакого живого существа. От купанья я испытал только одно удовольствие, тогда как другие жаловались на щекотанье всей кожи, похожее на уколы булавкой, а некоторые впоследствии проклинали тот час, в который они решились погрузиться в морские воды, от которых и через несколько дней у них появились на теле жестокие накожные нарыва⁶⁰.

Полагая что каждому небезинтересно знать вес и составные части воды Мертвого моря, я приведу здесь данные,

добытые учеными исследователями, специалистами-химиками. Вес воды этого единственного на всем земном шаре озера оказался равным 121,742. По разложении найдено в воде составных частей: хлористого магния – 145,8971; кальция – 31,0746; натра – 78,5537; калия – 6,5860; бромистого калия – 1,3741; сернокислой извести – 0,7012; воды – 735,8133. Прибавим к этому, что одна Американская морская компания собрала и другие самые подробные и интересные сведения о Мертвом море. Объехав Галилейское озеро, она вошла в Иордан на двух лодках, медной и железной, нарочно сделанных для этой цели в самой Америке. По мере приближения к морю, говорит один из участников этой экспедиции, ветер стал наносить сильный вонючий запах. Лодки вышли в море при довольно свежем ветре; оно волновалось и, казалось, было покрыто белым слоем соли. Наши лица и платья быстро покрылись соляными кристаллами, производившими раздражительное действие на кожу и на глаза. Тяжело нагруженные лодки сначала не чувствовали особенного сопротивления воды, но когда ветер усилился, то, казалось, не волны, а молоты били в их стены, и лодка медная сильно пострадала от едкой морской воды. В продолжении первых двенадцати дней плавания, мы все чувствовали себя довольно сносно, за исключением лишь одного из нас, но, наконец, явились признаки, внушившие нам беспокойство; все мы стали походить на страдающих водянкою: тощие пополнели, а полные стали необыкновенно толстыми; бледные лица приобрели свежий цвет, а бывшие прежде свежими стали багровыми; малейшая царапина гноилась, и все тела многих из нас покрылись белыми прыщами, все жаловались на боль от воды, когда она попадала на обнаженные части. Несмотря на это, мы имели хороший аппетит и не теряли надежды на достижение цели экспедиции. Вонючий запах, который мы слышали, происходил не от испарений моря, а вероятно, от теплых серных источников, бывших по берегам его. Вокруг нас, продолжает тот же моряк, были черные бездны и острые скалы, подернутые прозрачным туманом; а на 300 футах под нами лот касался погребенной Сиддимской долины, покрытой в

настоящее время грязью и солью. Мои товарищи не могли осилить напавшую на них дремоту, заснули во всех возможных положениях тяжелым беспокойным сном; я один только бодрствовал среди товарищей моих, погруженных в оцепенение; страх овладел мною; волосы мои встали дыбом и моему воображению представлялось нечто ужасное в разгоревшихся и вздутых лицах моих спутников: казалось, страшный ангел смерти носился над ними; их жаркий лихорадочный сон был, в моих глазах, его предтечей. Одни спали согнувшись, глубоким сном, и руки их, лишенные по кисть кожи от вредного действия воды, безжизненно висели на покинутых веслах; другие, закинув голову назад, с растрескавшимися в кровь губами, с ярким румянцем на щеках, казались даже и во сне страдающими от жара и истощения; время от времени они вскакивали, жадно припадали к бочонку с водою и снова впадали в оцепенение... Болезнь постоянно мучила матросов, а три месяца спустя, один из моих товарищей скончался; все другие поправились и возвратились на родину. Самая большая глубина моря достигает 200 сажен; поверхность его выше поверхности Средиземного моря на 400 футов. Замечательно, что Мертвое море не имеет ни одного истока, между тем как Иордан вливает в него огромные массы воды. Много придумано гипотез для объяснения происхождения моря; ближе к истине те из них, которые построены на фактах, взятых из книги Бытия. Из нее видно, что вся почва Сиддимской долины была обильно пропитана нефтью, подземные пещеры и резервуары были, конечно, наполнены ею; самый камень, из которого воздигнуты города, был проникнут этим горючим веществом. Когда гнев Божий разразился над отверженными городами, когда эта пропитанная горючим материалом почва заколебалась, грянул гром, и молния, озарившая местность, ударила в землю и воспламенила ее, судьбы нечестивого Пентаполя совершились: всколебавшаяся почва, с сокрушившимися городами, провалилась в пустоты, наполненные до того времени нефтью и газами, и на месте ее выступило море, ставшее символом смерти. Гумбольдт говорит, что «страшный переворот страны составляет феномен», не

имеющий себе подобного на земном шаре. Согласно библейским сказаниям, во время этой катастрофы погибли пять городов: Содом, Гоморра, Адама, Севоим и Сигор. Помянутый американец так заключает свой рассказ: мы прибыли к Мертвому морю с мнениями весьма разнообразными: кто сомневался, кто прямо говорил, что не верит рассказу Моисея. После двадцати двух дней тщательных исследований, мы единодушно убедились в истине библейского рассказа: мы думаем, что все сказанное в Библии относительно этого моря совершенно подтверждено нашими наблюдениями.

Мне хотелось подольше понежиться в приятно ласкавших тело водах ядовитого моря, но мои спутники то и дело, что понуждали меня одеваться. Набрав в припасенную нарочито бутылку морской воды для домашних опытов над ней⁶¹, мы восприяли отсюда путь к Иордану, – до места, где, по преданию, крестился Искупитель мира.

Невеселье думы засели в мою голову при отъезде от места осязательного гнева и проклятия Божия за крайне развратную, любодейную жизнь древних ее насельников... Но они были полуязычники, а мы называемся христианами, да еще православными, а что творится у нас – срамно есть и глаголати... Распутство время от времени все более и более распространяется; жизнь любострастная, к несчастью, составляет для многих заурядное удовольствие; большинство теперь смотрит на блуд не как на порок, возбуждающей омерзение, а как на дело терпимое, почти обыкновенное, естественное. Отцы часто сквозь пальцы смотрят за поведением своих сыновей, – недерживают их всеми мерами от порочной жизни; много есть и матерей, мало заботящихся об ограничении свободной жизни дочерей своих. Сходки в ночное время юношей и дев что иное представляют, как не место нравственного растления, потери совести, стыда, а часто и самого девства. Следствием такой, никем и ничем не ограничиваемой, свободной жизни бывает то, что многие из юношей надолго пренебрегают законными браком и женятся уже тогда, когда все чувства, потребные для тихой супружеской жизни, ими притуплены, когда здоровье и силы телесные излиты

с любодейцами; иные же и вовсе не вступают в брак, находя в жизни беспутной более наслаждения и удовольствия... И это люди, это христиане делают то, что и скоты бессловесные не творят! И эти люди не чувствуют обличий совести, не боятся и прещений Церкви... Несчастные! Привести бы вас сюда! Быть может, гибельные последствия любодейной жизни ваших предков, представляющиеся здесь во всей ужасающей наготе, заставили бы вас содрогнуться... попризадуматься и над своей крайней развращенностью; быть может, вы хоть отсюда вынесли бы спасительный урок для будущности; быть может, виденные наяву грозные следы страшного гнева Божья побудили бы вас хранить чистоту телесную и удерживаться от любострастя!

Так я говорил сам с собой, не замечая, что мы уже тянемся вдоль берегов Иордана, который при впаденье в Мертвое море расширяет свое русло и делается немного шире; извилистые берега реки по местам топки и покрыты тростником, а инде песчаные. По мере удаленья нашего от соленых вод, ландшафт берегов священной реки прогрессивно возрастал и невольно влек к себе наш взор и волновал душу. Роскошная весенняя флора поражала не столько разнообразьем, сколько свежестью вида и запаха прибрежных растений и цветов, разбросанных по зеленой канве луговины; пенье засевшего в них миллионного хора разного рода певчих птичек, которого, признаться, мы не слыхали за все время нашего странствованья по Самарии, Галилее и Иудее, до того обаевало наши уснувшие было чувства, что мы не знали, что с собой делать: любоваться ли прелестною зеленью, вдыхать ли в себя благовонный, освежительный аромат пленительных цветов; смотреть ли на быстро катящиеся иорданские струи, с которых никогда бы не отводил глаз, при благоговейном воспоминании о Крестившемся в них; слушать ли хвалебный гимн Божих птичек Верховному Освятителю сих вод и самому присоединиться к дружному хору их, или припасть грешным чelом к пустынной тропе, по которой, быть может, шествовал и Искупитель мира к Иордану, для омытия грехов всего мира, и шептать покаянные молитвы?!

Но вот мы дошли до того места, где обыкновенно останавливаются караваны богомольцев и где, по преданию, принял крещенье Иисус Христос; здесь же и мы сошли с своих мулов; с полною верою и смирением я пал на землю и, воображая бывшее здесь некогда явление Пресвятой, Преславной и Пресущной Троицы, сделал три земных поклона; спутники мои так же молились. На утомленных лицах их, и сквозь пыль и пот, виден был отблеск неподдельной радости, что столь желательное путешествие окончилось, и цель его, несмотря на шайки рыщущих разбойников-бедуинов, достигнута благополучно.

Географическое положение занятого нами места было замечательно, и имело особенность вовсе не случайную. Береговая гряда плотно сцепившихся всякого рода кустарников и крупных многоветвистых дерев – здесь прерывалась, образуя береговую прогалину сажень на десять. Причина этого интервала заключалась частью в положение берега, который за несколько сажень до реки понижался и образовал род небольшой балки или рытвины, постепенно расширявшейся и углублявшейся, так что при самой воде она доходила почти до уровня реки, – а частью в каменисто-глинистом грунте его. Такая постепенная пологость довольно не узкой и сухой рытвины делает спуск в этом месте или сход к реке очень удобным, а самое место почти единственным или, по крайней мере, наилучшим для купанья на всем пространстве реки, отселе до самого моря. На противоположной стороне берег так же низок, но там он покрыт был деревьями без прогалин и зеленью до самой воды. На нашем берегу, по ту и другую сторону прогалины, нас до чрезвычайности пленяло богатство всякой растительности и изящная ее пестрота; но меня более всего занимали олеандры: красно-маковые, с алым отливом и беловатыми струйками, цветы, коими они так густо покрыты были и которые я в первый раз видел в таком множестве на природной почве и под открытым небом, казались ни с чем не сравнимыми. Бесцветные тамарины и громадные ивы, с плющевою повивкою, выступали перед ними, как великаны, на самую окраину реки, как бы в видах заслонить их своими

косматыми ветвями, спускавшимися до самой воды. Это сочетание, это соревнование высокого с изящным, перемешиваясь, на значительном пространстве берега, со множеством других дерев разных высот, объемов и названий, с проглядывавшим из-за них махровым пурпуром олеандров, напоминало что-то допотопное и вместе умиляло высокое настроение духа.

Находясь на месте крещения Спасителя, мы видели пред собою на востоке гору Навав или Нево, с которой Бог показал Моисею Обетованную землю, со всеми плодоносными полями, реками и высокими горами ее; она же была свидетельницею последних минут жизни Богоухновенного писателя и законодателя.

Поотдохнувши немного от томившей жары, я предложил моим спутникам помолиться вместе со мной в знаменательном месте; – в это же время подъехали к нам англичане-туристы. Мигом все собрались: кто захватил новые, нарочито приготовленные рубахи, кто свечи, кто посуду для воды. Возложив на себя епитрахиль, я начал под тенью развесистых и густых цакумов, ив и олеандров обычное великое освящение воды святых Богоявлений, – освящение, обычное по своему обряду, но необычное по местной обстановке и, конечно, единственное в жизни каждого из нас, тут бывших.

Нужно ли говорить, что я редко где читал и пел с таким чувством и выражением, как здесь, в описываемую минуту; нигде и никогда так не поражал меня внутренней смысл и значение совершающегося священнодействия, как здесь, в этом необъятном храме Богоявлении, при ярко блещущем свете мировой лампады, и под сводом тех самых небес, которые разверзались некогда над Божественным Законоположником нашей веры, – небес, с которых сходил Дух Божий и от которых слышен был голос Бога Отца. Все молившееся со мною видимо находились под особенным напряженным настроением духа и все, как один, стояли на коленах, даже гордые англез (англичане), и те, увлеквшись общим движением «московитов», сняли свои конусообразные шляпы и пристально всматривались и замечали каждый священный акт. Минута торжественная,

картина трогательная! Когда же дошло до погружения креста, о, с каким сердечным участием и радостью все мы, как бы единым сердцем и усты, воспели: «Во Иордане крещающущя Тебе, Господи»!

Что во мне происходило, что я думал и чувствовал в этот момент, – я не в силах передать на бумаге. Мне чудилось, что так погружал в сих самых струях великий пророк, проповедник и Предтеча, Святых Святейшего, как я погружаю в них держимый крест. При этой мысли я волновался, я умилялся, руки дрожали, голос прерывался, слезы текли по ланитам... Боже, Боже, как на душе моей было легко и сладко! Подобная минута, если и может повториться, то разве там только, где мириады блаженных духов зрят неизреченную красоту Света Триипостасного и возносят вечно-хвалебное аллилуйя! Осенив всех крестом и окропив себя из самого Иордана, мы испили и священных вод его и омочили ими свои лица и головы.

По окончанье обряда освящения, я еще совершил молебную литию ко Господу Искупителю, после которой, склонив голову над водами, в которых готовился омыться, и положа руку на сердце, сокрушенное раскаянием, из глубины души изрек следующие молитвенные глаголы: Боже всемогущий, премилостивый и человеколюбивый! С смиренным и покорным сердцем я пришел из далекого Севера сюда, где крестился Сын Твой, а мой Спаситель; прежде всего, от всей души благодарю Тебя, что Ты сподобил меня, одного из первых грешников, сея благодати – лицезрения сей таинственной бани пакибытия и оставления грехов; я помню клятвы, данные мною при крещенье, но я, окаянный, не выполнил их; о, дай мне, Всесильный, силу, творить благое пред Тобою, а я совершенно предаюсь Тебе, Боже мой! Общаюсь любить Тебя и служить Тебе до последнего моего издыхания.

С окончанием священномействия все устремились в воду, но купаться в реке было опасно, потому что она чересчур переполнена была по случаю весеннего разлива; из боязни потонуть, большинство барахталось возле берега, выделявая разные эволюции, над которыми усердно подсмеивался англез (англичане), ограничившиеся только осмотром иорданской

местности и, -захватив на память береговой зелени и десяток другой бутонов олеандра, быстро удалившись на своих скакунах в Иерусалим.

Долго я искал, где бы поудобнее омыться и нашел уютное местечко под огромною ивою, ветви которой спускались в самую реку; ухватившись за них, я долго бороздил по быстро катившимся волнам ее, пока совершенно смыл разные соли и ятр, приставшие к моему телу от купанья в Мертвом море, моля при этом возлюбленного Сына Божия, да очистит Он, Всеблагий, и все мои нечистоты душевые, которыми я загрязнился от дней юности⁶².

Сколько ни обильны здесь утешения духовные, но они были живительны и питательны только для духа, и хотя наш дух витал превыше земного, но немощная плоть напоминала в свою очередь, что и она нуждается в присущих ей утешениях материальных. И вот, откликаясь на ее зов, мы налили самовар священной водой, и затем, во славу Божью, подкрепились, кто питьем, довольствуясь одними чаем с хлебом, кто одними яствем ржаных сухариков.

Что касается до самого Иордана, то и теперь о нем можно повторить тоже, что говорено было путешественниками во все времена и лично мною в описанье первого моего путешествия.

По примеру всех пилигримов, которые, посетив уединенный Иордан, запасались водою его, чтобы принести в свою родину, и я наполнил нарочито припасенный сосуд водою из Иордана, и бросил в свой дорожный мешок десятка три камешков, поднятых со дна Иордана, чтобы отнести домой и поделиться первою и последними с добрыми людьми, менее меня счастливыми. О, почему я не могу унести с собой и святого вдохновенья, которым теперь так преисполнена моя душа! О, как бы желалось привить к себе хотя некую частицу той святости и чистоты ума и сердца, какую имел Чистейший и Святейший из Сынов человеческих, омыvшийся в водах иорданских!

Подкрепив силы, оставалось воздать снова хвалу, поклоненье и благодаренье Единосущной и Нераздельной Троице, и особенно Тому, Кто, Един сый Святые Троицы, явился

некогда здесь вселенный, как свет присносущный, и знаменовал всех верующих в Него блаженными светом истинного богоразумья. Сделано и это, и затем все мы воспевше пустились в путь.

Мне стало грустно, когда мы тронулись с места. Моментально проявившееся чувство тоски, ежесекундно возраставшее, теснило мне грудь и нудило вспять. Оборотившись, я остановился и впивался глазами в оставляемые предметы. Я понимал, что это уже последний взгляд и на реку Божью, и на место святое. Наконец, облегчив грудь глубоким вздохом, я перекрестился, повернул мула и, еще взглянув на реку благодатную, сказали: прости, Иордан; прости, река Божья, река святая! Прости, река дивная, река таинственная, река, принявшая в себя и потопившая в волнах грехи всего мира... и мои!..

Когда мы простились с Иорданом, было 12 часов дня, и в воздухе царила мертвая тишина. С поникнутыми главами мы медленно тянулись к монастырю св. Иоанна Предтечи, куда и прибыли через полчаса. По преданию, монастырь этот, построенный в незапамятное время, стоит против того места Иордана, где благоизволил креститься Господь, и таким образом служит явным памятником священного события до дне сего. Названная обитель, как и пр. Герасима, кроме общей судьбы, постигшей во время оно все почти монастыри палестинские, подвергалась впоследствии частым нападениям, грабежам и разорению от бедуинов. Теперь же эти монастыри более или менее благоустроены: здесь просторная церковь, с новым изящным иконостасом, помещение для богомольцев и несколько келий для монашествующих, но еще многое и многое ей недостает; братии – всего три человека, из коих один, игумен – простой монах, другой -иеромонах, а третий – послушник; но руин – целые горы, из чего можно заключить, что обитель эта некогда процветала и зданиями, и многолюдством. Приветливый игумен провел нас сначала в церковь, где мы отслужили молебен Святой Троице и Крестителю Господню Иоанну Предтече, после чего приглашены были в фондарики (приемная комната), недавно восстановленный из развалин, и

угощаемы – вином и винными ягодами. Монастырь окружает бесплодная пустыня.

Чрез десять минут, с молитвою на устах к Великому Пророку, мы оставили приснопамятную обитель его и направили стопы наши на «Гору Искушения», или Сорокадневную, вдоль по течению быстрого источника Елисеева. Нам, во что бы то ни стало, хотелось видеть начало этого библейского студенца, горькие, негодные воды которого, силою молитвы человека Божия, превращены в годные – сладкие: но наши проводники-арабы сильно противились удовлетворению нашего невинного любопытства, – и только всемогущий восточный бакшиш победил их упрямство. За лишний труд мы достаточно были вознаграждены приятностью пути: на протяжении трех верст по течению источника и до самого места истока его тянулись гряды прекрасных садов, защищавших нас от жгучих полуденных лучей, а бархатная зелень прибрежных луговин с мириадами пробивающихся сквозь нее белых, синих и пунцовых цветочков необыкновенно радовали и услаждали одно из пяти человеческих чувств. По мере приближения к самому устью, вода идет обильнее и сильнее, и с таким шумом, какой слышится от движенья колес на водяных мельницах. Вот мы и у самого начала чудного источника: его осеняет роскошное акридное дерево, а из подошвы превысокой горы в двух или трех верстах широкой ямины вода пробивается с такой силой и ревом, как бы ее оттуда гнали давленьем паровой машины, – и в такой массе, что, отступя ниже шагов на 40, можно строить мельницу. Видом и вкусом эта вода превосходит воды всех уголков Палестины; нигде нам не случалось пить такой прохладной и мягкой воды, удовлетворяющей самому прихотливому вкусу; хотелось было покупаться в этом резервуаре, но не удалось: дерзкая рука мусульманского фанатизма могла побить нас.

Довольные виденным и испытанным, мы отсюда поплелись уже пешком до той горы, на которой, по преданию, не из древних, а относящемуся ко временам крестовых походов, происходило событие искушения Богочеловека дьяволом, и где Он сорок дней постился и молился, почему и названа –

Сорокадневною или, выражаясь местными наречием – К а р а н та н и е ю. Она стоит к северо-востоку от Иерихона, расстояньем от него около 10 верст, а от Елисеева источника – около двух, чрезвычайно высока, и конусообразная вершина ее резко выделяется в линии других смежных гор. Обнаженная от всякой растительности, она восстает стремниною на выжженной солнцем, пустынной площади и представляет резкий контраст с дивною горою Блаженств. Воображенье крестоносцев приняло Каrantанию за притон сатанинский, – за такое место, где, по народному выраженью, живут совы и совершают свои пляски демоны.

Сделавши около ста шагов выше от подошвы горы, мы увидели, что ход на нее, или вернее – к находящемуся на половине ее монастырю, разделан ломаными линиями, по меловатому грунту. И чем выше мы поднимались, тем труднее и опаснее становилась дорога. Но вот далее вертикальный уступ в виде отвесистой стены сажен 60 в вышину, и по нему искусственно проложена неимоверными усилиями братии – тропа в 1 1/2 ар. ширины, скорее похожая на выделанный на высоком и громадном здании боковой горизонтальный известковый карниз. Со страхом и трепетом ползли мы по нему около часа и истомились до кровавого пота. Чтобы уладить трудный путь восхождения нашего, братия монастыря салютовала нам все время неумолкаемым колокольным звоном, – и, когда мы добрались до воздушного обиталища их, пред нами гостеприимно распахнулись двери фондарика, стол которого изобильно и весьма кстати уставлен был восточными съестными продуктами, за который, немедля, нас и усадили, и мы за оным получили велие утешение, в возмездие за понесенный тяжкий труд. Было три часа пополудни. Так как до вечерни оставалось еще довольно свободного времени, то мои сопутники возжелали побывать на самой вершине горы, к ним, было, присоединился и я; но монахи отсоветовали в виду неописуемой трудности восхождения на нее и предстоявшего мне служения. И действительно, по рассказам возвратившихся через час соглядатаев горы, – одни из них, хватаясь за камни, лишились ногтей, другие – потеряли до крови бока, третьи –

показывали пробоины на голове от падения, все же – охали и стонали от боли во всем организме и завидовали мне, что я избрал благую часть возлежания в лоне неприветливой горы.

В 6 часов вечера нас ввели в просторную пещеру, в которой устроен в виде спальной ширмы миниатюрный иконостас, наподобие виденного нами в монастыре св. Герасима. Бедность во всем поразительная. Как видно, здесь издревле была церковь; ибо на своде, за престолом, виднелись священные алфрейные изображения, но какие именно, нельзя было разобрать, так как не только глаза, уста и ланиты, но и руки и ноги на лицах истыканы штыками безбожных агарян. Здесь я служил вечерню, после которой игумен повел меня вверх по сходам, в другую смежную боковую пещеру: она гораздо меньше первой, и до последнего времени находилась в запустении, – в ней ютились птицы небесные, и только с небольшим год, как передняя восточная открытая сторона ее нагло заделана и в ней устроено окно, на задней же – северной, с уступом, за которым указывают место молитвы Верховного Молитвенника, печатается едва заметный свящ. лик, из чего нельзя не заключить, что и это место было храмом храмом молитвы св. отшельников. На одном из высунувшихся камней рельефно высечен Спаситель, от Которого стремглав летит сатана. В этой пещере устроен престол в честь искушаемого Господа, который престол, как и жертвенник, высечен в известковом грунте; на последнем я читал правило, готовясь служить Преждеосвященную Литургию; иконостаса нет.

После утомительного вояжа немощная плоть требовала достаточного отдыха, а потому, тотчас по окончании вечерни, я и предался ему. Хотелось попокойнее и покрепче уснуть, ноочные враги сна снова заставили меня трудиться: то и дело метаться на холодной и жесткой каменной постели.

Во втором часу ночи звон трех колоколов разбудил нас к заутрени, за которую непосредственно я начал Часы и Преждеосвященную Обедню, а пред этим просил здешнего иеромонаха принять мою исповедь; но он объяснил мне, что священников он не может исповедовать: у нас иереи ходят на дух только к архиереям, а не то к архимандритам. Достойно

замечанья, что этот же самый иеромонах прислуживал мне при служении, как-то: раздувал огонь, подавал кадило, ходил со свечой, подогревал и подавал теплоту и т. п.

Находясь на месте искушенья, подвигов поста и молитвы Искупителя, я счел долгом прочитать за Литургией и соответственное происходившему на нем событию Евангелие, которое дает каждому христианину немаловажные, спасительные уроки, подтвержденные великим примером. Если Ты – Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами, так начал свое дело искуситель (Лк. 4:3). Господь ответствовал: написано: не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих. Это первый урок. Мы, говорил я своими сопутникам, этими словами нашего Господа поучаемся, что человек не должен руководиться требованиями только общей с животными природы, считая их единственную поддержкою и удовольствиями жизни; мы не принадлежим самим себе и не можем делать всего, что захотим, с тем, что считаем даже своею собственностью; у человека существуют более высокие правила жизни, чем бренный его состав и его материальная поддержка. Кто воображает, что живет одним хлебом, кто ставит хлеб главною целью жизни, обладание им вышею ценностью, тот, не стараясь снискать для себя божественной пищи, погибнет с голоду среди изобилия. Но кто знает, что человек живет не одним хлебом, тот будет верить, что, исполняя только свой долг, получит все необходимое для поддержания тела, которое Бог сотворил; тот усиленно будет искать хлеба небесного и той живой воды, пивший которую не возаждет вовеки. Потом берет Его диавол во святый город, говорит Евангелист, и поставляет Его на крыле храма и говорить Ему: если Ты Сын Божий, бросься вниз, ибо написано: ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твою. На это был спокойный и простой ответ Господа: написано также: не искушай Господа твоего. Это второй урок. Из сих слов Спасителя вытекает, что человек не должен дерзать на все, подвергать силу и власть Божью испытанию для своего в них удостоверенья. Если ты идешь путем долга, возложи на Господа все твое упование, но

не слушай диавольского нашептыванья: «Сделай вот это – и ты будешь, как Бог», не дозволяй ничего капризного и прихотливого в твоих просьбах к Богу о помощи, и ты будешь сохранен во всех путях твоих. Никакое сильное искушение не обуславливает необходимости совершения греха. Господь указывает пути для его избежания. Наконец, искуситель обращается к последней слабости человеческой природы. С высокой горы, в лоне которой мы теперь находимся, он показывает Иисусу все царства мира и славу их и говорит Ему: все это дам Тебе, если падши, поклонишься мне. Отойди от Меня, сатана, сказал Господь, ибо написано: Господу Богу Твоему покланяйся и Ему одному служи. Вот и еще урок весьма нeliшний и полезный для каждого из нас! И христианин, исполненный веры, взирая на Начальника и Совершителя нашей веры, Иисуса, при всех дьявольских наваждениях, оградив себя крестным знамением, может и должен смело повторить ответ Христа, сказав: именем Господа моего повелеваю: отойди от меня, сатана! И стойдет от него нечистый, и приступит к нему Ангел его Хранитель, и станет служить ему, как служили и служат все небесные силы Богу-Саваофу.

По окончании обедни, упомянутый иеромонах, возложив на себя епитрахиль, освящал воду, по случаю 1-го апреля (у греков каждого первого числа бывает освящение воды), погружая крест вместе с васильками, и потом окроплял народ. Так как литургия окончилась в 2 часа ночи, то мы прилегли уснуть; и с рассветом, с горы прямо направились к Елисееву источнику, и здесь я отслужил молебен чудному Пророку Божью, которому дана свыше благодать, недуги отгоняти и прокаженные очищати (из тропаря Пророку), прося его подать и мне дар исцеленья от моей болезни кроплением и причащением св. воды.

Я забыл еще сказать, что ниже пещеры, где постылся и молился Спаситель, есть еще и другая, – в которой устроен храм в честь св. пророка Ильи. По преданию, в ней обитал некоторое время сей пророк, когда, по его предсказанью, трехлетний голод постиг Израильскую землю.

В 7 часов утра, после легкого завтрака и по прочтении стиха из В. канона св. Андрея Критского: «Христос искушавшися,

дьявол искушаше, показуя каменье, да хлебы будут: на гору возведе видати вся царствия мира во мгновении: убояся, о душе! Ловляетя, трезвися, молися на всякий час Богу», мы оставили приснопамятную священную гору и чудный кладенец, и в недалеке от развалин иерихонских пробирались по скатам цепи гор на дорогу, ведущую в Иерусалим. На этом пути нам нужно было переезжать Енонский поток, который необыкновенно быстро катит свои струи в Иордан. Проводники рассказывали, что за год пред сим, в полуводу, названный источник унес в неведомые страны трех туристов из немцев, которые, положась на силу и ловкость арабских лошадей и свое искусство в езде, рискнули ехать чрез него. На крутом берегу его я хотел было остановиться, чтобы выбрать поудобнее тропу для спуска, но мой мул, сильно хотевший пить, сразу бросился в воду. Благодаря подскочившему арабу, я отделался только одним испугом.

Чрез три часа, благодаря пасмурной погоде и северному прохладному ветру, мы доехали до развалин гостиницы благого Самарянина. Судя по уцелевшим остаткам их, она была довольно солидных размеров; в находящейся возле нее безводной цистерне арабы-торговцы расположились с своим буфетом, на уступках были разостланы рогожки и установлены табуреты для желающих предаться после трудного горного перехода восточному кайфу; кучи ароматических апельсинов и лимонов приятно ласкали взор и вкус, а дымившийся на жаровне кофе напрашивался на визит в засохшую горталь.

Наш привал был минутный; скушав по уломку хлеба и по апельсину, мы отправились далее и встречали по пути наших простодушных и доверчивых хохликов, тянувшихся на несколько верст по два-три человека, и хотя внушали им быть более осторожными и для большей безопасности советовали сплотиться всем в одну партию, но они не слушали нас, внимая голосу сильной веры, что на сих св. местах «телеси твоему не прикоснется никакое зло и рана».

После двух часов езды мы прибыли к тому источнику, из которого и Спаситель с Своими учениками неоднократно утолял жажду, во время благовестия по Иудее. Здесь мы застали массу

разноплеменного народа разного звания, состояния и пола. Тут отдыхали и утоляли свою жажду и пилигримы, шедшие на Иордан и обратно, и аравийские караваны с пшеницей и вином; там и сям копошились люди и животные: кто лежал, кто полудничал, те пили воду, иные переливали из пустого в порожнее, а у крана самого источника происходила смертельная драка франков с турками: первые подвели к нему для водопоя целый десяток лошадей и никого не допускали напиться, а вторые сильно гнали их.

Утолив жажду, медленно и долго взбирались мы на кряж превысокой горы, за которым показалась и Вифания – место проявления особенной Божественной любви, всемогущества и славы. Не доходя полверсты до той точки, где сестры Лазаревы, Марфа и Мария, встретили Господа, устроена красивая, в русском стиле, церковь, с удобным приютом при ней для богомольцев⁶³. Иконостаса еще нет, по правую сторону алтаря в конце стены вделана в половую мраморную плиту часть от того камня, на котором сидел Спаситель, когда шел воскрешать Лазаря; с благоговением облобызив ее, я начал петь молебен победителю смерти. По выходе из церкви, нас усиленно приглашали на фондарики напиться кофе, но нам желалось поскорее быть в Вифании.

Селение Вифания нынче называется Ель-Азарийет и состоит не более, как из десяти беднейших мазанок, похожих более на логовища зверей, чем на жилища человеческие. Насельники его, арабы, частью христиане, частью мусульмане, занимаются обработкою земли и довольно приветливы. В одном из узеньких и глухих переулков нас остановили и пригласили слезть с мулов. Оказалось, что мы стоим возле гробницы, в которой, до преданью, был погребен Лазарь. Она принадлежит частному владельцу, зажиточному арабу, который немедленно вышел к нам и стал торговаться. За вход в нее заплатив по 20 коп. с души, мы чрез низкую дверь спустились по 20-ти ступенькам узкой лестницы в погребальный вертеп, в конце коего небольшая площадка с квадратной лежанкой, служащей престолом во время совершения обедни, которая бывает здесь только один раз в году, в Лазареву субботу. За этой площадкой к

востоку виднеется отверстие в стене, ведущей в ту самую погребальную пещеру, в которой положен был любимец Христа. Стоя на сказанной площадке, Иисус, окруженный родными покойника и теснившимся народом, возведя взоры к небу, возблагодарил Бога за наступающее исполнение Его молитвы, а затем, возвысив голос, воскликнул: Лазарь, иди вон! Слова эти раздались по всей стране загробного мира, и едва только Он произнес их, как из каменной могилы, подобно привидению, выступила фигура, завернутая в белый ужасающий саван, с белой повязкой на голове, поддерживавшую четыре дня тому назад отвалившуюся челюсть; фигура связана была по руками и по ногам и, разрешенная от укроев, показалась не с страшным мертвенным лицом, а с таким, в котором дышала юность. В ее жилах снова забилась горячая кровь; жизнь, свет и любовь возвратились к Лазарю еще на тридцать долгих лет, которые он провел в сане епископа на острове Кипре, как говорит предание.

Из примера Лазаря и сестер его, рассуждал я сам с собою, стоя у вековой могилы Вифанского четыредневного мертвеца, особенно видно, как справедливо замечено ап. Павлом, что его же любит Господь, того наказует. Иисус не плакал на Своем кресте, а над Лазарем плачет. Смотри: вот семейство, которое Господь отличал Своим вниманием, среди коего всегда находил Себе дружеский приют и успокоение, которому явил столько знаков Своей благорасположенности, так что оно нисколько не сомневалось в любви Его, а возлагало на Него полную надежду, как и теперь, и однако же, какому великому искущению и какой великой скорби подвергается оно со смертью Лазаря! Господь, без сомнения, мог отвратить болезнь от Своего друга, но не отвратил; мог сделать ее по крайней мере не смертельную, но не сделал; мог поспешить чудом и прийти в Вифанию на другой день по смерти, но явился на пятый. Почему так и для чего? Потому и для того, чтобы сделать и Лазаря, и сестер его вполне орудием славы Божией: да прославится Сын Божий! Так поступает Господь с другими и присными Своими! Он блюдет их, как зеницу ока, но это не значит того, чтобы Он непрестанно ущедрял их только благодеяниями, чтобы увеселял и питал их

сладостями, как поступают с детьми своими сердобольные, но неразумные матери, портят таким обр. их нрав и приучая их в изнеженности и роскоши; нет, Господь премудр и не может поступать таким образом; Он взирает не на удовольствие, а на истинную пользу любящих Его и любимых Им; и для усовершения их в вере, любви, смирении и преданности нередко посыпает на них такие искушения, каких не видят над собою грешники. Кто любимее был Ему двенадцати учеников? И все они скончались во имя Его среди мучений, и это не только по любви их ко Господу, но и по любви к ним Господа. Ему ничего не стоило отвратить от них все беды и напасти и окружить их всеми видами земного счастья, но Он не сделал этого, дабы чрез искушения они, как золото, сделались совершенно чистыми и удостоились святейших венцов. Все это и я хорошо знаю, но как часто соблазняюсь, окаянный, когда встречаю нечестивого, отъявленного разврата, счастливого во всех предприятиях и высиящего в обществе, как кедр Ливанский; и я, грешный, как иногда блазнюсь, если вижу, что кто-либо из усердных рабов Божиих терпит постоянные неудачи в земных делах своих, переносит нападение или клевету, страдает от болезни и других зол.

От площадки, на которой возгласил Иисус всемогущее: Лазарь, иди вон, – до погребальной пещеры ведут четыре ступеньки, в конце которых вместо двери отверстие, чрез которое нужно пролазить, согнувшись всем корпусом; самая усыпальница в длину 6-ть аршин, а в ширину 4-ре, и не представляет ничего замечательного: по полу валяется осыпающийся со стен мусор, а на одной из стен острым орудием начертан крест; сырость могильная и подземный мрак навевают грусть, а необычайность места тревожит душу. Возжегши пред сказанным крестным знамением десятка два припасенных на этот раз восковых свечей, мы, при молебной литии покоившемуся здесь четыре дня, от всей души воспели радостную и трогательную песнь: «Общее воскресение прежде Твоей страсти уверяя, из мертвых воздвигл еси Лазаря, Христе Боже; темже и мы яко о гроцы победы знамеже носяще, Тебе,

победителю смерти, вопием: Осанна в вышних, благословен грядый во имя Господне»!

Выходя из гробницы, я молил Всемогущего, чтобы Он, всеблагой, и моего не четверодневного, но многодневного домашнего Лазаря – внутреннего человека, во сто крат хуже всякого мертвого тела смердящего множеством гнусных дел, оздравил токами Своей благодати, и умерщвленную грехами мою бедную душу воскресил к новой доброй жизни!

Когда мы выехали из Вифании, начал моросить дождик, заставивший нас ускорить шаги. Перевалив через хребет Елеонской горы, мы восхищались громадными и изящными постройками франкского приюта для бедных, с прилегающим к ним обширным садом, расположенными на восточной стороне ее; обогнув еще часть горы, мы узрели Иерусалим во всей его красе; особенно резко выдавались: мечеть Омара, мечеть Эль-Акса, дворец паши, еврейская синагога с зеленою железной куполообразной крышей, весьма схожая по наружному виду с Харьковской – точно снимок с нее. Тут теряешься в лабиринте тропинок, извивающихся в разных направленьях между скалами, тропинок, на коих не встретишь никого, кроме полуодетых арабов, едущих на своих ослах, или нескольких погонщиков верблюдов, из Дамаска; порой попадаются женщины из Вифлеема или Иерихона, с корзинами или клетками на голове, в которых они носят зелень и голубей к городским воротам, на продажу.

Долго мы тянулись по берегу Масличной горы и наконец спустились в долину Иосафатову. Среди этой долины, знаменитой историческими событиями, течет поток Кердонский, изливающейся в Мертвое море. С этой долины царь Салимский вышел к Аврааму для приветствия его с победою, которую он одержал над пятью царями. Долина эта лежит между горами Масличною, Сионскою и Мориа; вид ее весьма угрюм: готические стены Иерусалима, ограждающие ее с запада, бросают на нее тень и облекают какою-то мрачностью, которая вызывает душу на грустные размышленья при одном имени долины Иосафатовой! Это место издревле было местом погребенья, и здесь взор ваш то и дело, что останавливается на

трофеях смерти: тут виднеются гробницы и давно минувших времен и свежие могилы текущих дней. К этой долине, рассеянные по всему свету иудеи обращают свои молитвенные, увлажненные слезами взоры. Многие из них, особенно преклонные летами, и теперь оставляют свои родные места и идут сюда, чтобы упокоиться здесь. Берег Сионский есть конечная цель их желанья и свящ. предмет их надежд. Они умирают здесь со словами Давида: «Помилуй нас, Господи, помилуй нас, ибо мы презрены», в полном уповании, что эта земля освятит их бренный состав, и они воспрянут в день суда чистыми и безгрешными и взлянут во царствии, вместе с Авраамом, Исааком и Иаковом. Их надгробные памятники неисчислимые, совершенно покрывают гору Соблазна и тянутся вдоль Кедрского потока до гробницы Захарии и царя Иосафата. Деревня Силоамская также окружена надгробными памятниками.

Когда мы въезжали в городские Гефсиманские ворота, сразу полил такой густой и сильный дождь, что в несколько минут мы промокли до костей. В 4 часа по полудни я был уже в своей квартире и, пав пред иконой Богоматери, воздавал Ей и Божественному Ея Сыну дань хвалы и благодарения за то, что я благополучно совершил путь в столь трудные и опасные места.

VII. Вербная, Страстная и Светлая недели

На другой день по приезде в Иерусалим, я пошел приложиться ко Гробу Господню и к колонне⁶⁴, к которой, по преданию, был привязан Спаситель во время бичевания, во дворе Пилата, но моему желанью не суждено было исполниться. Раньше мне сказали, что названная святыня в течении всей латинской страстной седмицы открыта для чествования, но я в четверток нашел ее уже закрытою. Паписты, когда я вошел в храм Воскресения, готовились встречать своего патриарха, который ради этого дня праздника Тела Господня должен был сам совершать мессу. Едва я успел приложиться к Камню Миропомазания, как звон во все колокола возвестил его шествие; он шел в преднесении большого руконосного креста, в шляпе, края которой обшиты серебряным позументом, в фиолетовой шинели, наподобие нашей камердинерской, и с крестом на груди. Окропив себя и народ св. водой, он направился к кувуклии, пред которой, на площадке, ожидали его 4 митрополита и до 20 патеров, уже облаченных и занявших свои места, а всего духовенства, окружавшего служащих, было до 100 душ. По окончании заутрени, четыре бискупа пошли к патриарху, сняли с него обычные его одежды и начали облачать в священные; – отличие его от прочих архиереев состояло в узеньком омофоре с черными по нем крестами и кистями; в высокой и необыкновенно богатой митре, от задней стороны которой спускались по плечам две широкие, вышитые золотом и дорогими камнями ленты; на руках натянуты были белые, как снег, лайковые перчатки, с бриллиантовыми звездами на длинных нарукавниках их и с громадным кольцом на подмизинном персте. Бискупы же, во время служения, попеременно снимали и возлагали на него митру, омофор и пр. Жезлоносец и книгодержец, сверх белых служебных рубашек, имели повешенными на выях желтые шелковые полотенца, концами которыми брали и держали священные принадлежности. Служение было в высшей степени торжественное, на котором, как говорили, присутствовало и

участвовало много иезуитов, недавно нашедших себе здесь теплый приют. Кстати, теперь в них нужда, для поправления пошатнувшихся религиозных дел Иерусалимской папистической миссии: ибо много католиков-арабов обратилось в православие. Подробностей Богослужения не стану описывать, да они и мелочны; скажу только, что патриарх сами приобщал, как всех духовных, участвовавших и не участвовавших в служении, так и всех богомольцев-папистов.

По окончания приобщения происходил обряд вкушения Пасхальной вечери; для этого поставлен был стол пред балдахином, под которым восседал патриарх; затем церемониально, в сопровождении бискупов и патеров, под священным большим зонтом, принесены из ризницы кубки с водой и вином, и особые вазы с пищей и расставлены на сказанном столе. Все, участвовавшее в служении, один за другими, с разными китайскими церемониями подходили к столу, дули сначала в помянутые кубки и вазы, потом делали вид, будто они пьют из них и вкушают пищу, и затем отходили и занимали прежние свои места. После этой церемонии началась процессия несения «Св. Тела Христова»: из католического придела показался богатый балдахин, утвержденный на шести серебряных шестах, несомый шестью бискупами, под который стали патриарх, имея в руках дискос с Телом Христовыми, покрытым воздухом, обвитым тugo лентою, чтобы содержимое под онymi не могло свалиться. Все участвовавшее в процессии духовные – душ до 150 – шли с огромными свитками в руках, по которым пели свящ. гимны. По троекратном обхождении кувуклии, патриарх поставил дискос на Гробе Господнем, к дверям которого на целую ночь приставлена была стража, на обязанности которой лежало не допускать никого из схизматиков (православных) к сказанному месту.

В два часа дня у папистов совершался обряд умовения ног. По выбору патриарха введены были 12 учеников из ближайшей папистической школы, – мальчиков от 10-ти до 15-ти лет и рассажены на скамьях по сторонам амвона. Патриарх, препоясанный полотенцами, подходя к избранному, преклонял колена, омывал ему ноги благовонными водами, целовал их и

одарял каждого омытого большим крестом из масличного дерева и евангелием. Затем в четыре часа читались 12 страстных евангелий.

Да простит мне читатель, что я занимаю его внимание папистическими обрядами; что меня интересовало, тем делюсь и с другими, в предположенье, что они не посетуют на меня за это и позволят сказать несколько слов и о латинской страстной пятнице.

В 6-ть часов вечера сказанного дня я застал в Святогробском Воскресенском храме целые массы разноплеменного и разноверного народа, с турецким войском во главе и под ружьями. Теснота, шум и крик нестерпимый. Кавасы то и дело раздвигают толпу, и для водворения порядка употребляют специальное азиатское средство – макароны, т. е. батоги, толщиною в палец. Я, во избежание давки и других невзгод, забрался на хоры. Но вот послышалось стройное пение мужских голосов и затем детское, необыкновенно умилительное: это латины из своего придела вынесли громадный крест с рельефным изображением на нем Распятого Господа, в предшествии несметного сонма духовенства разных рангов. Пришедши к приделу Поругания, так названному от той колонны, к которой привязан был Иискупитель мира во время бичевания и на которой обоснован этот придел, процессия остановилась; на главу модели Распятого возложен терновый венец и произнесена проповедь на польском языке; засим взошли на Голгофу; здесь крест положен был на полу, в боковом католическом приделе, на том самом месте, где злобные воины пригвождали Господа ко кресту, и лежал до тех пор, пока сказана была проповедь по-немецки, по окончании которой он был поднят и водружен на Голгофе, сбоку нашего православного, – и раньше до половины вложенные в руки и ноги гвозди вбиты здесь до шляпок, при этом проповедь говорилась на французском языке. После проповеди была приставлена лестница, и началось разгвождение модели Христа; когда вынули гвозди из рук, они сами собой опустились к коленам; по снятии тернового венца с головы, она так натурально и болезненно склонилась к правому плечу, что в

толпе раздались глухие рыдания, и многие из русских дам вздыхали и всхлипывали... Меня же эта театральность на Голгофе, а затем и на камне Миропомазания (этих святейших местах вселенной), возмущала и оскорбляла мои религиозные чувства до глубины души. По снятии со креста восковой модели Христа, ее положили в белую большую пелену и понесли в полном облачении 4 бискупа, в предшествии патеров с 4 священными алавастрами с драгоценным миром, в преднесении ими же громадного блюда с терновым венцом и гвоздями, и креста без всякого изображения, вместо которого развевалось полотенце, которым опоясана была по чреслам модель Распятого. Спустившись по Голгофской лестнице, процессия направилась к камню Миропомазания и здесь остановилась; первенствующие бискупы, положив на него модель Христа, затем сняв омофоры и саккосы и обвив себя пеленами, как Иосиф и Никодим, приступили к намащению ее благовониями из упомянутых сосудов, и это делали при помощи губок; певчие, числом до 70 душ, окружив священный камень, пели при этом плачевые, раздирающее душу гимны, а паписты-богомольцы предстояли с огромными пылавшими свечами и били себя в перси... Картина, достойная внимания и литератора и живописца, но я, грешный, блазнился при этом... называл безумным... воздавать такую чересчур образную божескую честь такому бездушному, хотя и искусному, изделию грешных рук человеческих, а творящих сие... объюродившими. Здесь произнесены были две проповеди: одна на турецком, а другая на арабском языках, последняя продолжалась около часу. Наконец, повитая пеленами священная модель Мертвца, поднята была на рамена бискупами и, по внесении в кувуклию, положена на подлинном Его ложе. В это время мимо меня быстро прошла фигура молодого человека, который моментально взобрался на громадный подсвечник, стоявший возле дверей кувуклии, и, опираясь на остов огромной свечи, начал говорить проповедь по-испански: могучий его голос, как гром, грохотал в самых отдаленнейших углах обширного храма; увлекательная дикция, виртуозная мимика, красоты, хотя и неведомого языка, все... взятое вместе, при необычной

обстановке, поражало зрение и слух предстоявших, а страшные вопли и крики испанцев, поднятие ими рук к небу... судорожно сжимали и мое бренное тело...

По окончании последней проповеди, вся свящ. процессия с атрибутами ее двинулась к католическому приделу и там в громадных залах его ризницы скрылась из наших глаз. Мы же, православные, лишенные папистами на два дня права лобызать Гроб Господень, бросились со тщанием исполнять св. желание своего сердца; после этого я пошел на Голгофу, чтобы здесь прочесть положенное правило для уготовляющих себя к служению литургии, так как мне сильно желалось быть причастником Св. Тела и крови Христовых в такой день, как наступившая суббота, день воскрешения Лазаря.

Я предполагал служить на Голгофе или же на гробе Господнем, но святогробская братия советовала для большего духовного утешения и доброго пожизненного воспоминания об Иерусалимской Лазаревой вербной Субботе, идти для совершения литургии на Елеон, где таковая бывает только два раза в году: в нынешний день и на Вознесение Господне; я с великою готовностью принял такой, как нельзя более уместный и своевременный, совет; но, когда на рассвете турки отперли врата Воскресенского храма, я увидел и препятствие к исполнению его: шел густой дождик, а во время ненастной погоды восход на Масличную гору весьма труден и, если бы усердные мои сопутники – два афонских иеромонаха и один пензенский священник, не воспламенили во мне, было, потухавшую искру св. желания, я отправился бы назад в свою келью. После этого я уже не шел, а летел, чтобы не опоздать, так как от гроба Господня до Елеона около 3 верст.

Когда мы пришли к палатке, разбитой на развалинах церкви, устроенной на месте Вознесения Господня царицей Еленой, то массы народа наполняли не только внутренность ее, но заняли и близлежащие холмы. Престолом в названной скинии служил громадной величины камень, бывший пьедесталом у одной из колонн Еленинского храма. Священник, араб, уже совершил проскомидию. Нас же, русских, желавших и пришедших служить, было три священника и один диакон. Но к

великому прискорбию, для нас не оказалось свящ. облачений, а мы раньше не предвидели подобной случайности. В сильной печали стал я сбоку уготованного престола и в молитве ко Господу стал возвещать Ему о ней; и Он, милосердый, призрел на вопль мой! К концу заутрени появился при входе в скинию архиерей; на встречу его вышли священнослужители, назначенные к сослужению, машинально пошел и я за ними и, по окончании входных молитв, подошел за благословением, вместе с прочими, как бы на служенье, и когда другие облачались, я стоял в великом смущении и, от стыдения лица, не знал, как и быть с собой. Прошло две-три минуты... и, когда взят был с престола для облачения архиерея саккос, под ним оказалась священническая риза со всеми другими священными принадлежностями. Я обратился к архимандриту, в ведении коего Елеон, и спросил его, кто будет облачаться в нее? Он ответил: «Эта риза принесена по ошибке для меня, и вы можете воспользоваться ею в настоящий раз, служите!» О, не могу изобразить тех слезно-благодарных и светло-восторженных чувств, которыми преисполнилась моя душа к вознесшемуся где Богу Спасителю за то, что Он не оставляет меня Свою милостью на всех путях и особенно во Св. земле, как и теперь, когда, по-видимому, не оставалось никакой надежды на Елеонское священнодействие! И как удивлены были мои сопутники-священники, узрев меня литургисающим! Они долго недоумевали, завидовали мне и называли меня счастливейшим из счастливцев. На литургии евангелие читалось на трех языках: греческом, арабском и русском; на последнем конечно, читал я. Длинная и трогательная евангельская история о смерти и воскресении Лазаря и предварявших и сопровождавших их обстоятельствах, на понятном для наших поклонников наречии и в виду самого места совершившегося события (с Елеона место встречи Спасителя Марфою и Марию и самая Вифания видны, как на ладони), видимо трогала и умиляла всех, а у многих струились и слезы по ланитам. Когда вышли со Св. Дарами, вдруг полился такой сильный дождь, что сделалось смятение в храмовой скинии, которая, кстати заметить, была вся в дырах и, при жидкости материала, плохо даже защищала

нас от жгучих лучей, а от ливня ни мало. Все облачения на престоле и на служащих промокли до нитки; антиминс чуть не плавал, лежа в луже воды; Св. Дары тем только и соблюли от роскиси и опреснения, что покрыли вчетверо сложенными покровцами; архиерей то и дело переходил с места на место, да и мы, ища более удобного положения; вода лилась нам за шею целым потоком; мы едва успевали протирать глаза от влаги, чтобы сказать возглас и прочесть молитву; служебники порасплылись в руках; сумятица страшная! Я стал, было, опасаться за надлежащий исход обедни; но владыка поставил мальчика с жезлом на том камне, на передней стороне которого совершалась литургия, и он, подпирая им впалый намет над Св. Дарами, давал этим возможность воде скатываться больше в сторону от них, и таким образом мы окончили обедню. Впрочем, два архимандрита едва только приобщились, сейчас же в виду архиерея разоблачились и ушли; остался я, да арабский священник. Владыка Епифаний разоблачился после всех. Нужно заметить, что он – грек, но по-русски говорит лучше прочей святогробской братии и во время обедни постоянно обращался ко мне за славянским служебником, намереваясь сказать возглас по-московитски, любит русских (что редкость между эллинами) и для них нарочито произведен во епископа, он же и исповедник русских. После неоднократно, при встрече он спрашивал меня: што, батко, мое читанье по нраву тебе и твоим землякам?..

По окончании обедни я зашел в мусульманскую часовню, устроенную над отпечатком стопы Вознесшегося Господа, чтобы приложиться к ней и вместе возблагодарить Промыслителя за то, что Он из 150 священно-иереев, прибывших в Иерусалим ко дню Пасхи, одного меня, путника дальнего Севера, в такой знаменательный день и в таком исключительном месте удостоил участвовать в принесении бескровной жертвы и причаститься ее. Хвала Тебе, Всевышний! Буди имя Твое благословленно от ныне и до века! Обильный дождь, ливший во время обедни и потом продолжавшийся почти целый день, греки, арабы и турки приняли, как особенный дар милости и благоволения Божия в такую пору, когда должны были

наливаться хлебные колосья. После этого я отправился в Русский приют, устроенный нашей миссией здесь же, на Елеоне, в расстоянии от места Вознесения на шесть минут ходьбы, и начал свой осмотр с двора оного, под которым не менее десятины земли. Собака, которая приветствовала меня здесь вместо сторожа в 1875 году, и теперь та же самая, только теперь уже на свободе, а потому нигде не давала мне проходу, и донельзя наскучила своим неугомонным и сердитым: ав, ав! Зал приюта – сквозной, с частью открытого здесь при раскопках древнего мозаического пола, с красивыми узорами, по-между которыми искусно изображены разноцветной мозаикой рыбы и птицы. По повелению великого князя Константина Николаевича, бывшего здесь, это место для сбережения ограждено решеткой, иходить за нее воспрещается. Здесь же в шкатулку хранятся обломки и осколки от разных древних гробниц и части карнизов, колонок и орнаментов от разных зданий, найденных в земле при углублении фундамента. За сим ввели нас в усыпальницу, современную разрушению Иерусалима, в которой иссечены в гранитной скале пять-шесть гробов, из коих некоторые открыты, и в них виднеются человеческие кости, а другие закрыты и нагло замазаны; на верхних досках их печатлеются вырезанные резцом кресты и надписи, гласящие, что эти гробы вмещают в себе бренные остатки грузинских христианских царей. Северо-западная дверь гостеприимно распахнулась пред нами, и нас, в одном из уютных номеров его, усадили за стол, установленный яствами и кипящим русским питальцем, самоваром.

Невдалеке от приютского двора, в трехстах шагах, высится русская церковь; при ней предполагается учредить мужской скит для наших соотечественников, когда найдутся для этого средства.

В Вербную Субботу, по окончании обедни на Елеоне, ходят иногда с крестным ходом в Вифанию, в пещеру Лазаря, для поклонения, но теперь помешала оному ненастная погода. Впрочем, массы народа то и дело тянулись длинной вереницей туда и обратно, а я вдоволь насмотрелся на Вифанию и ее окрестности и отсюда, и при этом молился Св. Лазарю и

Воскресившему его, чтобы Он, Жизнь и Воскресение, воскресил и мою душу, умерщвленную грехами. Идя с горы, я поинтересовался знать, где то, недавно открытое, место, на котором расположено было евангельское селенье Вифания, куда послал Иисус двух учеников, сказав им: «Пойдите в селенье, которое прямо пред вами, и тотчас найдете ослицу, привязанную, и молодого осла с нею: отвязав, приведите ко Мне», для торжественного входа в Иерусалим пред Своими страданьями. Араб, привратник названного выше приюта, к которому я обратился за разрешением данного вопроса, оказался сам виновником открытия интересовавшей меня местности, которая теперь запродана франкам за 60 тысяч, и уже ими ограждена забралами. От верхней точки Елеона до Вифании будет более полверсты.

Спускаясь ниже той же священной горой, мы зашли в латинский французский монастырь, устроенный одной богатой принцессой Де-ля-Тур, на том месте, где Спаситель изрек молитву «Отче, наш». Места под монастырем около 10 десятин, и все это пространство обнесено громадной, прочной и высокой каменной стеной, и везде на нем разводятся всевозможные породы диких и плодовых дерев и засеяны огородными овощами. По входе во двор, нас прежде всего повели в подземелье, в которое спускаются по шести ступенькам. Подземелье это – вроде длинного и широкого коридора, свод которого опирается на открытых при раскопке, невысоких, но толстых 12-ти колоннах, между которыми устроен престол; на нем совершается папистическими патерами месса; эта катакомба посвящена памяти 12-ти Апостолов, так как, по преданию, ученики Христа, по вознесенье Его, некоторое время пребывали в ней, а потом здесь же составлен ими и Символ Веры. Среди двора устроены квадратом архитектурные, изящные крытые галереи, на боковых стенах которых красиво размещены 32 мраморных доски солидных размеров (около 3 арш. длины и 1 1/2 арш. ширины). На них красивыми золотыми письменами изложена молитва Господня «Отче, наши» на 32-х наречьях, и в том числе на славянском и русском. Какие слова, говорит один из древних писателей, могут чаще повторяться с

большим умилением, как не слова молитвы Христовой? Какое образцовое произведение могло в такой степени распространиться между столькими различными народностями, как не молитва Господня? Восток, Запад, Север и Юг перечитывают эту молитву Иисуса Христа; во всех концах земли, мужчины и женщины, дети и старцы, каждое утро-вечер повторяют «Отче наш, Иже еси на небесех!» Эти Божественные слова слышатся везде; они раздаются и в пустынях необитаемых. И как кстати они начертаны здесь на месте всемерного искупленья на разных языках, куда стекается ежегодно для возданная хвалы Искупителю столько разных племен и наречий! Тут же, в особой небольшой комнате, на мраморном катафалке возлежит точно живая, мастерски иссеченная из мрамора фигура покойной благотворительницы этого честного места, помянутой Де-ля-Тур. Невдали отсюда, к востоку, красивая латинская церковь, в которую нас почему-то паписты не соблаговолили впустить. Двор и все вообще – в примерном порядке; много цветов, пышностью и разнообразьем колеров удовлетворяющих самому прихотливому требованью, а разбросанные заботливо рукой там и сям прелестные и мягкие ковры бархатной зелени так и манят поотдохнуть на них.

Спускаясь ниже половины горы, мы остановились вблизи полуразрушенной мечети, осененной масличными деревьями, замечательной тем, что с того места, на котором она стоит, Господь в день торжественного въезда Своего в Иерусалим, сопровождаемый множеством народа, воскликавшего: «Осанна Сыну Давидову!», смотрел на город, и в Своем Божественном предведении, прозревая печальную его будущность, плакал о нем и, скорбя об окаменении сердец и неразумии живущих в нем, с болезнью говорил: о, если бы ты, хотя в сей твой день, узнал, что служит к миру твоему! Но сие скрыто ныне от глаз твоих. Придут на тебя дни, когда враги твои обложат тебя окопами, и окружат тебя отовсюду. И разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе, и не оставят в тебе камня на камне за то, что ты не узнал времени посещенья твоего» (Лк. 19). Да! Для Богочеловека не было лучшего и приличнейшего места, с которого бы Ему с большею силою можно было произнести

столь грозное пророчество на Иерусалим. Слабым человеческим языком выяснить, и мертвыми письменами и тупым писалом невозможно изобразить того действия, какое производит на зрителя обширная панорама, представляющаяся с Масличной горы. Холм, на вершине которого лежит Иерусалим, выдает его наблюдателю до мельчайших подробностей. Весь св. град виден как на ладони! Вот красивая площадь с мечетью Омара (место храма Соломонова), а вот церковь «Введения», ныне мечеть Эль-Акса; там – архитектурный, громадный дворец паши, а тут – еврейская всесветная синагога; это – Сион, с великолепным армянским собором; это – древняя усыпальница с гробом Давида, а здесь виднеются купола, увенчанные крестами, блистающими в выси изумруднымиискрами, под ними (куполами) скрыта всемирная святыня Гроба Господня, а правее к северо-западу на равнине царят русские постройки с пятиглавым храмом во имя Святой Троицы: блистательный, чарующий ландшафт! Но когда всмотришься в него со вниманием, то чувствуешь, что это только один прелестный призрак города Давида и Соломонова. Унылые его площади, безжизненные улицы навевают тоску; полуразрушенные его здания, там и сям валяющееся, скатившиеся камни от древних руин, кучи безобразного мусора, с порослями колючего кактуса, ущемляют сердце; жалкие пути, ведущие к нему с Востока, Запада, Севера и Юга, если только можно назвать путями несколько узких, извилистых гусиных тропинок, идущих по-между безжизненными скалами, на коих изредка встретишь или полунаагого араба с выночными мулами из Яффы, или погонщиков верблюдов из Дамаска, или порой увидишь несколько женщин с тяжелой ношей на голове – огородной зеленью из Горного или Вифлеема, пробуждают целый рой невеселых дум, а все вместе взятое наглядно-осознательно дает заметить, с какою неотразимою точностью исполняется до определенного Богом времени пророчество: «И будет Иерусалим в попрание языком, доколе скончаются времена языков».

Всматриваясь в Иерусалим и вдумываясь в тяжкие судьбы его разрушения, с такими печальными и до сих пор

тяготеющими над оным последствиями за то, что он не уразумел времени посещения его Господом, я нашел, что и град души моей – ум, сердце и воля не пребывают в Боге, и хотя Всевышний посещал оный, и не раз, то жизненными испытаниями и лишениями, то вожделенными дарами земных и небесных утешений, и я уразумевал в этом пекущейся обо мне Промысл Божий, но оставался неисправимым; душа моя, слыша глаголы живота вечного, мало внимала им, а больше пребывала в духовной дремоте; очи ее то и дело, что смыкались греховной летаргией! О, говорил я ей: проснись, окаянная, хотя теперь, в виду тех мест, на которых твой Спаситель совершил твое искупление, вырвал тебя из челюстей ада вечной смерти! Если ты и здесь не очувствуешься, не придешь в себя, то когда и где ты, бедная, это сделаешь? Встань, пробудись, глаголи Богу, вся ведущему, твою мерзкую тайну, вздохни, начни твое исправленье; иначе отвратится от тебя Господь, на твою утлую храмину нападут враги твоего спасения, со всех сторон обложат и окопают ее и поженут тебя, доколе не погубят тебя на веки, не оставив камня на камне, ни кручинки от благодатных даров, полученных тобою в Таинствах Церкви.

Спускаясь еще ниже с горы, в северу, мы остановились возле того знаменательного камня, на котором, по преданию, восседал Иисус и который был безмолвным свидетелем Его беседы с учениками Своими, когда Он говорил им о разорении храма Иерусалимского, о лжепророках, которые многих прельстят, о последующих пред концом мира бедствиях народных, о кончине мира и о страшном после оной суде над людьми. Веря преданью, я с чувством благоговенья обlobызал этот священный памятник видимого пребывания на земле Бога во плоти и Его общения с людьми. Развалины указывают на существовавшую когда-то здесь церковь.

Когда мы совершенно спустились с горы и шли мимо Гефсиманской гробницы Богоматери, в это время приближалась к нам религиозная процессия, вышедшая из мечети Омара и шедшая в таком порядке: впереди три-четыре турецких знами, за ними в несколько рядов музыканты с громадными

барабанами и певучими рожками, далее юноши с пиками и ружьями, наконец, масса молодых женщин и девушек, которые во всю глотку пели песни, неся на головах калабалык с съестными припасами; по временам раздавались выстрелы, — салюты в честь праздника. И таких процессий с промежутками при нас прошло несколько. Это мусульмане такправляют свой праздник в честь пророка и закононодателя Моисея, память которого чтут и турки, и арабы. После шести часов пустынного пути они приходят к огромному монастырю, посвященному названному святому вождю, — монастырю, находящемуся теперь в совершенном запустении, и здесь проводят время в разных плотских удовольствиях, присущих не одному только будущему пресловутому Магометову раю, но и земной юдоли.

Мне вот что понравилось в последователях корана: что они, дошедши до погребальной пещеры Богоматери и поравнявшись с вратами, ведущими в нее, тотчас перестали играть, петь и стрелять и, остановившись здесь,остояли несколько минут в невозмутимой тишине и безмолвии, выражая этимуважение и благоговеніе к Сити Мариам (Св. Марии)⁶⁵ за те благодеяния, который они получают от Нее, при своем обращении к Ней за помощью, в особенности при трудном чадорождении жен, для которых (как я заметил в прежнем своем описании Палестины за 1877 г.), отведено даже особое помещение вблизи смертного ложа Святой Девы для молитвы.

Когда я пришел на «Русские постройки», начался благовест в нашем Троицком Соборе ко всемощной, так как наступала неделя Вайи. В богослужении участвовал о. настоятель миссии и 8 священников, в числе которых был и я. Те же самые лица совершали литургию и на другой день, по окончании которой все священодействовавшие, в 8 часов утра, отправились к Гробу Господню для участнования в крестном ходе. Мы пришли в храм во время великого выхода со Святыми Дарами. Литургисал патриарх с 4-мя архиереями, несколькими архимандритами и 24-мя священниками, в храме Воскресения горело более тысячи разноцветных лампад, развешанных на особых шнурах по всему протяжению оного красивыми гирляндами, и три громадных люстры. С кувуклии Гроба

Господня старые иконы сняты и заменены новыми, усыпанными жемчугом и дорогими камнями, уbraneы цветами и иллюминованы серебряными и золотыми стаканчиками. Кроме лампад, вокруг всей кувуклии, по карнизам, стояли в пять рядов зажженные белого воска узорчастые свечи, а по между ними уставлены разные херувимы. Над дверьми Гроба Господня висела большая, около пяти пудов весу, лампада с пятью стаканами, – дар любви к Искупителю покойного Государя Николая Павловича, сделанная из чистого золота и усыпанная дорогими камнями; в нишах купола Святогробского храма горело нисколько сот малых лампад. По окончании обедни все духовенство, около полутораста человек, стало исподволь выходить из алтаря, начиная с низшего, и устанавливаться попарно от царских врат и до самой кувуклии, имея в одной руке большие зажженные свечи, роскошные пальмовые ветки и букеты лилий и роз, а в другой – иконы; это, как и дальнейшая расстановка лиц и священных предметов, длившаяся около часу⁶⁶, было только подготовлением к крестному ходу; самый же ход открылся и совершился таким образом: впереди шла турецкая стража с макаронами (бичами) и кавасы с булавами и пролагали по между массами народа свободный путь свящ. процессии; потом хоругвеносцы несли 12-ть хоругвей, и пред каждою шел мальчик в облачении, имея в руках подсвечник с горящую свечою, а иподиаконы несли большой запрестольный крест, рипиды и патриарший жезл; за ними следовали: хор арабских певцов, потом диаконы с пальмами и свечами; за нимишли священники, за священниками игумены и архимандриты и несли ковчеги со св. мощами; позади их хор греческих певцов; за ними 12 диаконов с трикириями и дикириями, потом шествовали епископы и митрополиты, имея в руках Евангелие, и пред каждым из них шел мальчик в стихаре с подсвечником; в конце процессии патриарх, за ним несли большую хоругвь с изображением Воскресения Христова и громадную масличную ветвь, с большим вкусом уранную живыми цветами. По бокам храма и на галереях его стояли массы разноплеменного народа и разных исповеданий. Христиане – с красивыми пальмами⁶⁷, листья которых арабы, несмотря на свою дикость и невежество,

умеют великолепно переплетать разными фасонами, с добавлением роскошных живых цветов. Во время свящ. хода пели канон, стихири и великое славословие и, обошедшись вокруг кувуклии два раза, в третий пошли по галерее вокруг храма Воскресения и, обогнув опять кувуклию, пришли к дверям Гроба и остановились; здесь, после троекратного пения трисвятого, патриарх читал Евангелие, потом, по окончании великой ектены и возглашения отпуска, возвратившись в Воскресенский храм, с высоты своей кафедры раздавал народу антидор. Так закончилась торжественная служба Цветоносной недели. После этого кто хотел шел домой, я же остался посмотреть на процесии других христиан, не православных.

По выходе нашего православного патриарха из святогробского храма, первыми начали крестный ход армяне, имея во главе своего патриарха, который имел на голове митру, похожую на митру католических бискупов, усыпанную бриллиантами, а ризу, – с длинными и широкими воскрилиями, схожую с нашею священническою, только с широким, стоячим, красным воротником, как у русских старинных генералов, на котором изображены живописные лики 12 Апостолов, с золотым шитьем вокруг них. Епископы были в митрах, похожих на наши; обстановка во всем богатая. Спустя полчаса после окончания армянами хода, показалась процесия сириан, и в челе оной ихний епископ, у которого вместо митры была на голове повязка, в роде омофора; после сириан шествовали копты, при предстоятельстве своего архиерея; у последних двух первосвященников митры и жезлы, как у православных, а облачения – похожие на наши священнические. Обстановка процесии у сириан и коптов и по качеству, и по количеству самобеднейшая; выдающихся отличительных обрядностей не приметил.

Но вот наступила и седмица святых и животворящих Страстей Господних. Все поклонники расположились говеть. В понедельник я один служил обедню в нашей миссийской церкви, которая обедня началась в 6 часов утра. После вечерни ходил прикладываться ко Гробу Господню, во вторник и среду после литургии в той же миссии навещал Гефсиманию, но

каждый раз возвращался с грустью, так как паписты, несмотря на усердные мольбы наши, не отверзали дверей знаменательного и приснопамятного священно-исторического вертограда ее. Под четверг оставался для ночного бдения у Гроба Господня, и здесь, к утешению моему и великой духовной радости причастников, прочитаны мною на Голгофе акафист страстями Господними и все правило, а один мужичок, умиленный и растроганный до глубины души чтением, поднес мне в награду за труд два рубля. В это же время в соседней церкви ап. Иакова совершалось над поклонниками таинство Елеосвящения.

В четверг, в 11-ть часов ночи, началась заутрена в Воскресенском храме, а в половине первого и обедня. Обедня разом совершалась и на Гробе Господнем, и на Голгофе; я служил на Голгофе вместе с епископом Иорданским Никифором, так как со времени моего приезда в Палестину мне до сего дня не пришлось здесь священнодействовать. Причастников было довольно.

В 6 часов утра, а по-восточному в первом часу, послышался благовест к обедне в помянутой выше патриаршей церкви св. ап. Иакова, брата Господня; литургисал сам патриарх с 12-ю нареченными апостолами (в числе которых был и наш о. архимандрит), по случаю совершающегося в этот день по чину церкви обряда умовения ног. На открытой площади, перед храмом Гроба Господня, для этого нарочито устроена была эстрада, с перилами вокруг, с двумя скамейками по бокам для 12-ти избранников (апостолов) и амвоном посреди, с золочеными на нем креслом для патриарха; по углам эстрады места для всех палестинских архиереев, пожелавших присутствовать при умовении; вся площадка устлана была богатыми восточными коврами. Для чтения евангелия во время обряда, в стене, близ стоящего здания, устроен был временный балкон и вместо зонта от жгучих солнечных лучей защищен нарочито срубленным и поставленным громадным масличным деревом⁶⁸. Массы разноплеменного и разноверного народа, еще до рассвета, часов за шесть до церемониала, начали занимать всевозможные пункты на террасах ближайших зданий,

в окнах, нишах, карнизах, на колоннах и пр. Арабы приходили с нарочито припасенными веревками и по ним ловко взбирались на самые высокие и опасные места и там прилаживались для лицезрения. Некоторые подворья, как напр., Гефсимановое, впускали публику по билетам, за которые взимали весьма солидную плату. Не знаю, почему, но мусульманки в белых саванах в особенности интересовались нашим обрядом «Умовение ног» и заняли заблаговременно лучшие и удобнейшие места. Крик и гам, и разные при этом сцены и выходки иноверных были нестерпимы для непривычного уха православных. Вся видневшаяся 20-тысячная пестрая, разноплеменная и разноверная масса в национальных костюмах, в разных позах, усеянная собою, как мухи, все, на чем только можно было держаться, вверху и внизу, на земле и на зданиях, могла бы составить интересный фотографический снимок, годный для любого альбома.

Но вот засуетилась турецкая военная стража, поставленная цепью для порядка, захлопали бичи по спинам усердствующих взглянуть на процессию, показалась, наконец, и самая процессия в таком порядке: кавасы с палками, объемистый патриарший швейцар с булавой, несколько мальчиков с зажженными свечами, монахи, певчие, диаконы с кадильницами, священники, диаконы с дикириями и трикириями и, наконец, сам патриарх в полном облачении, благословлявший народ крестом. Взошедши на эстраду, патриарх занял уготованное для него кресло, а избранные к соучастию в совершении обряда из священнослужащих сели на свои места; толпа заколыхалась, говор усилился, часы пробили 4-ре раза (что означало 4-й час утра по-восточному). В это время взошел на описанный мною раньше балкон, вице-наместник святогробский с евангелием в руках и стал читать по нему положенное, а патриарх с своего места подходил к каждому из нареченных на этот раз в апостолы и предлагал вопросы, на которые иные отвечали устно, а другие по тетради, и после объяснений кланялись ему в ноги. О чем их спрашивали, что они ответствовали, что читалось из евангелия, за гулом и говором народных масс, нельзя было разобрать; но были такие дерзкие смельчаки, которые для

удовлетворения своего любопытства врывались за решетку эстрады, где совершался обряд, и тут, стоя в шапках, всматривались, что творится, и это в видуластей. Обошедши ряды священных соучастников совершения обряда, патриарх отложил митру и служебные одежды до подrizника и начал умывать им ноги⁶⁹. За сим снова, облачившись, сошел с эстрады с тремя избранными и стал молиться, возле того места, где читалось евангелие, а сопутники его прилегли на земле в десяти шагах; в продолжение молитвы патриарх три раза подходил к ним и будил их. После этого все взошли опять на эстраду; патриарху подали громадный букет цветов вместо кропила и он, омывая его в вазу с розовой водой, окроплял священнодействовавших и весь народ, при торжественном звоне колоколов. Наконец, вся свящ. процесия двинулась в тот самый храм, из которого вышла, с соблюдением помянутого выше распорядка.

Утро страстной пятницы я посвятил на то, чтобы пройти тем путем, каким вели моего Искупителя из Гефсиманского сада к первосвященниками Анне и Каиафе, потом в преторию Пилата и затем на Голгофу. Для этого я прошел Сионскую гору, спустился в Иосафатову долину, мимоходом осмотрел гробницы ветхозаветных иудейских царей и в особенности Авессаломову и, налюбовавшись отсюда досыта восхитительною картинностью окружавших меня пейзажей, прошел вдоль подошвы горы Елеонской к Гефсиманскому вертограду и, вошедши в него, присел на скамью, dondeже утишатся вся чувствия и собираются во едино для сосредоточенной молитвы. Я хотел в великий день распятия Господа, в тиши, уединенно излить пред Ним свою грешную молитву, чтобы Он, вышний и крепкий Подвигоположник, в немощи моей укрепил меня, чтобы Он, полунощный Молитвенник за род человеческий, и меня научил всегда молиться Ему от любви сердечной, с воплем крепким о грехах моих и со слезами благодарения за вся благая. Став под мраморным балдахином, перед рельефным чудным изображением молящегося Спасителя, и преклонив колена, я начал читать стихи, из канона Страстям Христовым: Слава страстем Твоим, Господи! Преклонили еси зде колени

моляся, Ему же покланяется всякое колено небесных, земных и преисподних. Приклонися ныне к молению моему и услыши мя, якоже Отец молящегося Тя услыша.

Слава страстем Твоим, Господи! Отче, в молении глаголал еси, да Тебе истинного Сына покажеши, на раны готов есмь, аще и единого зла не сотворих; мене, Иисусе мой, много зла сотвориша, многих избави мучений. Слава: В поте лица твоего хлеб твой снеси, рекл еси падшему человеку: темже яко второй Адам егда молился еси, и от крови излившаяся из пречистого тела Твоего: брашно бо Твое волю Отчу творити. Ни едину убо заповедь Твою сотворшего, Иисусе Христе, потом крове Твоей каплющими омый мя. И ныне: Не к тому земля проклята есть, кровею бо Сына Твоего благословляется: земле благословенная, Пречистая Дево, воздвигни мя, прах и пепел, на славословие Христа, Бога нашего. Едва я прочел приведенные стихи, как моментально вокруг меня собралась масса поклонников; послышались среди их рыдания и вопли... При этом ручьем полились слезы и из моих очей, и я едва с перерывами мог продолжать чтение акафиста страстем Господним; все стояли коленопреклоненными; воздух поминутно оглашался глубокими и тяжелыми вздохами; иные били себя в перси, а другие как бы замерли с воздетыми к небу дланями... Картина величественная и до разделения мозгов и членов поразительная. О, как сладки и нескованно утешительны были для меня эти единственныe минуты в моей жизни! Конечно, в таком экстазе и при такой обстановке не повториться им в сей юдоли никогда, никогда... Но не изгладиться им и из скрижалей сердца, из тайников памяти до положения моего во гроб! Молитва окончена, но никто не двигался с места; точно все прикованы были к месту стояния, к вертограду, невидимою силою: так души всех в этот приснопамятный день и блаженный час возжадали к Богу-Искупителю, живому и крепкому! Быть может, мнил я, грешный, по этому самому месту, где я преклоняли колена и главу мою, неоднократно скользили пречистые стопы Господа, Творца моего! А может статься, кто знает, Он здесь же, преклонив колена, молился, говоря: Отче, о, если бы Ты благоволил пронести чашу сию (страданий) мимо

Меня! И находясь в борении, потом еще прилежнее молился, и были пот Его, как капли крови, падающие на землю.

Собираясь оставить таинственный вертоград, я прошел его вокруг и вдоль, при чем покаянные и благодарственные слезы несколько раз орошили поникшее чело мое и канули даже на святую его землю. Господи, молился я при этом, омой каплями этих слез, омой грехи всех возрастов моей несчастной разбитой жизни!

Шествуя мимо Гефсиманской усыпальницы Богоматери, я, сверх всякого чаяния, нашел двери оной отверстыми (обыкновенно они открываются в два часа ночи, для служенья литургии, и по окончании оной запираются на целый день) и со тщаньем и великою радостью спустился по 48-ми ступенями широкой лестницы вниз к самой гробнице Приснодевы и здесь удостоился облобызать гроб Рождшей от Отца Рожденного прежде всех век и спострадавшей Ему даже до смерти, и прочитать акафист приснопамятному Ее Успению, после чего сказано мною поученье молящимся зде поклонникам. За сим, окинув взором всю Масличную гору, поклонившись до земли Гефсиманскому вертограду и облобызав священный прах его при чтении кондака: «Видев Тя, Богочеловека, ангел в вертограде Гефсиманском, до пота кровава в молитве подвизающася, представь укрепление Тя, егда яко бремя тяжкое грехи наша отяготеша на Тебе: Ты бо, Адама погибшего на рамо восприим, Отцу представил еси, преклон колена моляся: о сем убо, с верою и любовью, взываю Тебе: аллилуйя, я направился чрез иссохший Кедрский поток, мимо места побиения камнями св. первомученика и архидьякона Стефана, к иерусалимским воротам Святой Девы, и отсюда, с открытой головой, шествовал по-над бывшей преторией Пилата, по так называемому крестному пути, до Голгофы, по которому веден был для распятия на ней за нас грешных наш Искупитель, моля Его, да Он, Божественный Крестоносец, ведя и меня крестным путем жизненных бед и скорбей в церковь первородных, на небесах написанных, помог бы мне безропотно идти им до конца жизни и для этого послал на помощь Симона Киринейского – свою благодать, немощная врачующую и

оскудевающая восполняющую. Везде гонимый, Иисусе, говорил я, остановившись у арки «Се человек», многие ради множества грехов моих претерпели еси поношенья и муки: едини бо Тя противна быти кесарю глаголют, друзья яко злодея осуждают, иные же: «Возьми, возьми и распни» вопиют. От всех убо осужденному на проклятье ведомому Тебе, Господу, из глубины души глаголю: Иисусе, неправедно осужденный, Судие мой, не осуди мя по делом моим. Иисусе, изнемогаяй на пути под крестом, сила моя в час скорби и озлобления моего, не остави мене. Иисусе, взываяй о помощи ко Отцу, Подвигоположниче мой, в немощи моей укрепи мя. Иисусе, бесчестае приемый, славо моя, от славы Твоей не отрини мене. Иисусе, образе пресветлые ипостаси Отчая, преобрази мое нечистое и мрачное житие. Иисусе, Сыне Божий, помяни мя, егда придиши во царствии Твоем!

Врата Воскресенского Святогробского храма я нашел тоже отворенными, а потому счел первым и священным долгом взойти в день всемерного искупления на Голгофу, – место, идже стоясте пречистые нозе Спасителя мира, и, пав пред величественным древом распятия Господня, от глубины сердечной произнес: Иже в шестый же день и час на кресте пригвождей в раи дерзновенный Адамов грех, и согрешений моих рукописание раздери, Христе Боже, и спаси мя! И лишь только я прикоснулся устами ко вселенской святыне, к круглому небольшому отверстию, в которое во время оно водружен был подлинный животворящий крест Господень, как святогробские часы пробили 11-ть раз, – время распятия Спасителя, указанное евангелием! Это произвело во мне страшную духовную бурю, потрясшую до глубины бренное мое естество... Слезы невольно канули в святое отверстие, вмешавшее древо искупления, а таинственный голос вещал: грешник! еще и еще приклони твое надменное чело пред этою священною скалой и принеси сердечную исповедь Искупителю твоему, во всех грехах своих, за которые принесена Им столь великая жертва; раскрой пред Все видящим всю твою душу; припомн все, что ты мыслил, говорил и делал дурного; омой слезами сердечного покаяния все твои беззакония и, при благодатной помощи Распятого,

постарайся с этого времени совершенно переменить жизнь твою; начни жизнь новую, благодатную, и помянет Он и тебя, как благоразумного и верного разбойника во царствии Своем, и будешь с Ним в раю! Приложившись засим ко Гробу Господню и к части мраморной колонны, к которой привязан были Иисус при бичевании во дворе Пилата и которая, кстати заметить, только и открывается для лобызания в нынешний день, и помазавшись у ней елеем, освященным накануне в таинстве елеосвящения над поклонниками, я ушел для отдыха на «русские постройки».

В час пополудни в нашей миссии началась вечерня, а в пять – субботняя заутреня. Стихи канона на погребение Христово читали все священники, а их было 9-ть с архимандритом во главе, таким порядком: сначала певчие пели первый стих, за ним первый священник произносил следующий; потом опять певчие. Затем второй священник дальнейший стих; опять пели певчие, за ним третий священник читал рядовой стих и т. д., в конце утрени плащаница обносилась вокруг построек миссии и храма, богослужение окончилось к 8-ми часам.

В 9-ть часов вечера о. архим., идя в патриархию для участия в совершении крестного хода с плащаницею в святогробском храме, пригласил с собою и меня. Когда мы вошли во храм, то в нем народу было битком набито везде, от низу и до купола. В 9 1/2 часов пришел патриарх и сел на своем месте под балдахином на средине церкви; в это время подошел к нему экклесиарх за благословением для начатия перебора в била и кандии⁷⁰, продолжавшегося целый час. По окончании клепания из алтаря вышли два диакона, имея на плечах, – покрытых богатыми бархатными, шитыми золотом нарамниками, золотые ладонницы, видом похожие на дарохранительницы, и около часу кадили весь Воскресенский храм с примыкающими к нему ротондами. Началась заутреня. Когда приспело время пения канона, патриарх и с ним 4 архиерея приступили к облачению себя в священные одежды. По окончании великого славословия архиереи, одетые в изящные черные саккосы, подъяли древнюю Молдовлахийскую плащаницу, которой от создания более 200 лет, и понесли ее на Голгофу, в предшествии патриарха и всего наличного духовенства. Здесь

крестный ход остановился, плащаница положена на престол, архиdiакон возгласил ектеню, в которой поминал православных царей и патриархов, по окончании коей все священнослужители пропели 40 раз «Господи, помилуй»; за сим произнесена о. архимандритом длинная проповедь на русском языке, из текста: Сей же (Иисус) ни единого зла сотвори, во время которой греческое и арабское духовенство от скучи усердно дремало (не понимая языка проповеди); единственным слушателем из русских был я, так как, по тесноте и маловместимости Голгофской скалы, почти все поклонники стояли у подошвы ее и слабый голос проповедника заглушаем был гулом народных масс. Лишь только закончилась проповедь, св. процессия двинулась с Голгофы северною лестницею до «камня миропомазания»; здесь пред положенной на нем плащаницей опять говорилась ектеня, по окончании которой один из православных арабских учителей, взобравшись на широкий карниз, в одном сюртуке, без всяких священных отличий, начал говорить проповедь⁷¹ довольно бойко и с жестикуляцией. Потом, по пропетии священодействующими песни: «Благообразный Иосиф» и окаждении камня миропомазания с лежащею на нем плащаницею, свящ. ход направился к кувуклии Гроба Господня, вокруг которой сначала совершено было обхождение три раза, а потом одними архиереями плащаница внесена в священный верт и положена на тридневном ложе Искупителя. После чего пред дверьми кувуклии стал патриарх с архиереями, а остальное духовенство разместилось вокруг оной, и началось пение канона на погребение Христово, по окончании которого плащаница отнесена в Воскресенский храм, а молящиеся расходились по домам; впрочем, многие остались здесь до завтрашнего дня – до времени получения благодатного огня на Гробе. Часовая стрелка показывала на 12 часов ночи, когда я, пришедши на постройки, зажег свечу в своей кельи.

При этом считаю не лишним заметить, что сейчас после богослуженья потушены были все огни не только внутри кувуклии, но и на всех местах обширного Воскресенского храма, до времени явления «благодатного света» на Гробе Господнем.

В Великую Субботу обедня в нашей миссии окончилась в 10-ть часов утра. Ее совершили о. архимандрит с 8-ю священниками, в числе коих был и я. В 2 часа по полудни мы отправились в Святогробский храм, для присутствования при обряде⁷² получения и раздачи свящ. огня. Массы народа разных племен и исповеданий наполняли все галереи храма; негде было, как говорится, и яблоку упасть. Войска турецкие стояли шпалерами по всему протяжению храма и особенно охраняли все входы в алтарь⁷³; так как православные арабы в чаянье появления благодатного огня выказывали избыток своей духовной радости разными конвульсивными движениями и круженьем по всему храму.

Около часу мы стояли в алтаре и нетерпеливо ждали начала религиозной церемонии; я думал, что все дело стало за нашим патриархом, но пришел, наконец, и он и уселся с архиереями на диванчике в спокойном ожиданье чего-то. Я спросил: кого и чего еще ожидают? Мне ответили, что ожидают с поклоном к греческому патриарху армянского патриарха или его уполномоченного. Но вот кавас застучал булавой по половым плитам; толпа духовных и мирян, наполнявших алтарь, расступилась и пред православного патриарха предстал армянский архиепископ за благословением к его святейшеству; воздав затем ему троекратное братское о Христе целование, с глубоким поклоном⁷⁴, он ушел.

Лишь только григорианский иерарх сошел с солеи, как священники, числом 12-ть, начали облачаться в белые священные одежды, а потом и патриарх. В это время из алтаря через закрытые царские врата поданы были 12 хоругвей для крестного хода. Ликовавшие арабы умолкли, все православные держали наготове пучки свеч, в каждом по 33 свечи, по числу лет земной жизни Христа; говор затих, настала мертвая тишина. Пред выходом из алтаря патриарх вручил арабскому священнику, обязательно постившемуся до этого три дня, золотое кандило, шарообразное и дырявое вверху, с большим отверстием сбоку, наполненное чистым елеем и хлопчатою бумагой, для принятая в него благодатного огня, с которым кандилом он и стал у северного окна кувуклии, а армянский

архиепископ у южного – со свечами, с своим клиром и народом. Засим отверзлись царские врата Воскресенского храма, и патриарх, в предшествие помянутых священников, хоругвей и кавасов, направился к кувуклии, при пении стихир: Воскресение Твое, Христе, Спасе, Ангели поют на небесех и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славити, и, обошедши ее три раза, остановился против входной двери оной; хоругви отнесены в алтарь, а патриарха начали раздевать и раздели до подrizника, оставив ему только малый омофор для совершения молитвы у Гроба.

По снятии печати и отверстии дверей придела Ангела, патриарх вошел внутрь ко Гробу Господню и двери опять затворились; мы, притаив дыхание, не спускали глаз с кувуклии, боясь пропустить тот миг, в который сверкнет над ней небесный огонь⁷⁵, в предположении, что оный доступен зренiu наших чувств. То трепет и ужас, то умиление и радость попеременно волновали мое бренное естество; я стоял в каком-то оцепенении, как бы ожидая появления Самого Господа Спасителя... Нет, не выразить мне словом тех благодатных чувствований, которыми переполнена была моя душа в эти блаженные минуты и которые отражались на лицах всех окружавших меня! Не прошло и четверти часа после входа патриарха в кувуклию, как нежданно-негаданно грянули у нас над головами в алтаре колокола необычным потрясающим диссонансом, – сигнал появления свящ. огня на тридневном ложе Искупителя, от страха я задрожал как осенний лист, набожно перекрестился, хотел пасть на колени... не ведая, как ап. Петр на Фаворе при появлении Божественного света, что с собой и делать? Не успел я опомниться от напавшей на меня паники, как помянутый арабский священник, получив у окна кувуклии от патриарха зажженное кандило, как птица летал уже по алтарю и сообщал нам благодатный огонь. Моментально во всех галереях храма запылали тысячи пуков свеч в руках богомольцев, весь храм стал как бы громадным пылавшим костром, или покрылся огненной лавой; все заволновались, заликовали, послышались на разных языках возгласы: Господи, помилуй! посыпались разные приветствия друг друга с

милостью и даром Божиим; многие целовались, а некоторые и плакали от умиления, восклицая: слава Тебе, показавшему нам Твой Божественный свет! Арабы опять закричали пуще прежнего, составляя из себя хороводы по всему храму, обводя вокруг шеи и упирая в грудь горящими пуками свеч, в исступлении дико и неистово кричали нараспев: «Воля дин, илля дин эл-messия». Даже мусульмане – и те, прилагая руку к сердцу, взывали: о Аллах, о Аллах! Часовая стрелка в это время стояла на четверти четвертого часа пополудни.

Чрез несколько секунд из кувуклии вышел и патриарх, с двумя пылавшими в руках пуками свечей; народ, едва завидел его, бросился зажигать свои пухи и едва не задушил его. На выручку святейшего бросились два атлета-араба и, взвалив его к себе на плеча, внесли в алтарь и поставили на возвышенном месте. Здесь кто желал из духовенства, подходил к его святейшеству и зажигал свои свечи от пылавших его светильников. Арабы, и по выходе из храма, хороводили, плясали по площади и по улицами Иерусалима, мотая в воздухе пылавшими пуками свечей и усердно распевая помянутый религиозный стих; а католики, стоя на кровлях домов, в досаде плевали в них и свистали. Уполномоченные же от 20-ти иерусалимских монастырей греческих и армянских опрометью бежали по разными направлениям с зажженными от гробового огня пучками громадных свечей, для возжения такового в своих храмах.

Огонь, полученный в В. Субботу на тридневном ложе Искупителя, бдительно поддерживается в кувуклии целый год и тушится только накануне Великосубботнего дня.

Впоследствии, возвращаясь в Россию, я видел, как болгары, черногорцы, молдаване, сербы и др., везли в фонарях благодатный огонь в свои родные места и жилья.

В 4 часа пополудни, т. е. спустя час после получения благодатного огня, началась субботняя литургия Василия Великого, которую совершили иорданский архиепископ с 4 священниками.

В 10-ть часов послышался звон к Светлой заутрене в Святогробском храме Воскресения, а потому я, насколько

возможно было в мои лета, поспешил к свящ. месту всемирного торжества. Все монастыри были отворены, на улицах иерусалимских, на высоких, железных, ветвистых шестах пылали костры, везде взад и вперед сновал народ, даже турки не спали и принимали участие в духовной радости московитов; не видно было только одних жидов, заклятых врагов Распятого ими. Храм Воскресения и кувуклия Гроба Господня еще лучше были украшены и освещены, чем в Вербное Воскресение: по всем святым местам горело не менее десяти тысяч лампад, а в воздухе качались громадные паникадила. Вскоре два диакона, имея на плечах ковчеги со св. мощами, стали кадить по всем св. местам, а турецкие войска заняли все пункты во храме для порядка. Между тем духовенство, облачившись в свящ. одежды, вышло для встречи патриарха: священники с иконами, крестами и евангелиями, диаконы с рипидами, патриаршим жезлом и мантиею, а двенадцать мальчиков с зажженными свечами в больших стоячих подсвечниках. Вошедши во храм, патриарх приложился к «камню миропомазания», потом к Гробу Господню, за ним следовали все архиереи и все духовенство до патриаршей кафедры. Здесь патриарх остановился, затем воссел на уготованное под балдахином оной седалище, мальчики поставили пред ним подсвечник с громадною свечой, и началось клепание в била и кандии, а духовенство, готовившееся служить с патриархом, подходило к немуарами для принятия благословения на облачение, и по облачении вышло на средину храма; после чего старейшие из него начали облачать патриарха при пении канона «Волною морской». Потом весь освященный собор: патриарх, митрополиты, архиепископы, епископы, игумены, священники и диаконы, до 100 душ, в преднесении 12-ти богатейших хоругвей, (которые, кстати, замечу, употребляются только на пасху и пожертвованы древними греческими и грузинскими царями), также св. икон, крестов и евангелий пошли ко Гробу Господню с пением: «Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангели поют на небесех: и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славити». Обошедши кувуклию три раза, все духовенство остановилось против дверей оной, патриарх прочитали воскресное Евангелие

и затем, взяв кадило, покадил Гроб Господень, кругом кувуклию, все духовенство и православных поклонников и, вошедши вовнутрь Гроба с архиереями, возгласил: Слава Святой, и Единосущной, и Животворящей, и Нераздельной Троице, всегда, ныне и присно, и во веки веков. Архиереи возгласили: Аминь. Тогда патриарх с архиереями пропел три раза над самым Гробом Господним по-гречески: Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправь, и сущим во гробех живот даровав. Потом пели все стоявшие вокруг кувуклии, каждый на своем языке. О, кто может передать тот восторг, ту духовную сладостную радость, какими объемлется душа, при виде подлинного Гроба своего Спасителя, очами веры созерцающая как бы Самого Его, Воскресшего! Как я горячо благодарил моего Искупителя, что Он удостоил меня праздновать святую Пасху в Иерусалиме у самого Его Живоносного Гроба, на месте, где совершилась самая тайна нашего спасения! О, как отрадно было смотреть и на всех христиан, сошедшихся сюда со всех четырех концов вселенной, стоящих вокруг Гроба своего Избавителя и единым сердцем и едиными устами радостно поющих: Возведи окрест очи твои, Сионе, и виждь: се бо придоша к тебе, яко Богосветлая светила, от Запада, и Севера, и моря, и Востока чада твоя, в тебе благословляющая Христа во веки. Мы на самом деле воспевали то, что видели очами, и истинно для нас в Иерусалиме была священная и всепразднественная сия спасительная нощь, и светозарная, светоносного дне восстания суши провозвестница: в ней же бесплотный Свет из гроба плотски воссия.

После великой екtenы патриарх со всем собором духовенства пошел оканчивать утреню в великую церковь Воскресения, а у Гроба Господня остался один священник с диаконом для совершения Литургии. В это время и армяне били в свои била и мелодически клепали в свои серебряные кандии, громко воспевая хвалу Воскресшему в своей соборной церкви на хорах; а католики в своем приделе гремели своим громадным оглушительными органом, – и все это, сливаясь в неописуемую гармонию, (которой ни в каком другом месте всего

мира никогда не услышать), потрясало бренное естество наше до разделения мозгов и членов; душа желала в эти минуты разрешиться от тела; казалось, самые своды и стены храма преклонялись на этот раз к нам, чтобы вместе прославить светлое Христово Воскресение.

Пред окончанием утрени патриарх и все архиереи, похристосовавшись между собою в алтаре, взяли каждый крест и небольшие евангелия и, севши в кресла, начали христосоваться с народом, я же в это время ушел в миссию, для совершенья своего родного русского богослуженья. Здесь звон к заутрени начался в первом часу, причем вся колокольня увешана была разноцветными фонарями. В пасхальной утрени и обедни участвовало 12 священников и о. архимандрит Антонин 13-й во главе, который говорил, что за все время управленья его русскою православною миссией в Иерусалиме никогда с ним не сослужило столько священников из Руси. Между ними были: из Харьк. Губ. – я, 1 из Житомирской, 2 из Кишиневской, 1 из Пензенской, 1 из Киева – схимник и 1 иеромонах из Казани, 2 члена миссии, остальные – афонцы. Служенье совершилось необыкновенно торжественно, при участии 6 иеродиаконов и роскошной обстановке храма. Евангелие на обедне читалось только тремя священниками и на трех языках⁷⁶.

После обедни, окончившейся в 7 часов утра, все священнодействующее разговаривали у русского консула. Но в яствах здесь не было того разнообразья, обилья и изысканности, которые мы, малороссы, привыкли видеть у себя на столах в пасхальные дни. Без вкусной пасхи, без окорока, ветчины, в особенности же без сала, колбасы и поросенка, – хохлу и праздник не в праздник. Греки на пасху разговаривают куличом и красными яйцами; последние в изобилии продаются в эти дни на базарах турками.

В два часа до полудни началась во храме Воскресения торжественнейшая, церемониальная вечерня первого дня. Патриарха вели во храм с особою церемонией: весь путь ко храму и во храме до самого престола устлан был цветами, а при входе его в самый храм посыпались на него дождем

лепестки и букеты роз со всех галерей. Впереди шли 10 диаконов с дикириями, за ними несли 12 рипид, а далее шли более 100 священников в богатых облаченьях и, вошедши в храм Воскресения, начали торжественно совершать вечерню. Евангелие, как я уже заметил в выноске под чертой, читалось на разных языках и с перезвонами; а по окончании вечерни патриарх и архиереи, имея в руках кресты и евангелия, сели в кресла, и народ, как в заутрени, подходил к ним христосоваться. Я же пошел в кувуклию, чтобы приложиться к живоносному Гробу Господню в тот благо знаменитый день, в который воскрес из него Христос, – и, прежде чем войти к самому Гробу, стал в приделе Ангела и там от всей души говорил: Слава Тебе, Христе, что Ты сподобил меня видеть здесь день преславного Воскресения Твоего, в который Ты освободил души связанных во аде. Той свободы и я желаю, чтобы Ты разрешил меня, связанного многими грехами, и чтобы свет благодати воссиял в моей мрачной душе! От юности моей и до ныне Ты заботился обо мне, дабы я был спасен: и желая причислить меня к лицу Ангелов Твоих, Ты дал мне заповедь – совершать в чистоте духовное дело. А я, окаянный, предавшись своей воле, ввергся в смрадную тину греховную и удалился от Твоей благости! И оттого взываю из глубины сердечной: не оставь меня, проповедующего в дусе неумолкающего радования Твое живоносное воскресенье, Иисусе, Боже мой, да буду и яз, грешный, причастник сего воскресения, пой Тебе непрестанно в горнем Иерусалиме: аллилуйя!

На второй день Пасхи многие из поклонников начали разъезжаться восьмояси; я же вечером пошел ко Гробу, чтобы остаться здесь на целую ночь, – и до полуночи, между прочим, прочитал акафист Воскресению Христа, на тридневном Его ложе, и здесь же исповедав грехи, служил обедню с тремя русскими священниками и одним греком. Так провел я начало третьего дня Пасхи!..

У греков в Пасхальную седмицу, при начале Богослужения, наприм. на обедне, священнослужащие поют в алтаре 6-ть раз тропарь – Христос воскресе: четыре раза – при каждеше четырех сторон престола, раз – при каждении жертвенника, и

потом в 6-й раз – при вторичном каждении передней стороны престола, и каждый раз этот тропарь, поемый священнослужащими в алтаре, заканчивается народом или певцами в церкви последним словом: даровав. Диакон возглашает ектении с крестом и со свечей в руках.

VIII. Поездка к Мамврийскому Дубу

Еще в 1875 году, когда я в первый раз приходил во Св. землю на поклонение к священным местам, душа моя крепко рвалась видеть Мамврийское библейское дерево, под сенью которого праведный Авраам принимал и угощал трех странников, под видом коих Сам Бог во Святой Троице благоволил видимым образом открыться ему; но не удостоился тогда я улучить честь избранных – по немощам моим. Теперь же я поставил непременным долгом пойти узреть этого пятитысячелетнего старца и налюбоваться им. Наступил четвертый день Пасхи, и мы, в количестве 8 душ, собрались в путь на Хеврон, неподалеку от которого живет помянутый палестинский древесный старец, беспримерный в летописях всесветной флоры. Снаряжали и провожали нас в дорогу сам о. архим., дав нам в путеводителя и охранителя своего келейника-араба, Якуба, который во все время нашего вояжа был для нас дорогим и незаменимым спутником и толмачом, и кормильцем. О. архимандрит посоветовал мне взять из домовой миссийской церкви священническое облачение и для всякого случая просфор. Быть может, сказал он мне, там будет возможность с кем отслужить обедню, вот у вас и будет все необходимое для служения.

Дорогу к Мамврийскому дубу мы выбрали на монастырь Св. Креста, мимо Филиппова источника, на Горний град Иудов, на Беджалы и затем на Хеврон, – и обратно к Иерусалиму мимо Соломоновых прудов на Вифлеем.

В Крестном монастыре, отстоящем от Иерусалима около часу пути, мы слезли с своих мулов. Монах недружелюбно отворил нам входную дверь в церковь, и мы потянулись за ним по гранитной лестнице. Храм устроен игристо-архитектурно, но стены закопчены, орнаменты во многих местах осыпались. Говорили мне, что наш архимандрит предлагал грекам возобновить их на имеющиеся у него средства, но они, в видах спекулятивных, упорно отказались от таковой неутилитарной для них услуги. В алтаре, в нише задней части каменного

престола, место произрастания животворящего дерева креста Господня обозначено тумбочкой с крестом, к которой мы и прикладывались. Потом повели нас с зажженными свечами в боковую алтарную дверь темным ходом и узкой лесенкой в подалтарную пещеру – место углубления корней сказанного дерева в почву и разветвления их в разные стороны. Ущелья, где шли корни, вполне сохранились и не засыпались; так как здесь грунт меловой, то самих корней нет и следа, хотя некоторые паломники и уверяют, что они виднеются и до сих пор. Здесь постоянно горит неугасимая лампада, и многие из глубоко верующих поклонников берут здесь землю для врачеванья от различных болезней. Некоторые учёные туристы сомневаются, чтобы отсюда взято было дерево для Креста Господня, потому что, говорят они, если мучители Спасителя желали приготовить для Него крест из масличного, кипарисного или кедрового дерева, то нашли бы их и в стенах Иерусалима, а потому не было нужды отыскивать его за три четверти часа пути от города. Но такие говоруны, значит, не знакомы с теми преданьями, которые исстари ходят на востоке о дереве Креста Господня, а эти предания вот что гласят. В одно время Лот, по падении своем, пошел к Аврааму исповедать грех свой. Патриарх взял из огня три головни, которые были от кедра, кипариса и певга, и приказал Лоту посадить их и поливать, говоря: если эти головни примутся и станут расти, это будет знаком прощения твоего тяжкого греха. Лот, как приказал ему дядя, так и исполнил. Головни начали расти и срослись вместе в одно дерево. При достройке храма Соломонова оно было срублено, но, как неспособное для постройки, оставлено без употребления. При распятии же Спасителя оно, по особому смотрению Божию, было взято и уготовано для Креста, на котором и распят был Господь наш Иисус Христос. Когда праотец Адам был болен, он послал сына своего Сифа в Эдем – просить у Ангела лекарств от болезни. Ангел вместо лекарства дал ему три семени: от кедра, певга и кипариса. Но когда Сиф возвратился, то Адам уже умер. Сифу пришла мысль посадить эти три семени на могиле отца своего, и из них выросло одно громаднейшее дерево. Когда строили храм Соломонов и везде собирали

самые лучшие материалы, оно было срублено; но впоследствии, как почему-то негодное, брошено в близи находившуюся Силоамскую купель для перекладин, по которым переходили на другую сторону. Когда осудили Господа Спасителя нашего на крестную смерть, то евреи, желая соорудить потяжелее кресте для ненавистного им Равви, выбрали это дерево, как самое тяжелое, ибо оно целые столетия лежало в воде. Выходя из этого места, я прильнул к нему устами и мысленно прочитал: «О, преблаженное древо, на нем же распялся Христос, Царь и Господь, имже паде деревом прельстивый, тобою прельстився Богу пригвоздившуся плотью, подающему мир душам нашим».

Монастырь Креста теперь совершенно пустъ. Бывшая в нем прекрасная духовная семинария, которую я посещал в 1875 году, теперь не существует. Она закрыта еще в 1877 году, во время русско-турецкой войны, по той будто бы причине, что не имеется средств для содержания ее в казне патриаршей. Но этому трудно поверить тому, кто знает греков: им, по своим расчетами, не хочется затрачивать своих денег, в полной уверенности, что Россия рано или поздно примет на себя содержание ее, в видах поддержания Православья на Востоке в лице достойных и образованных пастырей, которые теперь поставляются здесь из едва умеющих грамоте, чему мы сами были свидетелями. Так как суровый монах отказался вести нас далее по монастырским постройкам, то мы отправились в дальнейшей путь, к источнику, известному под именем Святого Филиппа.

Следуя по направлению к нему между виноградниками и прекрасными рощами масличных и фиговых деревьев, мы достигли небольшого арабского хуторка Мальха и остановились на несколько минут под тенистыми деревом у здешнего источника. По преданию, это место ознаменовано посещением Богоматери, когда Она возвращалась с Богомладенцем из Египта в землю Израилеву. У самого источника мы застали несколько арабов, пришедших за водой, и арабок, мывших в каменных корытах белье. Освежив себя водою из священного водоема, мы продолжали путь по обширной долине, усеянной

на протяжении трех верст кустами роз и покрытой роскошными виноградниками; здесь устроен метох или дача, принадлежащая Иерусалимской патриархии, на которой греческие монахи, (из этих пахучих роз), занимаются выделкою благовонной воды, употребляемой для окропления священных мест, предметов и богомольцев, и приносимой в дар именитым поклонникам.

Отсюда до Филиппова источника три четверти часа езды; на пути к нему нам показывали два мраморных столба, обозначающих то место, где Апостолы срывали колосья в субботу, на бывшей тут хлебной ниве, стирали их руками и ели. Но вот и самый источник Св. Филиппа, тот самый источник, к которому Ангел Господень повелел идти Апостолу Филиппу, сказав: «Встань и иди на полдень, на дорогу, идущую из Иерусалима в Газу, на ту, которая пуста. Он встал и пошел. И вот идет ефиоплянин, евнух, вельможа Кандакии, ефиопской царицы, хранитель всех сокровищ ее, приезжавший в Иерусалим для поклоненья. Он возвращался домой и, сидя на колеснице своей, читал пророка Исаию. Дух сказал Филиппу: подойди и пристань к сей колеснице. Филипп подошел и, услышав, что он читает пророка Исаию, сказал: разумеешь ли, что читаешь? Он отвечал: как могу разуметь, если кто не наставит меня, и просил Филиппа взойти сесть с ним. Место, которое он читал из Писания, было сие: как овча веден Он был на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзает уст Своих, В униженья Его суд Его совершился. Но род Его кто изъяснит? Ибо вземлется от земли жизнь Его (Исаи, 53: 7, 8). Евнух же сказал Филиппу: прошу тебя сказать, о ком пророк говорит сие: о себе ли, или о ком-либо другом? Филипп отверз уста свои и, начав от сего писания, благовествовал ему об Иисусе. – Между тем, продолжая путь, они приехали к воде, и евнух сказал: вот вода, что препятствует мне креститься? Филипп же отвечал ему: если веруешь от всего сердца, можно. Он сказал в ответ: верую, что Иисус Христос есть Сын Божий. И приказал остановить колесницу: и сошли оба в воду, Филипп и евнух, и окрестил его. Когда же они вышли из воды, Дух Святой сошел на евнуха, а Филиппа восхитил Ангел Господень, и евнух уже не видел его и продолжал путь,

радуяся» (Деян. 8:26–40). Водоем устроен при подошве скалы; вода здесь ключевая и бьет фонтаном по разным направлениям, с поразительной силой; главная струя ее вытекает из бывшего горного места в алтаре, задняя часть которого алтаря с полусводом сохранилась и до сих дней от времени царицы Елены – Мы привели сейчас сказание Св. Луки о крещении здесь евнуха, – действительно нельзя сомневаться, что в те времена могла быть тут масса воды, в которой не единицы, а сотни людей могли единовременно креститься. Непонятным теперь кажется только то, в какой колеснице и каким образом можно было евнуху ехать к этому источнику по тем скалистым тропам и волнистым покатостям, покрытыми точно оспою громадными глыбами гранита и известняка, когда мы в иных местах шли пешком, а приходилось карабкаться и на четвереньках: так неудобен и опасен тут путь. По течению источника растительность удивительно роскошная, а местность так очаровательна, что никогда не расстался бы с нею; плантации роз, протянувшиеся длинной полосой с небольшими перерывами, и веющий от них ароматический ветерок, то и дело заставляют нас останавливаться, чтобы первыми налюбоваться, а последними подолее подышать и напитаться.

Отсюда лежал нам путь на Горняя, но проводник наш сбился с тропы, ведущей туда, и мы для поправления его ошибки должны были таскаться по такими трущобам, что наши две сопутницы оказались несостоятельными продолжать путь, и я принужден был то и дело, что подавать руки то одной, то другой и встаскивать их силой по уступам выше и выше. Чрез два часа трудного пути по обнаженным скалам мы прибыли к той пустынной пещере, в которой, по преданию, Св. Иоанн Креститель до 17 л. возраста проводил дни свои в подвигах духовной жизни. Пещера эта, видевшая детство и взлелеявшая юность Св. Предтечи, окружена прелестнейшими ландшафтами, так что с охотою можно согласиться провести здесь остаток дней своих: все тут восхищает дух и располагает к молитве. Пещера, служившая некогда приютом Иоанну Крестителю, есть не что иное, как природная пустота в ребрах верхней части почти отвесистой известковой скалы, с водоемом сбоку пещеры,

осененным развесистым рожковым деревом, в котором (водоеме), сравнительно с прежним, воды, как мне показалось, очень мало. Помолившись Пророку в самой пещере, в которой по временам совершают Богослужение паписты, после которого остаток дня проводят в веселом пиршестве, и мы расположились здесь под сенью инжирных деревьев для подкрепления сил насущным хлебом и чем Бог послал.

Незадолго до вечера мы прибыли в Горний град Иудов, в котором русские теперь имеют прочную оседлость: куплено более 20 десятин удобной земли в соседстве с свящ. местом свиданья Св. Родственниц, с садами, в которых кроме разных тропических растений произрастают, как редкость в Палестине, и наши вишни, вывезенные из Малороссии, и та часть сада, где они растут, в честь их называется «Малоросска». Напившись чаю в прекрасном русском гостеприимном приюте, мы сначала отправились к развалинам того дома, в котором, по преданию, происходило свиданье Богородицы с праведной Елизаветой. Здесь католический монах выказал нам особенное внимание и предупредительность: показывал развалины двух церквей, устроенных царицей Еленой, из коих в нижней сохранились только некоторые арки, по которым можно заключить, что зданье было громадное, — здесь теперь ссыпают уголь и оберегают топливо; в верхней же — сохранился каменный престол и алтарный полусвод над горним местом, к которому теперь приделана терраса, с коей открывается восхитительный вид на окрестности. Здесь же католики устроили свой престол, из-под которого струится вода, чистая как кристалл, вкусная и необыкновенно холодная; в заключенье тот же приветливый францисканец повел нас по своим чисто райским цветникам, из которых наделил и нам немало пышных цветов. За сим мы спустились с горы в селение Иоанна Предтечи, в котором находится римско-папистический монастырь, построенный в XVII веке, над тем местом, где родился тот, более которого не было из рожденных женами, замечательный по архитектуре и внутреннему богатству и изящному убранству. Православные арабы, живущие здесь, узнав, что мы идем в церковь Крестителя Иоанна, присоединились к нам, чтобы вместе с

нами поклониться месту рождения его, но францискане с негодованьем прогнали их за то, что они отложились от них и приняли ненавистную и погибельную схизму (Православие); нас же пропустили и были так милостивы, что дозволили освятить иконы на том месте, где родился Проповедник покаяния, и помазаться елеем от горящих над ним лампад. Кроме того, показывали нам при свете свечей, так как это было вечером, чудную статую Мадонны над алтарем: перл совершенства, — обделили священными камешками и даже печатными конвертами с какою-то святыней, которые я, по приезде домой, раздал папистам.

Проходя мимо проточины, из которой, по преданию, почерпала воду Пресвятая Дева во время трехмесячного пребыванья у южики⁷⁷ своей, св. Елисаветы, мы хотели тут помолиться, но мусульмане совершали в это время свой вечерний намаз. Оставив их в покое и добравшись до своего убежища, в нижнем этаже которого устроена для новоприсоединившихся к Православию арабов временная церковь, я сейчас же, при пособии афонского монаха и поклонниц-певиц, начал совершать всенощную.

На следующий день, в 5 часов утра, я приступил к совершению литургии, на которой поклонницы пели прекрасно. По окончании богослуженья в 7 часов, мы осматривали здешние русские постройки и хозяйство, особенно же строящуюся русскую церковь во имя Сретения или свиданья Богоматери с праведною Елисаветою. Отрадно было сердцу нашему встретить на далеком Востоке храм, устроенный в русском стиле, хотя еще и вчерне. Собираются материалы и для сооруженья колокольни, для которой присланы уже и 4 колокола из России и готовится в Москве иконостас. При раскопке места под священные зданья открыто много древних катакомб, в которых по всей вероятности укрывались от преследований и для молитвы иерусалимские христиане первых веков; в них теперь поселилось для духовных подвигов несколько почтенных стариц, занимающихся швейной работой. Устроенный здесь странноприимный дом для поклонников простого звания не оставляет желать ничего лучшего.

В 8 часов мы были уже в дороге, перебираясь узкой тропинкой с горы на гору несколько часов сряду, по-между большими камнями, а кое-где и по отлогостям, усаженным разными плодоносными деревьями, пока, наконец, не достигли большого селения Бейт-Иаллы или Беджалы.

Беджалы или дом Ефрафа, означает «дом веселья», названный так потому, что жители его, как говорит преданье, первые приняли с верою весть о рождестве Христовом и возрадовались. Жители Беджалы – все христиане, и отличаются добрыми нравами и набожностью от обитателей других поселков, и за это пользуются большим уважением в Палестине. Замечательно, что в Беджалах нет ни одного последователя Магомета, потому будто бы, что здешний воздух убийствен для них. Этот предрассудок так здесь усилился, что ни один мусульманин не решается устроить себе жилища в этом селении. Беджалы живописно расположены на скатах холмов и окружены множеством масличных садов, виноградников и хлебными полями.

Так как о. арх. неоднократно предлагал мне посетить здешнее русское православное училище, то мы первым долгом сочли, проезжая Беджалы, побывать в нем. Нужно заметить, что в этой школе преимущественно обучаются девочки. Лишь только мы подъехали к крыльцу прекрасного здания, стоящего в тенистой роще и окруженного роскошными цветниками, с благовонными кустарниками, как к нам вышли навстречу русская надзирательница и экономка, и учительница -иерусалимская арабка, девица, которая, прижимая руки к сердцу, приветствовала нас по-арабски так: «Сабехум бельхер, таиб Московь!» т.е. здравствуйте, хорошие русские, – и затем обе христосовались с нами. Потом пригласили в приемный зал и здесь первое всего начали по восточному обычаю усердно угождать нас вареньем из винограда, ракою и кофе, а русская надзирательница – и нашим северным любимцем – чаем; после сего оделяли всех писанками арабского изделия. Между прочим, я спросил, где же училищная комната, – мне показали, и когда я вошел в нее с прочими сопутниками, то малютки – девочки melodически запели по-русски: «Христос воскресе из

мертвых» и пр., затем тоже самое по-гречески и потом по-арабски. Потом, под руководством наставницы, дети долго пели разные духовные канты,— больше по-арабски, и в заключение по-нашему: «Молитву Господню» и «Ангел вопияше». Затем показывали нам рукоделье учениц: вышиванье золотом, серебром и цветным шелком восточных женских покрывал и полотенец, вязанье чулок, шапочек, кружев, шитье гарусом на натянутом полотне и проч. Девочки все имели свежие лица и веселый вид, однообразные платьица восточного покроя, а на головках белые покрывальца. В классе было не более 20 душ, но всех посещающих школу до 150. На классных больших переменах, по распоряжению нашей миссии иерусалимской, дают детям хлеб, маслины и сыр. Некоторые из посетивших училище, оставляя класс, награждали малюток русскими кредитками и монетами на память о «московитах»; а нам всем при отъезде презентовали по роскошному букету цветов, и вдобавок все учащие и учащиеся провожали нас за ворота. Здание училищное прекрасно во всех отношениях; примерная чистота, порядок, благоустройство вокруг делают честь русскому имени. С отрадным настроением мы выбыли отсюда. Дай Бог, чтобы это заведение росло и росло, возрастая в мужа совершенна, и при будущих заправителях также усердно контролировалось и так прекрасно содержалось!

От Беджал до Мамврийского дуба около 30 верст, и дорога к нему пролегает по живописным долинам, горам и холмам, покрытым виноградниками, масличными, инжирными и лимонными рощами и лесами акаций, по местам попадались на глаза пирамидальные кипарисы, зеленеющие цератонии, изумрудные поля, покрытые хлебными злаками. Чем ближе мы подвигались к заветному месту, тем роскошнее и разнообразнее становилась иудейская флора, но вот при закате солнечном мы стали спускаться с высокой известковой горы в узкую, но далеко протянувшуюся от востока на запад прелестную долину, окаймленную с севера и юга живописными возвышенностями и покрытую на несколько верст сплошными садами плодовых деревьев: абрикосовых, персиковых, миндальных, фиgovых, рожковых, с вьющимися по-между ними змейкой ручейками

ключевой воды; любопытство подстрекнуло спросить, что это за прелестная долина и не имеет ли она какого названия? Нам ответили, что эта долина называется Мамврийской, и на ней-то непоколебимо до сих пор стоит тот библейский священный дуб, в тени которого обитал св. праотец Авраам, под раскидистыми ветвями коего этот избранник Божий сподобился принять в виде трех странников Святую Троицу, и от Ней слышать благую весть о рождении сына Исаака и о будущей славе его потомства. Некоторые паломники говорят, что этот великан (дуб Мамврийский) виден издали, – нет; мы его увидали только за несколько шагов, так как он окружен другими деревьями и стоит на склоне высокой горы, а не на вершине холма. С замиранием сердца мы подъезжали к свящеенно-историческому дереву, около которого копошились приехавшие раньше нас богомольцы, в ожидании всенощной под ним. Слезши с мулов, мы перекрестились и со словами: «Пресвятая Троице, Боже наш, слава Тебе!» – поцеловали его, как своего рода редкую святыню, а потом с благоговением прикасались к священным веткам и листьям его, – и нам казалось, что души наши соединялись с веками первобытными, и что-то непостижимое происходило в нас...

Не лишним считаем заметить, что мы нашли этот священный дуб Мамврийский в натуре не вполне похожим на снимки с него, имеющиеся у нас в разных печатных изданиях, а рассказы о нем разных паломников несколько преувеличеными: он не так высок, роскошен и поразительно грандиозен, как рисует его иногда горячая фантазия и увлечение; толщина ствола его при корне 12 1/2 аршин (в окружности), и самый ствол от поверхности земли не более четырех четвертей в длину, затем идут от него четыре отрога, из коих один совершенно засох, а на другом – только некоторые ветви, – и грустно подумать, – быть может – недалеко то время, когда рассказ о Мамврийском дубе будет считаться сказочным, и самая тропа к нему зарастет высокой непроходимой ковылью. Только по преданию будут указывать место его пятитысячного житья-бытия. Греки по зависти, а франки по ненависти и теперь подсмеиваются над русскими: – вот, говорят они, как только

схизматики завладели дубом, так, видимо, гнев Божий обрушился на то место: дуб стал сохнуть за грехи Москов. И действительно, русские поклонники на этот раз виноваты в том, что, несмотря на зоркую бдительность стражи, охраняющей его, они всегда найдут возможность святотатственно сломить или веточку с него, или отколоть кусочек коры, как и случилось в ту ночь, в которую мы здесь ночевали. Когда я пришел утром к дубу для служения литургии, сторож-араб горько жаловался, что Русь не хорош укарапшил⁷⁸.., указывая на свежее, ободранное от коры место на дубе, на протяжении полуаршина.

По случаю позднего времени, всенощная совершилась в странноприимном доме, недавно устроенном нашей миссией для русских пришельцев, в 200 саж. от свящ. дерева. Этот дом высится на гребне высокой горы и с галереи его расстилается прелестнейшая Мамврийская долина во всей своей красе со всеми деталями. Очаровательны виды Сихема, пленительны красоты Тивериадского прибрежья, чудесны берега Иорданские, но все они блекнут пред Мамврией в прелести... Мамврия – это венец чудес природы, сплетенный могучей рукой ее из самого дорогого и изящного материала, ревниво охраняемый ею от первых дней творения от бурь и разных физических невзгод и лелеемый ею до сего дня в первобытном патриархальном виде и чудной нерукотворенной красе. Мне чудится, что из всех мест земного шара, только этого уголка его не посмела коснуться могучая железная длань всесокрушающего времени от начала миробытия. Да и могло ли быть иначе! Ведь здесь жил, скончался и погребен друг – любимец Божий, отец верующих – Авраам! Но что я говорю об Аврааме? Здесь шествовала Своими пречистыми стопами в образе трех странников Сама Святая Троица и восседала за трапезой у избранника Своего, под одним из развесистых дубов ее. Дивно ли, что задняя Ее и до дней наших печатлеются неизгладимо в творениях рук Ее – в живописных возвышенностях, окружающих всю ширь ее, в роскошных садах, пышных виноградниках и обилии водных источников, бьющих и журчащих по всему лону ее?! Не обинуясь скажем, что долина Мамврийская и в наши отдаленные времена есть истая представительница бывшей

здесь библейской обетованной земли, кипевшей медом и млеком.

С вечера еще многие из поклонников просили, пораньше отслужить Литургию, чтобы, пользуясь утренней прохладой, иметь им возможность сделать поболее стадий обратно в Иерусалим. Мы удовлетворили ихнему желанию, священников здесь собралось четыре, но служило только два – я и афонец-монах (по неимению более риз). В 4 часа под дубом Мамврии поставлен был стол (оный служил и жертвенником, и престолом), мы же, священнослужащие, забрав священные и литургийные принадлежности – как-то: св. антиминс, чашу, дискос и др. из особого хранилища при сказанном доме, стали совершать обедню, а поклонники обоего пола, в количестве 60 душ прекрасно пели. О, если бы вы, читатели моих записок, были тогда со мной на сем месте, и посмотрели на нас, служивших, и на молившихся в этой нерукотворенной скинии: вы заметили бы на всех лицах наших неописуемый, неземной восторг и елейное умиление! Мне до настоящего раза нигде, кроме храма, не приходилось совершать Литургии, – и вот, вдруг литургисаю под открытыми небом... под Мамврийским дубом... там, где мне и не снилось быть когда-либо, сидя на родине. Когда мы при пении «Херувимской песни» шествовали вокруг свящ. дерева с Святыми Дарами, – верую, что вся Святая Троица взирала на нас оком благоволения; а если мы, по грехам нашим, оказались и недостойными его, то мню, – сам отец верующих, Авраам молил за нас Владыку: Господи! Аще обрящеши между сими малыми и десять добрых человек, пощади и помилуй ради их и всех, предстоящих здесь! И воистину на нас, понесших и тяготу путешествия, и вар дня, и молившихся от всего сердца, кто как умел, Он, Всеблагий, воззрел!.. Ибо великое утешение духовное, которое мы ощущали в душе во время совершения Литургии, и светлые лица утомленных путников ясно говорили, что Святая Троица незримо приседела нам при духовной трапезе Св. Тела и Крови Христовых, как некогда здесь Аврааму, при вещественной.

По окончании Обедни, все до единого, как бы движимые неодолимой посторонней силой – пали на колена и сладостно

воспели: «Днесь благодать Святаго Духа нас собра, и вси вземше Крест Твой глаголем: Осанна в вышних! Благословен грядый во имя Господне, Осанна в вышних! Благословен еси, Христе Боже наш, иже премудры ловцы явлей, ниспослав им Духа Святаго, и теми уловлен вселенную; Человеколюбче, слава Тебе!» Когда все ушли, я, приникнув челом к священному праху Мамврии, освященному пречистыми стопами Святой Троицы, с глубоким чувством прочел: «Владыко Боже Отче Вседержителю, Господи Сыне Единородный, Иисусе Христе и Святый Душе, едина Сила, помилуй мя грешного и, ими же веси судьбами, спаси мя недостойного раба Твоего, яко благословен еси во веки веков, аминь».

Вечером этого же дня мы ездили обозревать город Хеврон; дорога к нему идет почти сплошными садами и прекрасными рощами; он лежит между горами, прикрепившись к скату одной из них, к юго-востоку от Мамврийского дуба и расстояньем от него на полчаса пути или около трех верст, а от Иерусалима на 10-ть часов. Хеврон (Гобрун), называемый арабами Эль-Халил, т. е. страною Авраама; есть один из древнейших городов обетованной земли; он был местом жительства патриарха Авраама, и его потомков. Когда израильтяне прибыли в землю Ханаанскую, тогда Хеврон был завоеван Халевом у исполинов. Давид, в начале своего царствования, владея одним коленом иудиным, в продолжении семи с половиною лет имел в это время резиденцию в Хевроне.

В настоящее время Хеврон имеет до пяти тысяч жителей, из коих большая половина мусульман: арабов и турков, остальные евреи; христиан здесь вовсе нет. Мусульмане чтят Хеврон наравне с Меккою и Мединою. Хеврон не имеет стен, как другие восточные города, – стен, которые бы окружали его и в опасных случаях служили бы ему хотя временною защитой; но зато здесь нет восточного городского уличного зловонья; воздух чистый, здоровый, вода родниковая, пища сочная, растительность самая богатая; добroe влиянье этих атрибутов земного счастья заметным образом отражается и на веселых и здоровых лицах его обитателей.

Главная промышленность жителей Хеврона состоит в стеклянных изделиях, почему и находится здесь множество стеклянных заводов, на которых довольно изящно выделяются разных фасонов и длины палки, лампады, браслеты, которыми обыкновенно восточные женщины украшают свои руки, и которые большими партиями отправляются в Египет и Аравию. Бедуинки большею частью любят и уважают изделия из синего стекла, которые в большом количестве продаются в иерусалимских лавках и на площади у Гроба Господня, по воскресеньям и праздничным дням. Кроме этого в Хевроне есть хорошие заводы для выделки и дубленья кож, между которыми первое место занимают козлиные. Из последних на востоке делают мехи, употребляемые для ношения воды из колодцев и цистерн, и для хранения и перевозки в них виноградного вина. Сказанные кожевенные заводы и мы посещали. Немаловажную отрасль торговли горожан составляет и сушеный виноград (изюм), вкусный и душистый; виноградные вина хевронские отменной доброты и аромата.

В Хевроне нет больших, замечательных зданий, исключая мечети, называемой Меджид-аль-Халил, переделанной из христианского храма, устроенного царицей Еленой над гробницами св. патриархов Авраама, Исаака и Иакова. Вход в ту мечеть для христиан недоступен, но чтобы иметь понятие о внутренности ее, я приведу рассказы других, посещавших ее. В мечеть входят по прекрасной широкой лестнице, ведущей к длинной галерее, выдавшейся на небольшую площадку; влево представляется портик, опирающийся на квадратных пилястрах. В преддверии мечети находятся два отделения: в одном – направо стоит гроб Авраама, в другом – налево – гроб Сарры. Во внутренности мечети, устроенной в готическом вкусе, вправо, между двумя большими пилястрами, виден отдельный склеп, в котором стоит гроб Исаака, а по левую сторону, в таком же склепе, гроб жены его, Ревекки. По другую сторону площадки есть также преддверие, с двумя по сторонам отделениями, в которых по левую сторону находится гроб Иакова, а по правую – жены его, Лии. Все гробницы этих святых праотцов покрыты

богатыми шелковыми зеленого цвета коврами, превосходно вышитыми золотом; а гробницы жен их покрыты такими же коврами алого цвета и так же вышитыми. Ковры эти доставляются сюда константинопольским султаном, и на некоторых гробницах их лежит более десяти, один на другом. Комнаты или склепы, где помещаются гробницы, также уbrane коврами; входы ограждены железными решетками с деревянными дверями, обложенными серебром, которые и запираются также серебряными замками.

Я забыл еще сказать, что Хеврон были одним из замечательных городов, принадлежавших левитам, в котором, по мнению некоторых писателей, жили и Захария священник, отец св. Иоанна Крестителя. Еврейские раввины говорят, что в Хевроне погребены и первые праотцы рода человеческого, Адам и Ева; но предание Православной Церкви указывает место погребения их на Голгофе.

Возвратившись из Хеврона в Мамврию, я хотел отслужить под священным деревом всенощную, а потом на другой день и литургию, но, к сожалению, все прежнее певцы ушли в Иерусалим, а оставшиеся в нашей партии клирошанка-монахиня из Москвы ни за что не соглашалась сама петь богослужебные гимны. Скорбь свою об этом я несколько поумерил только тем, что не раз прошелся по обаятельной Мамврии и отдыхал под дубом Сарры, у источника, называющегося ее же именем. Дуб Сарры в половину ниже описанного раньше – библейского, но свежее и раскидистее первого. Почему он назван именем Сарры, я не мог добиться.

На другой день, вместо обедни, я имел утешение прочитать на месте Богоявления канон и акафист Пресвятой Троице, а потом, после легкого завтрака, отправляясь в обратный путь в Иерусалим, опять зайти к библейскому Мамвийскому дереву, чтобы взглянуть на него в последний раз и проститься с ним навеки. Преклонив здесь колена и лицо до земли, я благодарным сердцем изрек: покланяся Тебе, явившаяся у сего дуба, во образе трех странников, Пресвятая Троице, единосущная, животворящая и неразделимая, Отче, Сыне и Святый Дух: верую в Тя и исповедую, славлю, благодарю,

хвалю, понимаю и превозношу Тя и молю: помилуй мя, непотребного раба Твоего! Упование мое – Отец, прибежище мое – Сын, покров мой – Дух Святый: Троице Святая, Слава Тебе!

IX. Обратный путь в Иерусалим и последние дни в нем

Въехав в 7 -м часов утра из Мамврии, мы в 12-ть остановились для отдыха и подкрепления сил у прудов Соломоновых, под громадными полуразрушенными стенами большого каменного здания, называемого Соломоновым замком, в черте которых живет несколько мусульманских семейств, нарочито обитающих здесь для охраны сказанных прудов и так называемого заповедного или запечатанного водоема Соломонова, о котором будет ниже. Пруды Соломоновы в настоящее время состоят из 3-х обширных квадратных бассейнов, выложенных большими гранитными, а инде и мраморными стенами, и находятся в отличном порядке, точно недавно устроены. Оказывается, что их с усердием ремонтирует турецкое правительство, вообще скучное на общественные затраты. Эти три пруда, называющиеся именем мудрого и славного сына Давида, довольно глубоки и велики. Они находятся в широкой ложбине между горами и следуют один за другим, постепенно понижаясь. Самый нижний имеет 225 аршин длины и 82 арш. ширины; средний немного менее, а верхний менее всех, но зато он обильнее водой и глубже. Бассейны эти временем наполняются водой от осенних и зимних дождей, а постоянно из водоема заповедного, находящегося к северу от верхнего пруда на расстоянии 65 сажень. Из этого водоема выходят три обильнейшие источники; огромнейшие камни и теперь заграждают его отверстие, как и в то время, когда Соломон приложил к нему царскую печать свою. Эти три источника, соединясь потом вместе, входят в подземный каналец, идущий мимо сказанного замка Соломонова, и из него вливаются в нарочито устроенную цистерну, а из этой последней вода идет по каменным водопроводам, по одному – в верхний пруд, а по другому – полями до самого Вифлеема, а отсюда в Иерусалим к Омаровой мечети.

Истаевая от жары, я во что бы то ни стало хотел освежиться в знаменитых древних прудах Премудрого, но из моих сопутников никто не сочувствовал моему желанию: одни страшали меня тем, что в них запрещается гяурам купаться под страхом смерти; другие, что в них водится множество ядовитых гадов; третья, что вода в этих бассейнах вредная, и многие поплатились здоровьем; но я, невзирая ни на что, пошел и погрузился в Соломоновых водах и вышел из них здравым и невредимым.

В трех верстах от Соломоновых прудов, по правую сторону их, виднелся монастырь св. Георгия Победоносца, замечательный тем, что в нем находится чудотворная икона сего великомученика и железная цепь, коею будто бы он был скован в темнице; от сих святынь многим с верою притекающим подаются исцеления. Этот монастырь особенно любят турки и арабы: когда у них кто заболевает, они идут сюда с откормленным козленком, и, после молитвы, заколов и зажарив его в честь святого, располагаются на террасах для пира. От души сожалею, что по непредвиденным обстоятельствам мне не пришлось посетить эту редкую обитель, стоящую на живописном месте и окаймленную лучшими в Палестине виноградниками.

Во втором часу дня мы спускались в узкую долину – место бывших когда-то здесь садов Соломоновых, прославленных им же самим в своей книге «Песнь Песней». В настоящее время здесь глаз путника только изредка останавливается на раскинутых в небольшом количестве рощах масличных, инжирных и гранатных деревьев, остальное пространство занято под хлебные поля.

В три часа мы уже приближались к Вифлеему с юго-западной стороны.

Отсюда он выглядывает очень веселым, большим, прекрасным городом, стоя на высокой горе и отделяясь с запада глубокими оврагом, к которому с противоположной стороны примыкает поистине прекраснейшее и громаднейшее из всех зданий, виденных мною в Палестине: это французский женский монастырь, окруженный громадными стенами, за

которыми виднелись красиво разбитые скверы. Пред нашими глазами по одну сторону шли горы иудейские, а по другую, за Иорданом и Мертвым морем, горы Аравийские. Шествуя вифлеемскими полями, мы невольно вспоминали о происходивших на них библейских и евангельских событиях: о том, как Давид пас здесь стада отца своего и позван был отсюда в Вифлеем для избрания в цари, – как он пробирался этими полями в стан филистимский, неся пищу братьям-воинам, и обратно возвращался ими же в дом свой победителем Голиафа и всех врагов Израиля, приветствуемый хвалебными песнями жен иудейских, – как он, будущий царь еврейского народа, бегал по близлежащим пустыням, горам и ущельям, спасаясь от преследований своего злобного тестя, Саула, как на хлебных полях вифлеемских бедная и благочестивая Руфь во время жатвы ячменя подбирала оставшееся колосья, и Господь привел ее на ниву добродетельного богача Вооза, сделавшегося потом ее мужем, а она – проматерью Давида и родней Спасителя мира.

Но вот мы и в Вифлееме, граде Давидовом, где он родился и помазан на царство, откуда воссияла нам звезда от Иакова – вочеловечился ради нас и ради нашего спасения Сын Божий. Проезжая вифлеемскими улицами, мы приятно были удивлены чистотою и опрятностью их, столь редкими в восточных городах, но это потому, что тут живут христиане, более или менее цивилизованные; евреев же, как известно, отличающихся крайнею национальною неряшливостью и запахом, здесь нет ни одного.

В Вифлеемский монастырь, устроенный на месте, идеже родися Отрока младо, Предвечный Бог, мы прибыли незадолго до вечерни. Сопутники мои, как посетившее раньше здешние святыни, отправились в Иерусалим, а я остался, имея намеренье в наступающее воскресенье служить обедню в вертепе Рождества Христова, о чем сейчас же и заявил настоятелю оного, митрополиту Анфиму, который при этом обнял меня, поцеловал и сказал: «Все для вас можно сделать у нас, что только вам ни пожелается», – и велел келейнику отвести мне номер и подать кофе, прибавив: «Идите, отдыхайте

с дороги, а потом жалуйте к вечерни». Пред богослужением я опустился по 15 ступеням удобной гранитной лестницы в ту пещеру, в коей Безмужняя родила Того бессмертного перворожденного Сына, о Котором святой Василий Великий от лица Ея так говорит в одном прекрасном своем слове: «Как я должна именовать Тебя, возлюбленный мой! Как должна я называть Тебя? Смертным?.. Но я зачала Тебя наитием Святого Духа... Богом? Но у Тебя человеческое тело. Как мне поступать пред Тобою? Должна ли я приближаться к Тебе с курением фимиама, или предложить Тебе в пищу молоко сосцов моих? Должна ли я иметь о Тебе попечение, как самая нежнейшая мать, или должна служить Тебе, простервшись пред Тобою в прах?.. О, дивная противоположность! Небо – жилище Твое, а я лелею Тебя на своих коленях!» В пещере в это время не было никого кроме меня, и я, простервшись на полу перед местом воплощения Богомладенца, по гласу Коего скоро утихнут бури, исчезнут немощи человеческие, извергнутся в мрачную бездну демоны, последуют тьмы народа, будут лобызать края одежды Его и восстанут мертвые из гробов, излил свою душу в благоговейной молитве.

Звон в колокол заставил меня приподняться и идти в надпещерный храм Рождества, где священники стояли уже облаченными в ризы, с крестами, евангелиями и иконами в руках, для встречи Газского архиепископа Иоасафа, имевшего завтра служить литургию, – присоединился к ним и я. По благословении седмичным священником начала вечерни, означенный архиепископ, стоявший в мантии на своей кафедре, читал девятый час, потом на вечернем выходе все встречавшие его восемь священников шествовали из алтаря, становились попарно перед архиерейским амвоном и соборне пели: «Свете тихий»; отпуск делали архиерии.

После вечерни, когда я, между прочим, высказал окружавшим меня, что я завтра с благословения митрополита буду служить литургию в «Вертепе», они, не обинуясь, ответили мне, что этого не может быть, потому что в воскресные и праздничные дни там никогда службы не бывает: так как в это время бывает много народа, который по тесноте Вертепа не

может в нем поместиться. Я вторично пошел к митрополиту⁷⁹ и объяснил ему слышанное сейчас. Ну, сказал он, служите вот с Газским архиереем, или оставайтесь к понедельнику. В бытность мою здесь в 1875 году, мне не пришлось служить в Вертепе, был мой ответ, – и теперь В. В-во, хотите меня лишить утешения и опечалить на целый век; у дальнего путника все дни на перечете; он не всегда может распоряжаться временем по указанью других; я на днях уезжаю из Палестины, и если завтра не удостоюсь литургисать в Вертепе, то быть может мне не узреть более Вифлеема... Успокоенный, наконец, согласием иерарха исполнить мое желание, по прочтении положенного правила, я спокойно уснул.

Во втором часу ночи заблаговестили к заутрени, которую я слушал, стоя в алтаре. Затем, когда я заявил, что я должен литургисать в Вертепе, никто из служащих и прислуживающих не хотел и слышать об этом, и приготовления к служению там никаких не делалось. Вот уже заклепали в била на обедню, мы встретили Газского архиерея, вслед за ним пришел в алтарь и митрополит: священники стали облекаться, а я сильно скорбел душою, что хотя и буду сегодня служить, но не там, где желалось, а придется ли еще прийти сюда из Иерусалима? Подхожу к Вифлеемскому иерарху и напоминаю ему о его благословенье. «Так вам непременно хочется служить сегодня в Вертепе, говорит он?» – Да, это пока мое единственное предсмертное желанье. После этого митрополит велел псалтам (так здесь называют церковных прислужников) поскорее готовить все нужное к служению в Вертепе, но они и слушать его не хотели, чесали затылки, спорили один с другим, кричали: и здесь и там разом, не при ком служить. После долгих переговоров сам святитель выдал мне св. антиминс, священные сосуды и, сопровождая в Вертеп, приговаривал: «Иди, да знаешь, поскорей служи!» Однако ж я совершил литургию, как следует, а поклонницы гармонично пели. Митрополит стоял сбоку меня, опершись на жезле, и где нужно было преподать народу благословенье с возгласом: «Мир всем», – он сам делал это. Вместо причастника певцы прекрасно пропели пасху (так называются здесь стихиры пасхальные со стихами: Да

воскреснет Бог). По окончании обедни я поднес митрополиту антидор и, облобызав десницу, от души благодарил его за доставление духовного утешенья на месте всемерного жертвеннаго вочеловеченья Бога- Искупителя, и при том просил его приказать кому-нибудь из псалтов показать мне ближние святые места. Прощаясь со мною, ангел Вифлеемской церкви подарил мне на память четки собственной работы.

Помолившись и приложившись ко св. местам Рождества Спасителя – яслям и тому месту, где сидела Матерь Божья, когда представляла Младенца волхвам для поклоненья, мы прошли небольшою дверью в длинный, извилистый коридор, который привел нас к мрачному подземелью. При входе в него воздвигнут престол во имя праведного Иосифа, где по преданью стоял он, когда родился Сын Божий; далее – престол над могилою ученика блаж. Иеронима, Евсевия Кремонского, а немного далее – гробницы Павлины и ее дочери Евстахии. Павлина происходила из знаменитой фамилии патрициев древнего Рима. Обходя Святую Землю, она так пленилась этим свящ. местом, что пожелала уединиться на нем до конца своей жизни, предпочитая это смиренное убежище для себя и для своей дочери всем сокровищам мира. Еще далее воздвигнут престол над закрытым склепом, в котором хранятся кости младенцев, избиенных Иродом за Христа; наконец, мы вошли в часовню, устроенную над гробницею блаженного Иеронима, которого тело перенесено в Рим; неподалеку отсюда показали нам место, называемое и теперь кельей Иеронима, где он в борьбе с привязанностью к увеселениям и мирским празднествами, окруженный пустынею и убожеством, проводил время в молитве, посте и умерщвлении плоти, сокрушая ее злые страсти. Одиноко сидел я, говорит он сам о себе, исполненный горьких дум; прахом обезображен был лик мой, эфиопскою чернотой покрылась моя кожа, роскошью была мне прохладная струя воды. Когда же сон одолевал борющееся с духом тело, одни кости со стуком ложились на землю, и я, заключившийся страха ради геенны в подобную темницу, я, сожитель зверей и скорпионов, еще мог иногда переноситься мыслями в хороводы дев; лик мой, умерщвленный постами,

еще прежде смерти отжил, но в холодном еще кипели сладострастные порывы... Так, лишенный всякой помощи, припадал я к Спасителю; я проливал слезы, я рвал свои волосы, семидневным голодом сокрушал свою плоть. Помню, как часто ночь заставала меня, бьющего себя в перси, доколе не водворялось в них желанное спокойствие; я даже страшился своей кельи, как свидетеля нечестивых помыслов, и в браны сам с собою погружался в пустыню. Во глубине долин, на вершине гор, в ущелье утесов искал я места для молитвы, — места казни бедственной моей плоти, и там, сквозь пелену текущих слез, приникнув взорами к неподвижному небу, я мнил себя быть в лицах ангельских... Есть чему поучиться у гробницы этого блаженного учителя и у могил этих св. жен, мыслил я, осматривая их убежища и переходя вторично через Вертер «Рождества»; вот как люди, искавшие Христа и Его царствия и правды, распинали плоть свою со страстью и похотью, чтобы она не воевала на их дух, не мешала бы ему парить в превысенней небес и почивать в Боге, и сама соделалась бы достойною жилицею неба. А я, седший на Моисеевом седалище и взявший ключ разуменья тайны спасенья душ человеческих, что поведаю о себе, чем похвалюсь? Только разве малодушьем, ропотливостью, леностью, всецелым порабощением духа плоти. О, окаянный аз, палимый гнусными похотями и сожигаемый злыми страстью, как я воззрю на Тебя, меня ради снишедего с небес, воплотившегося от Духа Святаго и Девы Марии и зде, в этом убогом Вертере, вочеловечившегося? Я, связывавший бремена тяжелые и неудобносимые и возлагавший их на плеча другим, сам же не хотевший двинуть их и перстом — понести благое иго закона Твоего; я, очищавший только внешность, а внутри полный всякой неправды и хищенья даров Твоих — и естественных и благодатных; я, окрашенный гроб, казавшийся всем красивым, внутри же полный костей мертвых и всякой нечистоты, и ими обезобразивший в себе Твой прекрасный образ и подобье, которое Ты пришел на сию землю восстановить во мне! Да, — я, несчастный, позабыл Твои божественные слова: если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в царство

небесное, и – аще соль обуяет, чем осолится? О, блаженне Иерониме, научи и меня покорять свою плоть духови. О, св. жены – Павлина и Евстахия, возведите и мой ум от земных сокровищ к небесным благам! Родившийся в сем Вертепе и возлегий в сих яслях, ради нашего спасенья, Христос истинный Бог, молитвами Тя зде Рождшия, помилуй и спаси меня, яко благий и человеколюбивый!!

При выходе из Вертепа мы пали пред местом Рожденья Христа и стройными голосами воспели: «Дева днесъ Пресущественного рождает, и земля вертеп Неприступному приносит. Ангели с пастырями славословят, волсви же со звездою путешествуют: нас бо ради родися Отроча младо, Превечный Бог».

За сим мы прошли в пещеру, называемую пещерою или гротом Богоматери и Млечною, отстоящую от монастыря «Рождества» на 150 шагов, к востоку. По одному преданью, в ней будто бы скрывалась Божья Матерь с Предвечным Младенцем, преследуемая Иродом, а по другому – она, питая здесь от своих материнских грудей Богомладенца, излила здесь молоко на землю. Пещера эта меловая и разделена на две части: в первом отделенье устроен латинский престол, над которым красуется единственная икона Божьей Матери, с неугасимой лампадой; другое отделенье совершенно пусто; в нем в беспорядке валяются груды известковых и меловых осколков, от которых женщины-богомолки отделяют частицы, и с благоговеньем уносят восвояси, так как они, растворенные в воде (принимающей в это время вид молока), будто бы имеют врачебную силу исцелять трудные женские болезни. Пещерою этою владеют паписты-доминиканцы.

В 11 часов я должен был покинуть Вифлеем, но мул мой, уведенный еще с вечера, не возвращался; мне оставалось идти пешком, и для безопасности искать сопутников в Иерусалим. К счастью моему, десять поклонниц согласились быть моими путевыми соработницами и нести мой багаж. По живописной дороге, кое-где попадались нам навстречу пешие подозрительные субъекты, при приближении коих наши «Марушки» путь не падали в обмороки от страха, под влияньем

недавно совершившегося на этих местах трагического происшествия: избиенья бедуинами до полусмерти придорожными камнями 3-х наших поклонников и отнятия всего бывшего при них.

На половине дороги мы зашли в греческий монастырь пророка Ильи; перед монастырем растет дерево, которого густые листья осеняют камень, служивший, как говорят, ложем пророку. По входе в церковь, служка-послушник подвел нас в киоту, с изображением того же провидца, – изображением, на котором в разных местах виднелись приставшие монеты, большие и малые, медные и серебряные. И сам он первый, взяв с тарелки монету, прилепил к иконе, приглашая и нас к тому же; поклонницы не заставили себя долго ожидать, не утерпел и я произвести опыт с целью осязательнее увериться и раскрыть тайну приставанья к лицу монет, и стал бывшие у меня разные монеты прикладывать к иконе и к полям оной, и что ж? В одних местах прилипали всякие, а в других никакие⁸⁰. Эта кощунственная и святотатственная подделка на иконе, для приставанья к ней монеты, выдаваемая за чудо, крайне меня возмутила. В монастыре нет ничего замечательного, а в церкви новый иконостас бросается в глаза своими массивными размерами, изяществом чисто русского рисунка и новизною. Вправо от монастыря находятся заметные руины дома, который, говорят, был жилищем пророка Аввакума.

Когда мы входили в Иерусалим, навстречу нам шла печальная погребальная процессия: несли из «Русских построек» умершую во св. Граде русскую монахиню, для погребения на Сионское Христианское кладбище; тысячи наших поклонниц сопровождали смертные останки ее, а миссийские колокола усердно и мелодично выбивали похоронное «Святый Боже».

Окончив священный вояж по Иудее, и ознакомившись, насколько возможно было, с физическим положением ее, скажем о ней несколько общих слов. .

Иудея, по пространству, занимаемому ею, более всех описанных мною палестинских провинций: ее ширина от востока к западу, от Яффы до Иордана, около 120 верст, а длина от

севера к югу около 70 верст. Иудея граничит с севера Самариею, с юга – Египтом и пустынею Аравийскою; с востока – Иорданом и Мертвым морем и с запада – Средиземным морем. Нынешнее народонаселение Иудеи реже, нежели в Галилее, но зато в ней населенное и лучше города, напр., Иерусалим, Яффа, Хеврон, Вифлеем, и самые жители цивилизованнее, так как здесь иностранцы-промышленники и богомольцы разных наций снуют почти каждый круглый год. Эта страна чрезвычайно гориста и камениста, начиная от Лидды и до Иерихона, и от Вефиля до Хеврона. Только равнины, Саронская, Иерихонская и долина Мамврийская, орошаемые источниками, разрабатываются под хлебные поля и другие злаки; впрочем, клочки пахатей встречаются и в других местах, напр., на склонах гор; но чего стоит этот клочок? Нужно данное пространство взорвать порохом, потом взорванные камни разбить молотами на муку, просеять сквозь сито и, наконец, непременно огородить засеянный лоскуток каменной глухой оградой, чтобы дожди не смыли и не унесли трудовых гряд. В иных местах под каменистой почвой, как я заметил, напр. в окрестностях Иерусалима, оказывается превосходная подпочва глинистого свойства красноватого цвета. Освобожденная от верхних, покрывающих ее каменных оков, она производит виноград, пшеницу, ячмень, оливковые, инжирные и рожковые деревья; инде, – кипарисы, лимоны и миндаль. Можно сказать без преувеличенья, что в Иудее удобная почва к неудобной и каменистой относится так, как 6 к 100, – и все неудобное есть не что иное, как безлюдные, голые, порой бурого, а порой желтого цвета горы, как бы составленные из одного песку; почва их, кажется, только и способна на то, чтобы производить одни камни; на них, как будто на проклятой земле, нет жизни, и птица небесная и зверь земной не сыщут деревца, где бы отдохнуть, ни травинки и семени утолить голод, ни капли воды – освежиться от зноя. Посему здесь диких зверей и птиц очень мало – шакалы да куропатки, а домашние животные, напр., коровы и быки, малорослые, как наши годовые теленки; бараны же и овцы мало сочны и худы, как щепка, и мясо их безвкусно, – да и те, и другие разводятся здесь в весьма ограниченном

количестве. Гусей, уток и индеек вовсе нет, а куры, как редкость... Жители этой провинции апатично относятся к труду и даже к жизни, чрезвычайно ленивы и усердны только к курению табаку и к питью кофе. И только тысячи богомольцев разных вероисповеданий, рас и состояний, приходящих сюда на более или менее продолжительное время для поклонения Св. местам, и поддерживают своими лептами их жалкое существование. Мрачные скалы и ужасные пропасти по пути к обители Св. Саввы, к Иордану и к Лидде наводят такое уныние и страх, что кажется вот-вот из-за них выйдет смерть и обовьет вас своими холодными костлявыми руками.

Да, если есть в мире места, одаренные печальным могуществом пробуждать в сердце человеческом все грустное и скорбное, так это места в Иудее. Впрочем, переходя из пустыни в пустынью, скорбь ваша понемногу разодевается, вас хотя и объемлет страх, но он уже не тяготит вашей души, ибо здесь каждая тропинка, каждая пещера, каждая вершина горы имеет свою историю и заключает в себе тайну, – все живописные образы свящ. писания находятся тут. В Иудее все чудно: и палящее солнце, и летающий воробей, и плодоносная и бесплодная смоковница, и масличные рощи. Путешествуя здесь, так и воображаешь, что может быть ступаешь до следам своего Искупителя, отдыхаешь на том камне, на котором некогда успокоивал Себя Богочеловек, и пьешь из того источника, из которого и Он утолял Свою жажду.

Из священных книг мы знаем, что в стране, ставшей потом называться Иудею, жили патриархи Авраам, Исаак и Иаков и здесь же погребены с своими женами; евреи, идя в Обетованную Землю, вошли в нее через Иордан пределами этой страны и здесь же первоначально поселились: в земле Иудейской жили многие пророки, учили и обличали еврейский народ в нечестье, предсказывали бедствия и падения его царства и пришествие Мессии, и здесь же запечатлели свою проповедь мученическою смертью. В пустынях этой области родился, воспитался и проповедовал крещение покаяния Предтеча Господень Иоанн. В стенах иудейского иерусалимского храма уготовлялся для великой тайны

воплощения избранный сосуд – Пресвятая Дева Мария; в одном из городов Иудовых вочеловечился ради нашего спасения Сам Сын Божий, и сюда же приходили для поклонения Ему пастыри и волхвы. Воды иудейские приняли в свои струи крестившегося Господа, и на них явственно, как нигде, открылось таинство Святой Троицы; в ущельях одной из гор иудейских Спаситель мира приготовлял Себя молитвою и постом на великое дело открытого служения спасенью рода человеческого. Во храме, домах, на стогнах, халупах и исходищах путей этой страны Иисус Христос наставлял учеников Своих и народ тайнам царствия Божия и изрек поучительные притчи: о милосердном самарянине, о любостяжательном богаче и рабах, ожидающих господина; об овце погибшей, о потерянной драхме, бесплодной смоковнице и званых на вечерю; о блудном сыне, богатом и Лазаре, мытаре и фарисее; о несправедливом судии, равной награде работникам в винограднике, о злых виноградарях, десяти девах, ожидающих жениха, о браке царского сына и о талантах; здесь же, в виду Иерусалима, беседовал о разрушении его, втором Своем пришествии и страшном суде над людьми. Гефсиманский масличный сад этой провинции неоднократно был свидетелем уединенной полуночной молитвы Искупителя за род человеческий и отдыха Его после трудов благовестия, а Вифания с домом Лазаря – мирным, тихим и дружеским приютом в часы скорби Его об окаменении сердец Израиля и озлобления народного. Здесь, в Иудее, Христос исцелил слепорожденного при Силоаме, расслабленного – при овчей купели и воскресил четверодневного загнившегося мертвеца, Лазаря; тут же обратил на путь истины Закхея-мытаря, благословлял детей, помиловал великую грешницу, подлежавшую побиению камнями, вечерял в Вифании в доме Симона прокаженного и помазан драгоценным миром и, наконец, установил Таинство Причащения – залог вечной жизни, которое будет питать людей духовно до скончания века. Но самое важное и главное – здесь же Спаситель мира закончил Свою Божественную Миссию искупления, – Своими страданиями, крестною смертью, Воскресением, Вознесением на небо и ниспосланием в мир Святаго Духа-Утешителя и

Просветителя. Я сказал – главное: ибо с сим последним актом ее (миссии) притупилось острое жало смерти, снова отверзлись для всякого верующего, заключенные грехом врата Эдема, распались как паутина вереи ада, и он впервые зарыдал, видя разрушение Своей державы и погибель Своей власти.

Да, необыкновенно важные, благие последствия законченной в Иудее Христовой миссии неисчислимы: она возродила весь мир к новой жизни; она взяла на себя попечение о сироте, возвысила женщину, освятила брак, считавшийся прежде до некоторой степени тягостным условием жизни и сделавшийся отныне священным таинством, и обратила домашний кров в самое приятное убежище; возвела бедность из проклятая в блаженство; облагородила труд, обративши его из черной работы в достоинство и обязанность каждого. Она в первый раз открыла ангельскую красоту чистоты, дала верное понятие о милосердии, распространивши его тесные границы из круга соседства на весь род человеческий; идею о человечестве обратила в идею об обществе, братстве всего мира и возвысила душу каждой отдельной личности.

Припоминая это и все сделанное в Иудее Господом нашим Иисусом Христом для нашего временного и вечного блага, кто из поклонников, путешествуя здесь по Св. местам, не умилится душою и, чувствуя свою греховность, не восплачует горько о своем окаянстве и не скажет из глубины души: «Низринухся долу и бых яко скот, восклонитися отнюдь не могий: Ты же, благоволивый зде родитися от Девы и во яслях возлежи, не отрини и мене, хотящего имети Тя, Иисусе, в сердце моем». «Не сохраних обетов, изреченных в крещении, ни по крещении, елика обещайся Ти, Господи, тем и не имам избегнути осуждения; но, Спасителю мой, изволивый креститися во Иордане ради нашего спасения, омый водами Твоей благости моя скверны, и спаси мя единым всемогуществом Твоим». «Иерусалимский расслабленный однажды нецелени бысть Тобою, Спасе, ази же многажды приях от Тебе исцеленье в исповеди и приятии честного Тела и Крове Твоей, гласу же Твоему не внимах: се здрав еси, и кому не согрешай, да не горше ти что будет. Но, Господи мой, Иисусе Христе! Милостив

буди мне, толико неблагодарному». «Имущество бесценное – духовные дарования в отдалении от Тебе, Отче, аз якоже блудный сын расточих: обращение же еже к Тебе не имам. Но Сам мя обратив, Владыко, помилуй мя падшего». «Слепые и одержимые разными недугами зде притекаху к Тебе, Спасе, и приемаху исцеления: аз же лежу в беззаконии моем, и не могу восстati: Боже, Спасителю, дажъ ми силу, да возмогу прийти к Тебе, моему благодетелю». «Иудеи не хотяху творити добра в субботу, аз же нужд по вся дни являюся оного. Сего ради простираю к Тебе не руку изсохшую, но сердце, и вопиу: Всемогущий Боже! Тебе вся возможна, милостью Твою соделай мя цела!» «Силою Божественною воскресивый Лазаря, воскреси и мене истлевшего страстью и многолетно лежащего во гробе нераскаяния, да возстав по гласу Твоему, воспою спасаемый: Аллилуйя». «Святейшее Тело и Кровь Твою, данным в снедь и питье Твоим Апостолом в Сионской горнице, и аз многократно приемах и паки на грехи обращайся: тем, яко повинный Телу и Крови Господа, уже не мню себе помилована быти, обаче вопиу: Боже милостивый, спаси мя по милости Твоей!» «Слезы ми дажъ, Христе, якоже иногда Петру, Тебе отвергшемуся трижды, да паче мало что оплачу от безмерных беззаконий моих». «Иисусе, пострадавый на кресте во Иерусалиме, потом плотию уснувый, яко мертв, воскресый из гроба, яко Бог, и возшедый на небеса уготовати место любящими Тя, дажъ и мне окаянному терпеливо понести крест мой, умертви плотская моя похоти, воскреси мою душу, лежащую во гробе, нерадения и всели мя во обители Твоя». «Иисусе, ниспославый учеником Твоим, сидящим во Иерусалиме, Духа Святого от Отца, и обещавый быти с ними до скончания века: ниспосли Сего Духа Утешителя и Просветителя и в мрачную храмину души моей, и пребуди Сам неотлучно во вся дни и со мною грешным, да чистым сердцем и нескверными устами в бесконечные веки воспою Тебе песнь, трегубо песнословимую, и в горнем Иерусалиме».

Собираясь на днях оставить навеки Иерусалим, я хотел посетить еще некоторые священные его места, в которых по разным обстоятельствам не пришлось побывать доселе. Взяв в

сопутники одного прекрасного молодого человека из наших миссийских певчих, В-го, я отправился сначала на Сионскую гору, под которой не должно разуметь отдельной горы от местности Иерусалима: она подходит под один уровень поверхности земли, на которой расположен Св. град, и горой может быть названа только по отношении с окружающими ее равнинами с востока и юга.

На этой горе Давид покланялся Предвечному, воспевал Ему хвалы, умолял Его о милосердии, прославлял чудеса Его, предсказал Его страдание и смерть, на этой же горе покоится и сам до страшного суда. Здесь же богоухновенный царь Израильский написал те высокие песнопения, который известны у нас под именем псалмов, в которых весьма часто говорит он о любимом Сионе и которым каждодневно, при Богослужении, оглашают наши храмы. Прежде всего мы зашли в то здание, которое стоит на месте той горницы, в которой, по преданию, Спаситель установили Таинство Причащения, а в день Пятидесятницы Дух Святый сошел на Апостолов. Теперь на нем высится мечеть мусульманская, в которой нам показали храмину – точный будто бы снимок или модель с той священной горницы, какая здесь была во время Спасителя.

В Сионской горнице, после славного воскресения Своего, Иисус Христос явился несколько раз Своим ученикам, и посвятил их в высокий сан благовестников слова; в этой же храмине Апостолы держали первый собор; наконец, отсюда же Апостолы, повинуясь голосу Божественного своего Учителя, разошлись проповедовать Евангелие по всему миру и крестить все народы во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

В двухстах шагах отсюда видны развалины дома, в котором, по преданию, Богоматерь предала душу Свою в руце возлюбленного Своего Сына.

Невдалеке от сионской мечети стоит армянская патриаршая церковь в честь и память Апостола Иакова, первого епископа иерусалимского брата Божия, устроенная на том месте, где была та темница, в которой он усечен был мечом. Глава св. Апостола скрыта от глаз, и только обозначено на полу место ее возлежанья особенным стеклянным колпаком и множеством

висящих перед ним золотых неугасаемых лампад. Подобного храма по богатству и великолепию – нет в Иерусалиме. По преданию, он основан и устроен грузинскими православными царями, а почему владеют им армяне-григориане, мы не могли добиться. При храме находится огромный монастырь с замечательными постройками, в коих помещается более 600 парных странноприимных келий для богомольцев -соотечественников. Говорят, что этот монастырь занимает четырнадцатую часть Иерусалима.

Далее мы пришли к тому месту, где, по преданию, был дом первосвященника Каиафы; – на нем теперь стоит небольшая армянская церковь, в которой замечательны три небольших камня, вделанных в боковую правую сторону престола. Эти камни взяты были, как гласит местное предание, из жилища Пресвятой Девы Марии, после Ее успенья. Они принесены были будто бы Ей Архангелом Гавриилом: один взят с Синайской горы, другой – с Фаворской и третий – из реки Иордана. Возле сказанной церкви у алтарной стены старая и толстая виноградная лоза указывает место отречения Ап. Петра от своего Учителя и Господа. Затем мы зашли в близлежащий сирийский монастырь, где запрестольный образ Божьей Матери замечателен тем, что оный написан Св. Евангелистом Лукою. Этот монастырь стоит на месте той темницы, в которую заключен был Апостол Петр за проповедь о Христе, выведенный потом из нее чудесно Ангелом; церковь небольшая, но прекрасная.

Сион был прежде украшен великолепными царскими дворцами и другими изящными зданиями; теперь же половина его в развалинах, которые прикрывает индийская смоква и разная сорная трава, а часть его отведена под кладбище для христиан, к которому мы и направили свои стопы. Здесь мы застали арабских священников, отправлявших на могилах заупокойные литии, так как это был день п р о в о д. Они предложили к моим услугам священные принадлежности, и я сверх чаяния отслужить здесь панихиду по своим родным и всем погребенным на Сионе православным христианам, между могилами которых я заметил и могилу известного в России

митрополита Мелетия, покрытую мраморною доскою, с надписью. (Крестов мусульмане не позволяют христианами ставить на могилах).

Проходя мимо места плана или молитвы «сынов Израиля», мы слышали их литанию, совершаемую пред городскими стенами, в коих, по преданию, сохранились камни от времени построения В. Заветного Иерусалимского храма. По моей просьбе, случившийся здесь русский еврей передал мне на нашем языке то, что читалось в это время по-еврейски. Вот текст. Предстоятель говорил:

Ради чертогов, которые разрушены,
Ради храма, который разорен,
Ради стен, которые разбиты,
Ради величия нашего погибшего,
Ради великих мужей, павших здесь,
Ради драгоценных предметов наших, сожженных здесь,
Ради священников наших, согрешивших здесь,
Ради царей наших, пренебрегших это святилище...

Сидевший на корточках народ за каждой строкой причитал: «Мы сидим здесь и плачем».

Затем предстоятель, повысив голос, продолжал:

Молим Тя, умилосердись над Сионом, Народ. Собери чада Израиля.

Предстоятель. Поспеши, поспеши, Искупитель Сиона.

Народ. Скажи отрадное Иерусалиму, Предстоятель. Пусть слава и величие увенчают Сион.

Народ. О, будь милостив ко Иерусалиму.

Предстоятель. Пусть снова явится царство на Сионе.

Народ. Утеши плачущих об Иерусалиме.

Предстоятель. Пусть мир и счастье войдут на Сион.

Народ. И жезл Иессея зацветет на Сионе.

С Сиона чрез глубокий ров, называемый Геенною, мы перешли в село Скудельничье или, точнее, поле крови, купленное на те деньги, которые получил Иуда Искариотский за предание Иисуса Христа врагам Его и которые возвращены им обратно; в прежнее время здесь погребали всех усопших странников без различия веры и племени; тут рыли могилы

греки, арабы и русские для своих соотечественников, пришедших на поклонение Св. местам и на них скончавшихся; но теперь на этом селе не хоронят покойников по чрезвычайной дороживне мест под могилы. Здесь во время оно устроена была царицею Еленою церковь, но в настоящее время от нее остались едва заметные развалины, возле коих в скале высечена часовня, носящая название церкви Св. Онуфрия Великого, в коей едва заметны несколько полуистертых икон и в которой раз в году совершаются обедня греческим и армянским духовенством – в день памяти сказанного Святого. По всему склону скалы виднелись длинные подземные проходы или коридоры с рядом небольших комнат, отделенных арками, к стенам которых примыкали каменные ящики с грудами человеческих костей.

Там, где ров или долина Геенны соединяется с долиной Иосафатовой, нам указали на колодец Иоава, к которому мы и подошли. К колодцу этому иерусалимские мусульмане питают особое благоговение, так как он служит для них провозвестником будущего урожая или неурожая хлебов и вообще земных злаков. Пред неурожаем вода в нем совершенно высыхает, пред урожаем же он переполняется водой так, что она разливается по долине; когда это бывает, турки и арабы на радостях выходят из своих жилищ, расстилают по зелени ковры и начинают петь, пировать и веселиться. Вода в этом колодце приятна на вкус. Отсюда мы не утерпели, чтобы не зайти к купели Силоамской; – в струях ее я моментально погрузился три раза и, набрав во флакон воды для родины, тотчас вышел, чтобы не попасться в руки исламитов-фанатиков. Когда мы проходили далее и выше, нам указали на одно дерево, похожее на шелковичное, и сказали, что на нем распилен был пополам пророк Исаия Манассией. Кругом его наметана груда камней, под которыми будто бы покоится и прах пророка. С этого дерева, находящегося в большомуваженье и у последователей Магомета, многие поклонники скоблят пылинки коры, для исцеленья от зубной боли.

Проходя мимо памятника Авессалома и гробниц царя Иосафата и прор. Захарии, мы долго рассматривали их

наружность и входили внутрь последних, но ничего тут особого не приметили; видно только в загроможденное отверстие, что далее идут мрачные и обвалившаяся catacombs. Следуя далее, посетили Гефсиманский сад и здесь помолились на месте молитвенного подвига Искупителя, и зашли в погребальную пещеру Богоматери, чтобы облобызать кивот, в котором покоялось тело Матери жизни нашей и с ним (кивотом) проститься навеки. Возвратились домой – на постройки – в великой радости духовной.

Хотя я в первое мое путешествие в Палестину и посещал мечеть Омара, но мне хотелось еще побывать в ней, чтобы лучше рассмотреть и наружность, и внутренность ее. Когда я заявил об этом нашему консульству, то мне дали в проводники только одного каваса и толмача, тогда как в прошлый раз меня охраняла стража, со штыками, не менее 10 душ, что меня крайне удивило и вместе устрашило. Оказалось, что фанатизм мусульманский против гяуров русских теперь сильно поостыл, особенно со временем последней турецкой войны; я ходил везде, и ни малейшей неприязни к себе ни в ком, даже в муллах – не приметили: так время изменяет людей и нравы! Я сначала обошел всю площадь, на которой стоит мечеть Омара, называемая Эль-Сакра; площадь чрезвычайно ровна и устлана инде мраморными, а инде гранитными плитами; изобилье воды во всех ее цистернах, из коих некоторые сохранились от времен Соломона; посреди двора изящный фонтан, с бьющей высоко водой, проведенной из Вифлеема. Подножием мечети служит платформа из белого мрамора; самая мечеть имеет форму осьмиугольника и украшена прелестным куполом, на котором красуется золотой полумесяц; наружные стены ее выложены красивою кафелью и мрамором; карнизы и фронтоны испещрены арабесками и стихами из корана, которые написаны золотыми буквами; по сторонам мечети из колонн бьет несколько фонтанов; высокие кипарисы, небольшие рощи разных деревьев и привлекательная зелень кустарников и вьющегося вереска, листья которых скользят по стенам, возвышают красоту здания. Я хотел войти внутрь мечети в южные врата, но нас почему-то не пустили в них, а ввели

восточными, хотя первые стояли отворенными. Вступая в здание, я скинул только одни калоши, а у кого их не было, – те обувь: внутренность его, возобновленная после 1875 года, сделалась еще прелестнее, хотя тот же полумрак царит и теперь, стены обшиты саженными плитами такого дорогого узорчатого мрамора, какого я не видывал нигде; мозаика карнизов художественна; словом, здесь собран материал из самых лучших сокровищ земли, хотя все это лучшее, здесь находящееся, было прежде достоянием христианских церквей, обобранных турками и арабами. Священные для магометан предметы, хранящеся в этой мечети, как-то: огромный камень, называемый Божиим камнем, о котором магометане говорят, что с него пророк их вознесся на небо, подлинный коран, щит, весы Магомета (на которых, по верованию магометан, будут взвешиваться худые и добрые их дела) и седло его кобылицы, делают эту мечеть равною по достоинству и святости мечетям Мекки и Медины. Из всех этих предметов я видел только камень, обнесенный позолоченной решеткой, и круглый щит Магомета, с одной стороны каменный, а с другой стальной, довольно тяжелый. Около западных дверей мечети мне показывали плиту зеленого мрамора, вделанную в пол. На ней, как видно по яминам, было когда-то включено 18 серебряных гвоздей, но из них 15 поочередно исчезли в разное время, чем будто бы обозначается совершение некоторых великих событий в мусульманском мире; когда же исчезнут и остальные три – тогда, по верованию магометан, настанет конец мира. Против южных дверей стоит на высоком месте кафедра, с которой имам иногда читает молитвы и произносит проповеди чителям лжепророка; – она составляет лучшее из украшений этой мечети. Магометане верят, что нигде так скоро Бог не внемлет их молитвам, как в этом священном месте. Даже, говорят они, если бы и гяур пришел сюда помолиться, то аллах и его молитву услышал бы скорее здесь, чем в христианском храме; – что и теперь древние патриархи и пророки приходят сюда в сопровождении ангелов, для возношения своих молитв; что помянутый камень Омаровой мечети постоянно охраняют 70.000 добрых духов; что однажды греки похитили было из этой мечети

один из священных камней ее, но камень, презирая несчастных гяуров, чудесно опять возвратился на прежнее место. В каждую ночь под сводами этого зданья горит 180 лампад, в подражанье лампадам, горящим в нашем Святогробском храме.

К югу от Эль-Сакры находится мечеть Эль-Акса. Она стоит на месте бывшего здесь христианского храма Введения во храм Пресвятой Богородицы. – Зашел я и сюда. Мечеть эта далеко не так грандиозна, как первая, и много уступает ей во всех отношениях, зато гораздо обширнее; всю красоту ее составляет длинная в два ряда колоннада, поддерживающая своды ее от входа и до конца. Это зданье тоже возобновлено после 1875 года – и довольно изящно; жаль только, что знаменитые брусья на потолках из не гниющих соломоновских кедров, которые прежде видимы были в натуральном их виде, теперь порасписаны красками; прискорбно и то для благочестивых христиан, что два священных памятника – отпечатки на камнях двух стоп Богоматери и одной Иисуса Христа – находятся здесь же. Когда я проходил по-над сказанными мраморными колоннами, то заметил, что между двумя из них, отстоящими одна от другой не более, как на полторы четверти, внутренние бока их как бы вдавлены на полуторааршинной вышине от подножья. Мусульмане говорят, что кто пролезет сквозь узкий промежуток этих колонн, тот непременно будет в раю. И вот все ихние пилигримы, веря в это сказанье иерусалимских мулл, силятся во что бы то ни стало проскользнуть через него, отчего и образовались впадины в виде выемок в сказанных колоннах или, точнее, потерлись их крепкие бока. И нужно видеть (описать нельзя) ребяческую радость того исламита, который пройдет тесным путем – дутым залогом будущего фиктивного магометова рая. Отсюда повели меня в подвалы бывшего храма Соломонова. Здесь, насколько глаз мой мог видеть, между тысячами колонн тесанного гранитного камня, из коих многие держались до половины, другая развалились – везде валяются груды мусора от обвалов; впрочем, я мог пройти, хотя и с трудом, до 200 саж. Говорят, что во времена крестоносцев здесь помещалась вся их конница. В заключение, во дворе Омаровой мечети мы осмотрели балдахин или киоск,

устроенный Омаром же, для публичного суда над преступниками.

По выходе из двора сказанной мечети, я остановился в евангельской Овчей Купели. Размеры ее около ста пятидесяти шагов в длину и сорока – в ширину, а равно и бока ее, обложенные большими камнями и связанные железными скобами, остались в таком же виде, не стало только гранатных деревьев, диких тамаринов и индейских смокв, о которых упоминается в прежних описаниях Св. Земли. В настоящее время франки, силящиеся захватить в Палестине в свои руки все Св. места, более или менее исторически известные, будто бы успели приобрести в собственность и Овчую Купель с тем, чтобы над ней создать церковь, а возле нее пять притворов или отделений для больных, в подражание евангельским.

Не преминул я побывать и в латинской церкви, над домом Богоотца Иоакима и Анны, в одной из комнат которого родилась от них Преблагословенная в женах. В прежнее мое посещение эта церковь только устраивалась; теперь же она вполне окончена, высится над окружающими ее зданиями в дивной красе, и есть достойный памятник имени Той, рождество Которой радость возвести всей вселенной, даровав нам живот вечный. Стены комнат царственной четы прежде были в природной их наготе и простоте, так что от них можно было откалывать на память и частицы, а теперь выше роста человека они обложены плитами мрамора, что придало им много благообразия и отняло возможность исподволь святотатственно разрушать знаменательную древность. Порядок и чистота везде, и в церкви, и во дворе, образцовые.

Следуя далее, я посетил франкскую церковь «Бичевания Христа», и здесь с умилением прочитав кондак: «Боготочною Твою кровию весь облекся еси, одеяйся светом яко ризою: вем, воистину вем со Пророком, почто червлены ризы Твоя: аз Господи, аз грехами моими уязвих Тя; Тебе, убо, мене ради уязвленному, благодарственно зову: аллилуйя», приложился к священному месту пролития Божественной Крови Искупителя. Религиозные картины, развешанные здесь по стенам и изображающие разные виды бичевания Богочеловека,

необыкновенно художественны и производят подавляющее впечатление на душу.

Случайно познакомился я и с тем местом вблизи Святогробского храма Воскресения, которое в настоящее время приобретено в собственность русским правительством от турецкого, пространством около десятины. Как видно, здесь когда-то была громадная церковь о трех престолах, и, судя по основаниям, много других массивных зданий, от коих остались только кучи мусора, покрывшие поверхность земли аршин 15 в толщину. Это место – лакомый кусок, на который издавна особенно поглядывали австрийцы и в последнее время даже охраняли его, как нельзя более кстати, достался теперь в удел русским; в недалеком будущем он окажет великую услугу нашей Иерусалимской духовной миссии, на пользу Православия.

Проходя возле Святогробского храма, я заслышал в нем игру в бубны, сопели и другие мусикйские⁸¹ орудия: это паписты так праздновали здесь, – на месте обретения честного креста, свой праздник, обозначенный в наших святыцах так: Воспоминание на небеси явившегося знамения честного креста во граде Иерусалиме, от святого лобного места протяженного звездами даже до святой горы Елеонской. Помолившись у Гроба Господня и на Голгофе, я возвращался в келью с насыщенной душей и с сердцем, напитанным благоуханием святыни.

За несколько дней до выезда из Иерусалима я условился с помянутым выше молодым человеком В. ехать в Египет, оттуда на Синай, а на обратном пути – в Бар -Град и в Рим – и в течении их сделали все необходимое для такого трудного и дальнего вояжа: разменяли свои кредитки на французское золото, купили сосуды для воды и котелки для варева пищи в безводной и безлюдной Аравийской пустыне, запаслись войлоками, особыми шляпами и покрывалами от палящих тропических солнечных лучей и приговорили дилижанс на Яффу. Но человек предполагает, а Бог располагает! В назначенный день и час для выезда, за несколько минут пред оным, мы сели, чтобы подкрепиться на дорогу и затем сесть в колесницу и уехать, как в это время входит в наш номер с

озабоченным лицом о. арх. Антонин и докладывает, обращаясь ко мне, что хотя я и дал отпуск вашему компаньону, но должен теперь отнять его у вас для себя, как лучшего из миссийских певчих: так как сей час в консульстве получена телеграмма из Пирея, что в Иерусалим через две недели прибудут Великие Русские Князья, СЕРГИЙ И ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧИ И КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ . Это неожиданное известие, а через него и препятствие, как громом поразило меня... Я засился горючими... О. Антонин утешал меня... Это значит, говорил он, вы будете у нас еще в третей раз! Подумал я, подумал – и возверг свою печаль на Бога, в полном уповании, что все, что ни делается Им, делается к лучшему, и что ни от кого, как от Бога исправляются пути человеку, – и остался до следующего дня для отъезда на Афон.

В этот печальный и прощальный день со Святой Землей, Господь утешил меня тем, что я провел всю ночь в Святогорском храме и удостоился служить литургию на Гробе Господнем с одними русскими 6 священниками и о. архимандритом во главе, и на дорогу–оживотворить свою душу и тело принятием в них Бессмертного Источника жизни.

Путешествие мое по Палестине окончено. Но никогда мне не забыть тебя, золотом и пурпуром одетая, всеми цветами радуги разукрашенная и солнечным пламенем горящая и сияющая, лучезарная, дорогая Святая Земля⁸².

Закончу свои записки о Палестине тою прощальною речью, с которой я обратился к поклонникам, в день выезда из Святого града Иерусалима.

Други мои! Были счастливейшие и блаженнейшие минуты в нашей жизни вхождения нашего в Святую Землю, в сей Св. Град и храм сей, настало наконец время и нашего исхождения из них и из пределов палестинских. Было время знакомства, свидания, взаимного единения, приветствий, ликований духовных, совокупных молитв и хождений по Св. местам, – пришло, наконец, и время тяжелой разлуки друг с другом. День за днем, седмица за седмицей, и вот, как мимолетный приятный сон, протекли целые месяцы нашего вожделенного здесь пребывания. В последний раз мы молились с вами сегодня у

Живоносного Гроба, у которого я ощущал особую благодать и проникался необыкновенным священным восторгом, священнодействуя на нем неоднократно Литургию. В последний раз мы преклоняли колена на страшной Голгофе – этом всемирном жертвеннике, пред Голгофским Крестом – древом жизни нашей и спасения, под сенью которого нам было так отрадно, утешительно и успокоительно. Не услышать нам более на ней слезных воплей истинно верующей и кающейся души и ее трогательных молитвенных излияний перед Распятым, так глубоко потрясающих самое холодное сердце пришельца... В последний раз мы в сию ночь обходили все святыни, вмещающиеся под кровлей сего храма, и прикасались к ним своими устами. Не услаждаться уже более нам звуками голосов разных вероисповеданий и священными мелодиями музыкальных орудий, славословящих каждый по-своему Воскресшего, чудно сливающихся в один гармонический гул под сводами этого обширнейшего святилища, – гул, какого нигде более, ни в каком другом храме во всей вселенной не услышишь, – гул, потрясающий бренное тело до разделения мозгов и приводящий в священный трепет каждую грешную душу. Не обонять нам более благоухания, исходящего из Св. мест и фимиама, беспрестанно сгораемого в кадилах. Еще несколько минут ... и двери этого земного рая будут заключены для нас навсегда. О, други мои! если бы вы знали, какая грусть, какая печаль, какая туга гложут мою душу в сии минуты! Господи, дай нам слезы, да восплачемся и возрыдаем в последний раз! Быть может, эти слезы будут благодатные, и прольют хотя малую отраду в наши сердца, снедаемые сильною жалостью о разлуке с Твоим Живоносным Домом – распятия, смерти, погребения и воскресения Твоего!

Чем же заключим последние остающиеся минуты нашего зде пребывания? С умилением преклоним колена душ и сердец наших и помолимся Господу Искупителю, чтобы Он, всеблагий, неосужденно принял наш страннический подвиг, как умилостивительную жертву о наших грехах в Свой пренебесный жертвенник, и подал нам духовной силы, потребной, яже к животу и благочестию, для шествия в горний Иерусалим –

вечное царство. Помолимся, чтобы Он воззрел на нас оком милосердия, благословил наше исхождение отсюда отныне и до века и исправил путь наш на родину в мире и благополучии и во славу Его имени. Возблагодарим нашего Спасителя за прошлую и текущую нашу жизнь, время, средства, силы и охранительный Его промысл, давший нам возможность прийти поклониться и досыта упиться током благодати, обильно точащейся у сего живоприемного Источника. И благодарность эту выражаем не словами только, но и самым делом, – возлюбим Господа от всей души и от всего сердца. Любовь эту запечатлеем твердым обетом – жить от сего времени, исполняя усердно заповеди Его, по реченному Им: аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет. А святому храму сему, граду и всем святыням Палестины и ей самой скажем последнее: прости! Прости, небеси подобная Скиния Воскресения Господня – священная перспектива, божественные места, окропленные Пречистою Кровью Христа Спасителя, на которых ежедневно исходит фимиам от кадил священнослужащих и искреннее покаяние и усердная мольба сонма богомольцев! Мы вкусили от твоих благодатных даров и увидели, яко благ Господь. Ведай, что мы и вовек приметались бы у святынь твоих, но голос с родины, но дела служебные, но обязанности семейные – зовут восвояси, – знай, что наши очи и закроются с мыслью, мыслью сладкою о тебе. Прости, живоносный Гроб Христов! Тот дух веры, терпения, мужества и упованья на Возлежавшего в тебе и Воскресшего, который мы почерпали в денно-нощных молитвах вблизи тебя, то неземное, неизреченное утешение, которое мы находили в тысячекратном поклонении и лобызании тебя, да продлятся в нас до гробовой доски! И да соделает Почивший в тебе и Воскресший Жизнодавец и наш гроб источником сладостного о Господе упокоения и воскресения к радостной вечно-блаженной жизни! Прости, священная и приснопамятная Голгофа! Да будут наши стоны, наши вопли, плач, рыданье и слезы, пролитые на тебе на пользу нашей души и во омовение нашей душевной нечистоты. Всенощные акафистные гимны, воспетые многократно на твоем челе Распятому Господу, будут отзываться в нашем сердце до тех пор, пока оно не перестанет

биться для жизни. Прости, Гефсимания; прости, гора Елеон – любимицы Сына человеческого и Его Пречистой Матери! Как приятно, как уладительно было душе нашей в ваших св. убежищах, и освежительно для изнемогшей от зноя плоти нашей под тенью ваших вековых маслин: приемите ж от нас за это последний святой привет и поклонение до земли. Прости, скромный и ненаглядный Назарет – земной приют Св. Семейства! Святыня его да оградит нас в пути от всякого зла, и сохранит и наши семейства во здравии, благополучии и телесной и душевной чистоте! Прости, Фавор – гора тучная и усыренная, гора Божия, краса Галилеи! Преобразивыйся на тебе да обновит, да просветит нечистое и мрачное одеяние душ наших, воссияет нам свет Свой присносущный, спасет и помилует нас. Прости, дорогой, Иордан – Божия купель, приятилище чудес, святое место Богоявления! Твои быстро катящиеся струи, твои вечно зеленеющие прибрежья и радужные олеандровые берега всегда будут присущи нам, а твоя священная вода и камешки с благовением разнесутся по всем концам Божьего мира и будут хранимы, как зеница ока. Прости и ты, Мамврия, – дом друга Божия, роскошный сад Палестины! Веселися и красуйся! Тень твоего священного дерева, да уприючивает путников еще и еще, а хлеб и вино твоих нив и виноградников да не оскудевают дондеже скончаются времена! Прости, приветливый Вифлеем, вместивший Невместимого. Не взыщи с нас за скудные вещественные дары, принесенные нами твоему царственному Вождю, но зато мы даем обет восполнить их златом живой веры, ливаном усердной молитвы и смирною крепкой любви к Богу-Спасителю. Прости, Св. град Иерусалим! Да будет мир в стенах твоих, благоденствие в чертогах твоих, да благоденствуют и любящие тебя! И да постыдятся и смятутся все ненавидящие тебя! Ради Дома Господа Бога нашего желаем тебе блага. Простите, все грады и веси палестинские, горы и холмы, поля и источники, где только ступала наша грешная нога! Да будет над вами мир и благословение Божие! Простите и вы, единоземцы, пришедшие сюда славить Господа с востока, запада, севера и юга России. Простите, сомолитвенники наши, братья-славяне: болгары,

сербы, черногорцы, молдаване, и вы, единоверные греки! Простите и вы, бывшие дорогие сопутники мои по морям и по Святой Земле! Да услышит вас Господь в день печали и защитит вас в годину напастей имя Бога Иаковля! Да пошлет Он помошь от сего всемирного Святилища и от чудного Сиона, да подкрепит вас и в пути, и дома! С миром изыдем, о имени Господнем!

Примечания

¹ - Пятницу 13 июня я пробыл в Харькове. (Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, примечания автора).

² - Благодаря заботливости Православного Палестинского Общества плата на пароходах для богомольцев за места теперь уменьшена почти на половину в оба конца.

³ - Константинополь (прим. редактора)

⁴ - Так как у мусульман пятница есть то же, что у нас воскресный день, то мои товарищи, которым доложено было, что султан будет иметь выход в придворную мечеть для совершения намаза, тотчас и отправились к дворцу лицезреть его. Но не тут-то было! Их силою заставили удалиться с замечанием, что они не достойны взирать на повелителя правоверных падишаха – «избранника Господня, тень самого Бога».

⁵ - Т.е. багажа.

⁶ - В 1866 году устроено здесь шоссе, но это шоссе идет почти ломаною линию и за все время ни разу не починялось.

⁷ - Полицейский или жандарм в Турции (прим. ред.)

⁸ - Многие не могут составить определенного понятия о том, что нужно разуметь под словом ложе. Норов говорит, что тела усопших по обычаю иудейскому полагались в вертеп на высеченном в стене ложе; но мы скажем яснее: на возвышении, похожем на нашу лежанку или прилавок; только оно не всегда высекалось или углублялось внутрь стены в виде ниши, а чаще выделялось вперед от пещерных стенок, как наши лежанки от печки. Таков наружный вид и Христова ложа. Что под плитой, которой оно одето, мы не видели, но можно предположить, что природное ложе Искупителя может иметь и другую форму, форму гробов Иосифа и Никодима, которые мы долго рассматривали неподалеку отсюда; именно: высекалась, как видно, сначала пещера, ровнялся пол; а там, где предполагались места для покойников, оставлялись

возвышенности среди вертепа, как и здесь; в них делались углубления так, как в наших корытах, настолько, чтобы тело человека могло вместиться в них в уровень с краями или даже ниже оных; – что по всей вероятности делалось для того, чтобы кости одного мертвца не смешивались с другими, а потом, может статься, эти корытообразные ложа накрывались сверху плитами, если устье пещеры не было заграждено особым камнем, отваливать и приваливать который не у всякого доставало сил.

⁹ - О. Дюков в своем описании на стр. 119-й говорит, что там, где теперь придел поругания, воины возлагали венец на главу Спасителя: это не верно. Из Евангельской истории видно, что он возложен еще во дворе Пилата, а дом Пилата не около Голгофы, а довольно далеко отсюда.

¹⁰ - Замечательно, что на мусульманском иерусалимском кладбище нет никаких деревьев, составляющих обязательную принадлежность; только к северу, в начале крепостной стены, виднеется дерево, похожее на нашу осину, на котором турки вешают провинившихся; – что по всей вероятности и послужило для многих поводом к сказаниям, которые и мы здесь же слышали, – будто на этом дереве повесился Иуда предатель.

¹¹ - С.-Петербургского мастера Леонтьева, за который он удостоен на выставке серебряной медали.

¹² - хмельной напиток.

¹³ - В Палестине яблока и вишни составляют большую редкость, и в продаже я их вовсе не видал.

¹⁴ - Это не самые те ясли, в которых возлежал безлетный Младенец, – они взяты и перенесены в Рим, – а только место, где они были; – оно одето мрамором и имеет вид небольшой лежанки.

¹⁵ - Считаем не лишним заметить, что на Гробе Господнем, на Голгофе и в вертепе Рождества Христова, в какой бы день или праздник ни совершилась литургия, читается на ней не дневное или праздничное Евангелие, а применительно случившемуся на сих местах событию, так напр. в

Вифлеемском вертепе всегда читается Евангелие о рождении Спасителя, на Голгофе о распятии и т. д.

¹⁶ - При гробе Господнем русский язык порядочно понимает и читает только один старец-архиерей и молодой иеродиакон, другие, две-три души, знают только несколько русских слов; остальные – ни аза. В Вифлееме понимающий русский язык из греков один только иеромонах; в обители же св. Саввы, в крестном монастыре и св. Иоанна Предтечи и в греческом Иерусалимском подворье – ни одного. А потому богомольцы русские, как овцы не слышащие знакомого им голоса или языка, лишь только узнают, что служит где-либо русский священник из паломников, все туда сбегаются; и нужно видеть, какова их радость бывает при этом. Это ли говорит о преобладании русского элемента между греками? Даже и в греческой семинарии, где, кажется, и нужно бы учить питомцев русскому языку, в видах и материальных и религиозных, и то об нем и помину нет; тогда как на французском диалекте многие из них щеголяют. Семинарист грек, ехавший с нами от Иерусалима до Смирны, и говоривший отлично на французском языке, сам чистосердечно сознался, что им противен русский язык.

¹⁷ - Монахов в обители Саввы всего около 50 человек – греки и арабы.

¹⁸ - По преданию, на том месте, где стоял столп, на вершине которого подвизался св. Симеон Столпник.

¹⁹ - О. Аркадий родом грек, один из числа греческих волонтеров, сражавшихся в рядах русской армии против ненавистных угнетателей своих – мусульман в прошлую крымскую войну, преусердный, предобреийший и маститый старец, свободно говорящий на турецком, арабском и русском языках. Он-то посвятил останки своей жизни на разработку свящ. горы, устроства в ней церкви, братских келий и приюта, для приходящих, чего до сих пор никем не было предпринимаемо. Самый восход на гору был почти недоступен, по причине скользких и обрывистых стен скалы; но о. Аркадий, где только ни достанет рубль, покупает на него порох и взрывает непроходимые места; и теперь уже сделан им удобный ход на

гору и расчищены площадки для устройства церкви и монастыря.

²⁰ - Раньше, не доходя до этого места, в стенах ограды, отделяющей греческое кладбище, нам указывали: несколько камней, не связанных известью и намеченных крестами, оставшихся и сохранившихся, будто бы от стен Сионской горницы. Греческое духовенство в день Сошествия Св. Духа приходит сюда для совершения вечерни и чтения коленопреклонных молитв, так как в комнате, которая находится на том месте, где была Евангельская Сионская горница, мусульмане не позволяют совершать никакого Богослужения. Что же касается до замечания о. Дюкова, который, на основании этого, предполагает на этом месте и первую Сионскую священную горницу, то оно довольно шатко. Грекам от души желалось бы в день Св. Духа совершать богослужение на самом месте Его сошествия на Апостолов, но фанатичные мусульмане, как я заметил выше, ни за что не позволяют, вот греки, пользуясь тем, что их Сионское кладбище прилегает к сказанному священному месту, п тем, что им позволено иметь вокруг него, хотя временную, кое-как сложенную ограду, вставили в нее и заветные камни. Но мне возразят: не лучше ли эти камни взять в какую-либо Иерусалимскую греческую церковь, в ней хранить их и, в великий день Пятидесятницы, читать пред ними коленопреклонные вечерние молитвы? Так, – но, ведь, все же это не на священном и дорогом сердцу Сионе, где самым делом происходило воспоминаемое.

²¹ - У Дамасских ворот виднелся открытый подземный ход под Иерусалимом. Сюда и нам предлагали пройти в Гефсиманскую пещеру. Но я отказался, так как недавно был случай, что партия богомольцев, отправившись подземным ходом, едва не умерла насильственной смертью. Это случилось так: партия богомольцев, человек более двадцати, с проводником, зажегши свечи, пошла по темному и длинному подземному пути, те вдруг в одном месте, при повороте, от сквозного ветра все свечи потухли; спичек на этот раз ни у кого

не оказалось, и богомольцы в страхе и страшном отчаянии бродили там около суток.

²² - На каждой ступеньке ее свободно может стоять человек двадцать в ряд.

²³ - От русских «построек» до Гефсимании, тем пустырем, которым я шел, будет около 3-х верст.

²⁴ - Специалист по альфрейной живописи, т.е. росписи водными красками по сырой штукатурке (прим. ред.)

²⁵ - Норов в своем описании св. земли на стр. 126, считает эти подземелья принадлежащими временам Соломона. Мы, говорит он, еще можем судить об огромности храма Соломонова по тем мощным сводам, которые нам сохранили недра земные, после стольких опустошений. Самые эти своды могут еще, по особенности своего построения, быть названы цельным зданием.

²⁶ - Мне не приходилось читать сказания других паломников об этом. А потому я не могу сказать, насколько заслуживает вероятия сказанное. Подлинное ли это жилище свв. Богоотец, или же только место, на котором оно стояло, а имеющиеся здесь комнаты -подражание прежде бывшим. Только простота их, безыскусственность и самое иссечение в природном камне несомненно говорят об их древности, а то, что они нимало не тронуты католиками при ломке и расчистке стен прежнего древнего храма, говорит об их важности.

²⁷ - При патриархии проживают все палестинские архиереи, на иждивении патриархии, и держат, по очереди, свои седмицы, совершая литургии по средам, пятницам и воскресным дням, – то на гробе Господнем, то на Голгофе, то в Воскресенском храме. Доходы за разрешительные обедни, панихиды и пр. требы отдают в кассу патриархии, а из нее получают деньгами на гребешки, носовые платки и пр. только по 15 р. сер. в год, как передавал нам один иеродиакон.

²⁸ - Французские червонцы, при взятии пароходных билетов в Яффе, сданы по 5 р., турецкая лира по 5 р. 71 к., русское золото по 5 р. 15 к.

²⁹ - Акридное дерево (плодами которого будто бы питался Иоанн Предтеча), здесь встречается часто; на нем плоды похожи на наши сладкие рожки; я несколько их сорвал для памяти над пещерою его. Другие утверждают, что это – евангельский дикий мед, а акридами называют плоды терновника, о которых я раньше говорил; наши же историки утверждают, что акриды есть особый род саранчи, и под диким медом разумеют сахарный тростник, которого теперь здесь нигде не увидишь. Местные жители считают за акриды ягоды терновника, похожие на наши рябиновые или гледовые, которые и в Палестине везде называются акридами, а рожки сладкие, о которых я сейчас сказал, за пищу св. Иоанна или дикий мед.

³⁰ - Южика (устар.) – родственница (прим. ред.)

³¹ - Некоторые из братии приглашали меня остаться у них на полгода с тем, чтобы я научил их русскому языку, а они, взамен, обещали меня за это время усовершенствовать в греческом.

³² - Как я и раньше о том говорил.

³³ - Ныне живущему на покое.

³⁴ - Все рубрики обозначены именами только тех городов, в которых я высаживался на берег и лично имел в них пребывание.

³⁵ - Плинфа – тонкий обожженный кирпич, применявшийся в строительстве в Древнем Риме, Византии и Древней Руси. (прим. ред)

³⁶ - К этому источнику, истекающему из длинной пещеры, спускаются по шести ступеням; площадка перед ним выложена мрамором. У самого начала источника сделано отверстие в полу храма, в величину обыкновенной тарелки, обложенное серебром, с серебряной же крышкой и с рельефным изображением на ней Благовещения; над этим отверстием устроен открытый со всех сторон мраморный престол, на котором и совершается богослужение, а под престолом теплится множество лампад. Иконостаса и алтаря нет. После обедни, по раздаянии антидора и при молебствиях, открывается крышка у источника и из него серебряным ведром, опускаемым

на серебряной цепи, черпают воду для питья и кропения, от которой по вере подаются и исцеления. Поклонники кроме того набирают ее и в свои жестянки и бережливо разносят по домам – восвояси для всякого случая.

37 - Все речи, сказанные мною во Св. Земле, отпечатаны отдельною книгою.

38 - У меня и до сих пор блюдется этот назаретский крестовый букетик, состоящий из полыни, певга и цветков апельсинных и лимонных. Замечательно, что полынь есть редкий и дорогой злак в Палестине и ценится чуть не на вес золота. Галилеяне усердно просили меня прислать им из Руси семян этого дива.

39 - Латины-францискане так восхваляют свой храм: «Как спокойно, уединенно молиться в сем святилище! Не возмущает тут дисгармоническое пение схизматиков. Здесь не слышен звук оружия, как в вертепе Вифлеемском, здесь только мир, благовение и святая радость, как и приличествует такому месту».

40 - Латины или западники называют всегда православных, из ненависти к ним – схизматиками, т. е. раскольниками, а греки – обыкновенно величают их латинами, но при религиозных столкновениях – католиками, что по переводу с греческого означает – прочь, волки.

41 - Развалины или остатки от стен этой школы, вышиной до двух аршин от уровня земной поверхности, сохранились доселе в первобытной их прочности и чистоте отделки. Материал их виден, так как он не заштукатурен, и состоит из больших резанных плит гранита, что дает возможность заключать, что и все здание помянутой исторической Синагоги было сооружено из такого же материала.

42 - Я сказал будто бы потому, что относительно места претворения Спасителем воды в вино путешественниками в своих заметках говорится различно. Так, напр., один французский турист сороковых годов нынешнего столетия, описывая Кану Галилейскую, между прочим замечает: дом счастливой брачной четы, в котором Спаситель чудесно

претворил воду в вино, Св. Елена обратила в прекрасную церковь, которая и теперь еще цела; из нее турки сделали себе мечеть. Церковь эта довольно велика и состоит из залы, длиною около сорока, шириной в двадцать футов. Средина свода лежит на столбах, которые делят ее на две части; на верху стояли глиняные сосуды, и там совершено чудо. На паперти видны еще фигуры маленьких урн, в которых была вода, превращенная в вино. Этих урн три; они высечены рельефно, форма их походит на наши цветочные вазы, только вместо круглой выпуклости она у них четырехугольная. Другой путешественник пишет: дом, на месте которого еще во времена оны устроена была церковь, пришел потом в совершенный упадок, но с прошлого года находится в руках папистов, и уже на этом месте стоит их церковь. Как примирить эти противоречия? Кто жил на Востоке или и так хорошо знаком с ним, несколько раз путешествуя по нему, тот вероятно усмотрел, что где сталкиваются и чисто духовные, и церковно-материальные интересы корпораций разных исповеданий, питающих всегда взаимную затаенную ненависть и действующих во вред другому, там не обходится без фальши не только в вероисповедных видах, но и прямокорыстных, спекулятивных. Так, мусульмане, зная, каким местам и предметам христиане воздают честование, дорожат ими, и за доступ к ним платят деньги, вымышленно приурочивают их к своим мечетям, выдают обыкновенные вещи, часто ими самими устроенные, за священные для христиан. Таким образом исламистские муллы могли во время оно ввести в обман и легковерного французского путешественника, показывая ему в своей мечети и место, где было сотворено чудо, и сосуды, очевидно, поддельные, чтобы взять и приличный бакшиш за осмотр их, и чтобы славилась и самая мечеть их. Латины же из неприязни к схизматикам, (православным, и для привлечения богомольцев) тоже часто сочиняют целые легенды о своих храмах и святынях, а о принадлежащем православным делают едкие отзывы, относятся с презрением, или же вовсе умалчивают. Что касается до меня, то я склонен думать, что то место, на котором стоит арабская церковь, и есть подлинное место, на котором

стоял дом брака. Иначе бы наш опытный путеводитель назаретский не преминул напомнить нам или даже пригласить нас посетить мечеть или католич. церковь, в которых есть своего рода святыня для всех христиан.

43 - Об этом учении считаем не лишним привести здесь отзыв одного ученого. Как изящна, как свежа эта простая речь Спасителя сравнительнос другими учениями, которые когда-либо доходили до слуха народа! В ней нет ничего научного, ничего искусственного, нет торжественных воззваний; нет заботливой выработки, нет исторических приемов, нет школьной мудрости. Прямой, как стрела, этот язык проникает в глубины души и духа, чтобы там начертать свои правила. Все коротко, ясно, точно, полно святости, полно обыкновенных обыденных образов. Там указаны события и предметы, с которыми сроднились жители Галилеи. В нем говорится о зелени полей, о вешних цветах, о распускающихся весною деревьях, о светлом или пасмурном небе, о восходе и закате солнца, о ветре и дожде, о ночи и буре, о пасмурной погоде и ведре, об источниках и реках, о меди и соли, о добром семени и плевелах, о разодранной одежде и разорванных мехах с вином, о яйцах и змеях, о жемчужинах и монетах, о сетях и рыбе. В речах Иисуса постоянно встречаются вино и пшеница, ячмень и масло, управители и садовники, работники и хозяева, цари и пастухи, путешественники и отцы семейств, придворные в роскошных одеждах и невесты в подвенечных платьях. Он знал всю жизнь и глядел на нее столько же милостивым, насколько и царственным оком. Он радовался народною радостью, не меньше, как печаловал об их заботах.

44 - По случаю наплыва сюда богомольцев – талмудистов этот дворец теперь расширяется пристройками по бокам, и надстройками двух этажей сверху, чтобы приходящие для молитвы могли здесь же в номерах и помещаться в квартире. Здание выйдет громадное, прекрасное и роскошное, так как на сооружение его собирались пожертвования в разных концах мира с сынов Израиля.

45 - Один здешний еврей говорил нам, что Тивериада для них священна еще и потому, что здесь погребены, как

выразился он, мощи Святого Иуды Искариота, которого мы считаем великим угодником Божиим, так как он выдал нам на смерть того Богохульника, Который называл Себя Сыном Божиим, Мессиею, и Которого без его пособия мы при всех стараниях никак не могли схватить и уничтожить.

⁴⁶ - Английский каноник Тристрам в своей книге между прочим замечает, что в Генисаретском озере водится до 37-ми видов рыбы, из коих по меньшей мере 16-ть свойственны только ему и Иордану.

⁴⁷ - Паллиум – элемент литургического облачения папы римского и митрополитов латинского обряда католической церкви. Представляет собой узкую ленту из белой овечьей шерсти с вышитыми шестью чёрными, красными или фиолетовыми крестами (прим. ред.)

⁴⁸ - Предположение, что эта гора был Фавор, утвердилось в Христианской Церкви вековыми преданиями. Три церкви и монастырь, воздвигнутые там в конце шестого века, удостоверяют непоколебимое принятие этого верования. Но многие думают, что Фавор не был местом великого Преображения. Вершина этой горы с незапамятных времен была укрепленным и обитаемым местом (Иис. Нав. 19:12. Судей 4:6). Меньше, чем через тридцать после этого события лет, на Фаворе Иосиф Флавий возобновил существовавшую уже там крепость Ифавурион. Не в это место Иисус мог взять трех апостолов, «косою их одних». Скорее, говорят другие, местом Преображения была гора Ермон, покрытая снегом. Ермон означает «гора» (как названо место происшествия у св. евангелиста Луки), а событие предоставило эпитет «святая» только ей одной, присвоенный во всем Новом Завете (2Петр. 1:18). Ее покрытые росою, прохладные исповеди от дыхания сугробов вершины луговины могли предоставить то высокое уединение, которого желал Иисус, как душевного успокоения, пред наступающей сильной борьбою: здесь мог Он найти место, где бы преклонить колена со Своими учениками, погрузясь в молчаливую молитву. Не будем вдаваться в критический разбор, чье мнение вероятнее. Скажем только на основании виденного, что Фавор и теперь по своей солидности, удобству

для уединения, красотам природы и обилию тенистых мест, покрытых лесом, может служить лучшим местом в Галилее для подвигов молитвы и отдыха, и для таинственных видений, – а Ермон с Фавором могут равняться только по высоте, но первый лишен всех благодетельных даров природы, присущих первому.

49 - Кстати, этот случай, дает нам повод сделать заметку о мулах и ослах, этих подъяремных животных Св. Земли, для урока будущим поклонникам ее. Эти туземные возницы здесь никем и ничем другим не могут быть заменены, – и в трудных горных спусках по каменистым глыбам, и при переходах через опасные стремнины, ущелья и уступы, вполне можно положиться на них: на их природную смывшенность и искусную тактику, выработанную постоянной практикой. Нужно только на этот раз предоставить им полную свободу в маневрировании: не понуждать, не сдерживать, не дергать, и они благополучно пронесут вас по самым стропотным и острым путям. Интересно видеть, как они, кротки, умудряются на данном пространстве выбирать тропы для более удобного прохода и безопасного спуска в подозрительных и опасных местах: то обнюхивают их, то испытывают ногами прочность почвы под ними, на уступах бережно пробуют спускать то одну, то другую передние ноги, и если в одном месте не найдут удобства для прохода или спуска, то непременно переберут их несколько, а всегда из множества – выберут лучший и более безопасный. Но насколько они сметливы, настолько и упрямые и самолюбивы, и потому вполне приложима к ним поговорка: упрям (но не глуп, как иные говорят), как осел, и нелишне было бы еще прибавить: и себялюбив. Если осел, а также и мул не захотят куда идти, или далее вас на себе везти, то чрезвычайно трудно бывает сладить с ними. И горе вам, если вы будете так нетерпеливы и неделикатны и прибегнете в этом случае к грубым мерам посредством известного прибора! Они сумеют в свою очередь, взаимно, нанести и вам оскорблении, наказать вас по-своему, и всегда найдут для этого удобный момент, когда вы сидите на них рассеянно, как говорится, спустя рукава. Мне, да и многим моим сопутникам, не раз приходилось с горечью переносить ихние дерзкие, нахальные выходки. Из многих случаев, для

наглядности, приведу два. Раз, задавшись мыслию и желанием непременно доехать до заката солнечного в предположенное место для ночлега, я то и дело, что понукивал своего подъяремника, а по временам и постукивал по ребрам его – и он за это разновременно, неоднократно сбрасывал меня с себя, моментально пав для этого на колени. Мало этого: наказав падением, он не удовлетворился этим, а еще заставил меня, утомленного ездой, по жаре и каменистым глыбам пройти не одну версту, пока не поймали его, так что после, при всей необходимости обойтись с ним сурово, я был поневоле сдержан. А один из выочных ослов поступил с своим седоком еще жесточе: несколько раз этот себялюбивый упрямец порывался сбросить свою ношу в отмщение за десятидневные личные оскорблении и палочные выговоры, но никак не мог достигнуть своей злобной цели и, уже на 12-й день, когда седок, разбитый ездой, встал, чтобы пройтись и поразмять члены, осел неожиданно, вмиг, выдернул повод из рук своего обидчика и вместо того, чтобы бежать гладкой и удобной тропинкой, он забрался умышленно между тесины нескольких рядов громадных, высунувшихся из почвы, камней и до техпор лазил по-между ними, пока обратил в ничто весь навьюченный багаж: самовары, стаканы, тарелки, кружки и всю дорожную провизию, и затем до самого Иерусалима, около 10 вер., не позволил никому сесть на себя. Какие ж средства, спросят меня читатели, нужно употреблять для предупреждения подобных выходок со стороны этих неуклюжих пегасов и для смягчения и унятия их несносного норова? Лучшее средство, как показал опыт, это ласка, деликатное, добродушное обращение с ними. Одна богомолка-дама, поменяввшись со мной на мула, сделала из моего осла самое послушное животное, совершенно неузнаваемое, – тем, что частенько гладила его по шее, трепала нежно по щекам и во время вояжа рвала цветы, траву и пр. и собственноручно кормила его.

50 - Тектон – плотник (устар. – прим.ред.)

51 - Архитектон – архитектор (устар. – прим. ред.)

52 - Я назвал источник чудным по виду своему: представьте себе природную высокую, саж. до 40 вышины, вертикальную,

гранитную стену, в которой незримой таинственной рукою в разных направлениях просверлены десятки дыр, величиною в пятак, и из них, как бы из искусственных водопроводных кранов, с высоты вниз бьют фонтаном струи холодной воды: зрелище, никогда невиданное мною и достойное удивления каждого!

53 - Караван-сарай – это постоянные дворы на Востоке, и представляют собою по большей части ряд небольших, невысоких, и не сообщающихся между собою комнат, без передней стены, так что путники беспрепятственно могут видеть друг друга. Мебели нет, путник, желающей удобства, должен запастись своим ковром, на котором может располагаться по своему усмотрению, т. е. сидеть, поджавши ноги во время еды, или лечь, если хочет спать. В караванах принято за правило, что всякий заботится сам о себе; сам запасается пищей, сам хлопочет о своем скоте, сам приносит воду из соседнего источника. Никто не ожидай и не ищи постороннего внимания и предупредительности. Тоже самое испытали и мы. Зато и оплачивается это убежище, его безопасность и та часть пола, на которой кто лежал, самою ничтожною суммою – паричкой (1 к.).

54 - По местному преданию, после Вознесения Господня, во время разрушения Иерусалима, когда огонь охватил Святая Святых, из клубов пламени, раздуваемых и разносимых ветром, слышен был голос Св. Ап. Иакова, брата Господня, который повелевал, чтобы с этих пор разрешительные литургии по усопшим на гробе Господнем совершаемы были непременно под предстоянием архиерея и в течении всего года, с чтением во время перенесения Св. Даров на великому входе ниже приводимой молитвы, а в Гефсимании и Вифлееме только однажды в год, в день храмовых праздников. Молитву эту мы с великим трудом могли добить, и считаем нравственным долгом привести ее буквально, как она записана в Греческом служебнике, ибо таковой в наших церковных книгах не обретается.
**МОЛИТВА РАЗРЕШИТЕЛЬНАЯ ОБ УСОПШИХ,
ЧТОМАЯ АРХИЕРЕЕМ НА ЛИТУРГИИ ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОГО
ВХОДА С СВ. ДАРАМИ.** Господи Боже наш, Иже неизреченою Твою мудростью создавый человека и от персти его возобразивый в вид и доброту, украсивый яко честное и

небесное стяжение в славословие и благолепие Твоего славы и царства, за еже по образу и по подобию его привести; но понеже заповедь преступи Твоего повеления, прием образ и не сохранив, и сего ради да не зло будет бессмертное, человеколюбно повелевый разрешению сему и нерушимой сей юзе, яко Бог Отцев, Твоим Божественным хотением отсещися и разытися, души же там переселитися, идеже и еже быти прияла есть даже до общего воекресения: сего ради молимся Тебе безначальному Отцу и единородному Твоему Сыну и Пресвятому Духу, да не презиши создания Твоего: да не будет пожерто погибелью, но тело да рассыплется в землю, от которых и сочинено есть, душа же да причтется лицу избранных. Ей, Господи, Боже наш, да победит милость Твоя безмерная и человеколюбие неисследованное: и аще падоша рабы Твоя сии под клятву отца своего или матери своея или под клятву свою, или единственного от священник преогорчили и от него прияли клятву неразрешительну или в тяжкое проклятие или отлучение архиерейское падоша, или за небрежение и леность не сподобишаясь прощения, прости им многогрешным и недостойным рабом Твоим и телеса их разреши в землю, от нея же и взяты быша, души же их вчини в селениях Святых. Ей, Господи, Боже наш, Иже давый власть свою Учителем и Апостолом Твоим решити согрешения и рек еси: елика аще разрешите на земли, будут разрешена и на небеси, и елика аще связете на земли, будут связана и на небеси, имиже и нам грешным даровал сию власть, разреши усопшия рабы сия (имя рек) от грехов их душевых и телесных, и да будут прощены в нынешний и будущий век молитвами Пречистой Приснодевы Марии, Матере Твоей, и всех Святых Твоих. Аминь.

⁵⁵ - До крайней степени (Лат. – прим. ред.)

⁵⁶ - На ту сторону (церковн. – прим. ред.)

⁵⁷ - Я собрал несколько косточек из ягод этого дерева и посадил их дома в цветочных вазах: они дали прекрасные побеги, вышиной более аршина, совершенно сходные по наружности с иерихонскими, – и я теперь ежесно любуюсь ими.

⁵⁸ - Пред выездом из Иерусалима на Афон, нам посчастливилось получить иерихонскую розу от одного арабенка, как презент за ласки. По наружному виду она походит на крымский репейник или по-малороссийски – будяк. На верху главного его ствола посажены крестообразно четыре стебля, по бокам которых идут еще десятки меньших стеблей, а на них красуются целые сотни крошечных изящных бутонов. Каждый отдельный стебелек со своими побегами образует вид кисти руки, сложенной щепотью, – почему иерихонская роза носит еще и другое название – ручка Божьей Матери. Эта роза-ручка пользуется большим авторитетом в кругу женщин. Когда родильница страдает трудными родами, нужно опустить сказанную розу в чашку с водой, и она в несколько минут оживает, развертывая свои сухие дотоле лепестки. Воды из-под розы дают пить страждущей, – и, о дивное дело! Как она облегчает и даже вовсе унимает болезненные родильные спазмы! Факты – на моих глазах.

⁵⁹ - И действительно, как я после узнал, эти развалины, носящие на себе характер сарацинской архитектуры XII столетия, жителями Риххи считаются и называются домом Закхея. Здесь же рассказывается легенда, будто впоследствии Закхей был епископом Кесарии, но она не имеет под собой твердой почвы.

⁶⁰ - Один из палестинских архиереев в дружеской беседе со мной, между прочим, спросил меня, где я на днях бывал в Святой Земле, и когда я сказал, что был на Иордане, купался в Мертвом море, то он, всплеснув руками, проговорил: «Ну, батко, жаль тебе: на што ты так поделав; от, и я тамо купався и таких болячек (чириев) набравса, що и за четыре месаца их поганых не обобравса, а у одного хамандра (архимандрита) язвины потворылись, як у прокажаныка; булы и такы, що все тело довго пухло, то тута, то тамо, коготки (ногти] посбегалы з рук, з ног. Очи гноем взалыса и беда, беда... не добре то море, и ты чого в не забравса?» Действительно, если кто выкупается в этом море, и потом спустя немного, не омоется в пресных водах Иордана, то дорого поплатится за асфальтовую ванну; часто и медицина становится в тупик пред последствиями оной. И я

только потому избежал вредного действия оной, что чрез час и около часу времени купался в священной реке.

61 - И теперь еще, почти в целости, хранится у меня вода Мертвого моря; я опускал в нее маленьких рыб, и они моментально умирали. Хотел было в какой-нибудь лаборатории сделать анализ их, но не удалось; предлагал знакомым взять хоть каплю на язык, чтобы опробовать ее вкус, но все откращиваются от нее, как от дьявольщины.

62 - Греки пьют иорданской воды, сколько может вместить их желудок. Омыв тело, думают, что омыли и душу; по их мнению, река уносит с собою все нечистоты, – и для каждого пилигрима, когда он выходит из Иордана, отворены уже небесные врата.

63 - Русские старожилы иерусалимские передавали нам, что устройство этой церкви и всех помещений при ней есть спекуляция одного богатого греческого архимандрита. Он купил это место только потому, что оно близ дорог, удобно для построек, плодородно и соответствует его материальным расчетам во всех отношениях, занимая площадь до 3 десятин. Но место или камень, на котором сидел Спаситель и где встретили Его Марфа и Мария, показывалось не здесь, а в полверсте отсюда; но там почва каменистая, неровная и неудобная для оседлости. В названную церковь богомольцев заманивают разными средствами: то угощениями, то сладкими словесами, то чуть не силою, и тут вымозоливают подаяния. Рассказывали, что одну неподатливую партию поклонников заперли в церкви и выпускали по одному человеку и не иначе, как по уплате бакшиша, т. е. по 20 коп. с души. Заметку эту нарочито делаем, в предостережение будущих поклонников Палестины.

64 - Эта колонна хранится в латинском алтаре, и в течении всего года закрыта от взора любопытных, и только один раз, в страстную латинскую среду, открывается для лобызания всем без исключения богомольцам. В прочее же время к колонне прикладываются через небольшое отверстие, касаясь ее концом лежащей тут трости, а потом целуя последнюю.

65 - Урок от мусульман далеко не лишний и для нас, христиан. Как часто у нас вблизи самых храмов творятся бесчиния во время мирских сходок или базарных и ярмарочных дней! Для одних – нипочем: покурить в церковной ограде и даже в притворе храма; для других безразлично, где они горланят уличные безобразные песни, на пустыре ли или поравнявшись с домом Божиим; для третьих – играть на музыкальных инструментах возле храма и в то время, когда в нем совершается Богослужение. Уже нечего и говорить о том, что, проходя мимо дверей священного здания, редкий христианин, в особенности горожанин, снимет шапку, перекрестится и этим воздаст подобающее святыне храма. О, времена! о, нравы!..

66 - В продолжение этого времени ко мне поминутно подбегали греки-монахи с вопросом: отчего я без камилавки? Я им отвечал, что она у меня в квартире и не надета по случаю ливня, из боязни, чтобы дорогой не размокла; но они не удовлетворились этим, и дело дошло до того, что меня из-за этого ничтожного случая едва не лишили участия в свящ. процессии. Вот до чего необычно здесь видеть в церкви духовное лицо с непокрытой головой. Оно служит им притчею во языцах!!

67 - В Иерусалиме, на всенощной, вайи не заготовляют, как у нас, для освящения и раздачи молящимся. Желающий предстоять во храме с пальмою финиковою, запасается таковою на свои деньги заблаговременно и идет с нею к богослужению; арабы в пятницу и субботу цветоносные приносят пальмовые ветви из окрестных мест и становятся с ними для продажи на площадке перед храмом Гроба Господня, и продают их от 10 коп. до 2 руб. за штуку, смотря по величине и красоте отделки.

68 - Об этой масличине греческие монахи проповедуют между поклонниками такую непростительную нелепость: кто будет иметь ветку, к тому не посмеют подступить демоны, и душа того в будущем веке будет иметь свободный ход чрез мытарства прямо в рай. А кому это не желательно? И вот простушки, доверяя льстивым словам, нарасхват закупают таинственные ветки дорогою ценою, жертвуя последними

лептами. Одна поклонница со слезами жаловалась мне, что с ней вытянули припасенные на обратный путь на родину двадцать пять рублей: не с чем и домой!

⁶⁹ - Чтение Евангелия продолжалось, в воздухе висел людской гул, молва усиливалась, народ волновался и громко излагал свое суждение то об обряде, то о лицах, участвующих в нем. И между прочим мне пришлось выслушать следующее курьезное суждение двух русских баб и мужика. Когда патриарх от жары и утомления утирал лицо, одна из них говорит: глянь-ко, родимая, как патрах (патриарх)-то рыдает, да платочком слезки подбирает! А другая продолжала: да виши, как ему, сердешному-то, и не плакать! Разе от эвтих, (указывая на сослужащих), и не достается ему? В то время, когда патриарх подходил к нареченным апостолам и порознь с каждым вел беседу, по чиноположению восточному, судили об этом так: видишь, он, сердега (патриарх), все допрашивает их, кто из них хочет продать его жидам, а они-то, окаянные, и не сознаются... не я, мол, не я . . . Когда вышел пред патриарха названный Иуда-иеродиакон, одетый в стихарь и препоясанный орапрем, то они же говорили: сказано Иуда, ему-то и священнической ризы не дали, как прочим. . . мол, не стоишь... А когда патриарх беседовал с ним, то мужик в это время, обращаясь к женщинам, так говорил: смотри, какон (Иуда) побледнел... а теперь сделался, как печеньй рак. . . а, видно, проговорился, что он-то и хочет продать его, так ему-то вот, зараз, и задал жару патрах (патриарх), мол, я тебя в порошок сотру, что это ты задумал, окаянный! Глянь-ко, у него (у иеродиакона) и харя иудинская! В то время, когда патриарх, умывая ноги священнослужащим, подошел к о. арх. Антонину (Петру), бабы вскричали: это наш, Антонинушка, это Петр, вот смотри, как они толкуют по между собой. . . да и Петя-то не сговорчив: не хочет, чтобы ему помыли ножки; вот паренек-то неловкий, отказывается еще... да ведь не простой-то водицей будут мыть, как у себя дома, а ероматами (ароматами) . . . доведись на меня, да я б еще попросила их и на дорогу и домой; ну, слава Богу, сладили дело, опять вскрикнули те же бабы, вот уже Петруша протянул ногу; ну, голубчик, мойся, мойся, ты ведь наш!..

⁷⁰ - Била эти и кандии устроены на хорах среднего яруса иконостаса Воскресенского храма: их составляют деревянные доски, длинные, узкие полосы железа, повешенные на шнурах, медные тарелки, висящие на цепях, колокольчики разных тонов и пр. Для клепания в них приставлен особый клирик – знаток и художник этого дела, который по нотам выбивает на них молоточками разные свящ. пьесы. Клепание в била и кандии чрезвычайно приятно для слуха и духовно настраивает чувства к предстоящему Богослужению. Оно бывает только перед служением в нарочитые великие праздники и большею частию в присутствии самого патриарха и придает им много важности.

⁷¹ - Наши поклонницы только и могли сказать о ней: ай, да и браво же говорил, сердце сильно горело в нас и чуяло, что в проповеди сказывается все больно раже (хорошее), да только ничего-то мы не могли понять: не по-нашему!

⁷² - Местное название.

⁷³ - Православные арабы – эти самые лучшие сыны дикой азиатской природы, с давних времен и доселе имеют обыкновение, за несколько часов до получения благодатного огня, составлять из себя во храме отдельные и многочисленные группы. Каждая группа, в бытность мою, образуя собою хоровод с пением по-арабски: «Боля дин, илля дин эл-месия», т. е. «несть веры, едина вера православных христиан», – вприпляску бегалавокруг кувуклии и по всему храму, и бывали прежде случаи, что некоторые доходили до такого экстаза, что врывались в алтарь и здесь плясаливокруг престола. Для предупреждения чего, теперь врата оного всегда охраняются дюжими воинами. Так своеобразно и блазнительно для непривычного и постороннего глаза выражается арабами духовная радость, по случаю приближения знаменательного момента залучения благодати! Блазнились и мы, русские! Но будем пока снисходительны к этим «лучшим детям Востока», унаследовавшим этот религиозный акт от своих предков и избалованными поблажками турок, из-за любимого бакшиша. Мы знаем из древних источников, что здесь же на востоке, в Ветхозаветной церкви, в праздник Кущей, когда в течение всех дней празднества горели ночью лампады в гигантских

подсвечниках и разливали свет на весь город, то вокруг их народ и даже государства. чины, священные лица и фарисеи, в радостном восторге совершили свящ. танцы под звук медных инструментов, а левиты, построившись в ряды, пели песни. Сам Богоотец, пророк Давид, когда переносил в первую, созданную им на Сионе, Скинию Ковчег Завета, в порыве свящ. восторга скакал вокруг него и пред ним, играя. Не так давно на столбцах русских газет сообщалось, что в некоторых католических паствах совершаются при известных религиозных процессиях свящ. танцы, при участии патеров.

74 - Это явление духовного лица с поклоном к православному патриарху от имени армянского народа, исключительно в нынешний день и час, меня сильно заинтересовало, и я при первом удобном случае не преминул навести справки, и оказалось следующее. В царствование Мурата Правдивого, в то время, когда греки сильно отягчены были турецким игом, богатые армяне просили Иерусалимского пашу, чтобы в Великую Субботу он позволил им одним быть во храме Воскресения, а греков на этот раз совсем выгнать из него вон на площадь, уверяя его и всех неверных, что свет небесный в этот день сходит на Гроб Господень не ради православных, а ради их, григориан, что они и хотят доказать, если их самих оставят у Гроба. Но турок не убедишь красными словами, а деньгами почти всегда. Получив изрядную сумму денег, турецкое начальство издало фирман, повелевающий в имеющую наступить у греков Великую Субботу быть в храме Воскресения только одним армянам и им одним получать на Гробе свящ. огонь. Армяне на радостях оповестили об этом всех своих единоверцев, приглашая их прибыть к этому дню на поклонение в Иерусалим ко Гробу, так как теперь их, армян, воля на этом месте. Армян собралось великое множество. Наступил, наконец, и день В. Субботы. Григориане все собрались в храм, а православных греков турецкие солдаты силою изгнали вон и заключили за ними св. врата. Изгнанники стали с незаженными свечами возле храма, на площади, и вместе с патриархом слезно и с сокрушенным сердцем молились ко Господу Человеколюбцу, чтобы Он, имиже весть

судьбами, утешил Своих рабов, хотя и много прегрешивших, и прославил пред всеми истинную православную веру. И прилежное моление их было не вотще. Между тем приблизился час, в который обыкновенно исходит благодать от Гроба.

Армяне молятся, но не слышится их глас на небесах; уже более получаса прошло, а свящ. огня нет. Армяне усиливают мольбу, плачут, бьют себя в грудь, как некогда поклонники Вааловы, но нет послушающего их! День был ясный, солнечный. Вдруг при безоблачном небе грянул гром и ударил в мраморную среднюю колонну с левой стороны св. врат, она треснула в длину, и из трещины начал исходить ярким пламенем свет. Патриарх, видя это, со страхом и радостию подошел к колонне и, оградив себя крестным знамением, зажег свою свечу, а от него – и все православные. Греки заликовали, а арабы, единоверные с ними, от избытка духовной радости начали прыгать, скакать и кричать: одна истинная вера, вера православных христиан! Они и теперь это творят каждогодно в В. Субботу, что и бывает по получении благодатного огня в память сказанного события.

Воины турецкие, стоявшие на страже у церковных врат, видевши такое чудо, ужаснулись, а один из них уверовал во Христа и громогласно начал проповедовать: Един есть истинный Бог – Иисус Христос, и вера православных христиан одна только истинная и в подтверждение своих слов прыгнул с пятисаженной высоты на мраморные плиты, как на пуховик, к христианам-грекам и стал с ними славить Бога, потом вонзил в каменную глыбу, как бы в мягкий воск, три бывших у него в руках гвоздя, сказав при этом: так да вонзятся они в очи неверующих в св. свет! За это мусульмане отсекли ему голову, а тело его сожгли, кости же его греки собрали и положили в раку, которые и до сих пор находятся в Иерусалимском женском монастыре Великой Панагии. Имя этого страдальца – Эмир, как гласит предание. За сим греческий патриарх с своими пасомыми свободно вошел в открытый турками врата храма, и с торжественным пением: «Кто Бог велий, яко Бог наш, Ты еси Бог творяй чудеса» приступил к совершению литургии. Что же стало с армянами? Армяне у Гроба Господня ничего не получили, остались с одним стыдом. Паша иерусалимский в

справедливом негодовании за лжехваление тяжко их наказал, и кроме того, издал такой фирманс: за ложь, самомнение и немиролюбие армян и для всегдашнего памятования дня православной В. Субботы, в который они посрамлены, а православные греки возведены (ниспосланием им небесного огня), армянский патриарх, или уполномоченный от него да ходит каждогодно по сей день с поклоном к греческому патриарху, и от лица армянского народа да просит со смиренением прощения перед получением огня, и от него же, патриарха, да принимает оный, стоя вне кувуклии у окна. Помянутая колонна и теперь находится на том же самом месте с опаленною трещиной; я к ней лично прикладывался.

75 - Этот чудесный огонь служил и доднесь служит камнем преткновения и нескончаемого говора на разные вариации и помазанным и непомазанным елеем просвещения у нас на Руси. Одни вовсе не верят в чудесное явление его на Гробе, смотрят на этот феномен, как на проделку или подлог со стороны лукавых греков и в видах религиозных, и в видах материальных; а другие, безусловно веря в чудесность огня, любопытствуют знать: как и откуда оный приходить? Иные же из богомольцев, стоя в церкви, в час ожидания появления благодатного огня, мечтают видеть его чувственно нисходящим на Гроб Господень, явно для всех, через находящееся в куполе кувуклии отверстие; а есть и такие, которые прямо утверждают, что видели его сходящим своими же глазами. Первым посоветуем не мудрствовать лукаво о том, яже око их не виде. Вторым скажем, что этот свящ. огонь не с неба приходить в кувуклию, а, как гласит местное предание, от самого Живоносного Гроба, освященного возлежавшею в нем плотию Христовою, который огонь исходит от него, как знамение истины сего всемирного события; а как, в каком виде появляется или видим бывает на Гробе этот огонь, очевидно, это может рассказать только тот, кто входил к самому Гробу для принятая его. И вот один из архиепископов прошлого столетия, по имени Мисаил, бывший очевидцем явления его, так говорит вопросавшим его: Вшедшу мне ко св. Гробу, видим бе на всей крытке гробной блистающий свет подобно рассыпанному

мелкому бисеру, в виде белого, голубого, алого и других цветов, который потом совокуплялся, краснел и претворялся в вещество огня, но огонь сей в течении времени, как только можно прочесть не спеша четырехдесять крат (40 раз) Господи, помилуй, не жжет и не опаляет, и от сего-то огня уготованное кандило и свечи возжигаются. Третьим и четвертым скажем, что снития благодатного огня никто из стоящих в Святогробском храме не может видеть по той простой причине, которую я сейчас объяснил, т. е. потому, что оный появляется не с неба, а от самого Гроба, куда не может проникнуть ничей посторонний глаз; а если иные из бывших на этот раз в Иерусалиме и утверждают, что они видели над кувуклией небесный свет, то это или мираж слишком настроенного их воображения, или они и действительно видели, как из двух боковых окошек придела Ангела выходил или блистал свет, но то был свет от зажженных уже самим патриархом от чудесного Гробового огня пучков обыкновенных восковых свеч и елейного кандила, передаваемых им по возжжении их, в сказанные окна, армянскому епископу и арабскому священнику, первому – в южное, а последнему – в северное. Но многие еще возражают: отчего же католики, цивилизованные прочих, отрицают явление благодатного огня на Гробе Господнем? Отвечаем: по вековой злобе и ненависти к схизматикам (православным) и в видах подорвать авторитет православия клеветою: якобы называющие себя православными все глупы ж на лжи хотят утвердить основы своей схизмы. Католики этим мнят отвлечь слабых и колеблющихся от Православия. Они и другим не доверяют (и клевещут на них) и сами испытать действительность явления свящ. огня опасаются, чтобы не быть в свою очередь посрамленными подобно армянам, и тем не подорвать возрастающего кредита и обаяния папизма.

⁷⁶ - У греков, как мне передавали, Евангелие на пасхальной обедне читается одним диаконом и без звону во все колокола; на вечерне же читается 8 служащими и на 8-ми языках, со звоном пред каждым стихом, и это потому, что Евангелие от Иоанна, читаемое на обедне, не повествует о воскресении Иисуса Христа, тогда как это событие требовало немедленного

и громогласного благовестия о нем во всех концах; вечернее же Евангелие благовествует о воскресшем Господе, почему оно у нас, говорят греки, и читается на вечерне на разных языках и со звоном во все тяжкие.

⁷⁷ - Южика – родственница. (Прим. ред.)

⁷⁸ - Укral.

⁷⁹ - В приемной его меня встретил помянутый арх. Иоасаф, сидя на турецком диванчике с поджатыми ногами. На вопрос, что мне нужно, – я ответил, что хочу служить завтра в Вертепе. А в чем ты будешь служить? Голова у тебя не покрыта; нет тебе служения без покрытия. Я сказал, что у меня есть камилавка, но в Иерусалиме. А покажи, чем ты в дороге накрывал себе голову. Я показал. Надень на голову. Я надел. Молодец! Служи в шляпе, хорош Московь. – У нас не принято служить в шляпах, продолжал я, это произведет в наших богомольцах соблазн и смех. А ну, дай я надену; что хорош я? Нет, ты служи в н е й... а не хошь, так нет тебе службы... Это мне второй камень преткновения на Востоке, без камилавки.

⁸⁰ - Вот поучительный пример для каждого писателя-паломника, как он должен быть осторожен, разборчив и пытлив, чтобы при описании виденного им не впасть в ошибку.

⁸¹ - Музыкальные (устар. – прим. ред.)

⁸² - Считаю нужным оговориться, что в этой второй части моих записок я по возможности избегал повторения того, о чем достаточно было говорено в моем первом путешествии, напр., подробного описания Святогробского храма, Гефсимании, Елеонской горы, Вифлеема и пр.